

экономические и социальные перемены

№ 4 (188)

июль — август 2025

СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

СОЦИОЛОГИЯ
МОЛОДЕЖИ

СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА

МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор АЦ ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
руководитель научно-методического департамента АЦ ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, главный научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «АЦ ВЦИОМ», 2025. — № 4 (188). — 342 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

О. А. Парфенова, И. С. Петухова

Что значит стареть и быть старым/пожилым?

Самоидентификация россиян после 60 лет 3

И. Е. Калабихина, З. Г. Казбекова, В. С. Мошкин,

М. И. Кашин, М. М. Таипов

Кто и почему отказывается от табакокурения в России

(на основе данных социальных медиа и применения нейросетей) 28

А. В. Швецова, И. Г. Полякова

Суррогатное материнство в России: пересечения общественного мнения

и экспертных оценок 53

О. G. Isupova

Babysitting Practices and Attitudes in Kazakhstan 78

МЕДИАСОЦИОЛОГИЯ

А. Д. Казун

Избегание новостей или новостной минимализм: объясняющие факторы

и соотношение понятий 97

Е. А. Новгородов

Видеоигры в российских федеральных СМИ: трансформация дискурса 120

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Д. С. Попов, Н. С. Воронина

Кризисная изменчивость человеческого капитала и достижения школьников

в России: свидетельства международных исследований образования 138

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: июль — август 2025 163

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА, ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРОФЕССИИ

С. Г. Пашков, А. Ю. Чепуренко, А. И. Егорова

Влияние личных факторов на изменение стратегических намерений

малых предпринимателей в условиях экзогенных шоков:

анализ лонгитюдных данных 175

П. С. Сорокин, И. А. Афанасьева

Человеческая агентность как фактор успеха корпораций 202

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

В. А. Шелгинская

Городские социокультурные мероприятия глазами молодежи мегаполиса:
сравнительный анализ поколения Y и поколения Z..... 225

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Д. Г. Подвойский

Методологический индивидуализм versus социальный реализм:
возможен ли теоретический синтез? 247

Н. С. Михайлова

Как измерить инвестиции в благополучие будущего: методы сбора данных
о детских бюджетах времени 264

Т. Д. Егорова

Представления о мигрантах сквозь призму теории когнитивного диссонанса:
результаты квазиэксперимента 288

В. В. Константинов, Р. В. Осин

Модели социокультурной адаптации мигрантов: история и типология 315

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2945](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2945)

О. А. Парфенова, И. С. Петухова

ЧТО ЗНАЧИТ СТАРЕТЬ И БЫТЬ СТАРЫМ/ПОЖИЛЫМ? САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЯН ПОСЛЕ 60 ЛЕТ

Правильная ссылка на статью:

Парфенова О. А., Петухова И. С. Что значит стареть и быть старым/пожилым? Самоидентификация россиян после 60 лет // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 3—27. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2945>.

For citation:

Parfenova O. A., Petukhova I. S. (2025) What Does It Mean to Age and Be Old/Elderly? Self-Identification of Russians After 60. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 3—27. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2945>. (In Russ.)

Получено: 17.03.2025. Принято к публикации: 15.07.2025.

ЧТО ЗНАЧИТ СТАРЕТЬ И БЫТЬ СТАРЫМ/ПОЖИЛЫМ? САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЯН ПОСЛЕ 60 ЛЕТ

ПАРФЕНОВА Оксана Анатольевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: oparfenova2023@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6187-7947>

ПЕТУХОВА Ирина Сергеевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; доцент, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
E-MAIL: irini-ptz@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5218-6658>

Аннотация. Статья посвящена субъективному восприятию старения и возрастной идентичности в старшем возрасте. Основные вопросы исследования: как информанты 60+ определяют для себя, что значит быть пожилым и стареть? С чем для них сопряжено старение и как оно влияет на их идентичность и социальные роли? Авторы используют перспективу жизненного пути, которая рассматривает биографию как динамичный процесс, формируемый индивидуальными решениями, социокультурным и историческим контекстами. Анализ опирается на социологические теории идентичности. Эмпирическую базу составили полуструктурированные интервью ($N=31$).

Анализ показал, что россияне воспринимают старение как неизбежный биологический процесс, часто ассоциирующийся с утратой здоровья, неоправданным внешним видом и потерей интереса к жизни. Признавая преимущества позднего периода жизни (накопленный опыт, свободное вре-

WHAT DOES IT MEAN TO AGE AND BE OLD/ELDERLY? SELF-IDENTIFICATION OF RUSSIANS AFTER 60

Oksana A. PARFENOVA¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher*
E-MAIL: oparfenova2023@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6187-7947>

Irina S. PETUKHOVA^{1,2} — *Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher; Associated Professor*
E-MAIL: irini-ptz@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5218-6658>

¹ Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

² Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Abstract. The article regards subjective perception of aging and age identity in older ages. The main research questions are: how do people define for themselves what it means to be elderly and to age? What does aging entail for them and how does it affect their identity and social roles? The authors use a life course perspective, which considers biography as a dynamic process shaped by individual decisions, sociocultural and historical contexts. The analysis is based on sociological theories of identity. The empirical base was formed by semi-structured interviews ($N=31$).

The analysis showed that Russians perceive aging as an inevitable biological process, often associated with loss of health, unkempt appearance and loss of interest in life. While recognizing the advantages of later life (accumulated experience, free time, relaxation, etc.), informants nevertheless try to distance themselves from their own definitions of old age and avoid identifying themselves as “elderly”. Instead, they emphasize the desire for an active

мя, расслабленность и т.п.), информанты тем не менее стараются дистанцироваться от собственных определений старости и избегают идентификации себя как «пожилых». Вместо этого они подчеркивают стремление к активному образу жизни и автономии, адаптацию к изменению внутрисемейных ролей. Старение в нарративах процессуально и подвижно — на него можно влиять через доступ к технологиям, медицине, занятости и активное потребление, что позволяет «отложить» его проявления как в биологическом, так и в социальном смысле.

Центральным становится понятие «субъективного возраста»: люди часто чувствуют себя моложе своего хронологического возраста и «отодвигают» старение через достижения и социальную активность. При этом работающие информанты воспринимают старение как постепенный процесс и считают занятость важным условием для поддержания жизненного тонуса и перспектив. Неработающие склонны видеть старение более негативно, ассоциируя его с немощностью, зависимостью и потерей интереса к жизни, а выход на пенсию с границей между «нестаростью» и старостью.

Исследование позволяет вписать старение современных россиян в более широкий контекст постмодернистских обществ. Мы можем наблюдать сдвиг парадигмы восприятия пожилого от немощного к активному и потребляющему, позволяющему себе стиль жизни, свойственный более молодому поколению.

Ключевые слова: старший возраст, старение, жизненный путь, самоидентификация в старшем возрасте, культурная геронтология, социология возраста, отложенное старение

lifestyle and autonomy, adaptation to changing intra-family roles. Aging in the narratives is processual and fluid; it can be influenced through access to technology, medicine, employment and active consumption, which allows you to «postpone» its manifestations in both the biological and social sense.

The concept of subjective age becomes central: people often feel younger than their chronological age and «push back» aging through achievements and social activity. At the same time, those who work perceive aging as a gradual process and consider employment an important condition for maintaining vitality and prospects. The unemployed tend to see aging more negatively, associating it with infirmity, dependence and loss of interest in life, and retirement with the border between «non-aging» and old age.

The study allows us to fit the aging of modern Russians into the broader context of postmodern societies. We can observe a paradigm shift in the perception of the elderly from frail to active and consuming, allowing themselves a lifestyle typical of the younger generation.

Keywords: older age, ageing, life course, self-identification in older age, cultural gerontology, sociology of aging, delayed aging

Введение

Возрастные границы становятся все более размытыми и подвижными. Хотя ВОЗ по-прежнему считает пожилыми людей, начиная с 60 лет, сама же организация настаивает на гетерогенности этой группы, отмечая, что люди в 80 лет могут существенно различаться по своим способностям и потребностям и нет единого «среднего» портрета пожилого¹. По всем прогнозам, доля пожилых граждан в общей численности населения мира будет неуклонно расти. Несмотря на динамичность современного общества [Бауман, 2008], пожилые люди зачастую отождествляются с пенсионерами и оказываются на периферии социальной жизни [Левинсон, 2011; Григорьева, 2022]. Отношение к старости на общественном уровне амбивалентно. На индивидуальном уровне большинство людей декларируют уважительное отношение к пожилым — своим родственникам, знакомым, соседям («старших надо уважать»), пожилой человек воспринимается как источник мудрости и опыта. Однако в общественном дискурсе старость часто ассоциируется с болезнями, беспомощностью и одиночеством, а пожилые воспринимаются как носители этих проблем²³. Общественные представления о старости и пожилом возрасте влияют на восприятие пожилыми людьми себя и своего возраста, формируя их самоидентификацию в социальном контексте, а проблема нормативности старости и старения сегодня актуальна как никогда [Богданова, Зеликова, 2020], хотя и имеет выраженные региональные различия.

В современных исследованиях старения в США и Великобритании привычные классовые, гендерные, расовые и этнические различия активно дополняются категориями потребления, идентичности и образа жизни в позднем возрасте и в целом интерсекциональным подходом, формируя более современную аналитическую рамку [Gilleard, Higgs, 2020]. Такой подход — следствие культурного поворота в социальных науках [Nash, 2001], он вносит вклад в развитие культурной геронтологии, пришедшей на смену критической [Twigg, Martin, 2015]. Старение в России, как и в развитых странах, не просто социально и культурно обусловленный процесс, оно активно конструируется самими индивидами [Григорьева, Парфенова, Галкин, 2023]. Старение переживается как на индивидуальном уровне, так и во взаимодействии с представителями своей и других социально-возрастных групп. Однако сегодняшний индивидуальный опыт многообразен даже в пределах одной социально-возрастной группы [Eckert, 2017]. Для современного общества в целом характерен сдвиг от коллективных форм существования к индивидуальным, что подчеркивает процессуальный характер личной биографии и адаптацию индивида к неопределенности и множественности контекстов [Rosenthal, 2006].

Тем не менее попытки нащупать границы и определить критерии старости и старения предпринимаются представителями разных наук, в том числе социальных. Социологические опросы демонстрируют, что, по мнению респондентов, сред-

¹ Ageing and Health. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения: 19.08.2025).

² Смолькин А. Общество и возрастные стереотипы // Постнаука. URL: <https://www.yandex.ru/video/preview/14802422374140905569> (дата обращения: 19.08.2025).

³ Счастье «третьего возраста»: вызовы и новые смыслы жизни старших россиян // ВЦИОМ. 2023. 15 августа. URL: <https://wciom.ru/expertise/schaste-tretego-vozrasta-vyzovy-i-novye-smysly-zhizni-starshikh-rossijan> (дата обращения: 19.08.2025).

ний возраст наступления старости составляет 70,7 лет, при этом наблюдается тенденция к его увеличению [Антонов и др., 2023]. При этом чем старше респонденты, тем выше для них возраст начала «старости» [Левинсон, 2011]. Финские исследователи на основе лонгитюдного исследования, в котором интервьюировались непосредственно пожилые с повтором через несколько лет, вывели «формулу старости»: 85-летний возраст, утрата функциональности и мобильности (использование специальных приспособлений), ухудшение памяти [Heikkinen, 2000]. Старость фрагментируется — третий возраст в современных обществах предполагает отрицание старости, а для четвертого возраста (80+) существует яркая метафора «черной дыры», он сопряжен с институциональной заботой и утратой агентности [Gilleard, Higgs, 2010]. Критика «активного» и «успешного» старения состоит в том, что вся активность и успешность уготованы и в какой-то мере предписаны людям третьего возраста, игнорируя потребности и возможности тех, кто находится в четвертом возрасте. К последним вполне применимы метафора социальной смерти и проблема утраты достоинства [Lloyd et al., 2014].

Мы в своем исследовании используем не только понятия «старость», «старение», «старый человек», но и более широко употребляемые в российском контексте «пожилой возраст» и «пожилой человек» как раз ввиду их большей распространенности и кажущейся нейтральности. Нейтральны ли они в глазах тех, кого принято называть пожилыми? В этой статье мы отвечаем на следующие вопросы: что для людей старше 60 означает быть пожилым или старым? С какими характеристиками и событиями для них сопряжено старение? Идентифицируют ли наши информанты себя как пожилых или как-то иначе?

Жизненный путь и меняющаяся идентичность

В основе нашего исследования лежит перспектива жизненного пути (*life course approach*), позволяющая рассматривать личную биографию как динамичный процесс и анализировать множественность и фрагментированность жизненных траекторий в эпоху поздней современности [Blossfeld et al., 2015; Elder, 1975; Kohli, 2007; Ежов, 2005; Тыканова, Хохлова, 2016]. Для постмодерна характерен отказ от универсальных дискурсов и фиксированных норм, что обуславливает признание относительности ценностей, а значит — изменчивость и нестабильность, непредсказуемость индивидуальных жизненных траекторий. В этом контексте жизненный путь человека становится не статичным, а процессуальным, открытым для изменений и переосмыслений. Демографические, экономические и социальные изменения диверсифицируют временные рамки жизни, размывая представления о границах ее этапов и усложняя социальные ожидания относительно того, какие события и роли соответствуют определенным возрастным этапам [Marini, 1984; Henretta, 2003]. Социальные и культурные условия создают широкий спектр альтернативных стратегий и моделей жизни, между которыми индивид вынужден выбирать, находясь в ограниченном, но меняющемся поле [Rosenthal, 2006].

Перспектива жизненного пути обеспечивает теоретическую основу для изучения возрастной идентичности, поскольку сфокусирована на том, как каждое биографическое событие встроено в контекст жизненных траекторий человека [Elder, 1994; Marshall, Muller, 2003]. В постмодернистской парадигме этот подход

особенно актуален, поскольку позволяет анализировать сложность, неоднородность и изменчивость жизненных сценариев, учитывая индивидуальные выборы и жизненные обстоятельства, согласно которым люди строят планы и принимают решения [McMullin, Marshall, 1999; Settersten, 2003; Settersten, 2018]. В свою очередь, те или иные личные выборы формируют дальнейшие жизненные обстоятельства, поэтому наша жизненная траектория является результатом наших решений [Crockett, 2002]. Эти решения принимаются не только вследствие индивидуальных ожиданий, которые человек имеет в определенном возрасте, но и под влиянием общественных, экономических и культурных ожиданий, а также исторического времени и места, в котором они происходят [Giele, Elder, 1998]. Например, на карьерную траекторию женщин и их вовлеченность в рынок труда помимо личного выбора и культурных факторов серьезное влияние оказывают тип государственной социальной политики и, как следствие, тип государства благосостояния [Lyberaki, Tinios, Papadoudis, 2013]. Иными словами, формирование жизненных путей индивидов зависит и от личных решений и выборов, и от внешних объективных условий [Тыканова, Хохлова, 2016].

Возрастная идентичность индивида и приписываемые ей общественные ожидания меняются на протяжении жизненного пути. Мы рассматриваем возрастную идентичность как «субъективное чувство индивида своей собственной ситуации, приобретаемое им в результате своего различного социального опыта» [Goffman, 1963: 105]. Рассматривая идентичность в условиях множественности социальных ролей, Гофман выделяет три вида идентичности: социальную, личную и Я-идентичность [ibid.]. Опираясь на идеи Гофмана, Линда Джордж предложила семантически дифференцировать возрастные категории, дав респондентам возможность не просто отнести себя к той или иной возрастной группе, а сначала описать себя с помощью прилагательных и затем наделить абстрактного представителя каждой возрастной группы подходящими характеристиками, выбирая из противоположных («активный» — «пассивный», «счастливый» — «несчастливый» и т.д.). Это позволило выявить более сложную самоидентификацию в сравнении с однокомпонентным индикатором, при котором человек причислял себя к той или иной группе в зависимости от своего хронологического возраста [George, Mutran, Pennypacker, 1980]. Являясь членом той или иной социальной группы «люди черпают свою идентичность», исходя из принадлежности к социальной группе [Abrams, Hogg, 2006], однако каждый человек на протяжении жизни входит в самые разные социальные группы, следовательно, набор социальных идентичностей, составляющих личность, уникален [Stets, Burke, 2000]. Социологический подход к изучению «Я» (self) и идентичности состоит в признании взаимосвязи между обществом и личностью — «Я» формируется в процессе социального взаимодействия и отражает структуру общества, которое, в свою очередь, создается через взаимодействие индивидов [Stets, Burke, 2003]. Люди стремятся подтвердить свою идентичность через действия, соответствующие их ролям. Важное свойство идентичности — категоризация себя как играющего социальную роль и включение в свою идентичность значений и ожиданий, связанных с этой ролью и ее исполнением [ibid.]. Возраст в этом смысле является значимым параметром при соотношении себя с той или иной социальной ролью. Крисс Гил-

лард анализирует возрастную идентичность (чувствуемый и осознаваемый возраст) как компонент социальной идентичности. Автор разводит принципиально разные, с его точки зрения, компоненты самоидентификации: а) индивидуальный опыт (*me-experience*) — формирование идентичности под влиянием социальных, культурных и других обстоятельств и б) самокатегоризация (*self-categorisation*) — отнесение себя к той или иной социально-возрастной группе [Gilleard, 2022]. В данном случае именно самокатегоризация является определяющей в осознании индивидом своего опыта. При этом возраст представляет собой социально-опосредованную категорию, то есть возрастное самоопределение происходит под влиянием социальных и культурных факторов, общественных ожиданий и взаимодействий [Лаз, 2019; Gilleard, 2022]. Как компонент социальной идентичности возраст имеет три измерения: во-первых, он служит документальной записью вне зависимости от того, что человек может чувствовать или думать о себе; во-вторых, возраст служит «якорным повествованием», встроенным в запоминаемые и ожидаемые даты, события и отношения; наконец, он выступает только одной гранью социальной идентичности человека — наряду с другими, более для него важными и/или осознаваемыми [Gilleard, 2022]. При этом, в отличие от других более стабильных социальных идентичностей (пола, расы, сексуальной ориентации) возрастная субъективность текуча и изменчива, то есть возраст меняет свое значение даже в течение относительно коротких промежутков времени [Hughes, Geraci, De Forrest, 2013; Kotter-Grühn, Kornadt, Stephan, 2015]: происходят физиологические изменения, восприятие возраста зависит от культурных и социальных факторов, меняются сами «цифры возраста» и его восприятие.

Зарубежные и отечественные авторы отмечают доминирование в обществе молодости и молодежной культуры [Fealy, McNamara, Treacy, 2009; Шмерлина, 2016], проявляющейся в стремлении соответствовать стандартам, ценностям и образам, в том числе телесным, сформированным характерной для молодежи культурой потребления. Это непосредственно отражается на восприятии социально-возрастной группы пожилых и их представлениях о самих себе. Негативное отношение к старению и пожилым способствует тому, что человек будет стремиться отказаться от идентификации себя как пожилого/старого [Chonody, Teater, 2016; Елютина, 2023]. Возрастная идентичность двусторонняя: человек может чувствовать, что принадлежит к тому поколению, к которому реально принадлежит, однако он может позиционировать себя вне социально-возрастной группы, чтобы избежать негативного восприятия и отношения со стороны других возрастных групп [Weiss, Lang, 2012; Weiss, 2014]. В западном обществе быть старым по определению значит быть больным, в результате «основной проблемой старшего возраста становится не ухудшение здоровья, сокращение социальных связей и потеря близких людей, а способ осмысления этих перемен» [Рогозин, 2012: 65]. Однако дискурсивные конструкции идентичности в старости, часто связанные с использованием медицинских и социальных услуг, то есть идентичностями болезни и зависимости, на деле не являются ни естественными, ни очевидными [Ainsworth, Hardy, 2007].

Дискурсивные конструкции возрастной идентичности создаются на пересечении с другими идентичностями, такими как пол, раса, профессиональный статус и пр.,

и определенные идентичности выходят на первый план, так что одна идентичность становится для индивида более важной, чем другая [ibid.]. Так, возрастная идентичность может выходить на первый план при «возрастных щелчках» — напомним, в каких обстоятельствах нам и другим необходимо вести себя по возрасту [Лаз, 2019]. Переходы на протяжении жизни из одной социально-возрастной группы в другую порождают новую возрастную идентичность в соответствии с «правилами» и «характеристиками» новой социальной группы [Montepare, 2009]. По мере того как люди проходят свой жизненный путь, они могут переосмысливать свои взгляды на старение в позитивном ключе. Ожидания индивидов о том, что старость сопряжена преимущественно с утратами и болезнями, как правило, не подтверждаются в более позднем возрасте [Kaufman, Elder, 2002].

Субъективное старение — это обобщающее понятие, оно включает в себя самовосприятие старения (как люди переживают процесс своего старения), стереотипы о старости (убеждения о типичных характеристиках пожилых людей), возрастную идентичность (определение себя по возрастной группе), осознание изменений, связанных с возрастом (изменения в опыте, которые повышают осведомленность о старении), субъективный возраст (насколько старым человек себя воспринимает) [Kotter-Grühn et al., 2015]. Возрастная идентичность — это не объект ранее существовавшей реальности, а опыт индивида в этой реальности [Carr, 2016: 174]. Один из примеров изучения возрастной идентичности с помощью феноменологии связан с телесностью. Тело в контексте старения начало интересовать исследователей в 1960-е годы, когда сам процесс старения уже воспринимался не как сугубо биологический процесс, а как социокультурный, и тело стало своего рода «полем битвы», поскольку представления о старости и телесных изменениях формируются во многом благодаря медиа [Gilleard, Higgs, 2014]. Тело является центром выполняемых действий, а также оно подвержено влиянию правил внешнего мира [Bullington, 2006]. Изменения возрастной идентичности в старшем возрасте связаны с ежедневными телесными проблемами, предыдущими операциями, лекарствами и вспомогательными инструментами [Barrett, Gumber, 2020]. Эмпирические исследования старения с акцентом на телесный опыт позволяют понять, как происходит старение в реальной жизни, каковы потребности и проблемы стареющих людей. Российские авторы, исследующие старение с перспективы телесности, акцентируют внимание на важности физической активности, гигиены и интимной жизни для качества жизни в старшем возрасте, критикуя объективацию и медиализацию, присущие доминирующему дискурсу о стареющем теле [Рогозин, 2018]. Интимность, сексуальность и телесность в старшем возрасте попадают в зону дискурсивного контроля: пожилым зачастую отказывается в активности в этих сферах, а старение современных россиян анализируется в категориях «снижения» — утраты активности и прав с последующим воспроизводством самодискриминации и эйджизма [Зеликова, 2018, 2020].

В нашей работе мы попытаемся показать, какое место отводится старению в рамках жизненного пути, с чем оно сопряжено, по мнению наших информантов, находящихся на этом жизненном этапе, и какова их самоидентификация в позднем периоде жизни. Новизна нашего исследования заключается в том, что мы анализируем поздний период жизни из перспективы жизненного пути, выявляя

с помощью информантов ключевые события, характеристики и смыслы, формирующие образы пожилых людей и старения как процесса в современной России.

Материалы и методы

Исследование выполнено с помощью качественной методологии. Основной метод сбора данных — полуструктурированное глубинное интервью с элементами биографического (N = 31). Все интервью были взяты лично. Мы постарались получить развернутые нарративы о старении и старости, о том, как можно предотвратить или отложить старение (и стоит ли это делать), что значит быть пожилым или старым человеком и о том, как ощущают свой возраст наши информанты. Выбор информантов обусловлен наличием доступа в поле. Нас интересовали как работающие, так и неработающие пожилые, имеющие разный уровень образования и географию проживания. Городские жители из Санкт-Петербурга, Казани и Петрозаводска, сельские — из поселков республики Карелия. Информанты выбирались исходя из доступности, готовности к интервью и релевантности их опыта. Гендерное соотношение информантов примерно 1:3, поскольку женщины чаще представлены в старших возрастных группах, а также они охотнее соглашались на интервью. Распределение информантов по полу, занятости, возрасту, образованию и месту проживания представлено в Приложении. Параметр трудовой занятости позволил сравнить между собой две почти равные по количеству информантов группы в зависимости от их (не)участия в рынке труда.

В гайде для интервью блок «Восприятие возраста и отложенного старения» включал в себя вопросы о том, как информанты определяют старость и пожилого человека, преимущества и недостатки позднего периода жизни, оценивают свой возраст и себя как пожилого, связывают старость с социальной активностью, занятостью и здоровьем. Таким образом, разработанные на основе теоретического анализа эмпирические маркеры «пожилой возраст», «граница старости», «самоидентификация» и др. были включены в программу исследования.

Транскрипты интервью анализировались с помощью тематического анализа [Braun, Clarke, 2006]. Для обработки интервью применялась программа QDA Miner (в версии *Light*). На первом этапе был сформирован предварительный перечень кодов, в котором был выделен отдельный раздел «Восприятие возраста и отложенного старения», — впоследствии он уточнялся и дорабатывался на основе пробного кодирования. В итоге в разделе содержалось 12 кодов (например, «Способы отодвинуть старение», «Недостатки позднего периода жизни», «определение старости» и т. д.). На втором этапе кодировался весь массив интервью. На третьем этапе по признаку смысловой близости коды были сгруппированы в тематические блоки: образ пожилого и самоидентификация, занятость и старение, старение как утрата здоровья, старение в эпоху постмодерна, старение и семья/межпоколенные отношения. Использование QDA-Miner Light позволило не только оформить коды, но и отследить разницу в соотношении высказываний по разным тематическим блокам по задаваемым параметрам. В качестве вспомогательного инструмента анализа нами использовалась нейросеть Perplexity. В нее были загружены выделенные с помощью QDA-Miner фрагменты интервью по соответствующему разделу и сформирован промт в соответствии с целями иссле-

дования. Также авторами вручную анализировались полные массивы интервью, что оказалось более точным методом. Применение нейросети позволило сравнить два массива фрагментов (работающих и неработающих) и обнаружить некоторую разницу в коннотациях при описании старения как процесса.

Результаты исследования

Самоидентификация и образ пожилого

Наши информанты не имеют единого представления о том, когда начинается старость. Некоторые связывают начало старости с выходом на пенсию, другие определяют старость через субъективное ощущение и самовосприятие. Как правило, они отмечают, что чувствуют себя моложе своего возраста, часто не задумываются о хронологическом возрасте, но в рефлексиях о нем упоминают «возрастные щелчки» и пережитые события.

Бывает, живешь, живешь, вроде ты этот возраст не чувствуешь, не ощущаешь. Когда вдруг во время разговора бывает такое: опа, а это столько времени уже прошло, как я живу. Потому что 90-й год вспоминают. В это время ты же уже жила. Причем осознанно жила. Потому что я помню эти карточки, я помню страшные 90-е бандитские годы. <...> Вспоминаешь о возрасте, когда ты понимаешь, что ты слишком много знаешь, был очевидцем слишком многих событий. (Женщина, 63 года, работает)

Некоторые определяют возрастные изменения, неуклонное движение по линии жизни через изменения близких, знакомых, известных людей.

Все равно люди меняются. Сейчас смотришь на артистов. Молодой красивый такой был. И вдруг смотришь на него так близко в каком-то фильме, много ему грима не наделали. Когда, вот смотрю на Газманова — постарел. Помнишь, когда он прыгал по сцене с шинелью, — и сейчас. Или Леонид Агутин мне очень нравится, босоногий мальчик с этими кудрями. И сейчас. Что-то все равно происходит с человеком. Не можем мы быть такими, как в 18—20 лет были. Все равно другие. Даже своих учеников я встречаю. Я так смотрю на них: да, повзрослели, повзрослели. (Женщина, 69 лет, не работает)

Информанты отмечают, что с возрастом происходит переосмысление событий и жизни, к кому-то приходит понимание того, что не понимали раньше, появляется новый взгляд на былые трудности, на себя в прошлом.

Понимаете, с возрастом все же меняется. И отношение к жизни меняется. И отношение к общению. И отношение к деньгам, как бы это ни звучало странно, ко всему. И приоритеты пересматриваются. И найти вот эту гармонию, как бы правильно выразиться, между своим возрастом, своим статусом и своим самочувствием — это самое главное. (Женщина, 68 лет, не работает)

Эмоциональное восприятие старения у информантов также не статичное. С течением времени многие учатся принимать изменения, связанные с возрастом и старением. Некоторые информанты отмечают, что с возрастом их эмоциональ-

ные реакции на жизненные события стали более сбалансированными. Многие научились больше ценить текущий момент, что приводит к более позитивному и эмоциональному состоянию.

В интервью прослеживаются как позитивные, так и негативные коннотации старения. Позитивные связаны с удовлетворением от прожитой жизни и накопленного опыта, спокойствием и умиротворением, приходящими с возрастом, с радостью от возможности заниматься любимыми делами и проводить время с близкими. В этом прослеживается и снижение институционального давления, что отмечают также эксперты, работающие со старшим населением [Петухова, 2025].

Больше времени для себя, для того чтобы заняться каким-то хобби своим любимым. Кто-то любит рисовать, кто-то — читать, перечитывать книги, кто-то любит вязать, ходить в музей, путешествовать, если есть на это силы и финансовая возможность. Поэтому с этой точки зрения, конечно, уже находясь на пенсии, люди раскрепощаются. Они предоставлены сами себе. (Женщина, 69 лет, не работает)

Спектр негативных эмоций связан со страхом и тревогой перед ухудшением здоровья и потерей самостоятельности, грустью из-за утраты прежних возможностей и изменения социального статуса. Амбивалентные эмоции — это ностальгия от воспоминаний о прошлом, принятие неизбежности старения и стремление сохранить активность.

В ответ на просьбу описать, кто такой пожилой человек: как он выглядит, во что одет и т. п., — информанты описывают образ пожилого через негативные эпитеты, такие как «немогущий», «старый», «больной». Пожилые, по их мнению, зачастую безразличны к своему внешнему виду, причёске.

На лице же написано, написано на одежде. Если идет бабушка такая в каких-то непонятных... Не хочу сказать тряпках. Но понятно, что она на себя уже совсем не обращает внимания. Это уже старость, древняя, глубокая я бы сказала. А пока еще хочется колготки носить. Косметический кабинет хотелось бы посещать, но не позволяют финансы. А так бы я с удовольствием ходила. (Женщина, 74 года, не работает)

Материальными атрибутами старых или пожилых людей, по мнению информантов, зачастую являются скандинавские палки, тележка для продуктов. Такие люди вызывают желание уступать им место в общественном транспорте. При ответе на прямой вопрос вместо слова «пожилой» применительно к себе информанты предпочитают подобрать синоним, например «зрелая». Определять себя как «пожилого» или тем более «старого» отказываются.

И.: Как вы считаете, вас можно назвать пожилой или какое-то другое определение?

Р.: Упаси боже. Мы даже с Танькой в день пожилых людей. Мне звонят, дети даже уже знают, маму надо поздравить, но не называть пожилыми людьми. Я говорю, что я еще до этого возраста не дожила. Сестра: ты же уже старая, тебе 70 лет скоро будет. Ну и что? Я не ощущаю себя старой. Я не хочу, чтобы пожилая, еще что-то. Нет, я себя не ощущаю. (Женщина, 69 лет, не работает)

Таким образом, сами информанты старшего возраста демонстрируют амбивалентное отношение к старости как этапу жизни, замечая его положительные и отрицательные стороны, но при этом наделяют негативными характеристиками пожилых как социально-возрастную группу, отказываясь причислять себя к ней. Также мы обнаруживаем различие в восприятии старения среди двух разных групп информантов — работающих и ушедших с рынка труда. Этому посвящен следующий параграф.

Трудовая занятость и старение

В ходе анализа интервью мы сравнивали между собой взгляды работающих и неработающих информантов на старение, поскольку, на наш взгляд, участие в рынке труда дифференцирует группы по уровню социальной включенности и активности. Работающие пожилые рассматривают старение как постепенный процесс, сопровождающийся ухудшением здоровья и снижением активности. Они подчеркивают важность сохранения активности и интереса к жизни и часто связывают старение с выходом на пенсию и прекращением трудовой деятельности. В представлениях работающих занятость — это жизненный тонус, его важно сохранять, по крайней мере частично или символически. Если не работать, то важно быть вовлеченным в домашние дела.

Ни в коем случае не расслабляться, а работать дальше. Может быть, с другой степенью нагрузки, но все время иметь какую-то заботу. Если у человека нет заботы, ему нечего делать. Утром встал, пошел, позавтракал. Опять лег. Вот этого делать нельзя. Нужны все время какие-то заботы человеку. Даже если он не работает официально, дома какой-то деятельностью заниматься. Тогда он отодвигает свое время. У него есть в плане какая-то перспектива. Что-то он еще хочет сделать. И мозг начинает реагировать на это. Я думаю, это правильно. (Мужчина, 77 лет, работает)

Выход на пенсию в представлениях информантов выступает своего рода границей между «старостью» и «нестаростью».

Выход на пенсию как граница старости: ну, как бы, пенсия — это уже старость. И когда ты выходишь на нее, на эту пенсию, ты чувствуешь, что ты нужна только детям, вот, а больше... (Женщина, 64 года, не работает)

Таким образом, те, кто не выходят на пенсию и продолжают свою трудовую деятельность, подспудно отказываются причислять себя к тем, кто стал старым.

Неработающие информанты воспринимают старение более негативно, часто ассоциируя его с немощностью и зависимостью. Они также ассоциируют пожилой возраст и начало старения с выходом на пенсию. Информанты отмечают изменения в характере и привычках с возрастом и больше внимания уделяют физическим проявлениям старения. При этом употреблять по отношению к себе слово «пожилой», как было показано выше, не соглашались. Если сравнивать в целом восприятие старения, то у работающих информантов оно позитивнее и связывается с накоплением мудрости и опыта. У неработающих старение больше ассо-

циируется с потерей интереса к жизни и одиночеством. Здесь важно отметить, что группа неработающих информантов в среднем 75 лет и старше — в нее входят в том числе представители четвертого возраста, и в этом смысле трудно определить наверняка, что больше влияет на восприятие старения — наличие занятости, возраст или все вместе (что вероятнее всего).

Старение как утрата здоровья

Ключевым параметром старения для почти всех информантов независимо от их пола, возраста и занятости является здоровье. Именно здоровье и физическая активность играют центральную роль в понимании старения как у работающих, так и у неработающих пожилых людей. Ухудшение здоровья приводит к снижению качества жизни. Само старение ассоциируется с утратой здоровья. При этом работающие пожилые люди больше внимания уделяют профилактике и сохранению активности через продолжение трудовой деятельности, с одной стороны, а с другой — для них достаточное здоровье является необходимым условием для продолжения занятости, то есть наблюдается взаимовлияние занятости и здоровья. Неработающие фокусируются на поддержании здоровья и активности в повседневной жизни, а самые старшие информанты рассматривают достаточное здоровье как источник самостоятельности и возможность к самообслуживанию. В отличие от более молодых, информанты старше 75 лет не воспринимают здоровье как комплексный феномен, например, они не склонны выделять отдельно ментальное и физическое здоровье. Тем не менее, рассуждая об утрате интереса к жизни, прежним занятиям, чувстве одиночества и т. п., они фактически рефлексируют о важности ментального состояния.

Многие информанты воспринимают хорошее здоровье как воплощение независимости, притом что страх стать зависимым от посторонней помощи артикулируется как самый важный. Соответственно, в оценках информантов старость медиализирована — сопряжена с зависимостями и болезнями.

Пожилый человек, с моей точки зрения, это в какой-то степени уже немощный человек, который себя не может обслуживать, нуждается в чьей-то помощи физически в первую очередь. (Женщина, 60 лет, работает)

Признавая, что старение — естественный процесс, информанты (особенно женщины) размышляют над тем, как можно улучшить качество жизни в старшем возрасте, «отложить» старение. При этом они отмечают личную ответственность за здоровье и за «качество» старения.

Естественно, мы слабеем, мы уже не можем выполнять какие-то действия, что выполняли раньше. Но качество старения же разное. Одно дело — ты естественным образом старишься, просто активность немножко снижается. И другое дело, когда ты старишься с кучей болячек, которых мог бы избежать, если бы к себе более внимательнее относился. В основном это касается мужчин, они курят, они пьют, неправильно едят. А потом вдруг выясняется: ему всего 50—60 лет, он с огромным животом, с проблемами в сердце, с проблемами еще в чем-то. А кто виноват? (Женщина, 68 лет, не работает)

Все информанты без исключения отмечают, что прилагают усилия по поддержанию здорового образа жизни. Это физическая активность, стремление сбалансированно питаться, медицинские осмотры и прием поддерживающей терапии.

Старение в эпоху постмодерна

Меняющийся контекст и смена поколений наряду со сдвигом парадигмы восприятия старения и пожилых нашли свое отражение в интервью.

Мы спрашивали наших информантов, как они могут интерпретировать, что значит «отложенное старение» и возможно ли старение отложить в принципе. Отложенное старение для них — это сохранение активности, поддержка социальных связей, участие в общественной жизни, забота о здоровье, интеллектуальная деятельность, позитивное мышление, продолжение трудовой деятельности.

Примечательно, что информанты, рассуждая о старении, сами совершают экскурс в прошлое и сравнивают старение «тогда» и сейчас.

Вы знаете, вот мне 69 лет, почти 70, будем так говорить. Седьмой десяток подходит к концу. И я вспоминаю женщин в нашей деревне, где я родилась, в таком возрасте. Это просто бабушки были. И теперь же уже женщины в 60 лет, в 65 лет совершенно по-другому выглядят. Правда? (Женщина, 69 лет, не работает)

Здесь информантка делает акцент на внешнем виде. К нему относится не только одежда, но и косметологический уход за собой, прически, макияж и т. п.

Также в нарративах информантов мы можем видеть апелляции к более легким условиям современной жизни в сравнении с поколением их родителей и большим возможностями для развития.

Конечно, мы живем сейчас гораздо лучше, чем люди в этом возрасте жили 10—20 лет после войны, до войны, в России прежней. Да, конечно, у нас условия шикарные для жизни, нам никто не мешает развиваться и не стареть. Я не хочу стареть. (Женщина, 77 лет, работает)

Это хорошо иллюстрирует сдвиг парадигмы восприятия пожилого от немощного человека к активному и потребляющему, позволяющему себе стиль жизни, свойственный более молодому поколению. Во время интервью информанты показывают себя как разбирающихся в современных подходах к поддержанию здоровья. Многие используют гаджеты (шагомеры, аппараты для измерения давления и т. п.), по мере возможности пользуются в том числе платными медицинскими услугами.

Старение и семья / межпоколенные отношения

Многие информанты отмечают, что с возрастом их роль в семье трансформируется, это связано с появлением внуков и правнуков: «Наверное, пожилая все-таки. Есть уже правнук» (женщина, 78 лет, не работает). Это приносит как радость, так и новые обязанности, изменение характера заботы: «Мы действительно уже с мужем с внучкой стали много гулять. Было много обязанностей, мы возили ее

на всякие кружки, она у нас жила практически. У меня как бы началась другая жизнь. Но она интересная» (женщина, 75 лет, не работает).

Межпоколенные взаимодействия позитивно сказываются на самоощущении в пожилом возрасте.

Ты подтягиваешься, ты не хочешь быть старухой на фоне внуков, дружить с внуками наравне, вместе ходить в кино, вместе смотреть телевизор, вместе готовить еду. Книжки, конечно, разные читаем. И молодое поколение, конечно, уже по времени другое, но в принципе теперь надо мне равняться на молодежь, чтобы не быть старухой. (Женщина, 77 лет, работает)

Информанты отмечают также изменения в отношениях с уже взрослыми собственными детьми — они становятся более равноправными. Многие отмечают, что дети начинают проявлять «обратную заботу» о них. С возрастом информанты берут на себя функцию хранения семейной истории и традиций, передачи жизненного опыта и семейных историй младшим поколениям. Выполнение семейных обязанностей особенно важно для женщин.

Наверное, все-таки, семья. Потому что в семье много обязанностей. И ты все время заботаешься, хлопчешь. <...> И когда вот еще все в семье хорошо, нормально. Но когда плохо что-то в семье у кого-то, это тоже как-то стимулирует. Для меня семья. Для всех нас семья. Кто-то живет для себя, есть же такие женщины. Но я не знаю, счастливее они нас или нет. (Женщина, 64 года, не работает)

Старение влияет и на отношения между супругами: с возрастом усиливается их зависимость друг от друга в повседневной жизни. Изменяется также характер общения, некоторые информанты говорят, что оно становится более глубоким и значимым. Связывается старение и с потерей близких, что также приводит к изменению семейных ролей и необходимости адаптироваться к жизни без супруга/супруги. Несмотря на это, многие информанты подчеркивают важность сохранения определенной степени независимости. Почти все интервьюируемые артикулировали желание как можно дольше сохранять способность самостоятельно принимать решения и заботиться о себе. Многие ищут баланс между принятием помощи от семьи и сохранением личной автономии.

Таким образом, информанты видят тесную связь между процессом старения и изменением ролей в семье. Эти изменения воспринимаются как естественная часть жизненного цикла, хотя и требуют определенной адаптации. Многие стремятся сохранить активную роль в семье, несмотря на возрастные изменения, адаптируясь к новым обстоятельствам и находя новые способы быть полезными и значимыми для своих близких.

Обсуждение результатов

Наше исследование и полученные выводы позволяют вписать процессы старения современных россиян в более широкий контекст постмодернистских обществ. Мы можем наблюдать сдвиг парадигмы восприятия пожилого от немощ-

ного человека к активному и потребляющему, позволяющему себе жить стилями жизни более молодого поколения. При этом на российском материале опубликовано не так много исследований старения, а перспектива жизненного пути применительно к изучению старения редко используется отечественными авторами в эмпирических исследованиях. Исключениями служат работы последних лет. Например, в исследовании нормативных представлений о возрасте у россиян, во-первых, отмечается более низкая нормативность в младших возрастных группах, а во-вторых, сделан вывод, что границы жизненных этапов условны и носят в большей степени направляющий характер, нежели предписывающий, что дает возможность для индивидуального планирования жизненной траектории [Андреенкова, 2025]. Карина Макарова, изучая женские стратегии старения и восприятия возраста в контексте косметологии и физиологических изменений, показывает, что ее информантки не связывают старость с определенным возрастом, а воспринимают ее как гибкий и индивидуальный процесс [Макарова, 2024]. Схожие с нашими вопросы поднимает в своей работе Ольга Максимова, делая вывод, что информанты, которых по возрасту можно назвать пожилыми или старыми, демонстрируют амбивалентное отношение к старению и старости: наделяя собственный этап жизни такими характеристиками, как «мудрость», «возможность самореализации», «опыт», они тем не менее демонстрируют потребность дистанцироваться от определений «старый» и «старение» ввиду их негативных коннотаций [Максимова, 2020].

Выводы нашего исследования согласуются с выводами Анны Андреенковой и Карины Макаровой в части множественности и вариативности сценариев старения, которые позволяет обнаружить перспектива жизненного пути. А в части амбивалентности в отношении к старению и стремлении дистанцирования от определений «старый» мы солидарны с выводами Ольги Максимовой. Однако при этом, помимо вариативности и амбивалентности в восприятии старения, мы выявили отчетливые различия в восприятии старения и роли занятости и здоровья у работающих и неработающих информантов. Возрастной критерий позволяет сделать важный вывод о процессуальности не только самого процесса старения, но и восприятия его и собственной идентичности. С возрастом происходит переоценка и значения старения, и собственной возрастной идентичности («мне 70, но я не ощущаю и не могу назвать себя старым») и они (ре)конструируются каждый раз заново, наполняясь новыми смыслами и значениями.

Если говорить о практической стороне исследования, то концепция жизненного пути имеет важное значение для выработки политики в области старения и шире — поддержания здорового образа жизни. Это обусловлено тем, что старение — непрерывный процесс, начинающийся с момента зачатия и продолжающийся до конца жизни. Многие факторы — питание, образ жизни, условия детства, образование, стрессовые события — влияют на здоровье в старости [Kuh et al., 2014]. Исследования жизненного пути показывают: то, как мы стареем, не предопределено. На процесс старения можно влиять, например, через физическую активность, здоровое питание, отказ от вредных привычек и поддержание социальных связей (см. например, [Berkman, Ertel, Glymour, 2011; Hendricks, 2012; Kuh et al., 2014]). Таким образом, ученые предлагают для политиков важ-

ную идею о непрерывности жизненного пути и того, что старость не является предопределенной данностью, а ее фундамент закладывается в молодости. Поскольку в развитых странах сильно влияние научных подходов на выработку политических мер, мы можем видеть, как теоретические подходы воплощаются в конкретных практических исследованиях и последующих мерах [Парфенова, Петухова, 2025]. На сегодняшний день в западных странах существуют большие междисциплинарные исследовательские проекты, в которых активно используется перспектива жизненного пути для исследования влияния различных факторов и сред на старение и качество жизни в старшем возрасте⁴.

Заключение

Можно выделить два уровня понимания старения. Информанты соглашаются с тем, что это неизбежный биологический процесс. Но при этом термины «старение», «старость», «пожилые» наделяются негативными характеристиками и признаками. Для наших информантов старение ассоциируется в первую очередь с утратой здоровья. Причем для третьего возраста это влечет необходимость отказать от работы, а для четвертого означает утрату способности к самообслуживанию. У работающих и неработающих информантов нарративы о старении также различаются: работающие пожилые воспринимают старение как постепенный процесс, связанный с необходимостью сохранять активность и интерес к жизни, и часто считают занятость важным условием поддержания жизненного тонуса и перспектив. Неработающие пожилые склонны видеть старение более негативно, ассоциируя его с немощностью, зависимостью и потерей интереса к жизни, а выход на пенсию для них становится символической границей между «нестаростью» и старостью. Другой важный признак старости, помимо здоровья, — внешний вид. У пожилых он, по определению наших информантов, как правило, неопрятный/неряшливый, демонстрирующий равнодушие к уходу за собой. Наконец, третий признак старения — утрата интереса к жизни в целом, к прежним занятиям. При этом сами информанты независимо от возраста стараются максимально дистанцироваться от собственных дефиниций «пожилых», «старости». И только в случае, когда это не удается, они с грустью и сожалением могут констатировать наличие у себя этих признаков. На практике в процессе старения все сталкиваются с изменениями внутрисемейных ролей (выросшие дети и внуки, ушедшие из жизни супруги), и здесь на первый план выходит желание адаптироваться к новой роли себя как старшего в семье, получать позитивные эмоции от межпоколенных контактов и как можно дольше сохранять автономность и способность к самообслуживанию.

Старение процессуально, его интерпретации наряду с интерпретациями возраста и старости подвижны: они могут меняться в зависимости от возраста и изменений в разных сферах жизни. Старение вписано в современный контекст — доступ к технологиям, медицине и потребление на уровне людей среднего возраста

⁴ См., например, *Harnessing Opportunities and Addressing Challenges of an Ageing World* // University of Cambridge. URL: <https://www.cph.cam.ac.uk/research/life-course-and-ageing> (дата обращения: 19.08.2025); *The Institute for Life Course & Aging* // University of Toronto. URL: <https://aging.utoronto.ca> (дата обращения: 19.08.2025); *Life Course Approach to Ageing* // HelpAge International. URL: <https://www.helpage.org/what-we-do/society-for-all-ages/society-for-all-ages-campaigns/life-course-approach-to-ageing/> (дата обращения: 19.08.2025).

помогают людям старшего возраста «отложить» старение как в биологическом (сохранить здоровье), так и в социальном смысле.

Полученные выводы способствуют развитию культурной геронтологии и социологии возраста, подчеркивая взаимосвязь между индивидуальной активностью и структурными факторами в формировании восприятия старения и самоидентификации.

Список литературы (References)

1. Антонов А. И., Назарова И. Б., Карпова В. М., Ляликова С. В. Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 131—143. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11>.
Antonov A. I., Nazarova I. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V. (2023) Threshold of Old Age: Objective Signs and Subjective Perception. *Population*. Vol. 26. No. 3. P. 131—143. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11>. (In Russ.)
2. Андрееenkova А. В. Нормативность представлений о возрастных границах основных жизненных этапов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 3—28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2685>.
Andreenkova A. V. (2025) Normative Age Perceptions of Major Life Phases. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3—28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2685>. (In Russ.)
3. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.
Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
4. Богданова Е., Зеликова, Ю. Нормативность старшего возраста: выстраивая систему координат // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2020. № 2. С. 13—21. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-13-21>.
Bogdanova E., Zelikova, J. (2020) Normativity of Old Age: Developing a Coordinate System. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 12. No. 2. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-13-21>. (In Russ.)
5. Григорьева И. А. (2022) Изменение подходов к старению и всплеск эйджизма во время пандемии COVID-19 и после // *Клиническая геронтология*. 2022. № 7—8. С. 80—84. <https://doi.org/10.26347/1607-2499202207-08080-084>.
Grigorieva I. A. (2022) Changing Approaches to Aging and the Surge of Ageism During the COVID-19 Pandemic and After. *Clinical Gerontology*. No. 7—8. P. 80—84. <https://doi.org/10.26347/1607-2499202207-08080-084>. (In Russ.)
6. Григорьева И. А., Парфенова О. А., Галкин К. А. Конференция «Продленная взрослость / отложенное старение во времена постковида и неопределенности» // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2023. Т. 26. № 1. С. 256—260. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10>.
Grigoryeva I. A., Parfenova O. A., Galkin K. A. (2023) Conference “Extended Adulthood / Delayed Ageing in a Time of Post-Covid and Uncertainty”. *The Journal*

- of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 26. No. 1. P. 256—260. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10>. (In Russ.)
7. Ежов О. Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3. С. 22—33.
Yezhov O. N. (2005) The Paradigm of the Life Path in Foreign Sociology. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 8. No. 3. P. 22—33. (In Russ.)
 8. Елютина М. Э. Концептуальная метафора старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 2. С. 231—248. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.10>.
Elyutina M. E. (2023) The Conceptual Metaphor of Old Age. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 26. No. 2. P. 231—248. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.10>. (In Russ.)
 9. Зеликова Ю. А. Конструирование старения: секс и интимность в пожилом возрасте // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 125—140. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-125-140>.
Zelikova Yu. A. (2018) Construction of Aging: Sex and Intimacy in Old Age. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 125—140. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-125-140>. (In Russ.)
 10. Зеликова Ю. «Чувствую себя просто бабушкой». Старение, эйджизм и сексизм в современной России // *Laboratorium: Журнал Социальных Исследований*. 2020. Т. 12. № 2. С. 124—145. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-124-145>.
Zelikova J. (2020) “I Can Only Perceive Myself as a Babushka”: Aging, Ageism, and Sexism in Contemporary Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 12. No. 2. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-124-145>. (In Russ.)
 11. Лаз Ш. (2019) Веди себя по возрасту! // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 146—179.
Laz Sh. (2019) Behave According to Your Age! *Sociology of Power*. Vol. 31. No. 1. P. 146—179. (In Russ.)
 12. Левинсон А. Г. Институциональные рамки старости: старость как гендер // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 3. С. 52—81.
Levinson A. G. (2011) Institutional Framework of Old Age: Old Age as Gender. *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*. No. 3. P. 52—81. (In Russ.)
 13. Макарова К. А. Перспектива жизненного пути в исследованиях старения: развитие теоретической концепции и способы работы с эмпирическими данными // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 3. С. 541—552. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-541-552>.
Makarova K. A. (2024) Life Course Perspective in Aging Research: Development of a Theoretical Concept and Methods of Working with Empirical Data. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 22. No. 3. P. 541—552. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-541-552>. (In Russ.)

14. Максимова О. Старость или «третий возраст»? Дискурсы субъективного восприятия индивидами собственных возрастных изменений // *Laboratorium: Журнал Социальных Исследований*. 2020. Т. 12. № 2. С. 22—44. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44>.
Maximova O. (2020) Old Age or “Third Age”? Discourses of Individuals’ Subjective Perceptions of Their Own Age-Related Changes. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 12. No. 2. P. 22—44. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44>. (In Russ.)
15. Парфенова О. А., Петухова И. С. Размывание возрастных границ и нормативности старения: обзор основных теоретических подходов // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. Том 17. № 2. С. 11—34. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.1>.
Parfenova O. A., Petukhova I. S. (2025) Blurring Age Boundaries and Normativity of Aging: A Review of Key Theoretical Approaches. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 2. P. 11—34. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.1>. (In Russ.)
16. Петухова И. С. Экспертные дискурсы о возрасте и социальном статусе пожилых // *Журнал исследований социальной политики*. 2025. Т. 23. № 1. С. 25—42. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2025-23-1-25-42>.
Petukhova I. S. (2025) Expert Discourses on Age and Social Status of the Elderly. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 23. No. 1. P. 25—42. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2025-23-1-25-42>. (In Russ.)
17. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // *Социологический журнал*. 2012. № 4. С. 62—93.
Rogozin D. M. (2012) Liberalization of Aging, or Work, Knowledge and Health in Old Age. *Sociological Journal*. No. 4. P. 62—93. (In Russ.)
18. Рогозин Д. М. Что делать со стареющим телом? // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018. Т. 21. № 2. С. 133—164. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.5>.
Rogozin D. (2018) What Do We Have to Do with an Ageing Body? *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 21. No. 2. P. 133—164. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.5>. (In Russ.)
19. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Основные понятия и подходы в социологическом изучении жизненных путей // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. 2016. Сер. 12. Вып. 3. С. 4—19. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.301>.
Tykanova E. V., Khokhlova A. M. (2016) Key Concepts and Approaches in Sociological Life Course Studies. *Vestnik SPbSU. Series 12. Sociology*. No. 3. P. 4—19. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.301>. (In Russ.)
20. Шмерлина И. А. Молодость forever, или особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте // *Старикам тут место: социальное осмысление старения* / под ред. Д. М. Рогозина и А. А. Ипатовой. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 156—182.

- Shmerlina I. A. (2016) Youth Forever, or Features of Age Self-Identification in Old Age. In: Rogozin D. M., Ipatova A. A. (eds.) *There Is a Place for Old People: Social Understanding of Aging*. Moscow: Institute of Sociology of the RAS. P. 156—182. (In Russ.)
21. Abrams D., Hogg M. A. (2006) *Social Identifications: A Social Psychology of Inter-group Relations and Group Processes*. London: Routledge.
 22. Ainsworth S., Hardy C. (2007) The Construction of the Older Worker: Privilege, Paradox and Policy. *Discourse & Communication*. Vol. 1. No. 3. P. 267—285. <https://doi.org/10.1177/1750481307079205>.
 23. Barrett A. E., Gumber C. (2020) Feeling Old, Body and Soul: The Effect of Aging Body Reminders on Age Identity. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 75. No. 3. P. 625—629. <https://doi.org/10.1093/geronb/gby085>.
 24. Berkman L. F., Ertel K. A., Glymour M. M. (2011) Aging and Social Intervention: Life Course Perspectives. In: Binstock R. H. et al. (eds.) *Handbook of Aging and the Social Sciences*. San Diego: Academic. P. 337—351. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-088388-2.X5000-7>.
 25. Blossfeld H-P., Skopek J., Triventi M., Buchholz S. (eds.) (2015) *Gender, Education and Employment. An International Comparison of School-to-Work Transitions*. Northampton: Edward Elgar Publishing.
 26. Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*. Vol. 3. No. 2. P. 77—101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp0630a>.
 27. Bullington J. (2006) Body and Self: A Phenomenological Study on the Aging Body and Identity. *Med Humanit*. Vol. 32. No. 1. P. 25—31. <https://doi.org/10.1136/jmh.2004.000200>.
 28. Carr D. (2016) The Stories of Our Lives: Aging and Narrative. In: Scarre G. (ed.) *The Palgrave Handbook of the Philosophy of Aging*. London: Palgrave Macmillan. P. 171—185.
 29. Chonody J. M., Teater B. (2016) Why do I Dread Looking Old?: A Test of Social Identity Theory, Terror Management Theory, and the Double Standard of Aging. *Journal of Women & Aging*. Vol. 28. No. 2. P. 112—126. <https://doi.org/10.1080/08952841.2014.950533>.
 30. Crockett L. J. (2002) Agency in the Life Course: Concepts and Processes. In: Di-enstbier R., Crockett L. (eds.) *Agency, Motivation, and the Life Course: Vol. 48 of the Nebraska Symposium on Motivation*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press. P. 1—31. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1355&context=psychfacpub> (дата обращения: 20.08.2025).
 31. Eckert P. (2017) Age as a Sociolinguistic Variable. In: Coulmas F. (ed.) *The Handbook of Sociolinguistics*. P. 151—167. <https://doi.org/10.1002/9781405166256.ch9>. Blackwell.

32. Elder G. (1994) Time, Human Agency and Social Change: Perspective on the Life Course. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 57. No. 1. P. 4—15.
33. Elder G. H. Jr. (1975) Age Differentiation and the Life Course. *Annual Review of Sociology*. No. 1. P. 165—190.
34. Fealy G., McNamara M., Treacy M. P. (2009) Constructing Ageing and Age Identity: A Case Study of Newspaper Discourses. Dublin: National Centre for the Protection of Older People.
35. George L. K., Mutran E. J., Pennypacker M. R. (1980) The Meaning and Measurement of Age Identity. *Experimental Aging Research*. No. 6. P. 283—298.
36. Giele J. Z., Elder G. H. Jr. (eds.) (1998) Methods of life Course Research: Qualitative and Quantitative Approaches. Thousand Oaks, CA: Sage.
37. Gilleard C., Higgs P. (2010) Aging Without Agency: Theorizing the Fourth Age. *Aging & Mental Health*. Vol. 14. No. 2. P. 121—128. <https://doi.org/10.1080/13607860903228762>.
38. Gilleard C., Higgs P. (2014) Ageing, Corporeality and Embodiment. London: Anthem Press.
39. Gilleard C., Higgs P. (2020) Social Divisions and Later Life: Difference, Diversity and Inequality. Bristol: Policy Press.
40. Gilleard C. (2022) Age, Subjectivity and the Concept of Subjective Age: A Critique. *Journal of Aging Studies*. Vol. 60. Art. 101001. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2022.101001>.
41. Goffman E. (1963) Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New York, NY: Prentice-Hall.
42. Heikkinen R. L. (2000) Ageing in an Autobiographical Context. *Ageing & Society*. Vol. 20. No. 4. P. 467—483. <https://doi.org/10.1017/S0144686X99007795>.
43. Hendricks J. (2012) Considering Life Course Concepts. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 67. No. 2. P. 226—231. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr147>.
44. Henretta J. (2003) The Life-Course Perspective on Work and Retirement. In: Settersten R. (ed.) *Invitation to the Life Course: Toward New Understandings of Later Life*. Amityville: Baywood. P. 85—105.
45. Hughes M. L., Geraci L., De Forrest R. L. (2013) Aging 5 Years in 5 Minutes: The Effect of Taking a Memory Test on Older Adults' Subjective Age. *Psychological Science*. Vol. 24. No. 12. P. 2481—2488. <https://doi.org/10.1177/0956797613494853>.
46. Kaufman G., Elder Jr G. H. (2002) Revisiting Age Identity: A Research Note. *Journal of Aging Studies*. Vol. 16. No. 2. P. 169—176. [https://doi.org/10.1016/S0890-4065\(02\)00042-7](https://doi.org/10.1016/S0890-4065(02)00042-7).

47. Kuh D., Cooper R., Hardy R., Richards M., Ben-Shlomo Y. (eds.) (2014) *A Life Course Approach to Healthy Ageing*. Oxford University Press.
48. Kohli M. (2007) The Institutionalization of the Life Course: Looking Back to Looking Ahead. *Research in Human Development*. No. 4. P. 253—271. <https://doi.org/10.1080/15427600701663122>.
49. Kotter-Grühn D., Kornadt A. E., Stephan Y. (2015) Looking Beyond Chronological Age: Current Knowledge and Future Directions in the Study of Subjective Age. *Gerontology*. Vol. 62. No. 1. P. 86—93. <https://doi.org/10.1159/000438671>.
50. Lloyd L., Calnan M., Cameron A., Seymour J., Smith R. (2014) Identity in the Fourth Age: Perseverance, Adaptation and Maintaining Dignity. *Ageing & Society*. Vol. 34. No. 1. P. 1—19. <https://doi.org/10.1017/S0144686X12000761>.
51. Lyberaki A., Tinios P., Papadoudis G. (2013) Retrospective Explanation of Older Women's Lifetime Work Involvement: Individual Paths Around Social Norms. *Advances in Life Course Research*. Vol. 18. No. 1. P. 26—45. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2012.10.002>.
52. Marini M. M. (1984) Age and Sequencing Norms in the Transition to Adulthood. *Social Forces*. Vol. 63. No. 1. P. 229—243.
53. Marshall V. W., Mueller M. M. (2003) Theoretical Roots of the Life-Course Perspective. In: Heinz W. R., Marshall V. W. (eds.) *Social Dynamics of the Life Course*. New York, NY: Aldine de Gruyter. P. 3—32.
54. McMullin J. A., Marshall V. W. (1999) Structure and Agency in the Retirement Process: A Case Study of Montreal Garment Workers. In: Ryff C., Marshall V. W. (eds.) *Self and Society in Aging*. P. 305—338. New York, NY: Springer.
55. Montepare J. M. (2009) Subjective Age: Toward a Guiding Lifespan Framework. *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 33. No. 1. P. 42—46. <https://doi.org/10.1177/0165025408095551>.
56. Nash K. (2001) 'The 'Cultural Turn' in Social Theory: Towards a Theory of Cultural Politics. *Sociology*. Vol. 35. No. 1. P. 77—92. <https://doi.org/10.1017/S0038038501000050>.
57. Rosenthal E. C. (2006) *The Era of Choice: The Ability to Choose and its Transformation of Contemporary Life*. Cambridge, MA: MIT Press.
58. Settersten R. A. (2003) Propositions and Controversies in Life-Course Scholarship. In: Settersten R. A. (ed.) *Invitation to the Life Course. Towards New Understandings of Later Life*. New York, NY: Baywood. P. 15—48.
59. Settersten R. A. (2018) *Invitation to the Life Course*. New York, NY: Routledge.
60. Stets J. E., Burke P. J. (2000) Identity Theory and Social Identity Theory. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 63. No. 3. P. 224—237. <https://doi.org/10.2307/2695870>.

61. Stets J. E., Burke P. J. (2003) A Sociological Approach to Self and Identity. In: Leary M. R., Tangney J. P. (eds.) *Handbook of Self and Identity*. New York, NY: The Guilford Press. P. 128—152.
62. Twigg J., Martin W. (ed.) (2015) *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. London: Routledge.
63. Weiss D. (2014) What Will Remain When We are Gone? Finitude and Generation Identity in the Second Half of Life. *Psychology and Aging*. Vol. 29. No. 3. P. 554—562. <https://doi.org/10.1037/a0036728>.
64. Weiss D., Lang F. R. (2012) “They” are Old but “I” feel Younger: Age-Group Dissociation as a Self-Protective Strategy in Old Age. *Psychology and Aging*. Vol. 27. No. 1. P. 153—163. <https://doi.org/10.1037/a0024887>.

Приложение

Таблица 1. **Список информантов**

№	Пол, возраст	Место проживания (город или поселок)	Статус занятости	Образование
1	ж, 86	город	Не работает	высшее
2	ж, 78	город	Не работает	высшее
3	ж, 69	поселок	Не работает	среднее профессиональное
4	ж, 64	поселок	Не работает	среднее профессиональное
5	ж, 60	поселок	Не работает	среднее профессиональное
6	ж, 71	поселок	Не работает	высшее
7	ж, 64	поселок	Не работает	среднее профессиональное
8	ж, 77	город	Не работает	среднее профессиональное
9	ж, 81	город	Не работает	среднее профессиональное
10	м, 83	город	Не работает	высшее
11	ж, 69	город	Не работает	высшее
12	ж, 67	город	Не работает	высшее
13	ж, 74	город	Не работает	среднее профессиональное
14	ж, 64	город	Не работает	неоконченное высшее
15	м, 83	город	Не работает	высшее
16	м, 89	город	Не работает	высшее
17	ж, 60	поселок	работает	высшее
18	ж, 62	город	работает	высшее
19	м, 62	город	работает	высшее
20	ж, 63	город	работает	высшее
21	м, 77	город	работает	высшее
22	ж, 63	город	работает	высшее

№	Пол, возраст	Место проживания (город или поселок)	Статус занятости	Образование
23	м, 69	город	работает	высшее
24	ж, 65	город	работает	высшее
25	м, 79	город	работает	высшее
26	м, 76	город	работает	высшее
27	ж, 65	город	работает	высшее
28	м, 82	город	работает	высшее
29	ж, 76	город	работает	высшее
30	ж, 77	город	работает	высшее
31	ж, 65	город	работает	высшее

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2996](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2996)

**И. Е. Калабихина, З. Г. Казбекова, В. С. Мошкин,
М. И. Кашин, М. М. Таипов**

КТО И ПОЧЕМУ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ТАБАКОКУРЕНИЯ В РОССИИ (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА И ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ)

Правильная ссылка на статью:

Калабихина И. Е., Казбекова З. Г., Мошкин В. С., Кашин М. И., Таипов М. М. Кто и почему отказывается от табакокурения в России (на основе данных социальных медиа и применения нейросетей) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 28—52. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2996>.

For citation:

Kalabikhina I. E., Kazbekova Z. G., Moshkin V. S., Kashin M. I., Taipov M. M. (2025) Who and Why Quits Smoking in Russia (Based on Social Media Data and the Use of Neural Networks). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 28—52. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2996>. (In Russ.)

Получено: 24.03.2025. Принято к публикации: 10.07.2025.

КТО И ПОЧЕМУ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ТАБАКОКУРЕНИЯ В РОССИИ (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА И ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ)

WHO AND WHY QUILTS SMOKING IN RUSSIA (BASED ON SOCIAL MEDIA DATA AND THE USE OF NEURAL NETWORKS)

КАЛАБИХИНА Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, зав. кафедрой народонаселения экономического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: ikalabikhina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3958-6630>

Irina E. KALABIKHINA¹ — Dr. Sci. (Econ.), Head of the Population Department at the Faculty of Economics
E-MAIL: ikalabikhina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3958-6630>

КАЗБЕКОВА Зарина Германовна — кандидат экономических наук, научный сотрудник кафедры народонаселения экономического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: kazbekova.zarina@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7567-3184>

Zarina G. KAZBEKOVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Researcher at the Population Department, Faculty of Economics
E-MAIL: kazbekova.zarina@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7567-3184>

МОШКИН Вадим Сергеевич — кандидат технических наук, проректор по цифровой трансформации, Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия
E-MAIL: v.moshkin@ulstu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9258-4909>

Vadim S. MOSHKIN² — Cand. Sci. (Tech.), Vice-Rector for Digital Transformation
E-MAIL: v.moshkin@ulstu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9258-4909>

КАШИН Максим Игоревич — младший научный сотрудник Департамента научных исследований, Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия
E-MAIL: m.kashin@ulstu.ru
<https://orcid.org/0009-0007-4547-8306>

Maksim I. KASHIN² — Junior Researcher, Department of Scientific Research
E-MAIL: m.kashin@ulstu.ru
<https://orcid.org/0009-0007-4547-8306>

ТАИПОВ Михаил Маратович — аспирант, инженер кафедры математических методов анализа экономики экономического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: mmtaipov@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0003-5375-3663>

Mikhail M. TAIPOV¹ — Postgraduate Student, Engineer at the Department of Mathematical Methods of the Economics Analysis, Faculty of Economics
E-MAIL: mmtaipov@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0003-5375-3663>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia

Аннотация. Цель работы — выявить специфику мотивации бросать или не бросать курить среди русскоязычных пользователей социальных медиа. Авторы исследуют систему мнений русскоязычных пользователей социальных сетей по вопросам самосохранительного поведения на основе тематического анализа контента социальных медиа с использованием больших языковых моделей (LLM). Сформированный для этих целей датасет включает более 58 тыс. комментариев на русском языке. Источник комментариев — дискуссии под видеороликами по теме курения, вручную отобранными авторами в русскоязычном YouTube-сегменте.

В ходе исследования разработан и апробирован алгоритм классификации доводов пользователей социальных медиа по вопросам мотивации табакокурения и мотивации отказа от табакокурения по заданной авторами типовой структуре; разработаны и апробированы алгоритмы классификации определения пола и возраста автора комментария на русском языке социальной сети; построены распределения причин (не)отказа от табакокурения пользователей социальных медиа, в том числе в разрезе демографических характеристик пользователей — пола и возраста. При анализе полученного массива комментариев авторы показывают, что основными доводами в пользу отказа от курения оказываются здоровье и экономия денег, причем первый встречается вдвое чаще второго; среди доводов к сохранению этой привычки выделяются опасения, связанные с лишним весом. При этом существенных гендерных и возрастных различий в доводах отказа или не отказа от курения выявлено не было.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, табакокурение, генеративный искусственный интеллект, большие языковые модели, цифровая демография, социальные сети

Abstract. The aim of the work is to identify the specifics of motivation to quit or not to quit smoking among Russian-speaking users of social media. The authors study the system of opinions of Russian-speaking users of social networks on issues of self-preservation behavior based on thematic analysis of social media content using large language models (LLM). The dataset formed for these purposes includes more than 58 thousand comments in Russian. The comments were collected under videos on the topic of smoking, manually selected by the authors in the Russian-language YouTube segment.

The study presents and tests an algorithm for classifying arguments of social media users on issues of motivation for smoking and motivation for quitting smoking, develops and validates algorithms for classifying the gender and age of the author of a comment, and construts distributions of reasons for (not) quitting smoking in general and by demographic characteristics of users (gender and age). The analysis of the compiled dataset showed that the main arguments in favor of quitting smoking are health and saving money, with the former occurring twice as often as the latter; among the arguments for maintaining this habit, concerns related to excess weight stand out. At the same time, no significant gender and age differences in the arguments for quitting or not quitting smoking were revealed.

Keywords: self-preservation behavior, smoking, generative artificial intelligence, large language models, digital demography, social networks

Благодарность. Исследование выполнено в рамках НИР «Воспроизводство населения в социально-экономическом развитии» 122041800047-9 и внутреннего гранта экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова на тему: «Демографические детерминанты оценки качества медицинских услуг и отказа от табакокурения: анализ мнений россиян на основе применения нейросетей и генеративного искусственного интеллекта». Авторы выражают благодарность коллегам, участвовавшим в разметке массивов комментариев пользователей социальных медиа: Антону Колотуше и Софии Журавлевой.

Acknowledgments. The study was conducted within the framework of the research project “Population Reproduction in Socio-Economic Development” 122041800047-9 and an internal grant from the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University “Demographic Determinants of Assessing the Quality of Medical Services and Smoking Cessation: Analysis of Russians’ Opinions Based on the Use of Neural Networks and Generative Artificial Intelligence”. The authors thank their colleagues Anton Kolotusha and Sofia Zhuravleva who participated in annotating the arrays of social media user comments.

Введение

Один из ключевых вопросов в демографических исследованиях — состояние здоровья населения, а также влияющие на него факторы и возможности улучшения ситуации в этой области. В настоящей работе мы обращаемся к данным, касающимся вопросов здоровья населения, — это мнения людей о том, почему надо (не) бросать курить. С чем связан такой выбор? Здоровье человека зависит от ряда факторов. Как правило, выделяют триаду детерминант здоровья: качество системы здравоохранения, поведенческий фактор, качество среды жизнедеятельности (материальное благополучие, экологический фон и пр.). Первые два фактора находятся непосредственно в поле зрения политики в области повышения уровня здоровья населения. Последний фактор опосредованно влияет на здоровье, он более комплексный и трудно управляемый. Мы изучаем поведенческий фактор — самосохранительное поведение, которое может быть направлено как на сбережение здоровья, так и на его разрушение.

В рамках данного исследования мы выполняем задачу по разработке и апробации методологии мониторинга двух типов доводов в области самосохранительного поведения: доводы бросить курить и доводы не бросать курить.

Изучение самосохранительного поведения в области вредных привычек актуально в период проведения семейной и демографической политики (2007—2025 гг.), антитабачной политики (особенно активна с 2013 г.) и на фоне отстающего от среднего по миру темпа снижения распространенности курения в России (см. рис. 1). Выявление гендерных особенностей в мотивации бросать или не бросать курить среди русскоязычных пользователей социальных медиа также обладает высокой актуальностью — в связи с разнонаправленной динамикой распространенности курения среди женщин и мужчин в России (см. рис. 2).

Разработанные нами алгоритмы классификации доводов (не) бросать курить позволяют при наличии мониторинга в режиме реального времени получать информацию о том, какой из основных факторов вынуждает россиян бросить курить в большей степени (например, вред для здоровья или дороговизна сигарет)

и насколько в российском обществе распространены те или иные мифы о вреде прекращения курения, причем ответы на эти вопросы будут в разрезе отдельных демографических групп. Такие данные могут использоваться для аргументации мер демографической политики в перспективе: в зависимости от полученных результатов меры политики по борьбе с курением могут быть настроены более эффективно, а значит, быстрее и эффективнее приведут к конечной цели — снижению распространенности курения в стране.

Рис. 1. Распространенность курения в России и мире, в %¹

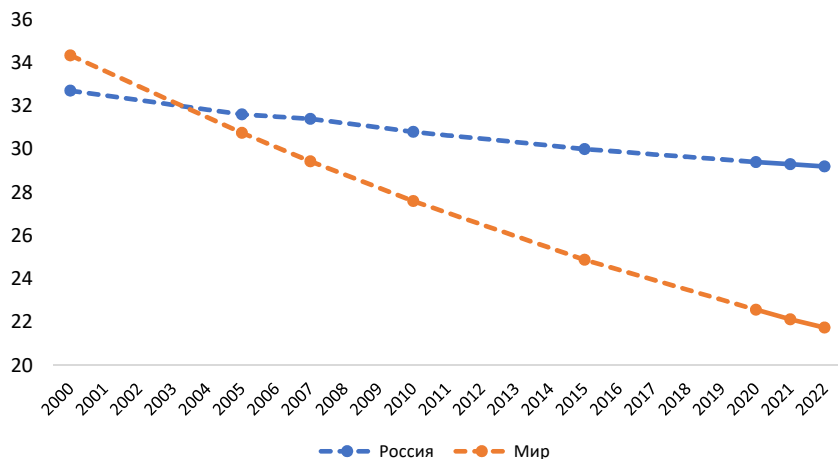
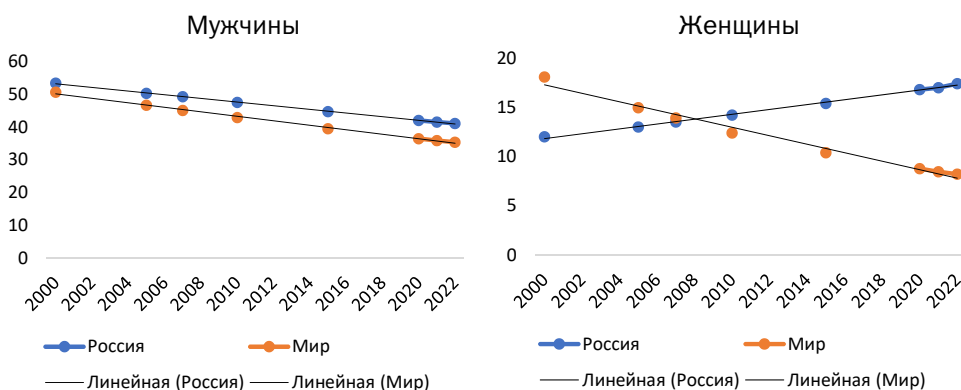

Рис. 2. Распространенность курения среди мужчин и женщин в России и мире, в %²

¹ Источник: построено авторами по данным Всемирного банка.

² Источник: построено авторами по данным Всемирного банка.

Курение табака имеет крайне негативные последствия для общественного здоровья. Только в 2019 г. в мире преждевременно ушли из жизни 7,69 млн курильщиков табака. Более того, курение табака уносит жизни не только самих курильщиков: в том же году в мире скончалось 1,3 млн человек, не куривших табак, но вдыхавших табачный дым [Ritchie, Roser, 2023]. Поэтому правительства стран заинтересованы в сокращении потребления табачных продуктов. Для достижения данной цели необходима продуманная политика, которая невозможна без верного понимания отношения населения к курению табака.

Изучение отношения к курению и доводов (не)отказа от курения с использованием данных социальных сетей и методов машинного обучения

Методы машинного обучения регулярно используются для изучения отношения к курению и поведения курильщиков. На основе анализа записей в соцсетях или опросов общественного мнения методами машинного обучения были определены ключевые факторы, влияющие на вероятность отказа от курения: наличие курящих домочадцев, доступность сигарет, уровень образования, недавнее употребление алкоголя, вступление в новые отношения, переезд и выход на новую работу, наличие запрета на курение [Culotta, 2010; Coughlin et al., 2020; Bickel et al., 2023]. В нашей работе мы исследуем аргументы, приводимые в пользу или против отказа от табакокурения, а курение электронных сигарет (вейпинг) и кальяна рассматриваем только как распространенные способы отказа от курения табака³. Однако представляет интерес анализ работ, в которых методы машинного обучения использовались для выявления отношения людей к вейпингу или курению кальяна. Ш. Висвесваран с коллегами [Visweswaran et al., 2020] отобрали твиты о курении электронных сигарет, при помощи моделей глубокого обучения классифицировали некоммерческие твиты по позитивному или негативному отношению к электронным сигаретам. Результаты работы показали, что 62,39 % некоммерческих публикаций содержали положительное отношение к курению электронных сигарет. К.-Х. Чу с коллегами [Chu et al., 2019] использовали модели машинного обучения для анализа твитов о курении кальяна. Было обнаружено, что большинство твитов содержали положительное отношение к употреблению кальяна.

Поскольку наша цель — классификация аргументов, приводимых в поддержку или против отказа от табакокурения, наибольший интерес для нас представляют статьи, в которых методы машинного обучения используются для нахождения и классификации аргументов, приводимых в различных дискуссиях. Р. Кавулуру и А. Саббир [Kavuluru, Sabbir, 2016] на основе метода логистической регрессии (LR) создали модель, способную решать задачу классификации сторонников вейпинга по их твитам. Однако среди методов машинного обучения, которые могут быть использованы для классификации доводов отказа от курения, особый интерес для нас имеют большие языковые модели (LLM, Large Language Models), поскольку их структура хорошо подходит для анализа аргументов в дискуссиях.

³ Рынок альтернативных способов курения активно развивается в мире. Согласно отчету NielsenIQ, в России в 2022 г. среди продуктов для курения наиболее динамично рос рынок одноразовых электронных сигарет. См. Тренды индустрии: рынок табачных изделий // NielsenIQ. 2022. 25 июля.. URL: <https://nielseniq.com/global/ru/insights/analysis/2022/trendy-industrii-rynok-tabachnyh-izdeliy> (дата обращения: 01.09.2025).

LLM — это нейронные лингвистические сети, имеющие трансформенную архитектуру, обученные на больших корпусах данных и решающие задачи анализа текстовой информации: классификации, генерации, резюмирования и пр. Главное преимущество больших языковых моделей — возможность семантической оценки текста, то есть его «понимание» посредством учета контекста и семантической близости минимальных структурных единиц текста (токенов). М. Гуида с коллегами использовали LLM для анализа аргументов, содержащихся в текстах с дискуссионных платформ. LLM были применены для решения следующих трех задач: установления того, используется ли заданный аргумент в комментарии; извлечения куска текста, содержащего этот аргумент; определения того, приводится ли аргумент в поддержку позиции автора или автор критикует этот аргумент. Получен вывод, что LLM хорошо справляются с первой и третьей задачами, но мало пригодны для извлечения кусков текстов, содержащих аргументы [Guida et al., 2025]. LLM в некоторых работах используются для определения отношения к табачным продуктам [Kim, Kim, 2025], но способность LLM проверять наличие заданных аргументов в тексте указывает на то, что они также могут быть использованы для классификации аргументов в пользу отказа от табакокурения.

Классификация комментариев в социальных сетях об отказе от курения по демографическим характеристикам автора

Отношение к курению может заметно различаться среди разных демографических групп. Женщины чаще всего не способны бросить курить из-за таких факторов, как стресс и страстная тяга к курению, а мужчины — из-за повсеместной доступности сигарет и давления окружения [Dieleman, van Peet, Vos, 2021]. Поэтому, чтобы разработать научно обоснованную доказательную политику, важно иметь информацию о поле (и возрасте) курильщиков. К сожалению, не всегда возможно получить доступ к данным характеристикам автора отзыва или комментария в социальных сетях⁴. По этой причине в отдельных исследованиях ученые использовали методы машинного обучения для того, чтобы на основе текстов на различных языках определить пол или возраст их авторов.

Н. Ченг, Р. Чандрамули и К. П. Суббалакшми для определения пола применяли классификационные модели машинного обучения, использующие в качестве аргументов различные текстовые характеристики [Cheng, Chandramouli, Subbalakshmi, 2011]. Авторы обнаружили значительные стилистические различия между текстами, написанными мужчинами и женщинами, которые позволяют распознать пол их авторов. Х. Химди и К. Шаалан для определения пола авторов арабских текстов построили классификационные модели, основанные на различных методах машинного обучения [Himdi, Shaalan, 2024]. Результаты анализа показали, что наибольшей точностью обладает модель, которая использует метод BERT и учитывает текстовые особенности, свойственные лицам определенного пола. Подобная модель обладает точностью 91 %. В. Юнкин, М. Литвак и И. Рабаев были исследовали литературные тексты на английском языке при помощи различных методов машинного обучения [Younkin, Litvak, Rabaev, 2024]. Авторы обнаружи-

⁴ Большинство баз и соцсетей не содержат подобных данных, а «ВКонтакте» и X содержат их с определенными оговорками.

ли, что при помощи таких методов, как генеративный предобученный трансформер 2 (GPT2), и метода XLNET, соединяющего сильные стороны GPT2 и нейросетевой языковой модели на архитектуре трансформера (BERT), можно добиться точности прогнозов выше 90 %. Классификационные модели машинного обучения также применяются для определения пола авторов текстов на русском языке [Sboev et al., 2016; Sboev et al., 2018; Сбоев и др., 2023].

Методы машинного обучения могут помочь определить не только пол, но и возраст авторов текстов. А. Кляйн, А. Магги, Г. Гонзалес-Хернандес [Klein, Magge, Gonzalez-Hernandez, 2022] на основе метода NLP создали модель, способную определить точный возраст пользователей соцсети X на основе их собственных заявлений. Модель сумела предсказать возраст 54 % пользователей. F1-значений данных предсказаний составляет 0,855. А. Романов с коллегами [Romanov et al., 2020] при помощи моделей, основанных на глубоких нейронных сетях, провели анализ записей на русском языке в социальной сети «ВКонтакте». Наибольшей точностью обладает модель на основе архитектуры FastText, способная правильно определить возраст авторов 82 % постов.

К. О'Коннор и соавторы [O'Connor et al., 2024] на основе анализа статей, исследующих определение либо пола авторов записей в соцсети X, либо их возраста, либо пола и возраста одновременно, сделали следующие выводы. Определение пола — более популярная тема исследования, чем определение возраста; точность классификации пола в работах варьировалась от 51 % до 97 %, а возраста — от 43 % до 86 %.

В данной работе мы классифицируем доводы в пользу и против отказа от традиционного курения табака, представленные в дискуссиях в социальных сетях. При этом мы собираемся определить, какие из этих доводов чаще или реже встречаются среди представителей различных демографических групп. К примеру, отдельные аргументы в пользу отказа от курения могут часто приводиться женщинами, но намного реже — мужчинами. Так, только женщинам свойственно аргументировать отказ от курения боязнью набрать вес [Кузнецова, 2019]. Поскольку в ходе обзора литературы нами обнаружено, что методы машинного обучения могут с высокой точностью классифицировать типы доводов, приводимых в текстах, и определять пол и возраст их авторов, то для решения данных задач мы используем модели LLM и LSTM. Полученные выводы позволяют определить, какие аргументы против курения табака находят больший отклик среди различных демографических групп, что поможет увеличить эффективность антитабачной политики.

Данные

Мы исследуем структуру доводов в пользу или против отказа от табакокурения с применением больших языковых моделей на материалах платформы YouTube — текстов комментариев по теме на русском языке. Имея опыт анализа демографического поведения россиян на основе данных во «ВКонтакте» [Kalabikhina et al., 2023; Калабихина и др., 2023], а также понимая все плюсы данных этой социальной сети для решения поставленной задачи (наличие информации о демографических характеристиках пишущего комментарий), мы начали поиск материалов именно в этой социальной сети. Поиск осуществлялся разными способами:

отбор релевантных групп (сообществ) и сбор комментариев в них, поиск релевантных комментариев (без привязки к группам). Однако ни один из способов не дал результатов: необходимого объема комментариев (от 10 тыс.) во «ВКонтакте» получить не удалось. Предварительный ручной поиск комментариев по теме в мессенджере Telegram, в социальной сети «Одноклассники», на видеохостингах Rutube и (VK Видео) также оказался безрезультатным — доступных релевантных комментариев было недостаточно для решения поставленной задачи. В итоге основным источником данных стал видеохостинг YouTube. При отборе видео на YouTube мы ориентировались на следующие критерии: 1) релевантность названия видео (видео должно быть по теме курения); 2) язык (русский язык); 3) популярность (число просмотров) — в первую очередь важно было найти наиболее популярные видео, так как они содержат наибольшее число комментариев и привлекают большее число людей в обсуждение проблемы. Релевантные видео отбирались непосредственно на самой платформе YouTube через функцию поиска. В качестве поискового запроса использовались следующие ключевые слова: «курение», «электронные», «как я бросил курить». Итоговая база включает 204 видео, это наиболее популярные русскоязычные видео по теме курения по состоянию на май 2024 г. Датасет со скачанными нами комментариями под видео из базы размещен в открытом доступе [Kalabikhina, Kazbekova, Moshkin, 2025]. Он включает 165 тыс. комментариев.

В связи с техническими ограничениями программной библиотеки, обеспечивающей доступ к API применяемых в ходе исследования больших языковых моделей (LLM), основную работу по классификации мы выполнили по сокращенному датасету из 58 тыс. комментариев из сформированного нами датасета. Полученное множество комментариев («малый» датасет) было сформировано путем упорядочения исходного множества по дате в порядке убывания и выбора наиболее близких к текущей дате анализа комментариев. Мы классифицировали доводы и демографические характеристики авторов (пол и возраст авторов) на основе «малого» датасета. Список отобранных видео, полный датасет (с эмоциональным фоном комментариев), «малый» датасет с классифицированными по наличию и типу аргументов комментариями, а также датасет с классифицированными по полу и возрасту комментариями, имеющими аргумент (не)отказа от табакокурения (5,5 тыс. комментариев), представлены в открытом доступе [Kalabikhina, Kazbekova, Moshkin, 2025].

Методология

Мы решаем задачу по разработке и апробации методологии мониторинга двух типов доводов в области самосохранительного поведения. Структура доводов обсуждалась в ранней работе [Калабихина, Казбекова, Зубова, 2024]. Первый тип — доводы бросить курить. В этой части мы определяем, почему, по мнению россиян, следует бросить курить. Второй тип доводов — доводы не бросать курить. В данном случае мы определяем, почему, по мнению россиян, не следует бросать курить. Разработанная нами типовая структура доводов выглядит следующим образом:

1. Доводы бросить курить:

1а) здоровье (пример: «курить — вредно для здоровья»);

1б) деньги (пример: «курить — дорого»);

1в) иное.

2. Доводы не бросать курить (или антидоводы бросить курить):

2а) лишний вес (пример: «если бросить курить, то появится лишний вес»);

2б) иное.

Среди доводов бросить курить в рамках данного проекта мы выделяем две наиболее распространенные, по нашему мнению, категории: связанные с вредом для здоровья и «вредом» для кошелька курильщика. При этом все остальные доводы мы также учитываем, собирая их в отдельную категорию «иное», что позволяет нам оценивать не только взаимное соотношение выбранных двух категорий, но и их вес в общем массиве доводов.

В качестве барьеров на пути к отказу от курения мы выделяем лишний вес. Гипотеза о страхе набрать лишний вес как доводе не бросать курить основана на результатах эконометрического исследования кафедры народонаселения Экономического факультета МГУ М. В. Ломоносова о факторах приверженности табакокурению — влиянии табака на вес человека [Кузнецова, 2019].

В настоящей работе мы не только определяем вес каждого из факторов в общей структуре доводов бросить курить / барьеров, препятствующих отказу от курения, но и выявляем гендерные и возрастные особенности в полученных результатах.

В своем предыдущем исследовании [Калабихина, Казбекова, Зубова, 2024] для решения задачи классификации доводов пользователей социальных медиа по вопросам в области самосохранительного поведения (мотивация курения либо отказа от курения) мы применяли метод обработки естественного языка на основе нейромодели Conversational RuBER T. Здесь же мы реализовали классификацию с использованием возможностей генеративных моделей искусственного интеллекта — больших языковых моделей (LLM). И, что важно, мы классифицируем все типы доводов и наличие доводов в тексте одновременно (ранее мы выполняли последовательную классификацию в наборе экспериментов по каждому типу доводов).

Мы выполняем классификацию комментариев из выборки по шести типам:

1 класс — комментарии, не содержащие довод бросить курить или довод не бросать курить;

2 класс — комментарии, содержащие довод бросить курить по причине нанесения вреда здоровью курильщика;

3 класс — комментарии, содержащие довод бросить курить по причине дороговизны сигарет / экономии денежных средств;

4 класс — комментарии, содержащие довод бросить курить по иной причине (помимо заботы о своем здоровье и экономии денег);

5 класс — комментарии, содержащие довод не бросать курить из-за страха набрать лишний вес;

6 класс — комментарии, содержащие довод не бросать курить по иным причинам (помимо лишнего веса).

Примеры комментариев по каждому из рассматриваемых классов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Примеры комментариев из датасета

Класс	Пример
Класс 1 — Нет довода	«КуриТЬ нужно бросать резко». «То чувство когда смотришь видео и куришь 😂».
Класс 2 — Есть довод (собственное здоровье)	«Курю 3 года недавно начались проблемы с желудком (возможно начальные этапы язвы) Особенно болит живот после скуренной сигареты, решил полностью бросить ради своего же здоровья пожелайте мне удачи чтобы я смог». «Как—то ночью, проснулась — голова болит. Давление померила: 212 на 126. Вся тяга курить пропала».
Класс 3 — Есть довод (деньги)	«Я бросил курить. Я хочу купить машину, поэтому жестко экономлю на многом. Я посчитал что в год на сигареты уходит 27—30 т. р. Может для кого то это не деньги? Но это только затраты на сигареты, а представьте еще сколько на разные вкусняшки, газировки, пиво денег уходит. За год можно на подержанную машину сэкономить». «Тоже думаю бросить курить. Слишком дорого сигареты стоят».
Класс 4 — Есть довод (иное)	«Бросил курить чтобы не подавать плохой пример ребенку! Держусь 10 дней! Примерно 5 лет назад перешел на электронку в попытках бросить, так вот электронку бросить еще сложнее чем сигареты, так как в примерном пересчете на сигареты я курил три пачки в день! Так что первые три дня чуть помер), сейчас легче но еще тяжело, но ничего прорвемся! Всем кто пытается бросить курить, не ищите альтернативу, бросайте сразу что бы не вышло как у меня с пачки на три! Всем удачи». «в середине января узнал что стану отцом, 28го января последний раз затянулся))) курил со школы, более 25 лет, иногда ломает, но терпимо, я на свое чадо этим дерьмом дышать не буду...»
Класс 5 — Есть антидовод (лишний вес)	«Забыл сказать про набор лишнего веса. Это реально. Крение подавляет аппетит. Когда бросаешь начинается жор. Очень трудно с ним бороться». «расскажите как не начать набирать вес бросив курить, потому что я знаю людей, которые поправились на 25 кг. бросив курить, а это тоже опасно для здоровья».
Класс 6 — Есть антидовод (иное)	«куришь умрешь, не куришь умрешь 🤔». «Мой бывший знакомый не когда не курил и не пил крепче кофе. И уже на том свете 😊 А ему было только 51 год 😞 А кто-то курит и бухает с 14 лет и живут до 90 лет И живой всех живых. Так что это все бла-бла». «Я бросал курить и некурил 10 месяцев некакий изменений в состоянии здоровья и внешних улучшениях я не заметил». «Что происходит, когда бросаешь курить? Лично у меня — проблемы с желудком начались (Ибо питаться стал больше). Снова начал курить — проблема ушла». «Бросил курить, заработал аллергию». «курил 45 лет, бросил легко, через год получил инфаркт». «Бросив курить, несколько моих знакомых в возрасте 40+ получили бонусом диабет, все агитаторы за бросание о таких побочных умалчивают(». «а Черчилль прожил 90 лет всю жизнь курил по 30 сигар в день». «Когда бросаешь курить — начинаешь пить». «Что мне делать??? Я боюсь стать занудным и скучным из—за того, что брошу курить, и что не будет креативности и расслабления больше». «Кто не курит и не пьет тот здоровеньким помрет 🙌🥳😄😄😄».

Примечание: комментарии даны в оригинальном виде, с сохранением орфографии и пунктуации авторов.

На предварительном этапе мы провели ряд экспериментов с нейромоделями и генеративным искусственным интеллектом (LLM) для определения лучшего способа классификации данных нашего типа. Общий вывод экспериментов с различными нейросетями, с генеративным искусственным интеллектом, с комбини-

рованными подходами: наилучшей моделью классификации наличия и типов доводов (не)отказа от курения табака является использование LLM.

В связи с техническими ограничениями анализа мы выполнили классификацию 58 тыс. комментариев из сформированного нами датасета, включающего 165 тыс. комментариев.

Комментарии классифицировались с использованием модели LLM gemma2—9b—it. Для выполнения классификации были сформулированы и протестированы несколько вариантов промтов. На основе сравнения их точности был выбран наилучший вариант (общий процент совпадений составил 70 %):

‘Ты будешь классифицировать комментарии по теме «Отказ от курения». Ответ нужно представить в виде цифры без объяснений. Используй следующие правила:’ +

‘\n1 — Если в комментарии нет ни довода, ни антидовода про отказ от курения.’ +

‘\n2 — Если в комментарии содержится довод бросить курить, чтобы улучшить здоровье. Примеры: «Язык очищался 6 недель, и вся гадость вышла из легких», «Здоровый дух в здоровом теле.»’ +

‘\n3 — Если в комментарии содержится довод бросить курить, чтобы сэкономить деньги. Примеры: «Подсчитал, сколько трачу на сигареты, и решил бросить», «В месяц уходит около 13 тыс. рублей, пора завязывать.»’ +

‘\n4 — Если в комментарии содержится довод бросить курить по другой причине. Примеры: «Не курю пятый месяц, и чувствую себя отлично», «Психолог подсказал, как бросить, и теперь я свободен.»’ +

‘\n5 — Если в комментарии содержится антидовод не бросать курить, чтобы не потолстеть. Примеры: «Проблема не в том, чтобы бросить курить, а в том, что потом начнешь толстеть.»’ +

‘\n6 — Если в комментарии содержится антидовод не бросать курить по другой причине. Примеры: «Я бросил курить, но не смог спать и работать нормально», «Курение — это зависимость, и ее трудно преодолеть.»’

Результаты оценки доводов в пользу или против отказа от табакокурения с использованием большой языковой модели

Классификация доводов за или против отказа от табакокурения

Результаты классификации доводов представлены в таблице 2.

Мы получили следующие результаты. Во-первых, искомые доводы содержатся в 16 % комментариев датасета. Это примерно 10 тыс. комментариев из общей выборки в 58 тыс. комментариев. Данный результат является нормальным. Во-вторых, при формировании выборки мы собираем все комментарии под соответствующими видео по теме курения, не проводя их предварительную обработку. В-третьих, наличие довода определяется с очень высокой точностью. В-четвер-

тых, отдельные доводы классифицируются с разной степенью точности. Распределение доводов бросить курить представлено на рисунке 3.

Таблица 2. Результаты LLM классификации комментариев по доводам и анти-доводам отказа от курения

Класс	Промт	Число комментариев (шт.)	Число комментариев (%)
Класс — Ошибка классификации	Во время классификаций произошла ошибка	1 328	2,29
Класс 1 — Нет довода	Если в комментарии нет ни довода, ни антидовода про отказ от курения	47 297	81,55
Класс 2 — Есть довод (собственное здоровье)	Если в комментарии содержится довод бросить курить, чтобы улучшить здоровье. Примеры: «Язык очищался 6 недель, и вся гадость вышла из легких», «Здоровый дух в здоровом теле»	1 317	2,27
Класс 3 — Есть довод (деньги)	Если в комментарии содержится довод бросить курить, чтобы сэкономить деньги. Примеры: «Подсчитал, сколько трачу на сигареты, и решил бросить», «В месяц уходит около 13 тыс. рублей, пора завязывать»	591	1,02
Класс 4 — Есть довод (иное)	Если в комментарии содержится довод бросить курить по другой причине. Примеры: «Не курю пятый месяц, и чувствую себя отлично», «Психолог подсказал, как бросить, и теперь я свободен»	4 297	7,41
Класс 5 — Есть антидовод (лишний вес)	Если в комментарии содержится антидовод не бросать курить, чтобы не потолстеть. Примеры: «Проблема не в том, чтобы бросить курить, а в том, что потом начинаешь толстеть»	267	0,46
Класс 6 — Есть антидовод (иное)	Если в комментарии содержится антидовод не бросать курить по другой причине. Примеры: «Я бросил курить, но не смог спать и работать нормально», «Курение — это зависимость, и ее трудно преодолеть»	2 901	5,00

Чаще встречается довод, связанный с заботой о здоровье. Аномально высокий результат по классу 4 — иные доводы бросить курить. Он противоречит как интуиции, так и выводам, полученным нами на предыдущем этапе исследования, когда мы использовали нейросеть BERT и реализовывали подход, в рамках которого каждый довод классифицировался в рамках отдельного эксперимента. Мы попросили большую языковую модель дополнительно сформировать столбец с объяснением своего выбора. Это позволяет узнать, почему модель отнесла комментарий к тому или иному классу. Изучив объяснения выбора 4 класса моделью, мы сделали вывод, что она неверно понимает задачу и делает систематические ошибки в случае, когда нет четкого определения класса (классы типа «иное»). В связи с этим мы решили выполнить ручную разметку 4 297 комментариев, которые мо-

дель отнесла к четвертому классу (иные доводы бросить курить). В итоге из 4 297 комментариев к нему было отнесено лишь 366 (менее 9%), что свидетельствует о низкой точности данной классификации в случае класса «иное» (см. рис. 4).

Рис. 3. Результаты автоматической классификации комментариев: распределение доводов бросить курить (с помощью ГИИ), шт.

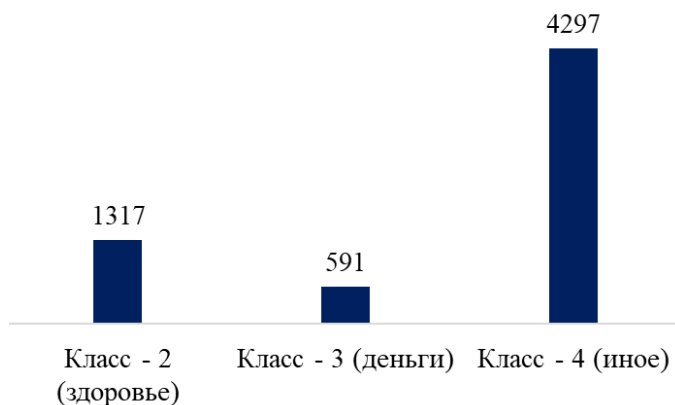
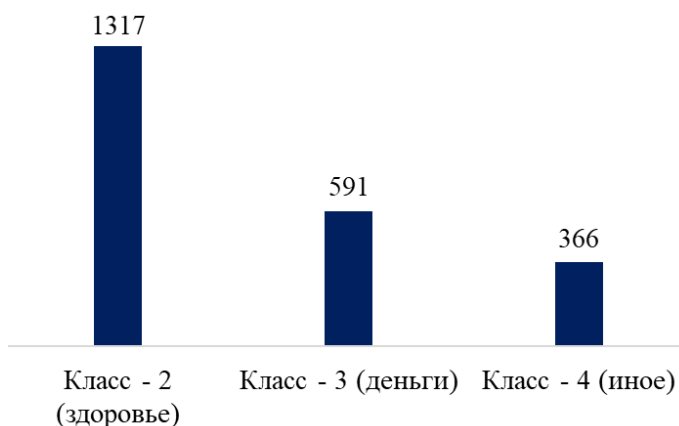

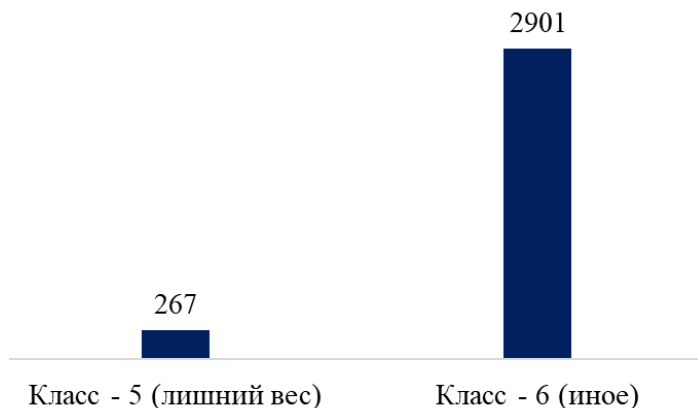
Рис. 4. Результаты классификации (класс 2 и класс 3) и ручной разметки (класс 4) комментариев: распределение доводов бросить курить, шт.

Таким образом, наиболее распространенные причины, побуждающие пользователей YouTube бросить курить, — это здоровье и деньги. Причем здоровье встречается чаще, чем деньги, примерно в два раза.

Распределение доводов не бросать курить представлено на рисунке 5. По оценке, лишний вес является одним из барьеров на пути отказа от курения: его вес в общей структуре доводов составляет 8%.

Рис. 5. Результаты автоматической классификации (класс 5 и класс 6):
распределение доводов не бросать курить (барьеров на пути к отказу от курения), шт.

В данном случае структура классификации была проще. По сути, мы вновь выделяли один класс (лишний вес) из массива. Результат классификации здесь сопоставим с нашими предыдущими подходами.

Важным ограничением используемого алгоритма является то, что он не учитывает возможные пересечения — ситуации, когда в одном комментарии содержится несколько доводов (по нашим оценкам, доля таких комментариев составляет около 9%).

Определение пола автора комментария

В связи с тем, что на YouTube не представлена информация о социально-демографических характеристиках пользователей, таких как пол, возраст, семейное положение и т. д., мы поставили задачу разработать методологию автоматического определения пола и возраста автора комментария на основе возможностей генеративного искусственного интеллекта. Это особенно важно для российской аудитории, поскольку, как мы выяснили эконометрическими методами, женщины — в отличие от мужчин — склонны откладывать отказ от курения табака ввиду страха набрать вес [Кузнецова, 2019].

Задача автоматического определения пола автора комментария видится нам выполнимой главным образом в связи с тем, что в русском языке есть лингвистические маркеры, указывающие на пол. Это, в частности, окончания глаголов прошедшего времени в первом лице («Я **бросила** курить, потому что это вредило моему здоровью»), окончания прилагательных в первом лице («Я еще слишком **молодая**, чтобы отравлять себе здоровье сигаретами») и существительные, которые пишутся различно для разных полов («Я **курильщица** со стажем»). В нашей выборке чаще всего встречается первый признак.

Следует отметить наличие возможности намеренного или ненамеренного (в результате ошибки/опечатки) искажения информации о своем поле в тексте. Однако сложно представить причину, по которой автор комментария под видео

по теме курения на YouTube захотел/захотела бы притвориться человеком другого пола. Мы ожидаем, что процент таких искажений — случайных и намеренных — в выборке невысок, и поэтому данная проблема не является серьезным ограничением.

Конечно, не все комментарии содержат явные маркеры пола. Например, пол авторов следующих комментариев однозначно установить невозможно — такой комментарий может написать как мужчина, так и женщина:

- «Не хочу я бросать курить — это снижает стресс для меня».
- «Я курю, чтобы не набрать вес».

Однако часть комментариев все же содержат перечисленные маркеры. Мы вручную разметили 6 тыс. комментариев из общей выборки по следующим признакам: 1) автор комментария — мужчина; 2) автор комментария — женщина; 3) пол автора комментария установить невозможно. Мы получили следующие результаты: 1) в 68 % случаев пол установить невозможно (отсутствуют явные признаки); 2) 28 % — комментарии мужчин; 3) 4 % — комментарии женщин. Таким образом, примерно 32 % комментариев оказались с признаками, по которым можно установить пол автора текста. Если предположить, что в датасете, включающем 165 тыс. комментариев, пропорция сохранится, то мы получим около 50 тыс. комментариев, в которых можно точно установить пол автора по лингвистическим признакам текста.

Можно заключить, что теоретически искусственный интеллект может принимать обоснованные решения при определении пола автора комментария, опираясь на описанные лингвистические особенности. В связи с этим мы поставили задачу классифицировать комментарии с доводами (бросить курить и не бросать курить) по полу по трем категориям: 1) мужчина; 2) женщина; 3) пол установить невозможно. Мы решили добавить третью категорию, чтобы повысить точность результатов и не «заставлять» модель делать выбор во всех случаях. По нашему мнению, тогда модель в первую очередь классифицирует комментарии с явными лингвистическими «подсказками», о которых мы писали ранее. В таблице 4 представлены сформулированные нами промты для решения задачи классификации комментариев по полу и точность каждого из них.

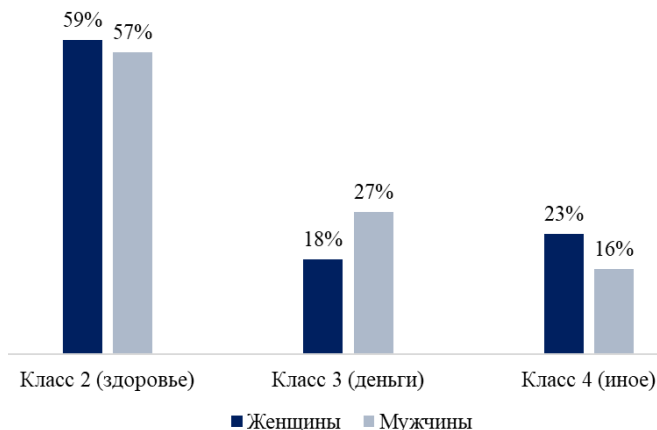
Для проверки точности промтов мы использовали уже упомянутые результаты ручной разметки 6 тыс. комментариев из общей выборки по следующим признакам: 1) автор комментария — мужчина; 2) автор комментария — женщина; 3) пол автора комментария установить невозможно.

В связи с тем, что второй промт лучше определяет пол автора комментария, мы сделали выбор в его пользу. Результаты классификации 5442 комментариев по полу авторов и доводам с использованием второго промта представлены на рисунках 6 и 7.

Таблица 4. Промты для автоматического определения пола и точность классификации

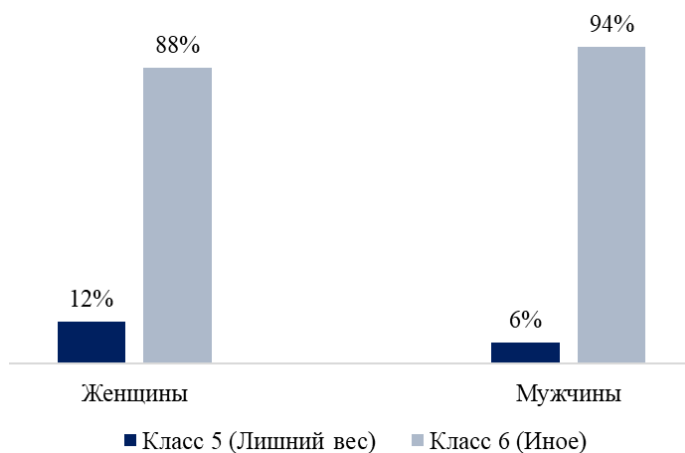
Промт	Доля верно предсказанных комментариев класса «Мужчины», %	Доля верно предсказанных комментариев класса «Женщины», %	Доля верно предсказанных комментариев класса «Невозможно определить пол», %
1) Определи пол авторов комментариев. Представь результаты в виде таблицы из 2 столбцов: первый — объяснение выбора, второй — пол автора (мужской или женский или невозможно определить)	39	52	70
2) Определи пол авторов комментариев. Представь результаты в виде таблицы из 2 столбцов: первый — объяснение выбора, второй — пол автора (мужской или женский или невозможно определить). В первую очередь обращай внимание на окончания глаголов, указывающие на принадлежность к мужскому или женскому полу	84	84	43
3) Определи пол авторов комментариев. Представь результаты в виде таблицы из 2 столбцов: первый — объяснение выбора, второй — пол автора (мужской или женский или невозможно определить). В первую очередь обращай внимание на окончания глаголов, указывающие на принадлежность к мужскому или женскому полу. Пример: «Я сделала это» — автор этого комментария женщина, это видно по форме глагола. «Я сделал это» — автор этого комментария — мужчина	83	84	60

Рис. 6. Результаты классификации комментариев по типу довода бросить курить и по полу, %

Оцененная структура причин, побуждающих бросить курить мужчин и женщин, достаточно схожа, хотя есть и отличия (ср. рис. 4). В структуре обоих полов преобладающее место занимает здоровье (59 % и 57 % для женщин и мужчин соответственно). Деньги — более важный фактор для мужчин: его вес составляет 27 % для мужчин и 18 % — для женщин. Вес всех остальных доводов бросить курить составляет, по оценке, 16 % для мужчин и 23 % — для женщин. Напомним, что в категории иных доводов бросить курить в нашем датасете встречаются следующие: 1) ответственность перед детьми, в том числе за их здоровье; 2) больше свободного времени у тех, кто не курит; 3) вред, который курильщик наносит другим людям / окружающей среде; 4) низкое качество современных сигарет; 5) религиозные настроения, несовместимые с табакокурением; 6) запах сигарет.

Рис. 7. Результаты классификации комментариев по типу довода не бросать курить и по полу, %

Оцененная нами структура причин, препятствующих отказу от курения, у мужчин и женщин также достаточно схожа (см. рис. 7): для представителей обоих полов лишний вес не является наиболее важным фактором, однако для женщин он имеет больший вес, чем для мужчин (12 и 6 % соответственно).

В таблице 1 Приложения представлены построенные структуры с распределением абсолютного числа комментариев каждого класса.

Определение возраста автора комментария

По сравнению с полом лингвистических признаков, по которым можно достоверно определить возраст или хотя бы укрупненную возрастную группу человека, написавшего текст, намного меньше. Хотя маркеры все-таки возможны. Например, авторов следующих комментариев с определенной долей уверенности можно отнести к категории молодежи:

- Многие **мои одноклассники** курят, поэтому и я тоже стал курить.
- **Нам в школе** запрещено курить, **мама** мне тоже **запрещает** — поэтому и бросил.

В некоторых случаях комментатор может указать свой возраст в тексте, однако таких случаев практически нет.

Отмеченные сложности побудили нас сконцентрироваться на одной возрастной группе — молодежь/подростки. Мы выделили три класса: до 18 лет, 19—34 года, 35+ лет.

Для проверки точности моделей мы использовали датасет с комментариями из социальной сети «ВКонтакте» по вопросам репродуктивного поведения, сформированный нами на прошлых этапах настоящего исследования. Он включает 5 тыс. комментариев. Диапазон возрастов: 15—49 лет.

Он имеет следующие характеристики:

1 класс (до 18 лет) — 519 строк;

2 класс (от 19 до 34 лет) — 3950 строк;

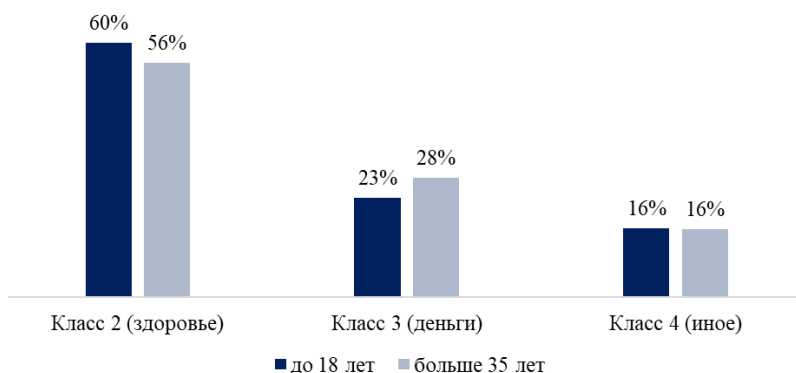
3 класс (от 35 лет и выше) — 430 строк.

Мы определяли три возрастные группы: до 18 лет, 19—34 года, старше 35 лет. Из-за нехватки набора данных в определенных возрастных группах было принято решение использовать технологию для искусственного наращивания данных — SMOTE.

С использованием датасета «ВКонтакте» была выполнена классификация комментариев при помощи LSTM-модели.

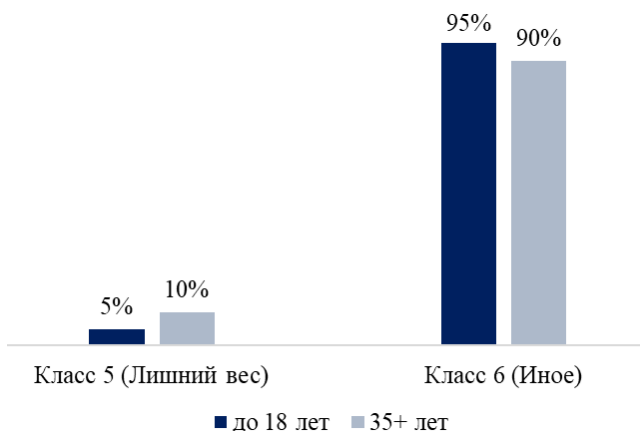
Точность определения возрастной группы составила соответственно 49%, 76% и 53%. Несмотря на недостаточно удовлетворительный результат, разработанный алгоритм мы все же апробировали на нашей базе по курению. Результаты нашей классификации комментариев по возрасту представлены на рисунках 8 и 9. Комментарии, относящихся к классу 2 (19—34 лет), оказалось 35, поэтому по ним данные на рисунках не представлены (см. таблицу 2 Приложения). Существенных различий среди полученных нами возрастных групп не выявлено⁵. Молодежь чуть реже пишет о деньгах и лишнем весе, чаще — о здоровье.

Рис. 8. Результаты классификации комментариев по типу довода бросить курить и по возрасту (до 18 лет и 35+ лет), %

⁵ Поскольку классификация текстов по возрасту авторов на данный момент является сложной задачей с большим количеством ограничений, расширенный датасет был классифицирован по возрасту в сотрудничестве с коллегами из Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) [Соболев и др., 2022] по альтернативной методике коллег, вычлняющей подростковую группу (см. [Kalabikhina, Kazbekova, Moshkin, 2025]). Отметим, что различий по возрастным группам при использовании классификации коллег из ТУСУР также не наблюдается.

Рис. 9. Результаты классификации комментариев по типу довода не бросать курить и по возрасту (до 18 лет и 35+ лет), %

Закключение и дискуссия

Нам удалось классифицировать наличие доводов и типы доводов (не)отказа от курения табака. Альтернативный подход к классификации одновременно всех указанных классов, исполненный в данной работе, снижает точность классификации по сравнению с вычленением каждого довода отдельно [Калабихина и др., 2024]. Мы связываем снижение точности классификации с низким наполнением некоторых классов. Однако такой подход более продуктивен для мониторинга самосохранительного поведения. Предполагаем, что увеличение массива данных существенно улучшит результаты точности классификации при одновременном подходе, поскольку наполнение отдельных классов будет достаточным.

Разработан алгоритм классификации комментариев одновременно по полу анонимизированного комментатора и по типам доводов с достаточной точностью с помощью генеративного искусственного интеллекта. Существенных различий в доводах отказа от курения не найдено, женщины чуть больше заботятся о здоровье, мужчины — о бюджете. Похожий вывод можно сделать и в отношении доводов против отказа от курения. Аргумент о страхе набрать вес характерен не только для женщин (как это было по результатам наших эконометрических исследований), но и для мужчин, хотя и в несколько меньшей степени.

Комментарии классифицированы также по возрасту автора. Точность классификации была ниже либо не удавалось классифицировать стандартные укрупненные группы. Существенных различий в полученных возрастных группах по доводам отказа от курения табака не выявлено (молодежь чуть реже отмечает деньги и лишний вес).

Ограничения и перспективы исследования

Ограничения исследования выявлены в трех аспектах. Это (1) недостаточное наполнение комментариями отдельных классов, что снижает точность; (2) отсут-

ствие учета пересекающихся доводов; (3) отсутствие учета контекста (возможного «давления» содержания видеоролика на комментарии под ним). Уточним второй пункт: в рамках текущего подхода не учитываются возможные пересечения, когда в одном комментарии содержится несколько доводов. На прошлом этапе проекта мы проводили эксперименты отдельно для каждого класса, соответственно, пересечения были учтены. Среди размеченных нами на прошлом этапе проекта комментариев доля содержащих несколько доводов составляла 9%.

Ограничение исследований с использованием данных социальных сетей носят общий характер, тем не менее мы кратко обсудим их здесь. Во-первых, это вопрос репрезентативности данных. Например, выборка пользователей YouTube по нашей теме смещена в пользу мужчин и молодежи; она не репрезентует генеральную совокупность — население России.

Во-вторых, специфика больших данных — их неструктурированная природа. Результат в определенной степени зависит от подходов к структурированию данных авторов исследования, что надо принимать во внимание. Собранные и используемые нами данные — это обсуждения пользователей YouTube под видео по теме курения, которые мы не структурируем заранее. Авторам комментариев не задают прямой вопрос о том, почему они хотят или не хотят бросить курить. Мы вводим предпосылку, что если они упоминают тот или иной довод в своем комментарии, то он для них наиболее значим. Это одно из важных ограничений анализа — если в конкретном комментарии автор указывает лишь один довод, это не значит, что другой довод для него/нее не важен.

В-третьих, наличие ботов. Мы предпринимаем процедуру очистки от ботов. Однако надо понимать, что найденные комментарии примерно в объеме 50% являются ботами, несмотря на борьбу организаторов социальной сети с этим явлением. Это увеличивает усилия по набору баз данных.

В-четвертых, возможно искажение информации о поле/возрасте авторами комментариев. В нашей теме это не является ограничением исследования, поскольку еще не введено наказание за нарушение возрастных и иных ограничений при участии в беседах на темы о вредных привычках. И само содержание дискуссии не предполагает мотивов искажений. Но в такого рода исследованиях надо об этом помнить.

В-пятых, современные ограничения генеративных моделей искусственного интеллекта (галлюцинации, неустойчивость результатов и т. д.), которые сегодня активно обсуждаются, могут влиять и на процедуры классификации (в меньшей степени, чем на генерацию текста, однако устойчивость результатов нуждается в дополнительных проверках на разных базах данных).

Отдельно стоит сказать о неустойчивом доступе к разным социальным сетям. Какие-то сети блокируют, какие-то замедляют. Например, замедление работы YouTube в России. В период проведения исследования, начиная с лета 2024 г., в России существенно ухудшилась работа видеохостинга YouTube. Если ситуация сохранится, то в будущем мы ожидаем, что обсуждения по теме курения русскоязычных пользователей переместятся на альтернативные платформы. Возможно, это будут Rutube и «VK Видео», которые являются российскими аналогами YouTube. Но на каждой платформе своя специфика сбора данных и своя

структура пользователей по разным характеристикам, что ограничивает сравнительный анализ.

Перспективы исследования мы видим в первую очередь в совершенствовании классификации доводов самосохранительного поведения (в том числе в вопросах отказа от курения) на укрупненных массивах комментариев социальных сетей; в учете пересечений в доводах; продолжении совершенствования алгоритмов определения пола, возраста, уровня образования комментаторов.

Разработанный нами автоматический алгоритм определения наличия довода по поводу отказа от курения и автоматической классификации доводов по указанным классам можно применять с целью мониторинга мнений пользователей русскоязычных социальных сетей по вопросам отказа от курения. В области рекомендаций для антитабачной политики на основе полученных результатов можно предложить следующие направления, которые могут повлиять на снижение потребления табака:

1) усилить просветительскую работу о вреде табака для здоровья людей, здоровья их детей и других окружающих людей, поскольку этот довод узнаваем и является наиболее популярным;

2) в рамках поощрительных мер развить тезис о сбережении семейного бюджета и времени, а также об альтернативных способах использования сэкономленных средств и минут;

3) бороться с мифами об отсутствии вреда от табака и тем более о наличии пользы;

4) пояснять населению, особенно с учетом различий по полу, что набор веса может наблюдаться при отказе от табака в случае длительного стажа курения, и предлагать реабилитационные программы для сокращения вероятности таких последствий.

Список литературы (References)

1. Калабихина И. Е., Казбекова З. Г., Банин Е. П., Клименко Г. А. Демографические ценности и социально-демографический портрет пользователей ВКонтакте: есть ли связь? // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. № 3. С. 157—180. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-8>. Kalabikhina I. E., Kazbekova Z. G., Banin E. P., Klimenko G. A. (2023) Demographic Values and Socio-Demographic Profile of the VKontakte Users: Is There a Connection? *Lomonosov Economics Journal*. Vol. 58. No. 3. P. 157—180. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-8>. (In Russ.)
2. Калабихина И. Е., Казбекова З. Г., Зубова Е. А. Доводы пользователей социальных медиа по поводу отказа от табакокурения (на основе методов машинного обучения) // Вопросы управления. 2024. Т. 18. № 5. С. 48—67. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-48-67>. Kalabikhina I. E., Kazbekova Z. G. Zubova E. A. (2024). Arguments of Social Media Users Regarding Smoking Cessation (Machine Learning-Based Data). *Management Issues*. Vol. 18. No. 5. P. 48—67. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-48-67>. (In Russ.)

3. Кузнецова П. О. Почему не снижается курение у женщин: результаты микроанализа // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 91—101.
Kuznetsova P. O. (2019) Why the Number of Smoking Women Does not Decrease: A View from Microanalysis Level. *Woman in Russian Society*. No. 3. P. 91—101. (In Russ.)
4. Сбоев А. Г., Рыбка Р. Б., Молошников И. А., Наумов А. В., Селиванов А. А. Сравнение точностей методов на основе языковых и графовых нейросетевых моделей для определения признаков авторского профиля по текстам на русском языке // Вестник НИЯУ МИФИ. 2023. Т. 10. № 6. С. 529—539. <https://doi.org/10.56304/S2304487X21060109>.
Sboev A. G., Rybka R. B., Moloshnikov I. A., Naumov A. V., Selivanov A. A. (2023). Comparison of the Accuracies of Methods Based on Language and Graph Neural Network Models for Determining Author Profile Features from Russian Texts. *Vestnik Nacional'nogo Issledovatel'skogo Yadernogo Universiteta "MIFI"*. Vol. 10. No. 6. P. 529—539. <https://doi.org/10.1134/S2304487X21060109>. (In Russ.)
5. Соболев А. А., Федотова А. М., Куртукова А. В., Романов А. С., Шелупанов А. А. Методика определения возраста автора текста на основе метрик удобочитаемости и лексического разнообразия // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2022. Т. 25. № 2. С. 45—52.
Sobolev A. A., Fedotova A. M., Kurtukova A. V., Romanov A. S., Shelupanov A. A. (2022) Methodology to Determine the Age of the Text's Author Based on Readability and Lexical Diversity Metrics. *Proceedings of TUSUR University*. Vol. 25. No. 2. P. 45—52. (In Russ.)
6. Bickel W. K., Tomlinson D. C., Craft W. H., Ma M., Dwyer C. L., Yeh Y. H., Tegge A. N., Freitas-Lemos R., Athamneh L. N. (2023) Predictors of Smoking Cessation Outcomes Identified by Machine Learning: A Systematic Review. *Addict Neuroscience*. Vol. 6. Art. 100068. <https://doi.org/10.1016/j.addicn.2023.100068>.
7. Cheng N., Chandramouli R., Subbalakshmi K. P. (2011) Author Gender Identification from Text. *Digital Investigation*. Vol. 8. No. 1. P. 78—88. <https://doi.org/10.1016/j.diin.2011.04.002>.
8. Chu K.-H., Colditz J., Malik M., Yates T., Primack B. (2019) Identifying Key Target Audiences for Public Health Campaigns: Leveraging Machine Learning in the Case of Hookah Tobacco Smoking. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 21. No. 7. Art. e12443. <http://dx.doi.org/10.2196/12443>.
9. Coughlin L. N., Tegge A. N., Sheffer C. E., Bickel W. K. (2020). A Machine-Learning Approach to Predicting Smoking Cessation Treatment Outcomes. *Nicotine & Tobacco Research: Official Journal of the Society for Research*. Vol. 22. No. 3. P. 415—422. <https://doi.org/10.1093/ntr/nty259>.
10. Culotta A. (2010) Towards Detecting Influenza Epidemics by Analyzing Twitter Messages. In: *Proceedings of the First Workshop on Social Media Analytics*. New York, NY: Association for Computing Machinery P. 115—122. <https://doi.org/10.1145/1964858.1964874>.

11. Dieleman L. A., van Peet P. G., Vos H. M. M. (2021) Gender Differences within the Barriers to Smoking Cessation and the Preferences for Interventions in Primary Care a Qualitative Study Using Focus Groups in The Hague. *BMJ Open*. Vol. 11. No. 1. Art. e042623. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2020-042623>.
12. Guida M., Otmakhova Y., Hovy E., Frermann L. (2025) LLMs for Argument Mining: Detection, Extraction, and Relationship Classification of Pre-Defined Arguments in Online Comments. *arXiv*. Preprint arXiv:2505.22956. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2505.22956>.
13. Himdi H., Shaalan K. (2024) Advancing Author Gender Identification in Modern Standard Arabic with Innovative Deep Learning and Textual Feature Techniques. *Information*. Vol. 15. No. 12. Art. 779. <https://doi.org/10.3390/info15120779>.
14. Kalabikhina I., Zubova E., Loukachevitch N., Kolotusha A., Kazbekova Z., Banin E., Klimenko, G. (2023). Identifying Reproductive Behavior Arguments in Social Media Content Users' Opinions through Natural Language Processing Techniques. *Population and Economics*. Vol. 7. No. 2. P. 40—59. <https://doi.org/10.3897/popecon.7.e97064>.
15. Kalabikhina I., Kazbekova Z., Moshkin V. (2025) (Non)Smoking Comments Classified by Arguments, Gender and Age [Data Set]. *Zenodo*. January 31. Version v1. <https://doi.org/10.5281/zenodo.14782953>.
16. Kavuluru R., Sabbir A. K. M. (2016) Toward Automated E-Cigarette Surveillance: Spotting E-Cigarette Proponents on Twitter. *Journal of Biomedical Informatics*. Vol. 61. P. 19—26. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbi.2016.03.006>.
17. Kim K., Kim S. (2025) Large Language Models' Accuracy in Emulating Human Experts' Evaluation of Public Sentiments about Heated Tobacco Products on Social Media: Evaluation Study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 27. Art. e63631. <https://doi.org/10.2196/63631>.
18. Klein A. Z., Magge A., Gonzalez-Hernandez G. (2022) ReportAGE: Automatically Extracting the Exact Age of Twitter Users Based on Self-Reports in Tweets. *PloS One*. Vol. 17. No. 1. Art. e0262087. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0262087>.
19. O'Connor K., Golder S., Weissenbacher D., Klein A. Z., Magge A., Gonzalez-Hernandez, G. (2024) Methods and Annotated Data Sets Used to Predict the Gender and Age of Twitter Users: Scoping Review. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 26. Art. e47923. <https://doi.org/10.2196/47923>.
20. Ritchie H., Roser M. (2023, November) Smoking. *Our World in Data*. URL: <https://ourworldindata.org/smoking> (date of access: 20.08.2025).
21. Romanov A. S., Kurtukova A. V., Sobolev A. A., Shelupanov A. A., Fedotova A. M. (2020) Determining the Age of the Author of the Text Based on Deep Neural Network Models. *Information*. Vol. 11. No. 12. Art. 589. <https://doi.org/10.3390/info11120589>.

22. Sboev A., Litvinova T., Gudovskikh D., Rybka R., Moloshnikov I. (2016) Machine Learning Models of Text Categorization by Author Gender Using Topic-Independent Features. *Procedia Computer Science*. Vol. 101. P. 135—142. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2016.11.017>.
23. Sboev A., Moloshnikov I., Gudovskikh D., Selivanov A., Rybka R., Litvinova T. (2018) Automatic Gender Identification of Author of Russian Text by Machine Learning and Neural Net Algorithms in Case of Gender Deception. *Procedia Computer Science*. Vol. 123. P. 417—423. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2018.01.064>.
24. Visweswaran S., Colditz J. B., O'Halloran P. H., N. R., Taneja S. B., Welling J., Chu K. H., Sidani J. E., Primack B. A. (2020) Machine Learning Classifiers for Twitter Surveillance of Vaping: Comparative Machine Learning Study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. No. 8. Art. e17478. <http://dx.doi.org/10.2196/17478>.
25. Younkin V., Litvak M., Rabaev I. (2024) Automatic Gender Identification from Text. *Applied Sciences*. Vol. 14. No. 24. Art. 12041. <https://doi.org/10.3390/app142412041>.

Приложение

Таблица 1. Структура причин (не)отказа от курения в разрезе пола
(число комментариев каждого класса, шт.)

Класс	Женщины	Мужчины
<i>Доводы бросить курить</i>		
Класс 2 (Здоровье)	430	681
Класс 3 (Деньги)	129	320
Класс 4 (Иное)	164	191
<i>Доводы не бросать курить</i>		
Класс 5 (Лишний вес)	95	104
Класс 6 (Иное)	673	1567

Источник: составлено авторами на основе обработки комментариев пользователей YouTube с использованием больших языковых моделей LLM (определение типа довода и пола).

Таблица 2. Структура причин (не)отказа от курения в разрезе возрастной группы
(число комментариев каждого класса, шт.)

Класс	Автору текста меньше 18 лет	Автору текста больше 35 лет
<i>Доводы бросить курить</i>		
Класс 2 (Здоровье)	659	638
Класс 3 (Деньги)	256	325
Класс 4 (Иное)	177	185
<i>Доводы не бросать курить</i>		
Класс 5 (Лишний вес)	51	216
Класс 6 (Иное)	990	1885

Источник: составлено авторами на основе обработки комментариев пользователей YouTube с использованием больших языковых моделей LSTM (определение типа довода и возраста).

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2675](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2675)

А. В. Швецова, И. Г. Полякова

**СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В РОССИИ:
ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
И ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК**

Правильная ссылка на статью:

Швецова А. В., Полякова И. Г. Суррогатное материнство в России: пересечения общественного мнения и экспертных оценок // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 53—77. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2675>.

For citation:

Shvetsova A. V., Polyakova I. G. (2025) Surrogacy in Russia: Intersections of Public and Expert Opinion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 53–77. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2675>. (In Russ.)

Получено: 21.08.2024. Принято к публикации: 21.02.2024.

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В РОССИИ:
ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
И ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК

ШВЕЦОВА Анастасия Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: shvetsovaav@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

ПОЛЯКОВА Ирина Геннадьевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Межрегионального института общественных наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: irinapolykova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

Аннотация. Цель исследования — анализ и сопоставление общественного и экспертного мнений по ключевым вопросам суррогатного материнства: этичность и мораль, мотивация суррогатных матерей и профессионализация их деятельности. Эмпирическая часть представлена данными массового опроса ($N = 1440$) и материалами экспертных интервью (репродуктологи и репродуктивные психологи, $N = 6$) (оба исследования проведены в Уральском федеральном округе).

Большинство респондентов одобряют суррогатное материнство, однако на уровне практики суррогатные матери и биологические родители часто встречаются с непониманием окружающих, в результате чего многие из них стремятся анонимизировать свою историю. В общественном восприятии мотивы суррогатных матерей часто противопоставляются как социально одобряемые (альтруистические) и менее приемлемые

SURROGACY IN RUSSIA: INTERSECTIONS OF
PUBLIC AND EXPERT OPINION

Anastasia V. SHVETSOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor of the Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies
E-MAIL: shvetsovaav@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

Irina G. POLYAKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Researcher, Interregional Institute for Social Sciences
E-MAIL: irinapolykova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The study analyzes and compares public and expert opinions on key aspects of surrogacy: ethics and morality, surrogate mothers' motivations, and the professionalization of their role. Empirical data comprises a mass survey ($N = 1440$) and expert interviews with reproductive specialists and psychologists ($N = 6$).

While most respondents approve of surrogacy in principle, surrogate mothers and intended parents often encounter societal misunderstanding in practice, leading many to conceal their involvement. Public perception commonly contrasts surrogate mothers' motives as socially approved (altruistic) versus less acceptable (financial). Experts, however, view this differently, expressing caution towards altruistic motives ('to help' or 'do good'). They suggest such motives may indicate insufficient emotional stability and raise concerns about the woman's readiness for the surrogate role. Crucially, the interpretation of the 'financial

(финансовые). При этом эксперты смотрят на ситуацию иначе: как раз альтруистичные мотивы они воспринимают с настороженностью. Стремление «помочь» или «сделать добро» может, по их мнению, свидетельствовать о недостаточной эмоциональной устойчивости женщины и ставит под вопрос ее готовность к роли суррогатной матери. Важно, что сам «финансовый мотив» эти две группы понимают по-разному: общественность — как желание заработать «большие деньги», пожертвовав рожденным ребенком; эксперты — как необходимость решить сложный семейный вопрос, часто ценой собственного здоровья. Общественное мнение о профессионализации суррогатного материнства неоднородно и противоречиво, что отражает его ситуативный характер. Профессионалы подчеркивают необходимость тщательной подготовки суррогатных матерей, повышения их осведомленности о рисках и этапах процесса, а также психологической поддержки обеих сторон «репродуктивного путешествия».

Формируются два разнонаправленных дискурса: общественный фокус — на нормировании новых репродуктивных практик и их интеграции в традиционную картину родства, а профессиональное сообщество ищет оптимальные механизмы реализации, балансируя между законодательством, общественными взглядами и физиологией современного человека, где спрос на вспомогательные репродуктивные технологии растет.

Ключевые слова: суррогатное материнство, социология семьи, материнство, родительство, общественная оценка, экспертное интервью

motive' diverges significantly: the public often perceives it as a desire to 'earn big money' as if sacrificing the child, whereas experts frame it as a necessity to solve pressing family problems, often at the cost of the woman's health. Public opinion on professionalizing surrogacy is heterogeneous and contradictory, reflecting its situational nature. Professionals emphasize the need for thorough preparation of surrogate mothers (surmoms), enhancing their awareness of process risks and stages, and providing psychological support to both parties in the 'reproductive journey'.

Two distinct discourses are emerging: the public focuses on regulating novel reproductive practices and integrating them into traditional kinship frameworks, while the professional community seeks optimal implementation mechanisms, balancing legislation, public views, and the physiology of modern individuals experiencing rising demand for ART (Assisted Reproductive Technologies).

Keywords: surrogacy, family sociology, motherhood, parenthood, public assessment, expert interview

Введение

Распространение практик суррогатного материнства может рассматриваться как одно из проявлений глубоких социальных преобразований, трансформирующих не только системы брачно-семейных отношений, но и культурные нормы, на которых эти отношения исторически основываются. Материнство в большинстве цивилизаций символически связано с идеей святости, божественного участия, высшей миссии (что отнюдь не означает легкого бытия для самой матери), именно поэтому возможность технологичного (а значит, управляемого человеком, а не высшими силами) решения проблем бесплодия вызывает неоднозначные общественные реакции и суждения. Кроме того, реализация технологий суррогатного материнства сопряжена с тонкостями медицинского, юридического, политического, демографического, психологического и этического характера, что совокупно делает этот вопрос своеобразным лакмусом для определения тональности многих общественных процессов.

Суррогатное материнство — репродуктивная практика, при которой женщина (суррогатная мать) вынашивает и рождает ребенка для других лиц (потенциальных родителей), не становясь его юридической матерью после рождения. Организационно процесс реализуется через специализированные репродуктивные клиники и агентства, которые обеспечивают медицинское сопровождение (ЭКО, ведение беременности), юридическое оформление договоров, подбор и психологическую подготовку суррогатных матерей. Суррогатное материнство может быть традиционным (суррогатная мать является генетической матерью ребенка, что запрещено в России) и гестационным (эмбрион создается с использованием генетического материала потенциальных родителей или доноров и переносится в матку суррогатной матери, не имеющей с ним генетической связи). Суррогатное материнство может осуществляться как на альтруистической основе (потенциальные родители компенсируют только прямые расходы, связанные с беременностью, родами и медицинским обслуживанием), так и на коммерческой основе (суррогатная мать дополнительно получает вознаграждение за свои услуги). Правовое регулирование данной репродуктивной практики существенно различается в мире: оно полностью запрещено (например, в Германии, Франции, Швейцарии, многих исламских странах) из-за этических и религиозных противоречий; разрешено только в некоммерческой форме (например, в Великобритании, Канаде, Австралии, Нидерландах); разрешено коммерческое суррогатное материнство с разной степенью регуляции (например, в некоторых штатах США, в Бельгии, России)¹. Основные аргументы в пользу суррогатного материнства включают реализацию репродуктивных прав бесплодных пар или одиноких людей, помощь в создании семьи. Аргументы «против» фокусируются на рисках эксплуатации социально уязвимых женщин, психологических рисках для суррогатной матери и этических проблемах «торговли детьми». Понимание этих типологических, финансовых и правовых аспектов важно для корректной интерпретации данных о мнениях и практиках, представленных в данном исследовании.

¹ Как законы регулируют суррогатное материнство в разных странах и к чему это приводит. Аналитический обзор Forbes Woman от 8 декабря 2022. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/468277-kak-zakony-reguliruyut-surrogatnoe-materinstvo-v-raznyh-stranah-i-k-chemu-eto-privodit> (дата обращения: 30.10.2024).

По данным ВЦИОМ, 84% россиян считают допустимым обращение к услугам суррогатных матерей (за десять лет показатель вырос на 8 п. п.), причем вероятность прибегнуть к такому сценарию в гипотетическом случае вынужденной бездетности не исключают для себя четверть респондентов². Очевидно, что за этими данными стоят сложные процессы переосмысления родства, границ вторжения технологий в человеческое тело, норм, регулирующих отношения в диаде «мать — ребенок». С точки зрения социологии особый интерес представляет пересечение суждений разных социальных групп о феномене суррогатного материнства, что дает возможность сделать срез противоречий, связанных с репродуктивной сферой в целом, и увидеть доминанты, определяющие характеристики общественных отношений в актуальный момент.

Цель данного исследования — анализ и сопоставление общественного и экспертного мнений по ряду ключевых вопросов суррогатного материнства: этичность и мораль, мотивация суррогатных матерей и профессионализация их деятельности, поскольку именно взаимодействие этих дискурсов формирует нормативное поле и социальную приемлемость практики суррогатного материнства в условиях роста спроса на ВРТ. Под общественным мнением мы понимаем суждения граждан, не являющихся акторами процесса (суррогатными матерями, реципиентами или специалистами в области репродуктологии), наблюдающих ситуацию «со стороны». Экспертное мнение — суждения специалистов в области репродуктологии, репродуктивных психологов, агентов по рекрутингу суррогатных матерей. Критерии выделения этих двух групп респондентов включают уровень вовлеченности (непосредственные акторы или наблюдатели) и профессиональный статус (практикующие в данной области дипломированные специалисты или неспециалисты, представляющие общественный срез).

Методологическую основу исследования составляет концепция репродуктивной справедливости [Luna, Luker, 2013], которая служит ключевым аналитическим инструментом для осмысления выявленных противоречий между общественным и экспертным мнениями о суррогатном материнстве. Эта концепция, фокусирующаяся на структурных условиях, раскрывает глубинные причины (асимметрию ресурсов, влияние общественного мнения) порождающие фундаментальные различия в восприятии этичности, мотивации и регулирования суррогатного материнства между широкой публикой и профессиональным сообществом. Важно также, что концепция репродуктивной справедливости открывает возможность применения интерсекциональной оптики в исследованиях суррогатного материнства, поскольку сосредотачивает внимание на социальных контекстах и доступе к ресурсам, от которых зависит реализация права иметь или не иметь детей (в частности, позволяет анализировать влияние экономического положения на статус суррогатной матери).

Исследовательские задачи, которые решает данная статья: 1) выявить дискурсивные разрывы между общественным восприятием и экспертной оптикой в морально-этической оценке суррогатного материнства; 2) описать пересечения общественного и экспертного мнений относительно мотивации суррогатных

² Суррогатное материнство: за и против. Аналитический обзор ВЦИОМ от 12 февраля 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/surrogatnoe-materinstvo-za-i-protiv-1> (дата обращения: 30.10.2024).

матерей; 3) проанализировать особенности восприятия общественностью и экспертным сообществом перспективы профессионализации и коммодификации репродуктивного труда.

Обзор актуальных исследований суррогатного материнства

В англоязычной научной литературе можно выделить ряд влиятельных социологических работ, общей темой которых выступает альтруистический характер суррогатного материнства. Х. Якобсон в монографии «Труд любви: гестационное суррогатное материнство и работа по зачатию детей» [Jacobson, 2016] на материалах интервью показывает, что женщины считают суррогатное материнство призванием и неохотно описывают его как работу, несмотря на то что осуществляют «путешествие»³ на коммерческой основе. Х. Якобсон проводит параллели между библейским сюжетом об Аврааме и Саре, «воспользовавшихся услугами» служанки Агарь для рождения наследника, культурными правилами систем наложниц в традиционном Китае и современным суррогатным материнством, утверждая, что сам феномен родительства с привлечением второй женщины не нов, однако его масштаб, медицинские возможности и очевидное сходство с оплачиваемой занятостью требуют аналитического осмысления в части глубокого социального и культурного понимания семьи и того, как общество стремится разграничить ценность детей и рыночные отношения.

Схожие идеи выдвигает в своей монографии «Онлайн-мир суррогатного материнства» американский социолог Ж. Беренд [Berend, 2016]. Исследуя онлайн-площадку для обмена опытом, созданную суррогатными матерями, автор описывает отношения между женщинами, вынашивающими детей для другой пары, и потенциальными родителями в терминах «ощущение химии», «две семьи, помогающие друг другу» и «творческое переопределение родства». Суррогатное «путешествие» осмысливается в онлайн-комьюнити как акт «труда любви», самопожертвования, который невозможно выразить в денежном эквиваленте. Антропологическая перспектива позволяет автору погрузиться в частные истории женщин и, как подчеркивает Н. Конрой, последовательно вписать дискуссии суррогатных матерей в более широкое культурное понимание жизни, семьи, родства [Конрой, 2017]. В результате обмена опытом создаются коллективные определения основных процессов и событий, сопровождающих поиск пары, подготовку, беременность, роды и передачу ребенка, формируются ритуалы обмена подарками, забота о правильном питании, психологическом комфорте суррогатной матери, совместные прогулки и т. д.) и словарь (например, не принято использовать термин «surrogate mother» — вместо него употребляется «surrogate» или «surro», то есть слово «мать» часто опускается).

Таким образом, в ряде исследований суррогатное материнство рассматривается как альтруистическая практика, направленная на достижение Парето-эффекта — улучшение положения каждого, не причиняя никому вреда [Tharakan, 2024]. Но существует серьезный аргумент о коммодификации (превращении в товар) женского тела, что выражается на индивидуальном уровне в «покупке» более

³ Американские исследователи используют для описания процесса суррогатного вынашивания термин «путешествие», заимствуя его из лексикона самих суррогатных матерей (Х. Якобсон, Ж. Беренд).

богатыми людьми ресурсов организма тех женщин, которые испытывают финансовую нужду, а на групповом — в формировании когорты развивающихся стран, ставших фертильными донорами для резидентов экономически развитых регионов. Ожидается, что страны-реципиенты и страны-доноры коммерческого суррогатного материнства соответствуют мировым моделям неравенства. После того как лидеры суррогатного материнства (Индия, Непал, Таиланд, Мексика и Камбоджа) ограничили коммерческое использование практики, рынок переместился в другие менее развитые страны Южной Африки и Южной Америки. Для большинства женщин в этих странах суррогатное материнство не является «трудом любви», а представляет собой способ накормить собственных детей в ситуации крайней нищеты [Mukherjee, Sekher 2020; Ajayi, Adelakun, 2018]. Концепция «матки напрокат», как называют это С. Кашьяп и П. Трипатхи [Kashyap, Tripathi, 2022], превратила тело женщины третьего мира в «пассивные инкубаторы», насильственно дистанцированные от ребенка.

Эмпирические данные, на примере Индии, свидетельствуют о том, что финансовые, медицинские и эмоциональные последствия коммерческого суррогатного материнства в таких условиях сложны: более 60 % бедных женщин не улучшили свое положение после процедуры, 16 % еще глубже скатились в нищету и остались без средств к существованию; возможность купить недвижимость появлялась только у женщин, как минимум дважды прошедших суррогатное материнство. Треть женщин столкнулись с серьезными физическими последствиями для своего организма, все информантки сообщали об эмоциональных проблемах [Suryanarayanan, 2023]. В целом уровень бедности существенно коррелирует с рисками и негативными эффектами, а бытовые и правовые условия для суррогатных матерей значительно различаются в зависимости от страны, в которой реализуется программа (например, суррогатные общегития в Индии, где женщины не имели возможности ознакомиться с договором, составленным на английском языке, и практики профессионального юридического сопровождения в США).

Практика коммерческого суррогатного материнства закономерно порождает проблему определения статуса суррогатных матерей и рожденных ими детей. Возможная профессионализация суррогатного материнства и необходимость вписывания нарративов во внешние дискурсивные рамки повышают интерес к изучению опыта и мотивации суррогатных матерей, что требует уточнения категорий «работа», «труд», «вознаграждение», «призвание», «способности» и проч. для описания соответствующих ситуаций [Грамотчикова, Полякова, 2023]. Еще сложнее обстоят дела с правами детей, поскольку они очевидным образом не участвуют в принятии решений, однако впоследствии становятся ключевой заинтересованной стороной. Австрийский исследователь А. Гаус утверждает, что право стать родителем ребенка должно быть обосновано интересами ребенка, которые имеют такое же нравственное значение, как и интересы взрослых [Gheaus, Straehle, 2023]. Следовательно, возникает этическая дилемма об информировании ребенка о способе его рождения (и ответ на этот вопрос лежит уже не в плоскости желания родителей, а в плоскости прав человека знать любые детали своей биографии), однако при этом могут быть последствия как для психики ребенка, так и для его отношений с родителями.

Стоит отметить, что характер социального отклика на развитие вспомогательных репродуктивных технологий (далее ВРТ) имеет национальную специфику, поскольку на него влияют как коллективные ценностные установки, так и правовая база. В мировой практике используется несколько инструментов для оценки общественного мнения по вопросам суррогатного материнства, в числе которых: польская шкала отношения к суррогатному материнству [Lutkiewicz, Bieleninik, Jurek, 2023], немецкий опросник «Отношение к суррогатному материнству» [Mohnke et al., 2019], «Шкала отношения к гестационному суррогатному материнству» [Rahimi Kian et al., 2016], шведская анкета для медицинских сотрудников «Отношение к суррогатному материнству» [Stenfelt et al., 2018]. Большинство опросников содержат в себе блоки морально-этической оценки, вопросы об отношении к денежной компенсации, отношение к суррогатным матерям и детям, рожденным с помощью этой технологии.

С. Агтерберг и коллеги [Agterberg et al., 2024], изучая демографические и семейные предикторы отношения голландцев к суррогатному материнству, пришли к выводу, что на установки влияют уровень образования (чем выше уровень образования, тем одобрительнее высказывания), сексуальная ориентация (негетеросексуалы более лояльны), национальность (голландцы лояльнее мигрантов), религиозная идентичность (религиозные люди чаще осуждают репродуктивные технологии). Возраст и место жительства при этом не оказывают существенного влияния на взгляды. Т. Барон и соавторы [Baron, Svingen, Leyva, 2024] выявили, что политические взгляды респондентов являются значимым фактором их этической оценки суррогатного материнства. Либерально настроенные граждане демонстрируют более высокий уровень поддержки практики в целом, в то время как консерваторы склонны одобрять ее преимущественно при наличии медицинских показаний (например, бесплодия у одного из партнеров). Этот контекст помогает объяснить общую лояльность британцев к суррогатному материнству, отмеченную исследователями: высокий уровень одобрения в обществе во многом связан с доминированием аргумента медицинской необходимости, который смягчает критику со стороны консервативной части населения. Таким образом, образование, культурные установки, религиозные и политические взгляды, и даже сексуальная ориентация могут влиять на отношение к суррогатному материнству, структурируя и определяя границы приемлемости — от безусловной поддержки до полного отрицания.

Характерно, что, несмотря на легализацию однополых браков во многих европейских странах, отношение населения к доступности технологии суррогатного материнства для негетеросексуальных пар неоднозначно [Armuaud et al., 2018; Lutkiewicz et al., 2023]. Исследование мнений населения по вопросам суррогатного материнства актуально даже для стран, где оно запрещено и существует только в форме репродуктивного туризма⁴. Оппозиция в китайском дискурсе строится на этических и моральных возражениях, а также правовой уязвимости суррогатных матерей и детей [Liu, 2022], тогда как ключевой вопрос во Франции — гражданство детей, рожденных для французских пар за границей [Merchant, 2020].

⁴ Репродуктивный туризм — это практика временного выезда в другую страну для репродуктивного лечения с целью зачатия, вынашивания или рождения ребенка. Как правило, используется для «обхода» правовых запретов, например запрета на суррогатное материнство.

Эмпирические социологические исследования об отношении к суррогатному материнству в русскоязычном сегменте единичны. Данные В. Боровковой и коллег [Боровкова и др., 2022] свидетельствуют, что медицинское сообщество в России отдает некоторый приоритет в отношении процесса вынашивания ребенка и определения его судьбы родителям-заказчикам, выступает против государственного финансирования суррогатного материнства, реализации программ суррогатного материнства для иностранных граждан и одиноких людей как генетических доноров, а также считает альтруистические мотивы ненадежными. По большинству вопросов не выработано консолидированной позиции (исключение составляет необходимость юридического консультирования обеих сторон перед подписанием договора), что является косвенным признаком информационной депривации даже внутри профессионального сообщества. О. Исупова и Н. Русанова [Исупова, Русанова, 2021], исследуя представления студенческой молодежи о вспомогательных репродуктивных технологиях, не выявили у молодых россиян существенных этических или ценностных барьеров для обращения к суррогатному материнству, однако экономическая и географическая доступность, на их взгляд, снижает потенциал его использования.

Научные исследования дают возможность тщательного описания некоторых тенденций, отдельных элементов суррогатного материнства, но в меньшей степени отвечают на вопрос, какие дискурсы формируются в современном российском контексте. Полагая, что общественные и экспертные суждения в этом вопросе могут не совпадать, далее мы обратимся к собственным эмпирическим данным в попытке найти точки соприкосновения и диссонанса между ними.

Описание метода

Дизайн исследования продиктован задачей сопоставления общественного и экспертного мнений, что требовало применения двух параллельных исследовательских методик — массового опроса и экспертного интервью. Опрос реализован с использованием онлайн-сервиса Яндекс Формы ($N=1440$). Выборка репрезентативна в части половозрастной структуры (структура выборки представлена в Приложении 1). Регион проведения — Уральский федеральный округ. Сроки сбора данных — февраль — март 2023 г. Расчеты произведены с помощью SPSS Statistics 23. Ограничение исследования: выборка формировалась целенаправленно, что может приводить к ее смещениям и ограничивает возможность экстраполяции на генеральную совокупность. Основная цель анализа — выявление различий между ключевыми социально-демографическими группами респондентов.

Работа с экспертами представлена серией полуструктурированных интервью ($N=6$), в которых приняли участие репродуктологи, репродуктивный психолог и руководитель рекрутинговой компании, занимающейся подбором суррогатных матерей (таблица с данными экспертов представлена в Приложении 2). Все эксперты представляют г. Екатеринбург. Выбор региона исследования обусловлен его статусом крупного индустриального центра, лишенного столичной и выраженной религиозной специфики. Полученные данные прошли первичную обработку и кодировку, что позволило выделить три главные «точки напряжения», это морально-этическая сторона суррогатного материнства, мотивация суррогатных матерей и профессионализация сферы.

Результаты и обсуждение

Моральные и этические основания использования технологии суррогатного материнства

Корреляционный анализ показывает, что отношение к суррогатному материнству среди опрошенных россиян значимо зависит от пола (см. табл. 1). Женщины статистически значимо чаще выражают поддержку суррогатного материнства: позитивное отношение («очень» или «скорее положительно») отмечают 81 % женщин против 69 % мужчин ($p < 0,001$). При этом мужчины демонстрируют более высокую долю нейтральных ответов (17 % против 10 % у женщин).

Максимальная поддержка суррогатного материнства наблюдается в группе 31—40 лет (79 % позитивных ответов). При сохранении общего высокого уровня одобрения в старших возрастных группах (41—70 лет: 73 % позитивных ответов) доля категоричных оценок («очень положительно») снижается до 49 %. Статистически значимой линейной связи с возрастом не выявлено ($p = 0,059$), что подтверждает нелинейный характер возрастных различий.

Наличие детей не является значимым фактором: доли позитивных ответов среди тех, у кого есть дети (76,3 %), и тех, у кого их нет (72 %), статистически не различаются, что соответствует незначимой корреляции ($r = 0,035$, $p = 0,183$). Несмотря на небольшие расхождения в распределении ответов (например, 22 % «скорее положительно» у лиц с детьми против 16 % у бездетных), эти различия не носят системного характера. Таким образом, подтверждается гендерный разрыв в отношении к суррогатному материнству при отсутствии выраженной связи с возрастом и наличием детей.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к суррогатному материнству?» (N = 1440), % от ответивших по столбцу

Отношение к суррогатному материнству (% по столбцу)	Все	Женщины	Мужчины	18—30 лет	31—40 лет	41—70 лет	Есть дети	Нет детей
Очень положительно	55	60	50	56	59	49	55	56
Скорее положительно	20	21	18	15	19	24	22	16
Нейтрально	13	10	17	17	12	13	17	11
Скорее отрицательно	5	5	5	6	4	6	5	5
Резко отрицательно	1	2	1	3	0	2	1	1
Затрудняюсь ответить	5	3	8	4	5	7	5	6

Анализ данных, представленных на рисунке 1, позволяет выявить значимые различия в отношении к суррогатному материнству между мужчинами и женщинами, что согласуется с ранее установленной слабой, но статистически значимой положительной корреляцией. Женщины демонстрируют более выраженную поддержку суррогатного материнства в контексте его социальной роли (например, утверждения «Суррогатное материнство может помочь людям стать родителями

желанного ребенка» и «Суррогатное материнство должно быть доступно только по медицинским показаниям» находят больший отклик среди женщин, что подтверждает их склонность видеть в этой практике инструмент решения проблем бесплодия, а также осторожность в отношении расширения практики за пределы строгих медицинских рамок). Также они чаще выбирают вариант «Суррогатное материнство должно быть более четко регламентировано государством», что можно интерпретировать как большие патерналистические ожидания от государства в репродуктивных вопросах.

В то же время утверждения о доступности («Суррогатное материнство должно быть доступно всем гражданам, вне зависимости от дохода») разделяют представители обоих полов в равной степени, возлагая ожидания на социальную защиту со стороны государства. Утверждения «Суррогатное материнство позволяет женщинам зарабатывать и улучшать жизнь собственных детей» и «Женщины вынуждены идти на суррогатное материнство из-за тяжелой экономической ситуации» имеют более высокий процент согласия среди женщин, отражая их понимание финансовой мотивации.

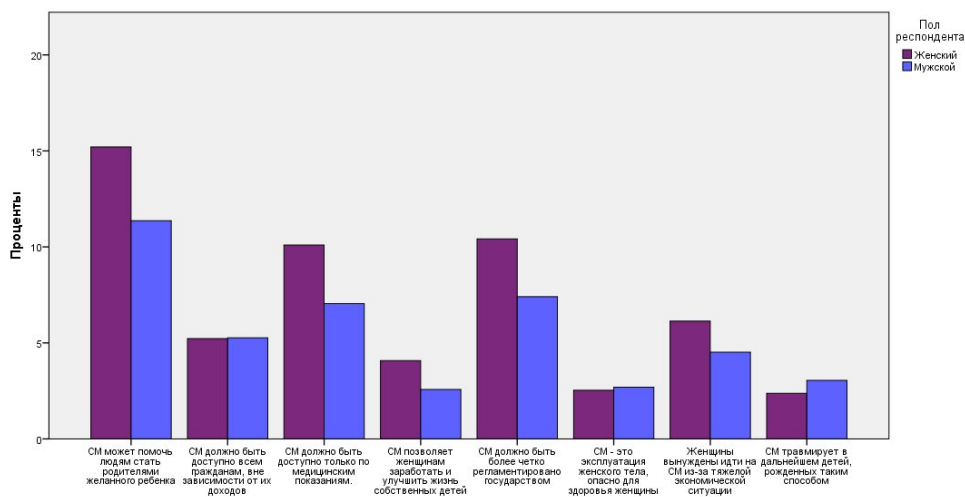
Этические риски суррогатного материнства, такие как эксплуатация женского тела и психологические последствия для ребенка, в обеих группах респондентов признают относительно редко. Утверждение «Суррогатное материнство — это эксплуатация женского тела, опасно для здоровья женщины» не показывает значимых гендерных различий, что может свидетельствовать о равной степени понимания физических последствий для суррогатной матери. Однако отсутствие явного интереса к этому вопросу в обеих группах подсвечивает тенденцию восприятия рисков беременности и родов как «естественных», не вызывающих особого беспокойства. Мужчины в целом реже пользуются возможностью множественного выбора вариантов, останавливаясь на одном-двух, что может объясняться их дистанцированностью от непосредственного опыта беременности и родов.

Гендерные различия в восприятии суррогатного материнства проявляются наиболее ярко в социальной роли практики и вопросах экономической мотивации. Женщины склонны видеть в суррогатном материнстве как возможность решения личных и социальных проблем, так и потенциальные угрозы, тогда как мужчины чаще занимают сдержанную или нейтральную позицию.

В то время как общественное мнение формируется стихийно под влиянием культурных норм и стереотипов, экспертное сообщество (репродуктологи, психологи, юристы) подходит к суррогатному материнству как к сложной клинικο-этической практике, требующей стандартизации. Активная профессиональная рефлексия о суррогатном материнстве ведется не менее десятилетия, сфокусировавшись на разработке протоколов безопасности, юридических механизмов защиты сторон и критериев отбора суррогатных матерей. Этот опыт привел к формированию отчетливого профессионального дискурса, который часто расходится с массовыми представлениями в ключевых аспектах: от оценки мотивации участниц до подходов к регулированию.

Для экспертного сообщества суррогатное материнство — это частный случай решения проблемы бесплодия, который составляет альтернативу усыновлению (с той важной оговоркой, что суррогатный ребенок является генетически родным для реципиентов).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие утверждения наиболее точно описывают Ваше отношение к суррогатному материнству?»
(возможность множественного выбора, % от общего числа респондентов)

Для экспертного сообщества суррогатное материнство — это частный случай решения проблемы бесплодия, который составляет альтернативу усыновлению (с той важной оговоркой, что суррогатный ребенок является генетически родным для реципиентов).

Программа суррогатной матери оказывается проще, чем усыновить ребенка. (Эксперт 1, репродуктолог)

Это тоже крайний шаг, нет других вариантов. Есть вариант, когда вынашивает суррогатная мама, или вариант пойти в детский дом. Но в детском доме будет совершенно чужой ребенок, а здесь свой, родной, никакой генетики не переходит от суррогатной мамы этому ребенку. Это прям их биологический ребенок. (Эксперт 4, репродуктолог)

Масштабы репродуктивной дисфункции, по мнению врачей, колоссальны, поэтому спрос на услуги ВРТ растет, существенно превышая предложение, которое формируется под воздействием как этических, так и психологических барьеров. Увеличение спроса на суррогатное материнство эксперты связывают с социальными трендами, такими как отложенное материнство, распространение репродуктивных патологий. Один из экспертов указывает на дисбаланс:

Если у нас не будет ничего происходить в плане выравнивая социализации и социальных слоев, то бедные будут вынашивать богатым детей. (Эксперт 2, репродуктолог)

Этот прогноз отражает опасения по поводу усиления социального неравенства, при котором экономическая необходимость одних сталкивается с репродуктивными потребностями других.

Суррогатное материнство понимается специалистами как сложный, но необходимый механизм решения проблем бесплодия, имеющий двойственную природу. С одной стороны, эта практика становится последним шансом для людей, мечтающих о ребенке, с другой — она имеет очевидные медицинские и психологические риски. Врач-репродуктолог метафорично описывает суррогатную беременность так: *«Маленькая пороховая бочка: где рванет и рванет ли, никто не знает никогда»* (Эксперт 4, репродуктолог). Физиологические последствия, такие как выпадение волос или опущение матки (Эксперт 3, заведующий отделением ВРТ), сочетаются с эмоциональными трудностями. Например, суррогатные матери боятся столкнуться с невыплатой вознаграждения или привязаться к ребенку, а биологические родители — не получить его: *«Родители боятся, что им ребенка не отдадут, а сурмама — что ей не заплатят»* (Эксперт 6, директор агентства по рекрутингу).

К психологическим рискам специалисты относят стигматизацию участников программы. Как биологические родители, так и суррогатные матери вынуждены скрывать свое участие.

Ни одна религия не разрешает этого... Суррогатным мамам тоже не хочется, чтобы им тыкали пальцем, что она зарабатывает неизвестно на чем, чтобы ее называли плохими словами, поэтому она тоже будет скрывать максимально от общества. (Эксперт 4, репродуктолог)

Биологические родители скрывают, что их беременность вынашивает суррогатная мать, и суррогатная мать скрывает факт от друзей, родственников... коллег по работе (условно), чтобы это не обсуждал весь район, весь двор. (Эксперт 2, репродуктолог)

Эта скрытность характерна, по мнению представителя рекрутингового агентства, даже при взаимодействии с врачами и медсестрами, персоналом медицинских организаций, которые могут выносить личные суждения о приемлемости вынашивания чужого ребенка (Эксперт 6).

Несмотря на растущий спрос, суррогатное материнство остается маргинальной темой в общественном сознании. Заведующий отделением ВРТ констатирует: *«Большинство не задумываются о проблемах, пока не столкнутся лично»* (Эксперт 3). Это противоречие между медицинской необходимостью и стигмой, по мнению экспертов, является ключевым вызовом. Они сходятся во мнении, что практика требует не только правовых гарантий, но и изменения общественного восприятия, чтобы снизить риски для всех участников и обеспечить этичную реализацию программ.

Мнения о мотивах суррогатных матерей

Мотивация суррогатных матерей — еще один принципиально значимый вопрос, на котором основано законодательство многих стран, как было показано выше.

Сложность ответа на него состоит в том, что он содержит минимум два уровня: как «должно быть» по мнению респондента (идеальный, см. рис. 2) и «как есть» (реальный, см. рис. 3). Анализ связи между двумя графиками позволяет выявить ключевые тенденции в восприятии суррогатного материнства. Первый график, отражающий восприятие причин гражданами участия женщин в суррогатном материнстве, демонстрирует доминирование финансовых мотивов (например, «Хотят получить дополнительный доход» и «Вынуждены зарабатывать из-за острой финансовой необходимости (долги, отсутствие работы)»)⁵ над альтруистическими и моральными («Хотят помочь другим женщинам/парам стать родителями», «Испытывают чувство вины, хотят загладить свои ошибки (за аборт, разводы, проступки и т. п.)»). Приписывание суррогатным матерям экономических мотивов указывает на то, что суррогатное материнство воспринимается как вынужденная стратегия в условиях недостатка ресурсов.

Важно, что женщины чаще мужчин указывают как на финансовые, так и на альтруистические мотивы, тогда как мужчины активнее выбирают варианты «Им нравится состояние беременности» и «Хотят временно улучшить условия жизни (жилье, питание, медицина) в период беременности», то есть склонны более оптимистично оценивать состояние беременности и создание особых условий для женщины в этот период. Вариант «Испытывают чувство вины, хотят загладить свои ошибки (за аборт, разводы, проступки и т. п.)» наименее популярен и среди мужчин, и среди женщин. Суррогатное материнство, вероятно, не ассоциируется с искуплением, поэтому сама идея «исправления ошибок» через вынашивание чужого ребенка может восприниматься как противоречивая. Низкая популярность этого варианта у обоих полов указывает на общекультурные установки, а не гендерную специфику восприятия вопроса.

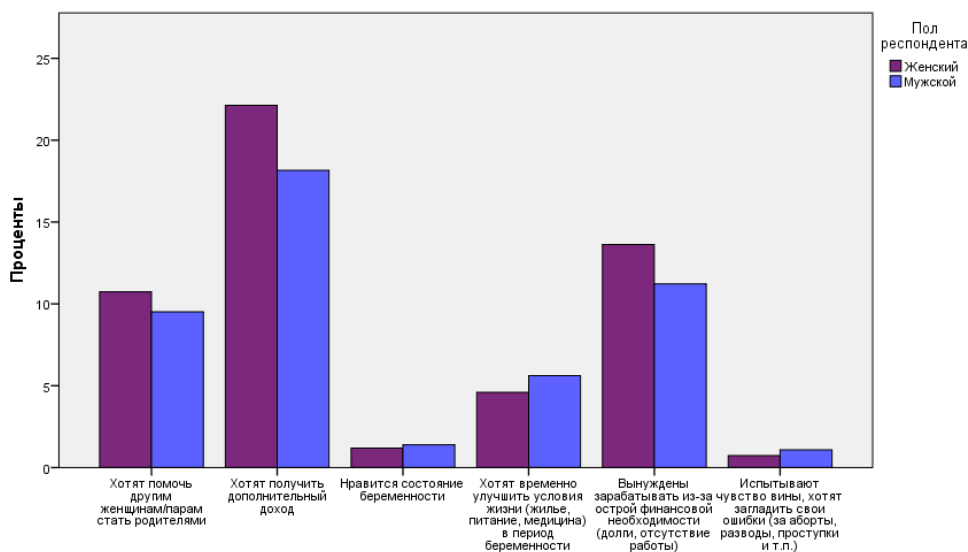
Анализ выявил ключевое противоречие между нормативными ожиданиями общества («как должно быть») и представлениями о реальных мотивах суррогатных матерей («как есть»). С одной стороны, респонденты считают социально одобряемым (идеальным) прежде всего альтруизм («Хотят помочь другим» — 10 % суммарно, см. рис. 2), тогда как материальная мотивация («Хотят получить доход» — 20 %) воспринимается как менее приемлемая. С другой стороны, в восприятии реальной практики (приписываемых мотивов, см. рис. 3) доминирует экономический фактор, в то время как альтруистический мотив отмечается чуть реже. Это создает диссонанс между нормативным предпочтением альтруистической модели суррогатного материнства как «правильной», но прагматически признает доминирование экономических мотивов как реальность. Смешанные

⁵ Разделение финансовых мотивов в вопросе о реальных причинах участия женщин в суррогатном материнстве на три категории — «Хотят получить дополнительный доход», «Вынуждены зарабатывать из-за острой финансовой необходимости» и «Хотят временно улучшить условия жизни в период беременности» — позволило выявить ключевые нюансы экономической мотивации. Преобладание ответов, связанных со стремлением к дополнительному заработку и вынужденной необходимостью, указывает на системные проблемы, такие как недостаток социальной поддержки, ограниченный доступ к стабильным доходам или кризисные жизненные обстоятельства. Вариант «временное улучшение условий» подчеркивает, что для части женщин это стратегия краткосрочного решения проблем, таких как доступ к медицинскому обслуживанию или безопасному жилью, что отражает связь репродуктивного труда с текущими социально-экономическими условиями. В то же время объединение всех финансовых причин в категорию «Желание получить материальную выгоду для себя или семьи» при оценке социально приемлемых мотивов позволяет избежать избыточной детализации финансовых решений, сосредоточившись на факте оплаты услуг суррогатного материнства.

ответы респондентов (возможность выбора нескольких мотивов) могут отражать как социальную желательность (стремление смягчить «неудобный» финансовый мотив добавлением альтруистического), так и признание объективной сложности и многогранности мотивации, где экономические и неэкономические причины переплетены.

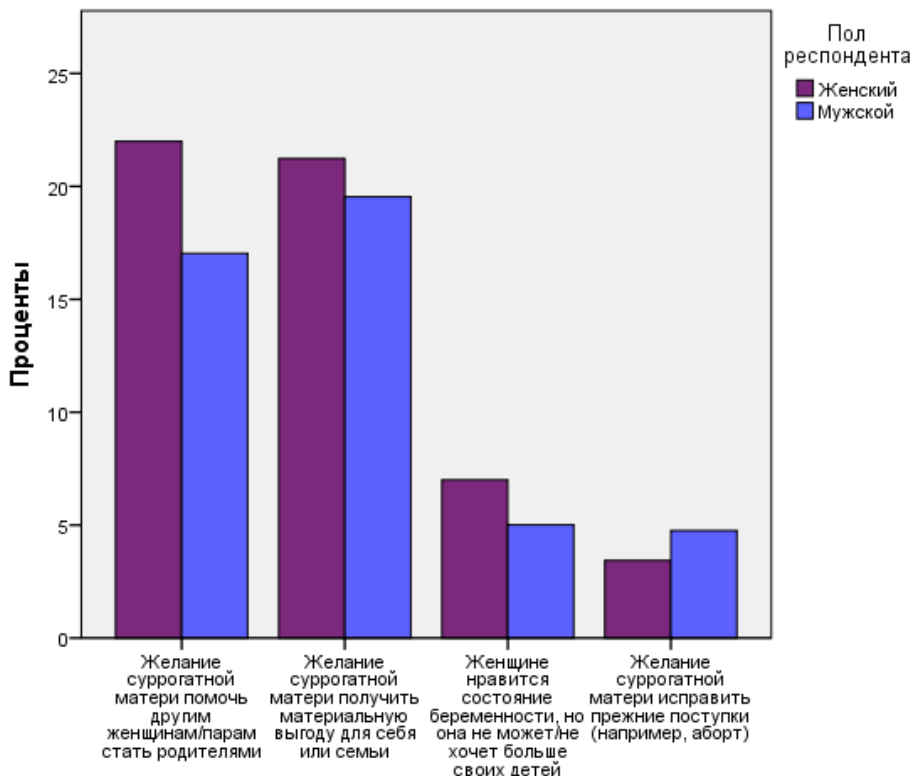
Анализ демонстрирует, что текущая оценка суррогатного материнства часто формируется под влиянием идеализированных представлений, которые могут не совпадать с реальными практиками. В условиях экономической нестабильности финансовые мотивы, даже если этически они считаются менее «пригодными», становятся «понимаемыми». Разрыв между графиками подчеркивает этическую двойственность суррогатного материнства, которое балансирует между помощью нуждающимся и коммерциализацией репродукции.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вам кажется, женщины становятся суррогатными матерями, потому что...» (% от общего числа респондентов)

В экспертном сообществе суррогатное материнство рассматривается преимущественно через призму экономической рациональности. Подавляющее большинство наших собеседников сходятся во мнении, что ключевым мотивом для женщин, участвующих в программах, выступает финансовое вознаграждение. Этот прагматический подход воспринимается не только как основной, но и как оптимальный, поскольку, по словам врача-репродуктолога (эксперт 1), «это работа с хорошим заработком», требующая профессионального отношения к обязательствам. Репродуктолог государственной клиники (эксперт 4) подчеркивает, что «финансовое вознаграждение — самая правильная мотивация», обеспечивающая дисциплину и минимизирующая эмоциональные риски.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Какие из перечисленных мотивов суррогатного материнства кажутся Вам наиболее приемлемыми?» (% от общего числа респондентов)

Это должна быть работа: ты должен сделать то-то, то-то, то-то четко, понимая, что ты должен вовремя принять таблетку, вовремя явиться туда, сделать то, что тебе сказали, не торговаться. (Эксперт 2, репродуктолог)

Альтруистические мотивы, напротив, оцениваются как проблемные из-за потенциальных внутренних конфликтов. Финансовая заинтересованность становится гарантией прозрачности отношений, тогда желание «спасти мир» может маскировать неочевидные психологические сложности.

Когда мотив «сделать хорошее» — за ним что-то скрывается, а я не хочу, не имея возможности, разбираться, и не хочу в силу своей работы разбираться, что за ним скрывается и какие это риски влечет. Когда мотив — деньги, то вроде бы как все понятно для всех. Есть договор и есть условия сделки выполнения этого договора. (Эксперт 3, репродуктолог)

Процедура отбора суррогатных матерей формально фокусируется на медицинских критериях (возраст до 35 лет, наличие собственных детей) и редко включает

глубокий анализ мотивации. Однако, как иллюстрирует кейс от представителя государственной клиники (эксперт 2), изначальное любопытство специалистов к причинам участия женщин выявляет парадоксы: например, желание купить мужу машину как ключевой стимул. Финансовый мотив часто оказывается инструментом преодоления кризисных ситуаций. Суррогатное материнство становится для женщин (часто молодых матерей) стратегией решения острых проблем — от жилищных вопросов до выплаты долгов, как в случае, описанном директором рекрутингового агентства (эксперт 6), где участница программы компенсировала потери семьи от действий мошенников.

Динамика взаимодействия между сторонами формирует сложные социальные связи. Даже при анонимности процедуры годовой контакт биологических родителей и суррогатной матери создает гибридную форму отношений — «семейно-договорной микроклимат». Привлечение в качестве суррогатных матерей родственниц, по мнению репродуктивного психолога (эксперт 5), усиливает доверие, но может порождать неоднозначные последствия в долгосрочной перспективе. Таким образом, суррогатное материнство оценивается экспертами как экономически детерминированная практика, где финансовый обмен структурирует взаимодействия, снижая эмоциональные риски. Однако за этим прагматизмом скрываются индивидуальные истории преодоления, отражающие социально-экономические реалии современных женщин.

Профессионализация и государственное регулирование

Профессионализация суррогатного материнства подразумевает трансформацию стихийной практики в регулируемую отрасль с четкими стандартами, этическими протоколами и институциональной инфраструктурой, направленную на минимизацию рисков для всех участников процесса. Это может включать внедрение обязательной медицинской и психологической подготовки суррогатных матерей с акцентом на информированность о физических и эмоциональных рисках; разработку унифицированных юридических механизмов (типовые договоры, страховые продукты, механизмы финансовой прозрачности); создание реестров аккредитованных клиник и агентств, отвечающих критериям безопасности; введение этических комитетов для оценки индивидуальных ситуаций; стандартизацию постродового сопровождения, включая психологическую поддержку для суррогатной матери и потенциальных родителей и т. д. Идея признания суррогатного материнства профессией встречает сдержанную реакцию среди опрошенных (см. рис. 4). Менее 15 % мужчин и 18 % женщин поддерживают такую инициативу, тогда как каждый четвертый респондент выступают против. Значительная доля затруднившихся с ответом указывает на неоднозначность темы и опасения по поводу формализации этой деятельности из-за ассоциаций с коммерциализацией репродукции. В отличие от профессионализации, вопрос о государственном регулировании получил широкую поддержку (см. рис. 5). За него высказались треть мужчин и почти 40 % женщин, при этом противников оказалось крайне мало. Высокий уровень одобрения отражает запрос на правовую и, возможно, этическую экспертизу процесса со стороны государства. Женщины, традиционно более вовлеченные в вопросы репродукции, активнее поддерживают регулирование, что

может быть связано с осознанием рисков эксплуатации и необходимостью гарантий медицинской и юридической безопасности.

Сопоставление данных выявляет этическую двойственность. С одной стороны, респонденты ожидают регулирования со стороны государства, но при этом отвергают формализацию суррогатного материнства как профессии. Регулирование ассоциируется с порядком и защитой, тогда как профессионализация понимается как превращение материнства в услугу, что нарушает традиционные представления о семье и деторождении. Женщины демонстрируют более высокую поддержку как регулирования, так и (в меньшей степени) профессионализации. Это может быть связано с их ролью в репродуктивных процессах и большей осведомленностью о проблемах, с которыми сталкиваются женщины, в том числе суррогатные матери. Их позиция указывает на необходимость включения женского опыта в разработку законодательных инициатив. В целом такая картина может свидетельствовать об отсутствии баланса между этикой и практической необходимостью. С одной стороны, есть запрос на четкие правовые рамки, минимизирующие риски, с другой — существует сопротивление идее профессионализации суррогатного материнства.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Поддерживаете ли Вы идею о том, что суррогатное материнство должно быть профессией?» (% от общего числа респондентов)

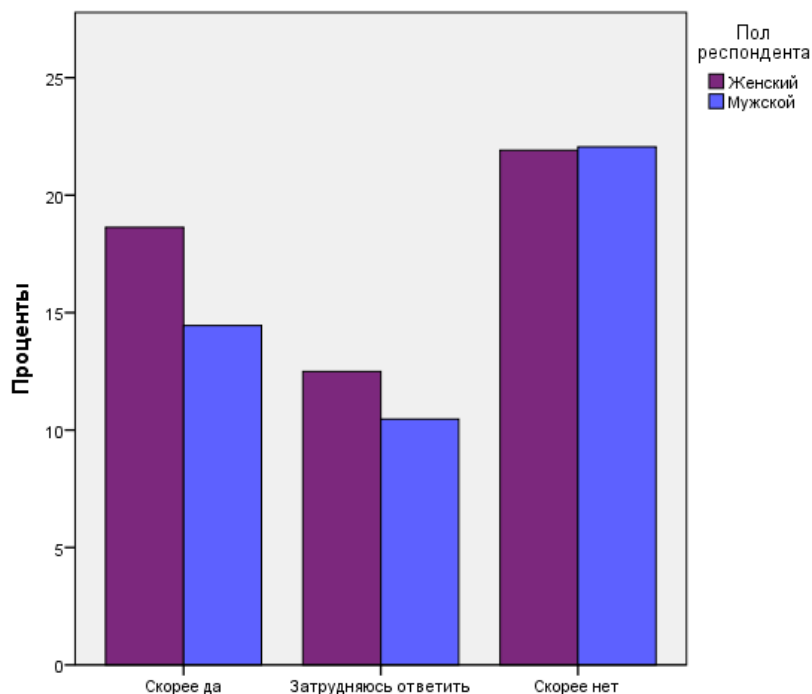
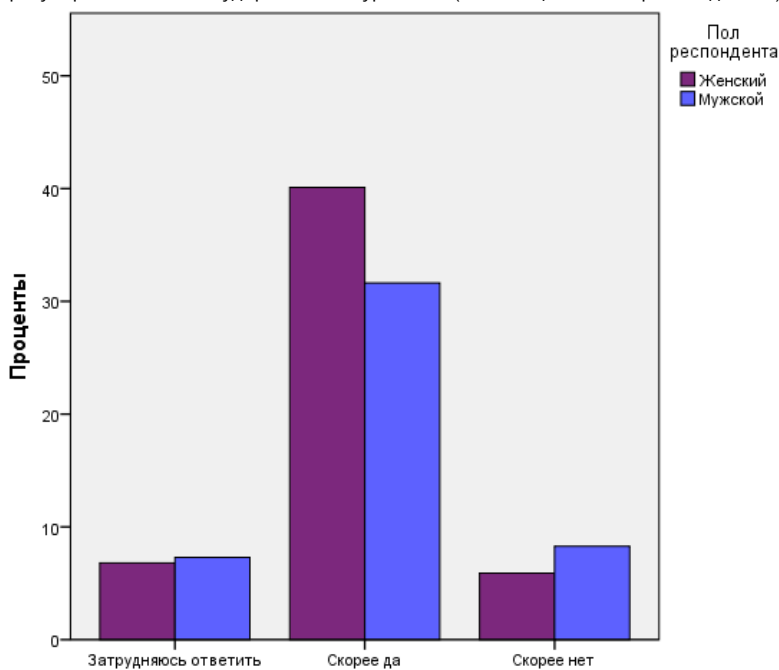

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, суррогатное материнство должно регулироваться на государственном уровне?» (% от общего числа респондентов)

Идея профессионализации суррогатного материнства и систематизации стихийно существующих практик создает напряженность в профессиональной дискуссии. Эксперты единодушно отвергают термин «профессиональная» по отношению к суррогатным матерям, заменяя его на «опытная» или «стажированная», подчеркивая уникальность этой деятельности, которая балансирует между физическим трудом и эмоциональной вовлеченностью. На сегодня взаимодействие участниц программ суррогатного материнства ограничивается неформальными онлайн-сообществами, где обмен опытом происходит хаотично, что, по мнению экспертов, создает риски дезинформации:

Это [создание профессионального сообщества] было бы неплохо... Сейчас это просто форумы. На форумах можно найти абсолютно разную, абсолютно противоположную информацию, в том числе пугающую. И если это будет более экспертное мнение тех женщин, которые через это прошли, я думаю, это будет вызывать и больше доверия у женщин, и они получат более качественную, компетентную информацию. (Эксперт 1, репродуктолог)

Однако большинство специалистов скептически оценивают необходимость создания профессиональных ассоциаций суррогатных матерей, акцентируя внимание на разработке системы подготовки к процедуре суррогатного материнства. Ключевая проблема определяется как отсутствие четкого механизма обучения (ре-

продуктологи перегружены, психологи недостаточно компетентны в медицинских аспектах, а предложение о курсах наталкивается на риски имитации). Эксперты предупреждают: *«Любые сертификаты [об обучении] могут стать инструментом махинаций — фирмы будут штамповать справки за деньги»* (эксперт 1). Психолог добавляет, что обучение, аналогичное «школе мам», могло бы снизить риски для обеих сторон, но вопрос документального подтверждения остается спорным (эксперт 5).

Ситуация усугубляется стремлением многих женщин сохранять анонимность суррогатного материнства, что конфликтует с идеей профессионализации. Тем не менее эксперты признают, что для обеспечения прозрачности и защиты прав всех участников необходимо государственное регулирование. Суррогатное материнство остается зоной неопределенности, где попытки институционализации сталкиваются с практикой неформальных договоренностей, а потребность в безопасности балансирует с правом на приватность.

Выводы и обсуждения

Дискуссии вокруг трансформации института семьи в России активно ведутся на протяжении последних десятилетий [Вишневский, 2018; Аношкин, Сычев, 2019], подогреваемые сменой нормативной модели, демографическими рисками, ухудшением репродуктивного здоровья. Повышается внимание к вспомогательным репродуктивным технологиям, пользу и потенциальные риски которых пытаются взвесить как профессионалы, так и общественность. Несмотря на невысокий процент рождений с применением суррогатного материнства⁶, сама технология имеет широкий общественный резонанс и вызывает живой интерес.

Мы рассмотрели общественные и экспертные оценки суррогатного материнства в трех основных плоскостях: моральные и этические основания использования данной технологии, мотивация суррогатных матерей и возможность профессионализации сферы, — и пришли к выводу, что исследовательскую ценность представляют не только суждения как таковые, но и тональность этих двух дискурсов, демонстрирующая противоречивость и многослойность отношения к практикам суррогатного рождения детей. Опираясь на полученные данные, мы считаем, что общественное мнение (на примере Свердловской области) демонстрирует парадокс толерантности: 84 % опрошенных формально поддерживают суррогатное материнство, однако эта поддержка маскирует глубинные этические конфликты. Гендерный разрыв (81,2 % женщин против 68,7 % мужчин позитивно оценивают практику) указывает на различия в оценках суррогатного материнства мужчинами и женщинами. Женщины склонны видеть в суррогатном материнстве инструмент решения проблем бесплодия, но при этом требуют строгой регламентации («доступно только по медицинским показаниям»). Мужчины в целом поддерживают суррогатное материнство, но чаще выбирают нейтральные ответы. Эксперты акцентируют внимание на медико-юридической рациональности, рассматривая практику как альтернативу усыновлению, но игнорируют общественные страхи пе-

⁶ В России в 2021 г. при помощи суррогатного материнства родилось 670 детей (отчет Российской Ассоциации репродукции человека за 2021 г. URL: https://www.rahr.ru/registr_otchet.php, более свежих данных в свободном доступе нет), что составляет примерно 0,05 % от числа всех рождений (всего в 2021 г. в России родилось 1,4 млн детей, данные Росстата, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>) (дата обращения: 30.10.2024).

ред коммодификацией тела. При этом специалисты указывают на стигматизацию в обществе: суррогатные матери и биологические родители предпочитают скрывать свое участие в программе, что отражает конфликт между технологическим прогрессом и традиционными представлениями о родительстве.

Этическая оценка суррогатного материнства во многом зависит от того, чем мотивированы женщины, участвующие в этой программе. Общественное мнение формирует двойственный нарратив, в рамках которого ожидание альтруизма вступает в противоречие с приписываемыми финансовыми мотивами. Общество готово «понять» экономическую необходимость, но не готово легитимировать ее как основу практики. Женщины чаще признают сложность мотивации, связывая ее с социально-экономическими условиями («жилье, долги»), тогда как мужчины романтизируют беременность («нравится состояние»). Эксперты единодушно рационализируют мотивацию, настаивая на приоритете финансового фактора как гарантии прозрачности.

Можно сделать осторожное предположение о неприемлемости в российском обществе идеи профессионализации суррогатного материнства (поддержка менее 18 %) в связи с ассоциацией коммерциализации «священного». При этом приветствуется идея государственного регулирования (40 % женщин). Это противоречие отражает страх перед превращением репродукции в рынок услуг при одновременном запросе на безопасность. Женщины, как ключевые акторы репродукции, активнее выступают за регулирование, осознавая возможные риски процедуры как для суррогатных матерей, так и для потенциальных родителей. Эксперты скептически относятся к формальным институтам («профессиональные сообщества»), предлагая вместо этого модель «опытной» матери, но признают необходимость системной подготовки. Однако отсутствие механизмов (перегруженность репродуктологов, риски имитации обучения) и анонимность участниц блокируют институционализацию.

Дискурс вокруг суррогатного материнства в России формируется на фоне глубинных противоречий между экспертным и общественным восприятием. Эксперты, акцентируя прагматику (медицинские показания, договорные отношения, финансовая мотивация), рассматривают его как рациональный инструмент решения проблемы бесплодия. Общественность же, формально поддерживая практику, оценивает ее через этико-культурную призму (суррогатность воспринимается как нарушение естественного порядка, что порождает стигму и запрос на ограничения). Причина различий заключается, на наш взгляд, в том, что оценки специалистов опираются на профессиональный опыт и контекст конкретных случаев, тогда как общественное мнение формирует абстрактные суждения. Сопоставление мнений обнажает противоречивость ситуации, когда эксперты игнорируют смыслообразующие вопросы, сосредотачиваясь на решении прикладных задач, а общество, осуждая «продажу материнства», закрывает глаза на реальные драмы людей, имеющих репродуктивные проблемы. Смысл поиска точек соприкосновения между общественной и экспертной позициями заключается в необходимости решить проблему «социальной растерянности» в вопросах потенциала развития и допустимых границ использования вспомогательных репродуктивных технологий, а также снизить социальную уязвимость тех, кто рожден при помощи суррогатного материнства или участвовал в этой программе.

Список литературы (References)

1. Аношкин И. В., Сычев О. А. Связь семейных ценностей молодежи с гедонизмом и эвдемонией // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 8. С. 90—111. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-90-111>.
Anoshkin I. V., Sychev O. A. (2019) The Relationship of Youth Family Values with Hedonism and Eudemonia. *The Education and Science Journal*. Vol. 21. No. 8. P. 90—111. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-90-111>. (In Russ.)
2. Боровкова В. В., Зубко А. В., Сабгайда Т. П., Хоманов К. Э., Краснов Г. С. Отношение медицинского сообщества к правовым вопросам суррогатного материнства // Здравоохранение Российской Федерации. 2022. Т. 66. № 1. С. 76—84. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2022-66-1-76-84>.
Borovkova V. V., Zubko A. V., Sabgayda T. P., Khomanov K. E., Krasnov G. S. (2022) The Opinion of The Medical Community on The Legal Issues of Surrogate Maternity. *Health Care of the Russian Federation*. Vol. 66. No. 1. P. 76—84. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2022-66-1-76-84>. (In Russ.)
3. Вишневский Ю. Р., Ячmeneва М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 125—141. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-125-141>.
Vishnevsky Yu. R., Yachmeneva M. V. (2018) The Attitude of Student Youth to Family Values (Case Study of The Sverdlovsk Region). *The Education and Science Journal*. Vol. 20. No. 5. P. 125—141. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-125-141>. (In Russ.)
4. Граматчикова Н. Б., Полякова И. Г. Профессионализация донорства в репродукции: нарративный анализ жизненных историй // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 3. С. 149—180. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.6>.
Gramatchikova N., Polyakova I. (2023) Professionalization of Donation in Reproduction: A Narrative Analysis of Life Stories. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 26. No. 3. P. 149—180. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.6>. (In Russ.)
5. Исупова О. Г., Русанова Н. Е. Восприятие вспомогательных репродуктивных технологий российской студенческой молодежью // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 4. С. 34—46. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.3>.
Isupova O. G., Rusanova N. E. (2021) Reception of Assisted Reproductive Technologies by Russian Student Youth. *Population*. Vol. 24. No. 4. P. 34—46. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.3>. (In Russ.)
6. Конрой Н. В. Разумный альтруизм: можно ли примирить мораль и рынок? // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 2. С. 138—150. Рец. на кн.: Berend Z. 2016. The Online World of Surrogacy. NY, Oxford: Berghahn Books
Conroy N. (2017) Rational Altruism: Is it Possible to Reconcile Morality with Markets? *Journal of Economic Sociology*. Vol. 18. No. 2. P. 138—150. Book Review:

- Berend Z. (2016) *The Online World of Surrogacy*. NY, Oxford: Berghahn Books. (In Russ.)
7. Agterberg S., Van Rijn-van Gelderen L., Van Rooij F. B., De Vos M., Jaspers E., Fukkink R. G., Mochtar M., Goddijn M., Bos H. M. (2024) Demographic and Family-Based Predictors of Dutch Societal Attitudes Towards Surrogacy. *Human Reproduction*. Vol. 39. No. 1. <https://doi.org/10.1093/humrep/deae108.823>.
 8. Ajayi M. A., Adelakun Olanike S. (2018) Surrogacy and Its Implications in Nigeria Emerging Issues in Women's Reproductive Rights. *Abuad Journal of Public and International Law*. No. 1. P. 204—223.
 9. Armuand G., Lampic C., Skoog-Svanberg A., Wånggren K., Sydsjö G. (2018) Survey Shows That Swedish Healthcare Professionals Have a Positive Attitude Towards Surrogacy but The Health of The Child Is a Concern. *Acta Paediatr*. Vol. 107. P. 101—109. <https://doi.org/10.1111/apa.14041>.
 10. Baron T., Svingen E., Leyva R. (2024) Surrogacy and Adoption: An Empirical Investigation of Public Moral Attitudes. *Journal of Bioethical Inquiry*. Vol. 21. P. 671—681. <https://doi.org/10.1007/s11673-024-10343-1>.
 11. Berend Z. (2016) *The Online World of Surrogacy*. New York, NY; Oxford: Berghahn Books.
 12. Gheaus A., Straehle C. (2023) *Debating Surrogacy*. New York, NY: Oxford Academic. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190072162.001.0001>.
 13. Jacobson H. (2016) *Labor of Love: Gestational Surrogacy and the Work of Making Babies*. New Brunswick: Rutgers University Press.
 14. Kashyap S., Tripathi P. (2022). 'We're Just Business. We're Not People': Revisiting Surrogacy Through Amulya Malladi's, A House for Happy Mothers. *Journal of Gender Studies*. Vol. 31. No. 5. P. 584—597. <https://doi.org/10.1080/09589236.2022.2041408>.
 15. Liu Y. (2022) Perspectives on Surrogacy in Chinese Social Media: A Content Analysis of Microblogs on Weibo. *Yale Journal of Biology and Medicine*. Vol. 95. No. 3. P. 305—316.
 16. Luna, Z., Luker, K. (2013) Reproductive justice. *Annual Review of Law and Social Science*. No. 9. P. 327—352. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-102612-134037>.
 17. Lutkiewicz K., Bieleninik Ł., Jurek P. (2023) Development and Validation of The Attitude Towards Surrogacy Scale in A Polish Sample. *BMC Pregnancy Childbirth*. Vol. 23. Art. 413. <https://doi.org/10.1186/s12884-023-05751-x>.
 18. Merchant J. (2020). Dead-End in Sight: France Struggles with Surrogacy and Cross-Border Practices. *The New Bioethics*. Vol. 26. No. 4. P. 314—327. <https://doi.org/10.1080/20502877.2020.1835207>.

19. Mohnke M., Thomale C., Roos Y., Christmann U. (2019) Development and Validation of an “Attitude toward Surrogacy Questionnaire” in a German Population. *Journal für Reproduktionsmedizin und Endokrinologie*, Vol. 16. No. 1. P. 6—14.
20. Mukherjee R., Sekher T. V. (2020) Wombs for Money: Commercial Surrogacy Through Kolkata’s Window. In: *Population Dynamics in Eastern India and Bangladesh*. Singapore: Springer. P. 117—132. https://doi.org/10.1007/978-981-15-3045-6_7.
21. Rahimi Kian F., Zandi A., Omani Samani R., Maroufizadeh S., Mehran A. (2016) Development and Validation of Attitude Toward Gestational Surrogacy Scale in Iranian Infertile Couples. *International Journal of Fertility and Sterility*. Vol. 10. No. 1. P. 11—39.
22. Smietana M., Rudrappa S., Weis C. (2021) Moral Frameworks of Commercial Surrogacy Within The US, India and Russia. *Sexual and Reproductive Health Matters*. Vol. 29. No. 1. P. 377—393. <https://doi.org/10.1080/26410397.2021.1878674>.
23. Stenfelt C., Armuand G., Wånggren K., Skoog Svanberg A., Sydsjö G. (2018) Attitudes Toward Surrogacy Among Doctors Working in Reproductive Medicine and Obstetric Care in Sweden. *Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica*. Vol. 97. No. 9. P. 1114—1121.
24. Suryanarayanan S. (2023) Poverty and Commercial Surrogacy in India: An Intersectional Analytical Approach. *Journal of Analysis of Exploitation and Violence*. Vol. 8. No. 2. Art. 4. <https://doi.org/10.23860/dignity.2023.08.02.04>.
25. Tharakan E. (2024) Law and Economics in Surrogacy Markets. *International Journal of Law, Ethics, and Technology*. No. 2. P. 3—14.

Приложение 1. Структура выборки исследования

Пол	Кол-во человек	% от всех опрошенных
Женщины	761	52,9
Мужчины	679	47,1
Возраст	Кол-во человек	% от всех опрошенных
18—30 лет	322	22,3
31—40 лет	669	46,5
41—70 лет	449	31,2
Наличие детей	Кол-во человек	% от всех опрошенных
Есть дети	935	64,9
Нет детей	505	35,1

Семейное положение	Кол-во человек	% от всех опрошенных
Женат/ замужем	712	49,4
Холост / не замужем и никогда не состоял(-а) в браке	308	21,4
Живем вместе, но официально не состоим в браке	165	11,5
Разведен / разведена	155	10,8
Вдовец / вдова	41	2,8
Состою в браке, живем порознь, но не разведены	28	1,9
Затрудняюсь ответить, другой ответ	31	2,2
Регион проживания	Кол-во человек	% от всех опрошенных
Курганская область	109	7,6
Свердловская область	471	32,7
Тюменская область	199	13,8
ХМАО	182	12,6
Челябинская область	392	27,2
ЯНАО	87	6,0

Приложение 2. Список экспертов

Код респондента	Должность	Возраст	Пол	Форма собственности предприятия
Эксперт 1	Врач акушер-гинеколог-репродуктолог	50 лет	Женщина	Частная клиника
Эксперт 2	Врач акушер-гинеколог-репродуктолог	29 лет	Женщина	Государственная клиника
Эксперт 3	Заведующий отделением ВРТ	42 года	Мужчина	Частная клиника
Эксперт 4	Врач акушер-гинеколог-репродуктолог	44 года	Женщина	Государственная клиника
Эксперт 5	Репродуктивный психолог	37 лет	Женщина	Частная клиника
Эксперт 6	Директор агентства по рекрутингу доноров ооцитов и суррогатных матерей	39 лет	Женщина	Частное агентство

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2807](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2807)

O. G. Isupova

BABYSITTING PRACTICES AND ATTITUDES IN KAZAKHSTAN

For citation:

Isupova O. G. (2025) Babysitting Practices and Attitudes in Kazakhstan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 78–96. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2807>.

Правильная ссылка на статью:

Исупова О. Г. Установки и практики в отношении найма нянь в Казахстане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 78—96. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2807>. (In Eng.)

Получено: 28.11.2024. Принято к публикации: 11.06.2025.

BABYSITTING PRACTICES AND ATTITUDES IN KAZAKHSTAN

*Olga G. ISUPOVA^{1,2} — PhD in Sociology, Professor, School of Transformative Humanities; Professor, School of Humanities
E-MAIL: bolkab@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4189-2063>*

¹ Almaty Management University, Almaty, Kazakhstan

² Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. The topic of this paper concerns delegated mothering in the context of Kazakhstani society, which is highly gender-normative, characterized by an almost unique combination of rather high average income, average level of economic development, high level of female participation in the labor force, and high fertility. This situation motivates mothers in this country to search for various ways of delegating mothering, including using nannies' and babysitters' services.

We aimed to study the barriers and triggers for using this method of delegation in the context of persistent traditional gender norms and ideals. We did this using qualitative methodology: semi-structured interviews with mothers, potential mothers, and babysitters, 29 in total, in two main cities of Kazakhstan, Almaty and Astana. The interviews were then analyzed using qualitative thematic text analysis methodology.

Our main conceptual frame was «care loop», formulated by Sekeráková Búriková in 2019, which presents relationships between a mother and other carers (other family members or paid nannies) for her child as a continuum and not a strictly divided dyadic model, since we found the former to be more relevant in the studied context.

We found that, albeit barriers to using nanny services are high in the context of traditional

УСТАНОВКИ И ПРАКТИКИ В ОТНОШЕНИИ НАЙМА НЯНЬ В КАЗАХСТАНЕ

*ИСУПОВА Ольга Генриховна — PhD в социологии, профессор, Школа трансформационных гуманитарных наук, Алматинский университет менеджмента, Алматы, Казахстан; профессор факультета гуманитарных наук, Университет Нархоз, Алматы, Казахстан
E-MAIL: bolkab@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4189-2063>*

Аннотация. Статья посвящена делегированному материнству в контексте казахстанского общества, которое является в высшей степени гендерно-нормативным и характеризуется сочетанием довольно высокого среднего дохода, среднего уровня экономического развития, высокой доли женщин в рабочей силе и высокой рождаемости. Эта ситуация мотивирует матерей искать способы делегирования материнства, включая использование услуг нянь и сиделок. Мы стремились изучить барьеры и триггеры для обращения к этому способу делегирования и делегирования как такового в контексте сохраняющихся традиционных гендерных норм и идеалов.

Мы использовали качественную методологию полуструктурированных интервью в двух крупных городах Казахстана, Алматы и Астане, с матерями, потенциальными матерями и нянями (в общей сложности 29 человек), которые затем были проанализированы с помощью качественного тематического анализа текстов. Основной концептуальной рамкой стала «петля ухода», сформулированная З. Секераковой Буриковой в 2019 г. Она представляет отношения между матерью и другими опекунами (другими членами семьи или оплачиваемыми нянями) для ее ребенка как континуум, а не как строго разделенную диадическую модель. Мы обнаружили, что, несмотря на высокие барьеры к использованию услуг нянь в контексте тра-

Kazakhstani society with its strict gender ideals, need is higher and the market segment of care is already quite developed but unregulated by the state, all nannies do not have any specialized official status, including the agencies which help to find them, thus creating numerous vulnerabilities for mothers, children, and hired carers as well. Still, most agents of this area of social interactions do not want stricter regulations due to expecting higher prices in this case and preferring to keep to the perception of the domain of mothering delegation as something with blurred boundaries and not characterized by strictly divided roles.

Keywords: babysitting, fertility, family roles, mothering, childcare, cultural change

Acknowledgments. The author expresses gratitude to Nazarbayev University (Astana, Kazakhstan) Sociology students in the years 2023—2024, Ainur Saparova, Ayan Tlepova, Alua Suleimanova, Anel Bakayeva, and Tamila Turkmenova, who helped at the initial stages of research, finding the participants, conducting interviews, and helping with the literature review.

Research Question and Problem Statement

Traditionally, the society of Kazakhstan is highly gender-normative [Kabatova, 2022: 36]. Girls and boys from a young age are taught to behave by their sex [ibid.]. Boys are taught to be brave and confident. Girls are taught to be modest, humble, and calm [ibid.]. Those cultural norms and traditions assign gender roles: from very childhood, girls are “trained” to be good “kelins” (daughters-in-law), which means to do all the household duties and bear children. Boys are taught to be the breadwinners of the family and not to do any housekeeping.

These cultural norms have been the highest pressure since females started to actively join the labor force. In post-Soviet times, they are expected to work and do all the household duties and provide child care. According to the Bureau of National Sta-

диционного казахстанского общества с его строгими гендерными идеалами, потребность в них выше, а рыночный сегмент услуг по уходу уже достаточно развит, но не регулируется государством, няни не имеют какого-либо специального официального статуса, в том числе аффилиации с агентствами, которые помогали бы их найти, что создает многочисленные уязвимости для матерей, детей и наемных нянь. Тем не менее большинство агентов этой сферы социальных взаимодействий не хотят более строгого регулирования, ожидая в таком случае более высоких цен и предпочитая сохранять восприятие области делегирования материнских обязанностей как чего-то с размытыми границами и не характеризующегося строгим разделением ролей.

Ключевые слова: присмотр за детьми, рождаемость, семейные роли, материнство, уход за детьми, культурные изменения

Благодарность. Автор выражает благодарность студенткам факультета социологии Назарбаев Университета в Астане (Казахстан) 2023—2024 учебного года Айнур Сапаровой, Аян Тлеповой, Алуа Сулейменовой, Анель Бакаевой и Тамиле Туркменовой, которые оказали помощь на начальных этапах исследования, найдя участников, проводя интервью и оказав содействие в подготовке обзора литературы.

tistics of Kazakhstan, working women spend 3 hours and 36 minutes on household duties and childcare per day. While working men spend only 1 hour and 9 minutes, 3 times less than women. So, as in most other cultures, females in Kazakhstan experience a double burden, a phenomenon when women have to balance employment and unpaid housework [Chen et al., 2018: 1], albeit in Kazakhstan, it has its cultural specifics. In addition, nowadays, there is a socially desirable model of “successful success” for everyone (self-realization and development). Not surprisingly, the number of female graduate students increases. In 2024, there were 56 % of female graduates in Kazakhstan, while in 2022, there were only 49 % and in 2023 55 %, so numbers are slowly increasing¹. Women tend to receive higher educational degrees 2 times as often as men².

Women intensely participate in paid work (women’s share of the labor force in Kazakhstan is 49.1 % in 2023)³. So, on the whole, Kazakh women are quite modernized. But fertility is high for such a level of development; the Total Fertility Rate (TFR) was 3.05 in 2022 [Bureau of National Statistics of Kazakhstan, 2022], and fell to 2.96 in 2023⁴. Worldwide, the more educated females are, the fewer children they have [Pradhan, 2015]. Hypothetically, because the traditional “obligation” to have children is still supreme in Kazakhstan for women, despite the education level and employment, they continue to give birth to children at relatively high rates.

Summing up all the points, there is a trend for women to work, receive education, and self-develop, but Kazakhstani females still have more children than those in other countries with similar normative development⁵. Consequently, there is a need for help in childcare from kindergartens, relatives, or babysitters. In the article by Abilmazhitova⁶ on the official website news “TengriNews”, currently, there is a big demand for babysitters in Kazakhstan, as “A babysitter is required” is one of the most popular ads on specialized personnel search sites.

We understand the issues we study in this article through the concept of working mothers’ delegation of core mothering tasks to nannies or kin. Since mothers’ participation in the workforce in Kazakhstan is high, and fertility is also high, such delegation becomes necessary due to the strain in work-life balance associated with such a lifestyle for individual women (as analyzed in a different context by Alpino and Luppi [Alpino, Luppi, 2020]. This is reinforced by the gaps in state childcare [Resvushkina et al., 2024], as detailed below in this paper.

¹ Bureau of National Statistics of Kazakhstan, Statistics of Education, Science and Innovation. URL: <https://stat.gov.kz/en/industries/social-statistics/stat-edu-science-inno/publications/277816/2025> (accessed: 02.08.2025).

² Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan, Bureau of National Statistics (2023). Graduate Students. URL: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/51392/file/en/> (accessed: 02.08.2025).

³ Labor force, female (% of total labor force) — International Labour Organization (ILO), type: estimates based on external database; United Nations (UN), publisher: UN Population Division; Staff estimates, World Bank (WB). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.FE.ZS?locations=KZ> (accessed: 02.08.2025).

⁴ Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan, Bureau of National Statistics (2023). Age-Specific Fertility Rates. URL: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/40687/file/en/> (accessed: 02.08.2025).

⁵ There is a very good analysis of this demographic anomaly in the article in Forbes: Alzhanova A. Why Is the Birth Rate so High in Kazakhstan? URL: <https://forbes.kz/articles/pochemu-v-kazahstane-takaya-vysokaya-rozhdaemost-73337d>. (In Russ.) (accessed: 02.08.2025).

⁶ Abilmazhitova A. “They Demanded to Serve and Forbade Drinking Their Water.” Revelations of Kazakhstani Nannies. 2023. URL: <https://tengrinews.kz/article/trebovali-prislujivat-zapreshchali-pit-vodu-otkroveniya-1912/>. (In Russ.) (accessed: 02.08.2025).

In the late 1980s—early 1990s, researchers started to pay attention to the necessity of delegating mothering to a third party in many working mothers' lives, since a growing part of mothers in the West were working by that time [Graue, 2008]. Later, the concepts allowing for understanding processes developing in this situation were formulated, such as “Shadow mothering”, “Competitive mothering” / “competitive care”, and “care loops” [MacDonald, 2011; Cox, 2011; Sekeráková Búriková, 2019, 2023].

“Shadow mothering” helps to comprehend nanny-mother accountability, power, and resistance issues in the light of the intensive mothering ideal, which a working mother feels is impossible to adhere to and tries to accomplish through the delegation to a nanny. Class and ethnicity effects are very important in mother-nanny dynamics [MacDonald, 2011].

“Competitive mothering” and “competitive care” likewise link mother employment of nannies/babysitters to class anxiety, gendered guilt, and the construction of mothers' status through delegation [Cox, 2011]. These models better suit the Western context, where a nanny and a mother often are seen as clearly distinguished and only actors, accomplishing childcare, while in Eastern Europe and post-Soviet space, there is rather a continuum of carers where boundaries are blurred and the exclusivity of carers is less certain.

“Care loop” model [Sekeráková Búriková, 2019, 2023] argues to decolonize the Western dyadic model of the mother and nanny, calling for attention to multigenerational/family-embedded delegation [Goodall et al., 2020], which is claimed to be especially relevant in the post-Soviet/post-socialist context. This model connects gender division of labor with kin/nanny intersections, situating motivations for paid childcare within both social policy “care gaps” and cultural preferences for mother-like care [Sekeráková Búriková, 2019, 2023]. According to this concept, there is no strict border between nanny work, occasional babysitting, and using kin help, and all these areas of delegated motherly care is unregulated and therefore make all participants — mothers, carers, and children vulnerable. We find this concept particularly relevant to the situation in Kazakhstan and proceed from it as a conceptual frame.

Researchers in post-Soviet states do pay attention to the studied topic. Recent work by Resvovushkina et al. [Resvovushkina et al., 2024] describes how urban middle-class families revive and adapt “female assistant” practices due to insufficient public childcare, economic pressures, and complex gendered family expectations. Such a family assistant usually is a young girl from not very close kin who helps with children and household duties, in exchange for the possibility to live in a family that she cares for in a bigger city. Often, she is a student at the same time. This is a very good example of how informal networks of care lack boundaries between familial duties and paid care work, and also sheds light on the issues of trust and gender roles: a female carer, preferably related by kinship, is preferred. However, such a carer is not always available. Resvovushkina and co-authors emphasize that delegation of childcare in Kazakhstan is shaped by the conflict between traditional gender norms (the expectation of maternal presence) and practical need, often causing emotional discomfort but rationalized as necessary for career or income generation.

Two recent Russian papers [Sizova, Korenkova, 2020; Blednova, Bagirova, 2022] are relevant as well. They speak about similar issues: mothers delegating to relatives

(especially grandmothers), balancing traditional maternal responsibility with pressures for gender equality and return to workforce; and the increased use of paid services (including babysitters and nannies), where the decisions are shaped by cost, trust, perceived quality, and social expectations. Gender ideals (especially that of “intensive mothering”) and emerging egalitarian rhetoric create internal and social tensions around delegation decisions. A woman is expected to work and wants to work, while feeling able to rely on the male partner in childcare only partially, in the best case. Female kin members are not always available.

In the case we study, the decisions are made within a similar context, with the only difference that culturally traditional gender roles are still stronger in Kazakhstan, and a man is rarely considered the main child carer.

This study explores the following research question: how do barriers and motivations for hiring a nanny or babysitter function within the shifting landscape of Kazakhstani society, where women navigate both the traditional expectation of raising multiple children and the modern pressures of pursuing work and career?

We have researched this issue in a regional aspect, trying to understand whether there is a difference in the attitude towards babysitting in Astana and Almaty cities, the Northern and Southern capitals of Kazakhstan. Almaty is located in the more traditional South of Kazakhstan, but at the same time, it is more multinational than Astana, so it is not clear in advance how and in what respect practices and attitudes are different in these two cities.

Fulfilling all roles

After finishing their education, many women in Kazakhstan start integration into the labor force, walking up the professional career ladder. Once they get married and give birth to children, many find themselves torn between house duties and work obligations: employers fail to see the energy- and time-consuming nature of unpaid labor, while familial responsibilities have no one to cover for women [Kuzhabekova et al., 2017]. In comparison with male employees, female workers tend to substitute their free time with child and elderly care, which puts more work on women's shoulders and leaves little time for self-care and development [Yanovskaya et al., 2020].

Despite a double-shift lifestyle, studies show that women do not bargain professional hours with domestic tasks, meaning they work as much as their male counterparts but compromise their remaining day hours with unpaid labor [ibid.]. There is a three-year maternity leave in Kazakhstan, but only the first year is compensated by the state, which encourages women who have jobs with high salary, all single mothers, and women whose husbands do not earn much, to return to work as early as they stop receiving childcare leave benefit [Akiner, 1997; Dugarova, 2016]. Monthly payment allotted by the government fails to cover most of mothers' pre-birth salaries [Dugarova, 2016]. Mothers believe that paternal leave is unlikely to be practiced even if it were paid because of how it is “stigmatized” as inflicting on masculinity [Kabylova, 2022]. Fathers receive no allowance from the state, which also negatively affects their willingness to be involved in childcare [Dugarova, 2016]. Such gender differences affect employment positions and professional paths: mothers, reluctant to take risky job tasks in public spheres and leadership opportunities, end up taking

lower-paid jobs and find themselves in slowed-down professional growth. This forms a new modern version of the so-called glass ceiling for educated mothers [Kuzhabekova et al., 2017]. In addition, some women take on more difficult and time-consuming assignments at work, eventually learning to manage their professional and personal life at the cost of overall overwork and self-exploitation [Ibid.]. There is a probability that mothers who manage to grow professionally use alternative ways in coping with the double-burden: hiring domestic workers, babysitters, or seeking help from familial relations [Brück et al., 2013].

Co-residence: Grandparents as babysitters.

One of the cultural aspects of marital life in the Kazakhstani context is a shared residence of a married couple with the husband's parents. In other words, it is common for Kazakh women to live under one roof or near an older generation [Rezvushkina et al., 2024]. Co-residence can also be shared with the woman's parents, especially by divorced or widowed women who left the residency of in-laws. Co-residency does not necessarily affect grandparents' willingness and ability to take care of their grandchildren. In some cases, a feeling of being one kin brings some benefits for employed mothers: grandparents can be eager to take care of their grandchildren while parents are at work. However, as noted by Posadas and Vidal-Fernandez [Posadas, Vidal-Fernandez, 2013], women who seek free help from parents or in-laws tend to be mothers from lower educational backgrounds and struggling financially to provide for their children. Receiving childcare help from parents is often short-term and occasional, as women perceive this job as mothers' responsibility [Rezvushkina, Karipbayev, 2021]. Understanding of childcare as one's responsibility and personal duty is peculiar to grandparents as well, especially to grandmothers: as women, elderly women find themselves obligated to help their daughters or daughters-in-law with children according to gender norms they acquired through their motherhood [Lee, Bauer, 2013]. Thus, mothers-in-law often take on some tasks of child-rearing before and after childbirth [Woollett, Dosanjh-Matwala, 1990].

In other cases, young mothers find themselves in the position of double-care work, where their responsibilities lie beyond childcare and involve caregiving for parents-in-law [Landmann et al., 2017]. Very often, there is little benefit from patrilocal residency and more domestic tasks, leading to conflicts in social roles, as women become responsible for family care and professional work at the same time [Padma, Reddy, 2013]. To ease social role strains, women might find it advantageous to hire domestic workers, including babysitters.

Even though grandparents try to help their daughters-in-laws in private sphere, so they could have more connection with grandchildren [Lopata, 1999], imposing of gender norms and occasionally misunderstood perceptions of familial relationships could worsen informal childcare situation: in-laws could potentially persuade daughters-in-law to give birth to more children, putting more burden on newly employed mothers, they also can establish their own rules of childcare to which young mothers would prefer not to agree [Waheed et al., 2020]. In addition, changeable mother-son and mother-in-law — daughter-in-law relationship dynamics in the household responsibilities context could create a hostile environment, creating even more strained rela-

tionships, causing women to seek babysitting from their parents or look for paid workers [Fingerman, 2004].

Other alternatives for childcare: kindergartens and specialized institutions

In contemporary Kazakhstan, kindergartens have become one of the main centers for school preparation and introduction into the social world [Needham et al., 2018]. Nurseries and kindergartens in Kazakhstan accept children aged 1 to 6 years old, which gives more opportunities to mothers to return to work⁷. However, the waiting list for publicly funded kindergarten entrance is often endless, which creates a need to look for alternative support [Ibid.]. Some parents end up bribing responsible actors to pay for a place in the kindergarten or send their children to the more expensive private ones [ibid.].

According to the National Education Database, in 2022, there were 5,101 private kindergartens in Kazakhstan out of a total of 7,880. More than half (451,504) of all preschool-age children (878,739) are educated in private kindergartens⁸.

Methodology

Data collection

We aimed at exploring mothers', future mothers', and babysitters' perspectives on babysitting. The main method of data collection was in-depth semi-structured interviews with different sets of questions for mothers, self-proclaimed future mothers (stating that they want to have children in the future), and practicing babysitters.

Interviews were audio recorded with the permission of participants. Their texts were later analyzed using thematic qualitative text analysis.

Sampling

The study is targeting babysitters and Kazakh mothers who can afford babysitters; the research sample is not representative of the general population and covers participants from economically mobile and rapidly developing cities such as Astana and Almaty. Contrasting the geographical location of two cities could potentially show differences in babysitting practices and attitudes between North and South Kazakhstan. Mothers that married and gave birth before 20 were not included in the study as Kazakhstani context due to lack of education of this group and traditional structure of the family there is higher possibility that they might have less powerful position in the household and are less likely to be economically independent enough or professionally mobile to have a bargaining power to insist on hiring a babysitter [Kabylova, 2022]. We used snowball sampling through researchers' networks and the contacts from the sites where mothers and babysitters try to find each other.

We intended to collect half of the interviews in Almaty and half in Astana. In normative aspects, these two cities are the trendsetters, so we assume that social norms

⁷ On Approval of the Concept of Development of Preschool, School, Technical, and Professional Education of the Republic of Kazakhstan for the Years 2023—2029 (2023). [Information System on Legislation Adilet [Justice]]. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000249>. (In Russ.) (accessed: 02.08.2025).

⁸ In Kazakhstan, the Number of Private Kindergartens Is Greater than That of State Ones. <https://kazaknews.kz/obrazovanie/v-kazahstane-chastnyh-detskih-sadov-bolshe-chem-gosudarstvennyh/> (In Russ.) (accessed: 02.08.2025).

modernization in the country is likely to start from there. We attempted to interview 5 mothers, 25—45 years old, 5 future mothers older than 19, and 3—5 babysitters of any age in each city. As a result, we collected 29 interviews with 4 babysitters in each city, 4 mothers in Almaty, 5 mothers in Astana, 5 future mothers in Almaty, and 7 future mothers in Astana (the detailed table with participants' characteristics is in Appendix). We aimed at mothers and future mothers with higher education or being enrolled in higher education currently, and work/career oriented. We did not set any quotas on marital status and number of children; as a result, one of the mothers in the sample was divorced, and 4 of the future mothers were married. Most mothers in the sample had 3—5 children, and two had 1 child only.

Data Analysis

Transcribed interviews were saved in separate sheets with indicators such as participants' numbers and interview date. Anonymity of the participants was preserved. The interviews were transcribed in full using Trint software and then analyzed qualitatively (coding and analysis of all codes from all interviews, with subsequent coding when necessary) using Atlas.ti software. The current article will attempt to explain differences and trends discovered during analysis. Coding categories were performed in-vivo, then codes were united into themes, main discovered themes were the issues of trust and vulnerability of mothers, nannies and children (including unregulated character of this market, motivations and barriers for using nanny services, cultural ideas concerning mother's presence near a child, state childcare gaps); role of a nanny in the family; and criteria for hiring a nanny). All these coding categories formed a basis for empirical analysis of the interviews presented in this paper.

Results and discussion

Our study brings about contradictory results concerning normative acceptability and attitudes towards practices of babysitting in Kazakhstan society. On the one hand, many participants state that babysitting is widely used and in high demand on the market (mentioned by all nannies and about half of the mothers in both regions):

It's very common now. Mothers who are just giving birth need help. They hire nannies who take the child for walks and bathe them at home. Some mothers are first-time mothers... It's hard for them, and they need help. (Babysitter, Astana, N 3)

State kindergartens generally are available not earlier than at the age of 3, nurseries are not numerous, therefore the niche for care for children from 1 to 4 years is partly filled by routinely used private kindergartens, but, according to the interviewees, many mothers need childcare earlier than that:

A year and a half... to sit at home... on benefits, and then what should I do... a child at three years old is only accepted into kindergarten? You also have to live without benefits. So they go to work. They give it to private kindergartens, [there — O.I.] they take one and a half years olds... (Mother, Astana, N 4)

Many parents, in addition, do not trust kindergartens since they want to avoid exposing or prefer low segment nannies to even private kindergartens to avoid exposing a child to infections too early:

Many parents do not trust kindergartens. There are cases when they beat children... And many worry that the child often gets sick when he goes to kindergarten... [...] Some people cannot afford, for example, an expensive kindergarten. At the same time, they can't get into the state kindergarten, so it's easier for them to find some poorly educated girl or, conversely, take a retired woman who will agree to look after a child for little money. (Mother, Astana, N 1).

On the other hand, normative barriers to using these services are significant even in those who use them intensely. These barriers include fears that nannies could abuse children, steal property, leave the house and children unattended, that a child will grow up as a “nanny's child”, etc.

When parents devote little time to the child, and he mainly grows up with nannies, I think that this is also not entirely correct. (Future Mother, Astana, N 7).

My friends have a fear that the nanny might just leave the children at home and leave, if she didn't like something... that she could steal, perhaps she could do something to harm the child... (Mother, Almaty, N 2).

Still, motivations to use babysitting are even stronger than these fears and vary from necessity (situation of divorced working mother of 4 children living far away from relatives) to the need for temporary relaxation of a mother:

Well, probably the popular word now is burnout. There is such a thing when it seems that strength is running out of you. So I wanted an assistant, in particular, a nanny, who could be completely entrusted with the child... (Mother, Astana, N 1)

From a psychological point of view... Six months passed after I gave birth, and I could no longer be at home. I wanted to do something... Of course, there was a financial reason, too. (Mother, Astana, N 2).

Some women speak about their own negative experience with nannies as children (being beaten, or just being in a situation of “cold care”):

To be honest, I don't trust nannies. I had nannies as a child, and it wasn't a very good experience... Mom had to go to work... Some students didn't care; they didn't look after me and my brother. There were nannies with their children, and they brought their children to our house and often scolded them... I believe that nannies, like teachers, need to undergo a psychological test. For emotional stability... the main thing for me is that my child is safe, that he is fed. (Future mother, Almaty, N 4),

As a child, I was left with a nanny. The nanny beat me twice, beat me well for no reason... of course, after that I hated the nannies... because such an incident happened to me. (Future Mother, Astana, N 3).

Others are afraid young nannies will always be looking at the telephone instead of playing with children:

I chose a nanny through naimi.kz, in the application... She spends very little time on the phone herself... all this time, I never saw her talk on the phone or call anyone. When she comes to us, she just puts the phone on charge and doesn't touch it. I like it. (Mother, Almaty, N 2).

All participants refused to hire a man as a babysitter due to cultural views based on current gender roles and expectations, according to which men are not brought up to be able to do any care work:

[A man] as a nanny, like a job, then probably not. I'm even afraid. (Future Mother, Astana, N 6);

In the case of Kazakhstan, it is not entirely safe... we all know what happens to children and that you can't always trust the male gender in the CIS countries... (Mother, Almaty, N 2).

As a result of the combination of factors described above, the main requirement for the nannies (according to both mothers and babysitters) is that a worker should be kind. Professional skills and even the health of a woman are of much less importance:

Some nannies graduated from university, but are not at all competent in some matters... one can, of course, say that they should be given a chance, and young ones, they should gain experience... And there are women who... due to circumstances, they did not receive an education or received an incomplete education, but they sincerely love children. (Future Mother, Astana, N 5).

Yes, it happened. Only recently. One parent called, the child's mother, and asked if I had medical cards, certificates... I'm doing it now because my other clients didn't ask about this, since I have little work experience. (Babysitter, Almaty, N 4).

However, although in the more expensive segment, and hiring a permanent babysitter, parents ask for proof of lack of infections, psychic illnesses, and criminal record, they most often do not require anything like that from a person who will care for their child on an hourly basis:

Often, there is fluorography. And I directly asked her to go for one. I pay for laboratories and tests myself. (Mother, Astana, N 1).

Likewise, while looking for a permanent nanny, mothers express preferences concerning the age and education of a nanny (preferring a degree in education or nursing,

the latter in the case of younger or special needs children, they also prefer Kazakh-speaking nannies.

I needed a Kazakh woman so that my children could speak Kazakh. (Mother, Astana, N 1).

Because of the individual approach. You trust one person, your only child... for example, my mother-in-law. She works in a kindergarten. And she doesn't have time... in the main kindergarten, not everyone has enough attention in terms of development. An educated nanny can do this. (Future Mother, Astana, N 6).

When they hire a babysitter for several hours, all this is not important. Probably this is because hourly services are, or seem to be, cheaper; in this case, the clients allow themselves to have only the very basic needs. And the most important need here is (basic) safety of a child:

While I'm cleaning, so that the child doesn't get into the kettle of boiling water, does not climb over the fence, go out into the street, I don't know, does not pick up a knife and start cutting something. Here, the safety of the child is my top priority... cleanliness, punctuality, and, naturally, love for children [are important for a nanny too]. (Mother, Astana, N 1).

Accordingly, women from 25 to 50 are preferred, but very young girls from 16 years old are not. Work as hourly babysitters quite often. They start while not yet having any medical certificate and acquire these, as well as recommendations/work experience, though this early activity is hourly babysitting, which later, after acquiring all this, could be transferred into a permanent position:

It was a very long time ago when my daughter was just born. The first nanny, whom I hired hourly,... then became a permanent one. And she worked the longest. (Mother, Astana, N 1).

Age preferences have clear local specifics: mothers (especially younger) often prefer nannies who are not older than themselves, since if this is not so, there is a danger that a nanny “to whom I pay” might start behaving “like my mother-in-law”, dictating a mother what to do, while the market situation expectations are that the hierarchy will be the opposite:

I would prefer from 30 to 45... So that we have a clear age limit... Well, perhaps this is a myth, but many adult women can violate boundaries... (Mother, Almaty, N 2).

In the context of the “care loop” concept, this can mean decentralization of the power hierarchy about child care issues, in cases where relatives help, and additional motivation to use the services of hired workers, where the mother has a more definite priority right to make decisions.

Still, if a babysitter is professional, an age of 45—60 years is also very welcome: “they have experience and still have energy”:

I've been divorced for four years. My children have grown up: my daughter is 19, my son is 12... It's good to work with children in the sense that they have a pure soul... [I advise how to] put to the potty and how to wean from the breast... (Babysitter, Astana, N 3)

Very often, parents want a nanny who has her own children, but who are not already young and do not require care, since the clients believe that this means they have experience in childcare:

I rejected if there are small children... a child can get sick at any moment... so that either there are completely grown-up children, or there are no children. (Mother Astana, 1).

On the whole, the market of babysitting is underdeveloped, since the majority find and offer services through sites such as youdo, olx⁹, or even Kaspi¹⁰. All these provide no guarantee of the quality of service. Both nannies and clients can find themselves in a situation where they are either required to do something other than what they promised, or do not receive nanny service at all when needed and agreed. However, this arrangement without guarantees is considered to be cheaper, since, as was mentioned many times in all interviews where this topic was discussed, the existing agencies are often also not official and do not provide reliable guarantees of quality of services, but still take their fees. But this is also associated with numerous risks for both sides: nannies prefer not to take any offers from men, being afraid of sexual abuse in strangers' homes:

I first look at their photo and immediately ask for the address. How old is the child? I found out that it's my parents writing to me, or that it's some kind of scammer. (Babysitter, Almaty, N 4).

Nannies might not be fully paid, and might be required to do work they did not agree to. We were told about one situation when a baby was left with a nanny for a month while the mother disappeared; parents' risk that their children might get infected by a stranger babysitter, or not be properly cared for. Accordingly, many participants expressed a need for more regulation in this market, but they would prefer something like a trade union, self-organizations of the nannies, and not the agencies. To a big part, this is because clients are not willing to pay too much since they are not rich.

Only women with extensive relatives' networks, younger, poorer, and having fewer children, can afford to use relatives' help in babysitting.

[With my first children] I was young and my salary was small. I wouldn't be able to hire a nanny, and my relatives helped. (Mother, Astana, N 4).

In our sample, there were just a few women like that. In all other cases, for various reasons, the tendency was that first children are cared for by grandmothers (mother

⁹ <https://youdo.com/> and <https://www.olx.kz/> are online services where you can find workers of any kind, and people there advertise themselves.

¹⁰ <https://obyavleniya.kaspi.kz/> — a bank online service with the same purpose.

or mother-in-law), sisters or other relatives, as helping hand to a mother, but younger children of older mothers required nannies support almost irrespectively of a mother income or lifestyle — because they were already older, tired, working, or because they needed to pay attention to their older children. Of course, if they were still poor in this situation, they would not be able to use a nanny service; but we were told in several interviews that since now they are “richer”, it would be inappropriate or even shameful to ask relatives for help when they can afford hiring a nanny.

Conclusion and Broader Impacts

On the whole, our research shows that the norms concerning babysitting in two main cities of Kazakhstan now presuppose acceptance of this service, though barriers are still huge for many mothers and especially potential mothers. However, a combination of persistent high fertility and modernization in Kazakhstan makes the nannies' services highly demanded, and the market is growing. Our research provides qualitative evidence on the specifics of this market functioning in two main cities of Kazakhstan. In Almaty, the situation is more diverse and multinational; at the same time, in the South of the country, both fertility is higher than in the North, and gender ideals are more traditional. In Astana, the majority of both nannies and their clients, including potential clients, are ethnically Kazakh; in Almaty, we found the demand among the ethnically Kazakh women, and nannies and babysitters are of various ethnicities. It might be since fertility is higher among Kazakhs, and some of the large families are quite well-off, while the need and desire to work as a nanny is more representative of the general population of Almaty, which is very multinational. In Astana, the population is more ethnically homogenous, and there are many jobs occupied by women in civil service (city specifics), and in medicine and education, as everywhere. These jobs are characterized by an average level of salary and the necessity to return to work relatively early after birth. These conditions create demand for the affordable segment of the babysitting market or of budget-friendly nanny services, which fill the gap in state childcare policies.

In both cities, the more children there are in the family, the higher the need for income generation and the share of this generated by a woman, the higher the probability that the family will use the services of a nanny. Kazakhstan seems to largely rely on market solutions in the domain of childcare, since childcare leave is paid only until a child reaches one year of age, and state kindergartens are scarce, and if available, most often from the age of 2 or even 3 years. A gap between paid childcare leave end and usual kindergarten start creates a solid market niche; at later ages, nannies are often required to accompany children to and from school, and to and from various study groups, and to sit with them when they are sick. Much less often, and by richer citizens, babysitters are required to allow non-working mothers to relax, to have some time of one's own, but this is not the main segment.

Cultural norms that a woman should be able to manage everything herself are blurring, partly because now fewer young families live with the older generation, thus both having less help from and less obligation towards them. In such a situation, normative pressure is less direct as well. In addition, migration to the larger cities often makes help from extended family less feasible. Barriers associated with fears are

still strong but might be relevant mainly until the 3rd child is born in the family, or until a divorce or other situation which might force a mother to go to work when a child is still very young.

We found that our main conceptual framework of care loop [Sekeráková Búriková, 2019] is very relevant in the Kazakhstani context, since women strongly prefer mother-like care and not a nanny as a “third parent”, as is specific for more Western models [MacDonald, 2011; Cox, 2011]. Here, nannies and babysitters form a continuum with kin members who also help in childcare, but are not always available to every mother. Boundaries between the mother’s care of a mother, sometimes delegated to kin, and at other times to the hired babysitters, are blurred. Permanent nannies might grow from such occasional babysitters, and the majority of mothers prefer to consider themselves the main responsible person in the area of childcare, even if the delegation of mothering in their situation is intense.

The babysitting market needs regulation to make it less risky for both sides; however, both sides are afraid that regulation might make services unaffordable to the majority of clients. This constitutes another case of the vulnerability studies in delegated childcare [Goodall, Cook and Breitzkreuz, 2020].

The presented study poses a significant field for further research that could reflect complex dynamics in the area of motherhood, gender roles, and employment managed by Kazakhstani mothers with the help of delegation of mothering. The need to obtain economic independence in a highly competitive economy, older parents’ dependency on adult daughters-in-law’s housework, growing number of cases when free informal childcare from relatives is not available, and motivation to have a career constitutes a problematic situation in which women become motivated to hire a babysitter and start to have means for that due to their activity on labor market. In a broader sense, increasing demand for babysitters could reflect changing ways of compromising Kazakh gender roles, showing women’s increasing agency in adapting and changing assigned social functions as a mother, daughter, and employee.

The research also presents the importance of an often-overlooked narrative approach, which gives voice to economically active women from diverse backgrounds: single mothers, divorced wives, mothers with more than two children, and female workers to whom they can delegate part of their domestic duties as well. Showing experiences and lifestyles of mothers could potentially present valuable data to official institutions and policy makers, as diversity in the mothering experiences indicates the importance of a careful and more comprehensive approach towards motherhood support from the state.

This is qualitative research, and its results cannot be generalized to a larger population of Kazakhstani or even the population of Almaty and Astana. This research was done to generate insights into the area of attitudinal change in the area of delegation of mothering in a society going through changes in family life, a society where gender roles of women now include both work responsibilities and still expectations of relatively high fertility. Further, maybe quantitative research in both cities or maybe in a country on the whole, is needed to get representative data on the issues of attitudes and practices in using nanny service and delegated mothering on the whole in the context of gaps in childcare policy and new expectations from women.

References (Список литературы)

1. Abramova M. O., Filkina A. V., Sukhushina E. B. (2021) Challenges of Internationalization for Russian Higher Education: The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Educational Experience of Foreign Students. *Educational Studies*. No. 4. P. 114—146. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-117-146>.
Абрамова М. О., Филькина А. В., Сухушина Е. В. Вызовы интернационализации для российского высшего образования: влияние пандемии COVID19 на образовательный опыт иностранных студентов // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 114—146. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-117-146>.
2. Akiner Sh. (1997) Between Tradition and Modernity: The Dilemma Facing Contemporary Central Asian Women. *Post-Soviet Women*. P. 261—304. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511585197.017>.
3. Arpino B., Luppi F. (2020) Childcare Arrangements and Working Mothers\$ Satisfaction with Work–Family Balance. *Demographic Research*. Vol. 42. No. 19. P. 549—588. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.42.19>.
4. Blednova N., Bagirova A. (2022) Parental and Grandparental Labour in Russia: Gender Perspective. *International Conference on Gender Research*. Vol. 5. No. 1. P. 52—58. <https://doi.org/10.34190/icgr.5.1.95>.
5. Brück T., Esenaliev D., Kroeger A., Kudabayeva A., Mirkasimov B., Steiner S. (2013) Household Survey Data for Research on Well-Being and Behavior in Central Asia. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 42. No. 3. P. 819—835. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2013.02.003>.
6. Chen F., Bao L., Lin Zh., Zimmer Z., Gultiano S., Borja J. B. (2018) Double Burden for Women in Mid- and Later Life: Evidence from Time-Use Profiles in Cebu, the Philippines. *Ageing and Society*. Vol. 38. No. 11. P. 2325—2355. <https://doi.org/10.1017/S0144686X17000599>.
7. Chernova Zh. (2012) New Pronatalism? Family Policy in Post-Soviet Russia. *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. Vol. 1. No. 1. P. 75—92. <https://doi.org/10.1353/reg.2012.0010>.
8. Cox R. (2011) Competitive Mothering and Delegated Care: Class Relationships in Nanny and Au Pair Employment. *Studies in the Maternal*. Vol. 3. No. 2. P. 1—13. <https://doi.org/10.16995/sim.66>.
9. Delovarova L., Shkapyak O., Kukeyeva F. (2013) Migration Processes in Central Asia: Main Directions and Key Issues of the Regional System. *Middle East Journal of Scientific Research*. Vol. 15. No. 11. P. 1505—1510.
10. Dugarova E. (2018) Gender, Work, and Childcare in Kazakhstan, Mongolia, and Russia. *Social Policy and Administration*. Vol. 53. No. 3. P. 385—400. <https://doi.org/10.1111/spol.12479>.

11. Fingerman K. L. (2004) The Role of Offspring and In-Laws in Grandparents' Ties to Their Grandchildren. *Journal of Family Issues*. Vol. 25. No. 8. P. 1026—1049. <https://doi.org/10.1177/0192513x04265941>.
12. Goodall Z., Cook K., Breitzkreuz Rh. (2020) Child, Parent, and Worker Vulnerabilities in Unregulated Childcare. *Social Policy and Society*. Vol. 20. P. 1—17. <https://doi.org/10.1017/S1474746420000263>.
13. Graue E. (2008) Other People's Children: An Intimate Account of the Dilemmas Facing Middle-Class Parents and the Women They Hire to Raise Their Children. *Anthropology and Education Quarterly*. Vol. 28. No. 1. P. 130—132. <https://doi.org/10.1525/aeq.1997.28.1.130>.
14. Kabatova K. (2022) Purity vs. Safety: How Uyat Undermines Youth's Sexual Literacy in Kazakhstan. In: Thibault H., Caron, J. F. (eds.), *Uyat and the Culture of Shame in Central Asia. The Steppe and Beyond: Studies on Central Asia*. Singapore: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-19-4328-7_3.
15. Kabylova M. (2022) Factors Contributing to and Preventing Mothers of Children aged 1—6 from Participating in the Labour Market in Kazakhstan. *New Trends in Qualitative Research*. Vol. 11(e). Art. e549. <https://doi.org/10.36367/ntqr.11.2022.e549>.
16. Karachurina L., Florinskaya Yu., Prokhorova A. (2018) Higher Wages vs. Social and Legal Insecurity: Migrant Domestic Workers in Russia and Kazakhstan. *Journal of International Migration and Integration*. Vol. 20. No. 3. P. 639—658. <https://doi.org/10.1007/s12134-018-0625-6>.
17. Kuzhabekova A., Janenova S., Almukhambetova A. (2017) Analyzing the Experiences of Female Leaders in Civil Service in Kazakhstan: Trapped between Economic Pressure to Earn and Traditional Family Role Expectations. *International Journal of Public Administration*. Vol. 41. No. 15. P. 1290—1301. <https://doi.org/10.1080/01900692.2017.1387142>.
18. Landmann A., Seitz H., Steiner S. (2017) Patrilocal Residence and Female Labour Supply. *SSRN Electronic Journal, DIW Berlin Discussion Paper*. No. 1705. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3090259>.
19. Le Goff M. (2016) Feminization of Migration and Trends in Remittances. *IZA World of Labor*. Vol. 220. P. 1—10. <https://doi.org/10.15185/izawol.220>.
20. Lee J., Bauer J. W. (2013) Motivations for Providing and Utilizing Child Care by Grandmothers in South Korea. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 75, No. 2. P. 381—402. <https://doi.org/10.1111/jomf.12014>.
21. Lopata H. Z. (2008) In-Laws and the Concept of Family. *Marriage and Family Review*. Vol. 28. No. 3—4. P. 161—172. https://doi.org/10.1300/j002v28n03_13.
22. MacDonald C. (2011) *Shadow Mothers: Nannies, Au Pairs, and the Micropolitics of Mothering*. University of California Press.
23. Needham M., Kuleimenov D., Soltanbekova A. (2018) Sticking and Tipping Points: A Case Study of Preschool Education Policy and Practice in Astana, Kazakhstan.

- European Early Childhood Education Research Journal*. Vol. 26. No. 3. P. 432—445. <https://doi.org/10.1080/1350293x.2018.1463909>.
24. Padma S., Reddy M. S. (2013) Role of Family Support in Balancing Personal and Work Life of Women Employees. *International Journal of Computational Engineering and Management*. Vol. 16. No. 3. P. 93—97.
 25. Posadas J., Vidal-Fernandez M. (2013) Grandparents' Childcare and Female Labor Force Participation. *IZA Journal of Labor Policy* Vol. 2. No. 1. P. 1—20. <https://doi.org/10.1186/2193-9004-2-14>.
 26. Rezvushkina T., Karipbayev B., Zhumagulov E., Karasseva N., Manassova M. (2024) Adoption of Nomadic Childcare Practices by Urban Kazakh Families: A Sociological Analysis. *Scientific Herald of Uzhhorod University Series Physics*. No. 56. P. 2160—2167. <https://doi.org/10.54919/physics/56.2024.216va0>.
 27. Rezvushkina T., Karipbayev B. (2021) Motherhood with Many Children in Kazakhstan: Combining Work and Care. *Bulletin of Karagandy University. History. Philosophy Series*. Vol. 102. No. 2. P. 163—175. <http://rep.ksu.kz/xmlui/handle/data/11135>.
 28. Sekeráková Búriková Z. (2019) Paid Home-based Childcare in Slovakia: Informal Markets and Care Loops. *Journal of European Social Policy*. Vol. 29. No. 5. P. 653—665. <https://doi.org/10.1177/0958928719873834>.
 29. Sekeráková Búriková Z. (2023) Decolonising Demand for Paid Domestic Work and Childcare: Beyond Dyadic Relationships and Western Models. *European Journal of Women's Studies*. Vol. 30. No. 4. P. 440—454. <https://doi.org/10.1177/13505068231205090>.
 30. Sizova I., Korenkova M. (2020) Modern Urban Families' New Consumer Practices in Childcare and Parenting. *Vestnik Instituta Sotziologii*. Vol. 11. No. 2. P. 174—193. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.652>. (In Russ.)
Сизова И. Л., Коренькова М. М. Новые потребительские практики современных городских семей в сфере ухода за детьми и их развития // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 174—193. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.652>.
 31. Waheed F., Summaira H., Arif M. A., Abbas S. F., Umair A. (2020) Influence of Mother-in-Law on Family Size. *Journal of Sheikh Zayed Medical College*. Vol. 11. No. 3. P. 17—20. <https://doi.org/10.47883/jszmc.v11i03.43>.
 32. Woollett A., Dosanjh-Matwala N. (1990) Pregnancy and Antenatal Care: The Attitudes and Experiences of Asian Women. *Child: Care, Health and Development* Vol. 16. No. 1. P. 63—78. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2214.1990.tb00639.x>.
 33. Yanovskaya O., Potluri R. M., Nazyrova G., Salimzhanova A. (2020) Women's Unpaid Work as a Factor of Gender Inequality: A Case of Kazakhstan. *Journal of Business Economics and Environmental Studies*. Vol. 10. No. 2. P. 17—21. <https://doi.org/10.13106/jbees.2020.vol10.no2.17>.

Appendix

Sample description

Babysitters_ Astana	Babysitters_ Amaty	Parents_ Almaty	Parents_ Astana	Future Mothers_ Astana	Future Mothers_ Almaty
1. 29 y.o., higher education, unmarried, no children	1. 21 y.o., unmarried, university student, no children	1. 40 y.o., 4 children, running business, higher education	1. 30 y.o., married, running business, 2 children	1. 23 y.o., married, pregnant, finishing higher education, planning to work, has work experience	1. 25 y.o., higher education, working, unmarried
2. 24 y.o., second job as babysitter, higher education, married, no children	2. 18 y.o., college student, unmarried, no children	2. 23 y.o., 1 child, unfinished higher education, working part-time	2. 41 y.o., 5 children, married, not working	2. 22 y.o., unmarried, running business, higher education	2. 23 y.o., married, no children, working, master student
3. 43 y.o., divorced, 2 children (youngest 12 y.o.), higher education	3. 42 y.o., higher education, divorced, 3 children	3. 38 y.o., 3 children, married, working	3. 30 y.o., 3 children, higher education, temporarily not working	3. 21 y.o., married, higher education, working part-time	3. 21 y.o., master student, working, unmarried
4. 26 y.o., 4 y.o. child, running a business, nanny agency (informal) as a second job, married	4. 19 y.o., unmarried, university student, no children	4. 38 y.o., 3 children, higher education, working (childcare leave)	4. 37 y.o., 4 children. Physician, divorced	4. 25 y.o., married, working, higher education	4. 21 y.o., unmarried, higher education, working
			5. 29 y.o., married, 1 child, PhD student	5. 22 y.o., unmarried, higher education, master student, working	5. 23 y.o., higher education, working, unmarried, no children
				6. 24 y.o., PhD student, not working, married, pregnant	
				7. 21 y.o., higher education, working, unmarried	

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2903](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2903)

А. Д. Казун

ИЗБЕГАНИЕ НОВОСТЕЙ ИЛИ НОВОСТНОЙ МИНИМАЛИЗМ: ОБЪЯСНЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ И СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Правильная ссылка на статью:

Казун А. Д. Избегание новостей или новостной минимализм: объясняющие факторы и соотношение понятий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 97—119. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2903>.

For citation:

Kazun A. D. (2025) News Avoidance or News Minimalism: Explanatory Factors and Relationship of Concepts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 97–119. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2903>. (In Russ.)

Получено: 18.01.2025. Принято к публикации: 30.06.2025.

ИЗБЕГАНИЕ НОВОСТЕЙ ИЛИ НОВОСТНОЙ
МИНИМАЛИЗМ: ОБЪЯСНЯЮЩИЕ ФАКТО-
РЫ И СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

КАЗУН Анастасия Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований; доцент факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: adkazun@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9633-2776>

Аннотация. В мире все более массовым становится избегание новостей. Этот феномен активно изучается в академической среде, однако сам термин не обладает достаточной концептуальной четкостью. В некоторых случаях избегание новостей определяется через мотивационную компоненту — как намеренное поведение, направленное на ограничение потребления информационного контента. В других же случаях избегание новостей описывается с количественной точки зрения — как низкое внимание к такому контенту, тем самым фактически отождествляясь с термином «новостной минимализм». Статья посвящена сравнительному анализу понятий «избегание новостей» и «новостной минимализм», выявлению их сходств и различий с точки зрения объясняющих факторов.

Анализ основан на данных опроса 6007 респондентов, проведенного НИУ ВШЭ в конце 2023 — начале 2024 г. методом личного интервью. Результаты исследования показали, что избегание новостей — это намеренное поведение, которое часто связано с негативным восприятием новостей, например из-за их тревожного содержания или недоверия к источникам. Люди избегают новостей, потому что они ведут к эмоциональной перегрузке или воспринимаются как лишённые пользы, такое поведение мотивировано

NEWS AVOIDANCE OR NEWS MINIMALISM:
EXPLANATORY FACTORS AND RELATIONSHIP
OF CONCEPTS

Anastasia D. KAZUN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology; Associate Professor at the Faculty of Social Sciences

E-MAIL: adkazun@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9633-2776>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. News avoidance is becoming an increasingly widespread phenomenon in the contemporary world. This phenomenon has attracted considerable scholarly attention. However, the term itself lacks sufficient conceptual clarity. In some cases, news avoidance is defined through its motivational component, as intentional behavior aimed at limiting consumption of informational content. In other cases, news avoidance is described from a quantitative perspective — as low attention to such content — thereby essentially equating it with the term «news minimalism». This article presents a comparative analysis of the concepts of «news avoidance» and «news minimalism», identifying their similarities and differences in terms of explanatory factors.

The analysis is based on population survey data; the survey covers 6,007 respondents and was conducted by HSE University in late 2023 — early 2024 using face-to-face interviews. The findings demonstrate that news avoidance is intentional behavior often associated with negative perceptions of news, such as anxiety-inducing content or distrust of sources. People avoid news because it leads to emotional overload or is perceived as lacking utility; such behavior is motivated by emotional or cognitive factors. In contrast, news minimalism represents passive non-consumption

эмоциональными или когнитивными факторами. Новостной минимализм скорее представляет собой пассивное непотребление новостей. Люди могут не уделять внимания общественно-политическому контенту, потому что это не соответствует их досуговым предпочтениям.

Группы избегающих новостей и новостных минималистов пересекаются незначительно (26%). Интересно, что жители крупных городов чаще избегают новостей, но реже демонстрируют новостной минимализм. Вероятно, это можно объяснить особенностями информационной среды: большое количество информационного шума провоцирует перегрузку и подталкивает к избеганию, а хороший доступ к новостям не позволяет от них полностью изолироваться.

Ключевые слова: избегание новостей, новостной минимализм, медиапотребление, вовлеченность в новости, СМИ, медиа, массовые коммуникации

Благодарность. Работа выполнена в Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ в рамках проекта «Потребление и экономическое поведение домохозяйств в России» при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Вопреки беспрецедентной доступности новостей, люди все чаще стремятся оградить себя от них: меньше потребляют [Blekesaune, Elvestad, Aalberg, 2012; Strömbäck, Djerf-Pierre, Shehata, 2013] и чаще избегают новостной информации [Karlsen, Beyer, Steen-Johnsen, 2020]. Доля людей, избегающих новостей, растет по всему миру. По данным Reuters Institute Digital News Report, в 2024 г. этот показатель составил 39%¹, увеличившись на 10 п. п. по сравнению с 2017 г.² Иссле-

of news. People may not pay attention to serious socio-political content because it does not align with their leisure preferences.

The groups of news avoiders and news minimalists overlap only marginally (26%). Interestingly, residents of large cities more frequently avoid news but less often demonstrate news minimalism. This can likely be explained by characteristics of the information environment: high levels of information noise provoke overload and encourage avoidance, while good access to news prevents complete isolation from it.

Keywords: news avoidance, news minimalism, media consumption, news engagement, media, mass communications

Acknowledgments. The study was conducted in the Laboratory for Studies in Economic Sociology at the HSE University in the project «Consumption and economic behavior of households in Russia» and supported by the Program for Basic Research of the HSE University.

¹ Reuters Institute Digital News Report. 2024. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2024-06/RISJ_DNR_2024_Digital_v10%20lr.pdf (дата обращения: 30.06.2025).

² Reuters Institute Digital News Report. 2017. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/Digital%20News%20Report%202017%20web_0.pdf (дата обращения: 30.06.2025).

дователи уделяют данному вопросу все больше внимания. Однако, поскольку избегание новостей, с одной стороны, представляет собой комплексный феномен, а с другой — тесно связано с рядом содержательно похожих терминов, возникает необходимость в дальнейшей концептуализации понятий.

Избегание новостей (news avoidance)³ — многомерное явление. Люди могут ограничивать потребление новостей в целом [Gorski, Thomas, 2022] или только по определённым темам [Andersen et al., 2024; Schäfer, Betakova, Lecheler, 2024; Tunney, Thorson, Chen, 2021]. Подобное поведение может быть временным и ситуативным либо постоянным [Skovsgaard, Andersen, 2022; Toff, Palmer, Nielsen, 2023]. Кроме того, следует разделять осознанный и активный выбор в пользу ограничения потребления новостей — намеренное (intentional) избегание — и низкий уровень потребления такого контента как часть новостного репертуара — ненамеренное (unintentional) избегание [Skovsgaard, Andersen, 2020]. В первом случае мы говорим про ситуации, когда снижение внимания к информационному контенту мотивировано и связано преимущественно с негативным отношением к новостям. Во втором случае речь идет скорее о предпочтении другого контента [Van den Bulck, 2006] или отсутствии возможностей для потребления новостей. Таким образом, типы избегания новостей выделяются как дихотомии, состоящие из непересекающихся категорий: намеренное — ненамеренное, избирательное — общее, временное — устойчивое и т. д.

Одновременно с этим существует ряд терминов, которые отражают ограниченное потребление новостей: новостной минимализм (news minimalism), неиспользование (news non-use) [Villi et al., 2022] или низкое использование (low news usage) [Ohme et al., 2022] новостей. Данные концепты сфокусированы преимущественно на количественной, а не мотивационной компоненте потребления информационного контента. Новостные минималисты обычно выделяются на основании анализа медиарепертуаров аудитории и характеризуются как группа людей, редко потребляющих новости и мало использующих медиаресурсы [Castro et al., 2022].

В отдельных исследованиях избегание новостей фактически отождествляется с новостным минимализмом [Edgerly, 2015; Ksiazek, Malthouse, Webster, 2010; Shehata, 2016]. Подобное смешение терминов представляется нежелательным. Избегание новостей и их минимальное потребление не тождественны, объясняются разными факторами [Betakova et al., 2025] и мотивами [Gorski, 2023]. Значительная часть людей с низким уровнем внимания к новостям не избегают их намеренно [Damstra et al., 2023; Ohme et al., 2022]. Вместе с тем люди, избегающие новостей, не обязательно имеют низкий уровень их потребления [Palmer, Toff, Nielsen, 2023]. Однако эти категории могут частично пересекаться. Отсутствие четких границ между концептами затрудняет сопоставление результатов имеющихся исследований. Таким образом, разграничение понятий «новостной минимализм» и «избегание новостей» представляется актуальной задачей с теоретической точки зрения и с понятным практическим следствием.

В данной работе я рассмотрю факторы, влияющие на избегание новостей и новостной минимализм. Это позволит эмпирически проверить, те же самые люди

³ На ранних этапах разработки проблемы ограничения потребления новостей возник также термин «сопротивляющиеся новостям» (news resisters), однако он не получил широкого распространения [Woodstock, 2014].

избегают информации и не смотрят важные новости или разные. Кроме того, я обращаю внимание на то, насколько сильно пересекаются группы новостных минималистов и людей, избегающих новостей. Дополнительно подчеркну, что в данной работе термины не носят оценочных характер. Избегание новостей и новостной минимализм рассматриваются безотносительно оценки их (дис)функциональности.

Факторы избегания новостей

На основании анализа литературы были выделены четыре группы факторов, влияющих на избегание новостей.

Факторы индивидуального выбора

Потребление новостей можно рассматривать с позиции теории рационального выбора как результат оценивания полезности новостей и издержек их потребления. В этом случае избегание информации интерпретируется как рациональное игнорирование (*rational ignorance*) [Case et al., 2005].

Издержки потребления новостей во многом связаны с их неблагоприятным воздействием на эмоциональное состояние людей [Bendau et al., 2021; Boukes, Vliegenthart, 2017]. Соответствующая гипотеза первоначально была выдвинута на основании качественных исследований [Toff, Nielsen, 2022; Vandenplas et al., 2021; Wagner, Boczkowski, 2021; Ytre-Arne, Moe, 2021] и нашла подтверждение на количественных данных, продемонстрировавших, что воспринимаемые негативные эффекты новостей (их влияние на эмоциональное состояние и информационную перегрузку, чрезмерные затраты времени на их потребление) способствуют избеганию [Aharoni, Kligler-Vilenchik, Tenenboim-Weinblatt, 2021; Schäfer, Aaldering, Lecheler, 2023]. В частности, в группе людей с низким или отсутствующим уровнем стресса избегали новостей 21 % опрошенных, а в группе с высоким — 41 % [Радаев, 2024]. Поэтому ограничение потребления новостей можно рассматривать как стратегию поддержания благополучия [Mannell, Meese, 2022]. Вместе с тем отдельные исследования не подтверждают влияния связанных с новостями негативных эмоций ни на общий уровень потребления такого контента, ни на экстремально низкое внимание к нему [Edgerly, 2022]. Подчеркивается, что воздействие негативных новостей может способствовать как их избеганию, так и увеличению внимания к ним [Carbone, Soroka, Dunaway, 2024]. Кроме того, значение имеют только негативные эмоции, непосредственно относящиеся к новостям, тогда как влияния общего ментального благополучия на избегание информационного контента выявлено не было [de Bruin et al., 2024].

Полезность новостей тесно связана с восприятием такого контента как достоверного [Tsfati, Cappella, 2003]. Если человек не рассчитывает получить через медиа информацию, на которую можно положиться, то соответствующий контент представляется ему не имеющим информационной ценности. Логично, что доверие влияет на потребление новостей [Fletcher, Park, 2017; Kalogeropoulos et al., 2019; Strömbäck et al., 2020], а его низкий уровень [Li, Liang, Zhu, 2024; Schäfer, Aaldering, Lecheler, 2023; Schäfer, Betakova, Lecheler, 2024; Toff, Kalogeropoulos, 2020] и чувство дезинформированности [Hasell, Halversen, 2024] становятся важными факторами их избегания. Ведь если новости не обладают полезностью, из-

держки, связанные с их потреблением, могут стать основанием для ограничения внимания к такому контенту.

Структурное неравенство

Избегание новостей и новостной минимализм могут быть связаны с социально-экономическим статусом индивидов, определяющим их возможности в отношении потребления новостей. Исследователи отмечают, что бедные или маргинализированные социальные группы могут избегать новости не в результате осознанного выбора, а вследствие структурных ограничений, таких как сложности доступа к контенту, отсутствие времени и сил на его потребление [Skarsbø Lindtner, Uberg Nærland, 2024]. В целом внимание к социальным проблемам тесно связано с наличием у индивида «лишнего сострадания» (*surplus compassion*) [Hilgartner, Bosk, 1988] — ресурса, который может быть направлен на беспокойство о проблемах, лежащих за пределами повседневных забот. Можно предположить, что неблагоприятное материальное положение будет способствовать приоритизации решения собственных экономических проблем над поддержанием информированности по вопросам повестки дня. Как показали предшествующие исследования, люди с более низкими социальным положением и доходом чаще избегают новостей [Ksiazek, Malthouse, Webster, 2010; Li, Liang, Zhu, 2024; Lindell, Mikkelsen Båge, 2023].

Отмечу, что индивидуальный выбор и структурные ограничения не являются противоположными понятиями. Индивидуальный выбор формируется в контексте структурных ограничений и в ответ на них [Palmer, Toff, Nielsen, 2023].

Стили досуга

Медиапотребление хабиитуализировано и укоренено в повседневной рутине [LaRose, 2010; Palmer, Toff, Nielsen, 2023]. Соответственно, от образа жизни человека зависит внимание, которое он готов уделять информационному контенту [Donohew, Palmgreen, Rayburn, 1987; Wei, 2006], а также темы новостей, представляющие для него интерес [Li, 2019]. В числе прочего избегание новостей может быть связано с приоритизацией друзей и семьи [de Bruin et al., 2024] или отсутствием интереса к такой информации [Prior, 2007].

Социально-демографические факторы

Избегание новостей также связано с социально-демографическими характеристиками [Казун, 2024а]. Женщины чаще ограничивают потребление новостей [Betakova et al., 2025; Li, Liang, Zhu, 2024; Toff, Kalogeropoulos, 2020]. Кроме того, они имеют отличные от мужчин тематические предпочтения в отношении новостного контента: больше интересуются информацией, полезной в повседневной жизни, такой как здоровье, образование и новости местных сообществ, в отличие от политических или международных новостей [Fortunati, Deuze, de Luca, 2014; Rosentiel, 2008]. Соответственно, женщины скорее предпочитают «мягкие» новости⁴. С одной стороны, меньшая вовлеченность женщин в потребление экономи-

⁴ «Мягкие» новости (*soft news*) — это информационные сообщения, основная цель которых состоит в развлечении и вызывании эмоционального отклика у аудитории. Примерами таких новостей являются культура, мода, светская хроника и т. д. Тогда как противоположное понятие — «жесткие» новости (*hard news*) — подразумевает социально значимый и серьезный контент, к которому относятся, например, сообщения о политике и экономике.

ческого и политического контента может объясняться особенностями социализации, в ходе которой у них было сформировано убеждение в том, что это «мужские» сферы [Verba, Burns, Schlozman, 1997; York, Scholl, 2015]. С другой стороны, объяснением может служить наличие у женщин «второй смены» [Hochschild, Machung, 2012] — необходимости уделять внимание домашнему хозяйству после завершения рабочего дня, — которая оставляет меньше времени для досуга, в том числе просмотра новостей [Benesch, 2012]. Впрочем, ряд исследований также указывает на отсутствие значимого влияния пола на избегание новостей, вызывающих страх [Tunney, Thorson, Chen, 2021], или информационного контента в целом [de Bruin et al., 2024; Ni, Zhu, Krever, 2023].

Кроме того, новостей чаще избегают молодые люди [Ksiazek, Malthouse, Webster, 2010; Li, Liang, Zhu, 2024; Toff, Kalogeropoulos, 2020]. Молодежь может полагать, что информация о важных вопросах будет донесена до них членами семьи [Edgerly, 2017], а также испытывать уверенность, что новости сами найдут их [Казун, 2023]. Впрочем, в исследованиях Китая влияние возраста на избегание новостей не подтвердилось [Ni, Zhu, Krever, 2023].

Роль уровня образования в избегании новостей остается дискуссионной. Некоторые исследования указывают на связь между низким уровнем образования и склонностью к избеганию новостей [Edgerly, 2015; Ksiazek, Malthouse, Webster, 2010]. Тогда как другие, напротив, не выявили значимого влияния этого фактора [de Bruin et al., 2024; Ni, Zhu, Krever, 2023; Toff, Kalogeropoulos, 2020], либо обнаружили положительную связь между уровнем образования и избеганием серьезных новостей [Li, Liang, Zhu, 2024]. В целом можно ожидать, что люди с высоким уровнем образования имеют развитые навыки работы с информацией, поэтому у них меньшие когнитивные издержки при просмотре новостей [Казун, 2024а]. Это позволяет выдвинуть гипотезу о возможном влиянии уровня образования на распространенность избегания новостей.

Демографические переменные в данном тексте рассматриваются как отдельная группа факторов, однако в реальности они могут относиться как к факторам индивидуального выбора (например, женщины [Gur-Ze'ev et al., 2024; Toff, Palmer, 2019] или молодежь [Lindell, Sartoretto, 2018] могут воспринимать новости как нерелевантные для них и ограничивать их потребление), так и к факторам структурного неравенства. Например, женщины могут не иметь возможности уделять внимание новостям из-за вынужденного совмещения оплачиваемой и домашней работы [Benesch, 2012], а люди с низким социально-экономическим статусом — из-за меньшего доступа к информационным ресурсам или неблагоприятных условий повседневной жизни [Skarsbø Lindtner, Uberg Nærland, 2024].

Методология

Данные

Я использую результаты опроса взрослого населения РФ, проведенного НИУ ВШЭ в период с декабря 2023 по февраль 2024 г. Опрос проводился методом личного интервью с занесением информации в планшет (CAPI) по многоступенчатой стратифицированной выборке с маршрутным отбором домохозяйства для обследования и опросом одного представителя внутри домохозяйства. База данных

включает 6007 человек, которые репрезентируют население страны по федеральным округам, типу населенного пункта, полу и возрасту. Ранее с использованием этой базы данных была подготовлена описательная статья, характеризующая избегание новостей в современной России [Казун, 2025].

Зависимые переменные

Преднамеренное избегание новостей. Респондентов просили выразить степень согласия с тезисом «В последние три месяца я намеренно пытался(ась) избегать новостей» (1 — абсолютно не согласен, 4 — абсолютно согласен). Используемая формулировка похожа на вопросы из предшествующих работ [Toff, Kalogeropoulos, 2020], но содержит более четкое указание на временной период. Для проведения анализа переменная была перекодирована в бинарную, где к избегающим новостей были отнесены респонденты, полностью или частично согласившиеся с данным высказыванием (21 % от ответивших на вопрос).

Новостной минимализм. Данное понятие я операционализирую как минимальное внимание к серьезным новостям (hard news)⁵. Переменная была сконструирована на основании ответов на вопрос анкеты: «В последние три месяца как часто вы намеренно смотрели, читали или слушали новости по следующим темам?». Список тем, регулярность просмотра контента по которым предлагалось оценить, в целом соответствовал используемому в опросе Reuters Institute 2022⁶ (за исключением новостей про ментальное здоровье и благополучие). К новостным минималистам были отнесены респонденты, указавшие, что они потребляют деловые, политические, международные новости и новости про преступления и происшествия не чаще одного раза в месяц (выбраны варианты ответов «Раз в месяц и реже» или «Никогда не смотрю» по каждой из этих четырех тем). Доля новостных минималистов — 17 %. Пересечение групп преднамеренно избегающих новостей и новостных минималистов составляет 26 %. Соответственно данные термины не тождественны.

Независимые переменные

Блок 1. Индивидуальный выбор. К факторам индивидуального выбора отнесен ряд переменных, отражающих степень доверия новостям и эмоциональное состояние респондента. Восприятие медиаконтента как недостоверного снижает его полезность в глазах потребителя, подталкивая к избеганию при наличии эмоциональных издержек потребления новостей. Неблагоприятные состояния рассматриваются как в общем виде (показатель эмоционального (не)благополучия), так и применительно к новостям (самооценка влияния новостей).

*Доверие новостям*⁷ измерялось как среднее согласие с двумя высказываниями: «Новостям в СМИ можно доверять» ($M = 2,90$, $SD = 1,32$) и «В освещении важ-

⁵ Фокус на серьезных новостях (hard news) обусловлен их более высокой информационной ценностью (например, по сравнению с новостями о стиле жизни или знаменитостях), а также тем, что люди, избегающие новостей, склонны ограничивать потребление именно серьезного общественно-политического контента [Казун, 2024b].

⁶ Reuters Institute Digital News Report. 2022. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2022-06/Digital_News-Report_2022.pdf (дата обращения: 30.06.2025).

⁷ Более подробное описание доверия новостям, медиацинизма и медиаскептицизма в России см.: Барометр экономического поведения домашних хозяйств. 2024. Вып. 3. URL: <https://www.hse.ru/hheb/barometer/2024/3> (дата обращения: 30.06.2025).

ных вопросов (кризисы, здоровье) я доверяю СМИ» ($M = 2,84$, $SD = 1,36$). Формулировки вопросов о доверии, медиацинизме и медиаскептицизме частично основаны на предложенных ранее шкалах [Quiring et al., 2021]. Согласие с тезисами по всем этим вопросам оценивалось по 5-балльной шкале Лайкерта, где 1 — «Совершенно не согласен(-на)», 5 — «Совершенно согласен(-на)». Коэффициент альфа Кронбаха для тезисов о доверии новостям составил 0,85.

Медиаскептицизм оценивался как среднее согласие с двумя высказываниями: «СМИ бывают предвзяты, но в целом хорошо отражают реальность» ($M = 3,07$, $SD = 1,29$) и «СМИ иногда преувеличивают, но в целом пытаются объективно описывать события» ($M = 3,19$, $SD = 1,27$). Альфа Кронбаха = 0,76.

Медиацинизм измерялся как среднее согласие с тремя высказываниями: «СМИ манипулируют общественным мнением» ($M = 3,38$, $SD = 1,38$), «СМИ регулярно сообщают населению ложную информацию» ($M = 2,70$, $SD = 1,33$) и «СМИ регулярно действуют в интересах некоторых влиятельных людей или групп людей» ($M = 3,29$, $SD = 1,36$). Альфа Кронбаха = 0,79.

Эмоциональное неблагополучие оценивалось как среднее значение при ответе на вопрос «Как часто в последние две недели у вас бывало каждое из этих состояний?» по пяти пунктам: «Не хочется ничего делать, ежедневные занятия не приносят удовольствия» ($M = 1,77$, $SD = 0,78$), «Плохое настроение, подавленность, чувство безнадежности» ($M = 1,66$, $SD = 0,74$), «Сильная нервозность, тревога, беспокойство» ($M = 1,61$, $SD = 0,75$), «Неспособность контролировать свои эмоции, держать себя в руках» ($M = 1,36$, $SD = 0,62$), «Чувство одиночества» ($M = 1,49$, $SD = 0,78$). Переменная измерена по четырехбалльной шкале, где 1 — «Практически не бывало», а 4 — «Бывало практически каждый день». Альфа Кронбаха = 0,82. Подробнее эмоциональное неблагополучие россиян анализировалось в статье В. Радаева [Радаев, 2024].

Негативное влияние новостей на эмоции измерялось как степень согласия с тезисом «Новости вызывают у меня чувство тревоги или подавленность» по шкале Лайкерта (1 — «Совершенно не согласен», 5 — «Совершенно согласен») ($M = 2,27$, $SD = 1,39$).

Блок 2. Структурное неравенство. Материальное положение измерялось на основании самостоятельного отнесения респондента к одной из групп: «Мы едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты» (5%), «На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения» (17%), «Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т.п.) является для нас проблемой» (48%), «Мы можем покупать без затруднений такие вещи, как холодильник или телевизор, но для нас затруднительно приобрести автомобиль» (27%), «Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах» (3%), «Мы можем покупать любые дорогие вещи, недвижимость и ни в чем себе не отказывать» (1%). Ввиду малой наполненности двух верхних групп при анализе данных они были объединены.

Наличие свободного времени измеряется как ответ на вопрос «Бывает ли у вас свободное время, которое вы можете использовать по своему усмотрению? И если бывает, то только в выходные и праздничные дни или в будни тоже?» Ва-

риант ответа «Бывает и в будни, и в выходные, и в праздничные дни» (51 %) закодирован как 1, варианты, отражающие ограниченность свободного времени («Только в будни» (2 %), «Только в выходные и праздничные дни» (36 %), «Не бывает вообще» (11 %)) закодированы как 0.

Блок 3. Стили досуга. Стили досуга выделялись по итогам ответа на вопрос «Что вы делаете в свободное время?», предполагающего выбор из 27 вариантов ответа. По итогам факторного анализа с использованием метода главных компонент и вращения Варимакс с нормализацией Кайзера были выделены семь стилей досуга (см. Приложение, табл. 1).

1. *Городской пассивный досуг* включает такие элементы, как «хожу по магазинам», «читаю», «смотрю телевизор», «хожу в гости / принимаю гостей», «гуляю», «хожу в салон красоты», «хожу в кафе и рестораны». Этот фактор связан с расслаблением, шопингом и культурными развлечениями.

2. *Традиционный активный досуг* связан с такими видами деятельности, как «рыбалка, охота», «сбор грибов и ягод», «занимаюсь ремонтом», «бываю в гараже», «хожу в баню». Этот компонент отражает досуг, состоящий из физической активности на свежем воздухе и практических занятий.

3. *Активный социальный досуг* включает занятия спортом, походы в кино и театр, общение с друзьями.

4. *Семейно-ориентированный домашний досуг* предполагает проведение времени с семьей, занятие домашними делами и заботу о питомцах.

5. *Интеллектуальный досуг* связан с проведением времени за компьютером, повышением образования, чтением и настольными играми.

6. *Дачный досуг* включает такие активности, как выезды на дачу, занятие огородом или садом.

7. *Пассивный отдых* предполагает в свободное время лежание на диване и сон.

Блок 4. Социально-демографические факторы. В качестве социально-демографических переменных используются: пол, возраст (число полных лет), наличие высшего образования, тип населенного пункта (города 1 млн+, города 100 тыс. — 1 млн, города менее 100 тыс. (села — базовая категория)).

Анализ данных

По итогам регрессионного анализа была продемонстрирована роль социально-демографических переменных в избегании новостей. Женщины имеют более высокие шансы избегать новостей, чем мужчины (см. табл. 1). С увеличением возраста шансы на избегание новостей снижаются на 0,8 % за каждый год. Наличие высшего образования значимо не влияет на шансы избегать новостей.

Впрочем, более важными оказались переменные, которые формируют индивидуальный выбор в отношении потребления информации. Так, более высокое доверие новостям ($\text{Exp}(B) = 0,751$) и медиаскептицизм ($\text{Exp}(B) = 0,869$), понимаемый как здоровое критическое отношение к медиасообщениям, снижают вероятность избегания. В то время как медиацинизм ($\text{Exp}(B) = 1,316$), напротив, повышает ее. Можно предположить, что восприятие новостей как недостоверных и предвзятых снижает полезность их просмотра в глазах потребителей, тем самым подталкивая к избеганию. Эмоциональное неблагополучие и уверенность

в том, что новости вызывают тревогу или подавленность, значительно повышают вероятность ограничения их потребления — на 30 % и 26 % соответственно.

Стили досуга почти не связаны с избеганием новостей, в отличие от характеристик, которые могут отражать и провоцировать структурное неравенство между респондентами. Избегание новостей ассоциировано с нехваткой свободного времени. Вместе с тем влияние материального положения нелинейно. Респонденты с низким материальным положением значительно чаще избегают новостей, в частности, для людей с большими финансовыми трудностями («Мы едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты») шансы избегать новостей выше на 72 %. Однако представители группы с наиболее высоким материальным положением также имеют большие шансы ограничивать потребление новостей.

Таблица 1. **Предикторы избегания новостей (бинарная логистическая регрессия, $\text{Exp}(B)$)**

Переменная	Индивидуальный выбор	Структурное неравенство	Стили досуга	Полная модель
Доверие новостям	0,720*** (0,038)			0,751*** (0,043)
Медиаскептицизм	0,908* (0,038)			0,869** (0,042)
Медиаацинизм	1,261*** (0,033)			1,316*** (0,036)
Эмоциональное неблагополучие	1,369*** (0,059)			1,298*** (0,066)
Негативное влияние новостей	1,267*** (0,024)			1,256*** (0,027)
Едва сводим концы с концами		1,706*** (0,149)		1,722** (0,177)
Трудности с покупкой одежды		1,336** (0,089)		1,338** (0,105)
Можем без затруднений купить холодильник или ТВ		0,860 (0,082)		0,902 (0,095)
Можем купить автомобиль и выше		1,503* (0,174)		1,607* (0,193)
Наличие свободного времени		0,743*** (0,066)		0,821* (0,079)
Городской пассивный досуг			0,896** (0,036)	0,922* (0,039)
Традиционный активный досуг			0,978 (0,036)	1,058 (0,040)
Активный социальный досуг			1,048 (0,035)	1,015 (0,041)
Семейно-ориентированный досуг			1,022 (0,035)	1,002 (0,038)
Интеллектуальный досуг			1,066 (0,033)	1,056 (0,036)
Дачный досуг			0,960 (0,036)	0,967 (0,040)
Пассивный отдых			0,942 (0,035)	0,979 (0,040)

Переменная	Индивидуальный выбор	Структурное неравенство	Стили досуга	Полная модель
Пол (женщина)				1,789*** (0,085)
Возраст				0,992** (0,003)
Высшее образование				0,945 (0,080)
Город 1 млн+				1,315* (0,111)
Город 100 тыс. — 1 млн				1,273* (0,105)
Город менее 100 тыс.				1,020 (0,113)
Константа	0,138*** (0,188)	0,291*** (0,057)	0,252*** (0,035)	0,124*** (0,248)
R ² Нэйджелкера	0,135	0,014	0,006	0,170
N	5763	5676	5094	5087

Примечание. Среднеквадратичная ошибка в скобках, *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Новостной минимализм, как и избегание новостей, тесно связан с социально-демографическими характеристиками респондентов (см. табл. 2). Женщины и молодые люди с большей вероятностью имеют минимальный уровень потребления серьезных новостей. Это указывает на общую для данных демографических групп тенденцию быть менее вовлеченными в активное потребление новостей по сравнению с мужчинами и старшими возрастными группами. Однако в отличие от избегания новостей в данном случае проявляется также роль образования. У людей, имеющих высшее образование, меньше шансов оказаться новостными минималистами. Полученные результаты противоречат предшествующим исследованиям, приписывающим такой стиль потребления информации старшим [Castro et al., 2022] и более образованным респондентам [Castro et al., 2022; Strömbäck, Falasca, Kruikemeier, 2018].

Роль отдельных факторов для избегания новостей и их минимального потребления различается. Хотя доверие новостям и медиаскептицизм делают минимальное внимание к серьезным новостям менее вероятным, медиацинизм в данном случае оказывается не значим. Эмоциональное неблагополучие также не связано с минимальным потреблением новостей, в отличие от воспринимаемого негативного влияния новостей на эмоции.

Важную роль в объяснении новостного минимализма играет также стиль досуга. Городской пассивный ($\text{Exp}(B) = 0,782$), традиционный активный ($\text{Exp}(B) = 0,857$), семейно-ориентированный домашний досуг ($\text{Exp}(B) = 0,837$) связаны с меньшей вероятностью минимализма. Тогда как активный социальный досуг, напротив, увеличивает шансы крайне низкого потребления серьезных новостей ($\text{Exp}(B) = 1,099$). Последнее может быть связано с тем, что люди приоритизируют социальную активность и проведение свободного времени вне дома, а не просмотр информационных ресурсов.

К новостным минималистам с большей вероятностью относятся люди с более низким материальным положением. Наличие же свободного времени в финальной модели оказывается незначимым.

Таблица 2. **Предикторы новостного минимализма (бинарная логистическая регрессия, Exp (B))**

Переменная	Индивидуальный выбор	Структурное неравенство	Стили досуга	Полная модель
Доверие новостям	0,624*** (0,042)			0,682*** (0,048)
Медиаскептицизм	0,784*** (0,041)			0,740*** (0,047)
Медиаацинизм	0,995 (0,033)			1,067 (0,038)
Эмоциональное неблагополучие	0,902 (0,066)			0,814 (0,077)
Негативное влияние новостей	0,866*** (0,028)			0,845*** (0,032)
Едва сводим концы с концами		1,820*** (0,150)		2,342*** (0,192)
Трудности с покупкой одежды		1,121 (0,096)		1,414** (0,119)
Можем без затруднений купить холодильник или ТВ		0,737** (0,089)		0,748** (0,106)
Можем купить автомобиль и выше		1,579*** (0,172)		1,464 (0,204)
Наличие свободного времени		0,718*** (0,060)		0,990 (0,086)
Городской пассивный досуг			0,715*** (0,044)	0,782*** (0,048)
Традиционный активный досуг			0,787*** (0,052)	0,857** (0,055)
Активный социальный досуг			1,173*** (0,039)	1,099* (0,046)
Семейно-ориентированный досуг			0,869** (0,043)	0,837*** (0,047)
Интеллектуальный досуг			0,984 (0,040)	0,964 (0,043)
Дачный досуг			0,880** (0,048)	0,949 (0,052)
Пассивный отдых			0,902** (0,036)	0,936 (0,043)
Пол (женщина)				2,327*** (0,094)
Возраст				0,973*** (0,003)
Высшее образование				0,792** (0,089)
Город 1 млн+				0,758* (0,124)
Город 100 тыс.—1 млн				0,849 (0,112)

Переменная	Индивидуальный выбор	Структурное неравенство	Стили досуга	Полная модель
Город менее 100 тыс.				0,751* (0,120)
Константа	2,230*** (0,191)	0,242*** (0,060)	0,176*** (0,040)	4,734*** (0,263)
R ² Нэйджелкера	0,137	0,017	0,041	0,230
N	5941	5898	5282	5229

Примечание. Среднеквадратичная ошибка в скобках, *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Интересно, что респонденты из городов-миллионников имеют больше шансов избегать новостей, но реже оказываются новостными минималистами. С одной стороны, в городах-миллионниках жители могут подвергаться большему воздействию информационного шума. Вероятно, они испытывают на себе влияние медиасреды с большим выбором (high-choice media environment). Это может привести к информационной перегрузке, которая вызывает желание избегать новостей, чтобы защитить свое эмоциональное состояние. Вместе с тем люди в городах-миллионниках могут иметь лучший доступ к новостям, оставаясь информированными, даже если предпочитают не углубляться в серьезные темы, например за счет случайного потребления новостей. Таким образом, можно предположить, что в городах-миллионниках респонденты склонны избегать новостей из-за информационной перегрузки, однако их доступ к информации снижает вероятность новостного минимализма.

Обсуждение результатов

Часть результатов, полученных при оценивании факторов избегания новостей, соответствует предыдущим исследованиям этой темы. В частности, подтверждена выявленная ранее значимость пола, возраста, доверия новостям, восприятия новостей как вызывающих негативные эмоции. Однако, помимо этого, было сделано несколько новых выводов. Подчеркнута роль общего эмоционального благополучия, что противоречит полученным ранее результатам, согласно которым значение имеют только эмоции по отношению к новостям, а не эмоциональное (не) благополучие в целом [de Bruin et al., 2021]. Выявлен нелинейный характер связи избегания и материального положения, что делает необходимым дальнейшее изучение причин ограничения потребления информационного контента в группе с высоким материальным положением. Ранее в литературе данный феномен ассоциировался скорее с низкодоходными и маргинализированными группами. Также отмечено почти полное отсутствие связи стилей досуга с шансами ограничивать потребление информационного контента. Исходя из этого, избегание новостей следует интерпретировать как результат выбора, который происходит в процессе калькуляции выгод и издержек потребления такого контента, с учетом заданных внешней средой ограничений, а не как следствие образа жизни.

Ряд факторов, связанных с вероятностью избегания новостей, ассоциируются и с новостным минимализмом: пол, возраст, материальное положение, до-

верие, медиаскептицизм, воспринимаемое негативное воздействие новостей на эмоции. Однако воспроизводятся не все связи. В частности, шансы оказаться новостным минималистом не различаются для людей с разными уровнями эмоционального неблагополучия и медиацинизма. При наличии высшего образования вероятность минимального потребления новостей снижается, хотя в случае избегания новостей данная переменная не была значима. При этом стили досуга играют важную роль в объяснении новостного минимализма, поскольку отражают повседневные предпочтения и структуру времени респондентов.

Таким образом, избегание новостей — это намеренное поведение, которое часто связано с негативным восприятием новостей, например из-за их тревожного содержания или недоверия к источникам. Люди избегают новостей, потому что они могут эмоционально перегружать, приводить к тревоге или недоверию. В таких случаях стили досуга не играют заметной роли, поскольку поведение мотивировано эмоциональными или когнитивными факторами. Тогда как новостной минимализм скорее представляет собой пассивное непотребление новостей. Люди могут не уделять внимание серьезному общественно-политическому контенту, потому что это не соответствует их досуговым предпочтениям. Поэтому стили досуга играют здесь более заметную роль, определяя приоритеты между конкурирующими активностями, в число которых входит и потребление новостей. Соответственно, избегание новостей и новостной минимализм представляют собой содержательно различные концепты, которые, по крайней мере отчасти, формируются под влиянием разных факторов и нередко не пересекаются между собой.

Данное исследование не свободно от ряда ограничений. Прежде всего, избегание новостей контекстуально. Если осенью 2022 г. доля россиян, стремящихся ограничить потребление такого контента, превышала 40 % [Казун, 2025], то зимой 2023—2024 гг. данный показатель был в два раза ниже. Таким образом, в исследовании рассматривается медиапотребление в относительно спокойный период. Возможно, отдельные закономерности проявляются ярче в моменты кризиса и повышенной общественной тревожности, когда избегание новостей становится более массовым.

Кроме того, мы можем говорить скорее об ассоциируемых признаках, чем о влиянии. Например, связь между недоверием новостям и их избеганием или новостным минимализмом может иметь разное направление. Так, критическое отношение к информационному контенту может быть основанием для снижения внимания к нему. Вместе с тем небольшая вовлеченность в новости может означать меньшую осведомленность о том, как функционируют медиа, снижая тем самым доверие к ним.

Наконец, проведенный анализ данных не всегда объясняет механизм наблюдаемых взаимосвязей. Например, спецификации моделей не позволяют объяснить, почему женщины чаще, чем мужчины, избегают новостей и оказываются новостными минималистами. На данный вопрос можно отчасти ответить, опираясь на предшествующие теоретические и эмпирические работы. Однако чтобы с уверенностью что-то утверждать, необходимо проводить отдельное исследование по данной теме. Следовательно, наблюдаемые закономерности могут быть детализированы.

Список литературы (References)

1. Казун А. Д. «Они все равно меня находят»: медиапотребление людей, избегающих новостей // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. № 3. С. 3—25.
Kazun A. D. (2023) 'They Find Me Anyway': Media Consumption of People Avoiding News. *Vestnik of Moscow University. Series 10: Journalistics*. No. 3. P. 3—25. (In Russ.)
2. Казун А. Д. Избегание новостей: понятие, причины и факторы распространения // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2024(а). Т. 9. № 3. С. 28—55. <https://doi.org/10.17323/cmd.2024.22629>.
Kazun A. D. (2024a) News Avoidance: Concept, Causes and Factors. *Communications. Media. Design*. Vol. 9. No. 3. P. 28—55. <https://doi.org/10.17323/cmd.2024.22629>. (In Russ.)
3. Казун А. Д. Избегание новостей в России: Масштабы и характерные черты // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2025. No 1. С. 69—93.
Kazun A. D. (2025) News Avoidance in Russia: Scope and Characteristics. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. No. 1. P. 69—93. (In Russ.)
4. Казун А. Д. Смотреть нельзя игнорировать: какому контенту (не)готовы уделять внимание люди, избегающие новостей? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024(б). Т. 27. № 3. С. 146—167. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.5>.
Kazun A. D. (2024b) To Watch or to Ignore: What Kind of Content Are News Avoiders (Un)Ready to Consume? *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 27. No. 3. P. 146—167. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.5>. (In Russ.)
5. Радаев В. В. Психологические стрессы в современной России: общий уровень, более уязвимые группы и способы совладания // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. No 6. С. 52—74. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2643>.
Radaev V. V. (2024) Psychological Stresses in the Contemporary Russia: General Level, More Vulnerable Groups and Coping Strategies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 52—74. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2643>. (In Russ.)
6. Aharoni T., Kligler-Vilenchik N., Tenenboim-Weinblatt K. (2021) «Be Less of a Slave to the News»: A Texto-Material Perspective on News Avoidance among Young Adults. *Journalism Studies*. Vol. 22. No. 1. P. 42—59. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2020.1852885>.
7. Andersen K., Shehata A., Skovsgaard M., Strömbäck J. (2024) Selective News Avoidance: Consistency and Temporality. *Communication Research*. <https://doi.org/10.1177/00936502231221689>.

8. Bendau A., Petzold M.B., Pyrkosch L., Mascarell Maricic L., Betzler F., Rogoll J., Große J., Ströhle A., Plag J. (2021) Associations Between COVID-19 Related Media Consumption and Symptoms of Anxiety, Depression and COVID-19 Related Fear in the General Population in Germany. *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience*. Vol. 271. No. 2. P. 283—291. <https://doi.org/10.1007/s00406-020-01171-6>.
9. Benesch C. (2012) An Empirical Analysis of the Gender Gap in News Consumption. *Journal of Media Economics*. Vol. 25. No. 3. P. 147—167. <https://doi.org/10.1080/08997764.2012.700976>.
10. Betakova D., Boomgaarden H., Lecheler S., Schäfer S. (2025) I Do Not (Want To) Know! The Relationship Between Intentional News Avoidance and Low News Consumption. *Mass Communication and Society*. Vol. 28. No. 3. P. 413—440. <https://doi.org/10.1080/15205436.2024.2304759>.
11. Blekesaune A., Elvestad E., Aalberg T. (2012) Tuning out the World of News and Current Affairs — An Empirical Study of Europe's Disconnected Citizens. *European Sociological Review*. Vol. 28. No. 1. P. 110—126. <https://doi.org/10.1093/esr/jcq051>.
12. Boukes M., Vliegenthart R. (2017) News Consumption and Its Unpleasant Side Effect: Studying the Effect of Hard and Soft News Exposure on Mental Well-Being over Time. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*. No. 29. P. 137—147. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000224>.
13. Carbone M., Soroka S., Dunaway J. (2024) The Psychophysiology of News Avoidance: Does Negative Affect Drive Both Attention and Inattention to News? *Journalism Studies*. Vol. 25. No. 12. P. 1460—1475. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2024.2310672>.
14. Case D. O., Andrews J. E., Johnson J. D., Allard S. L. (2005) Avoiding Versus Seeking: The Relationship of Information Seeking to Avoidance, Blunting, Coping, Dissonance, and Related Concepts. *Journal of the Medical Library Association*. Vol. 93. No. 3. P. 353—362.
15. Castro L., Strömbäck J., Esser F., Van Aelst P., de Vreese C., Aalberg T., Cardenal A. S., Corbu N., Hopmann D. N., Koc-Michalska K., Matthes J., Schemer C., Sheaffer T., Splendore S., Stanyer J., Stępińska A., Štětka V., Theocharis Y. (2022) Navigating High-Choice European Political Information Environments: A Comparative Analysis of News User Profiles and Political Knowledge. *The International Journal of Press/Politics*. Vol. 27. No. 4. P. 827—859. <https://doi.org/10.1177/19401612211012572>.
16. Damstra A., Vliegenthart R., Boomgaarden H., Glüer K., Lindgren E., Strömbäck J., Tsifti Y. (2023) Knowledge and the News: An Investigation of the Relation Between News Use, News Avoidance, and the Presence of (Mis)beliefs. *International Journal of Press/Politics*. Vol. 28. No. 1. P. 29—48. <https://doi.org/10.1177/19401612211031457>.

17. de Bruin K., de Haan Y., Vliegenthart R., Kruikemeier S., Boukes M. (2021) News Avoidance during the Covid-19 Crisis: Understanding Information Overload. *Digital Journalism*. Vol. 9. No. 9. P. 1394—1410. <https://doi.org/10.1080/21670811.2021.1957967>.
18. de Bruin K., Vliegenthart R., Kruikemeier S., de Haan Y. (2024) Who Are They? Different Types of News Avoiders Based on Motives, Values and Personality Traits. *Journalism Studies*. Vol. 25. No. 12. P. 1404—1422. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2024.2321537>.
19. Donohew L., Palmgreen P., Rayburn II J. D. (1987) Social and Psychological Origins of Media Use: A Lifestyle Analysis. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Vol. 31. No. 3. P. 255—278. <https://doi.org/10.1080/08838158709386663>.
20. Edgerly S. (2015) Red Media, Blue Media, and Purple Media: News Repertoires in the Colorful Media Landscape. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Vol. 59. No. 1. P. 1—21. <https://doi.org/10.1080/08838151.2014.998220>.
21. Edgerly S. (2017) Seeking Out and Avoiding the News Media: Young Adults' Proposed Strategies for Obtaining Current Events Information. *Mass Communication and Society*. Vol. 20. No. 3. P. 358—377. <https://doi.org/10.1080/15205436.2016.1262424>.
22. Edgerly S. (2022) The Head and Heart of News Avoidance: How Attitudes About the News Media Relate to Levels of News Consumption. *Journalism*. Vol. 23. No. 9. P. 1828—1845. <https://doi.org/10.1177/14648849211012922>.
23. Fletcher R., Park S. (2017) The Impact of Trust in the News Media on Online News Consumption and Participation. *Digital Journalism*. Vol. 5. No. 10. 1281—1299. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1279979>.
24. Fortunati L., Deuze M., de Luca F. (2014) The New About News: How Print, Online, Free, and Mobile Coconstruct New Audiences in Italy, France, Spain, the UK, and Germany. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 19. No. 2. P. 121—140. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12017>.
25. Gorski, L. C. (2023) Uninterested, Disenchanted, or Overwhelmed? An Analysis of Motives Behind Intentional and Unintentional News Avoidance. *Communications*. Vol. 48. No. 4. P. 563—587. <https://doi.org/10.1515/commun-2021-0084>.
26. Gorski L. C., Thomas F. (2022) Staying Tuned or Tuning Out? A Longitudinal Analysis of News-Avoiders on the Micro and Macro-Level. *Communication Research*. Vol. 49. No. 7. P. 942—965. <https://doi.org/10.1177/00936502211025907>.
27. Gur-Ze'ev H., Aharoni T., Kligler-Vilenchik N., Tenenboim-Weinblatt K. (2024) "I Hope My Partner Will Keep Me Up-to-Date": How Couples Navigate News Consumption and Avoidance. *Journalism Studies*. Vol. 25. No. 12. P. 1535—1554. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2023.2299451>.
28. Hasell A., Halversen A. (2024) Feeling Misinformed? The Role of Perceived Difficulty in Evaluating Information Online in News Avoidance and News Fatigue. *Jour-*

- nalism Studies*. Vol. 25. No. 12. P. 1441—1459. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2024.2345676>.
29. Hilgartner S., Bosk C. L. (1988) The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *American Journal of Sociology*. Vol. 94. No. 1. P. 53—78.
 30. Hochschild A., Machung A. (2012) *The Second Shift: Working Families and the Revolution at Home*. Penguin Books.
 31. Kalogeropoulos A., Suiter J., Udris L., Eisenegger M. (2019) News Media Trust and News Consumption: Factors Related to Trust in News in 35 Countries. *International Journal of Communication*. Vol. 13. P. 3672—3693.
 32. Karlsen R., Beyer A., Steen-Johnsen K. (2020) Do High-Choice Media Environments Facilitate News Avoidance? A Longitudinal Study 1997—2016. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Vol. 64. No. 5. 794—814. <https://doi.org/10.1080/08838151.2020.1835428>.
 33. Ksiazek T. B., Malthouse E. C., Webster J. G. (2010) News-seekers and Avoiders: Exploring Patterns of Total News Consumption Across Media and the Relationship to Civic Participation. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Vol. 54. No. 4. P. 551—568. <https://doi.org/10.1080/08838151.2010.519808>.
 34. LaRose R. (2010) The Problem of Media Habits. *Communication Theory*. Vol. 20. No. 2. P. 194—222. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2010.01360.x>.
 35. Li G. M., Liang F., Zhu Q. (2024) Examining Active News Avoidance Across Countries: A Multilevel Moderation Analysis of News Interests, News Trust, and Press Freedom. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. <https://doi.org/10.1177/10776990241232083>.
 36. Li S.-C. S. (2019) Lifestyles and Gratifications Obtained from News: Comparing Science News with Health News and Political News. *Public Understanding of Science*. Vol. 28. No. 5. P. 572—589. <https://doi.org/10.1177/0963662519836626>.
 37. Lindell J., Mikkelsen Båge E. (2023) Disconnecting from Digital News: News Avoidance and the Ignored Role of Social Class. *Journalism*. Vol. 24. No. 9. P. 1980—1997. <https://doi.org/10.1177/14648849221085389>.
 38. Lindell J., Sartoretto P. (2018) Young People, Class and the News. *Journalism Studies*. Vol. 19. No. 14. P. 2042—2061. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2017.1310628>.
 39. Mannell K., Meese J. (2022) From Doom-Scrolling to News Avoidance: Limiting News as a Wellbeing Strategy During COVID Lockdown. *Journalism Studies*. Vol. 23. No. 3. P. 302—319. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.2021105>.
 40. Ni T., Zhu R., Krever R. (2023) Responses to News Overload in a Non-Partisan Environment: News Avoidance in China. *SAGE Open*. <https://doi.org/10.1177/21582440231184864>.

41. Ohme J., Araujo T., Zarouali B., de Vreese C. H. (2022) Frequencies, Drivers, and Solutions to News Non-Attendance: Investigating Differences Between Low News Usage and News (Topic) Avoidance with Conversational Agents. *Journalism Studies*. Vol. 23. No. 12. P. 1510—1530. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2022.2102533>.
42. Palmer R., Toff B., Nielsen R. K. (2023) Examining Assumptions Around How News Avoidance Gets Defined: The Importance of Overall News Consumption, Intention, and Structural Inequalities. *Journalism Studies*. Vol. 24. No. 6. P. 697—714. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2023.2183058>.
43. Prior M. (2007) Post-Broadcast Democracy: How Media Choice Increases Inequality in Political Involvement and Polarizes Elections. Cambridge: Cambridge University Press.
44. Quiring O., Ziegele M., Schemer C., Jakob N., Jakobs I., Schultz T. (2021) Constructive Skepticism, Dysfunctional Cynicism? Skepticism and Cynicism Differently Determine Generalized Media Trust. *International Journal of Communication*. Vol. 15. P. 3497—3518.
45. Rosentiel T. (2008). Where Men and Women Differ in Following the News. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/2008/02/06/where-men-and-women-differ-in-following-the-news/> (date of access: 05.09.2025).
46. Schäfer S., Aaldering L., Lecheler S. (2023) “Give Me a Break!” Prevalence and Predictors of Intentional News Avoidance During the COVID-19 Pandemic. *Mass Communication and Society*. Vol. 26. No. 4. P. 671—694. <https://doi.org/10.1080/15205436.2022.2125406>.
47. Schäfer S., Betakova D., Lecheler S. (2024) Zooming in on Topics: An Investigation of the Prevalence and Motives for Selective News Avoidance. *Journalism Studies*. Vol. 25. No. 12. P. 1423—1440. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2024.2338114>.
48. Shehata A. (2016) News Habits Among Adolescents: The Influence of Family Communication on Adolescents' News Media Use — Evidence from a Three-Wave Panel Study. *Mass Communication and Society*. Vol. 19. No. 6. P. 758—781. <https://doi.org/10.1080/15205436.2016.1199705>.
49. Skarsbø Lindtner S., Uberg Nærland T. (2024) News Avoidance and Poverty: Intersectional Marginalization in the Norwegian «Media Welfare State». *Journalism Studies*. Vol. 25. No. 12. P. 1498—1515. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2024.2326075>.
50. Skovsgaard M., Andersen K. (2020) Conceptualizing News Avoidance: Towards a Shared Understanding of Different Causes and Potential Solutions. *Journalism Studies*. Vol. 21. No. 4. P. 459—476. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2019.1686410>.

51. Skovsgaard M., Andersen K. (2022) News Avoidance. In: Borchard G. A. (Ed.), *The SAGE Encyclopedia of Journalism*. Vol. 1. P. 1099—1103. SAGE Publications. <https://doi.org/10.4135/9781544391199.n274>.
52. Strömbäck J., Djerf-Pierre M., Shehata A. (2013) The Dynamics of Political Interest and News Media Consumption: A Longitudinal Perspective. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 25. No. 4. P. 414—435. <https://doi.org/10.1093/ijpor/eds018>.
53. Strömbäck J., Falasca K., Kruike-meier S. (2018) The Mix of Media Use Matters: Investigating the Effects of Individual News Repertoires on Offline and Online Political Participation. *Political Communication*. Vol. 35. No. 3. P. 413—432. <https://doi.org/10.1080/10584609.2017.1385549>.
54. Strömbäck J., Tsifti Y., Boomgaarden H., Damstra A., Lindgren E., Vliegenthart R., Lindholm T. (2020) News Media Trust and Its Impact on Media Use: Toward a Framework for Future Research. *Annals of the International Communication Association*. Vol. 44. No. 2. P. 139—156. <https://doi.org/10.1080/23808985.2020.1755338>.
55. Toff B., Kalogeropoulos A. (2020) All the News That's Fit to Ignore: How the Information Environment Does and Does Not Shape News Avoidance. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 84. No. S1. P. 366—390. <https://doi.org/10.1093/poq/nfaa016>.
56. Toff B., Nielsen R. K. (2022) How News Feels: Anticipated Anxiety as a Factor in News Avoidance and a Barrier to Political Engagement. *Political Communication*. Vol. 39. No. 6. P. 697—714. <https://doi.org/10.1080/10584609.2022.2123073>.
57. Toff B., Palmer R. A. (2019) Explaining the Gender Gap in News Avoidance: «News-Is-for-Men» Perceptions and the Burdens of Caretaking. *Journalism Studies*. Vol. 20. No. 11. P. 1563—1579. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2018.1528882>.
58. Toff B., Palmer R., Nielsen R. K. (2023) *Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism*. New York, NY: Columbia University Press.
59. Tsifti Y., Cappella J. N. (2003) Do People Watch What They Do Not Trust?: Exploring the Association between News Media Skepticism and Exposure. *Communication Research*. Vol. 30. No. 5. P. 504—529. <https://doi.org/10.1177/0093650203253371>.
60. Tunney C., Thorson E., Chen W. (2021) Following and Avoiding Fear-Inducing News Topics: Fear Intensity, Perceived News Topic Importance, Self-Efficacy, and News Overload. *Journalism Studies*. Vol. 22. No. 5. P. 614—632. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.1890636>.
61. Van den Bulck J. (2006) Television News Avoidance: Exploratory Results from a One-Year Follow-Up Study. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Vol. 50. No. 2. P. 231—252. https://doi.org/10.1207/s15506878jobem5002_4.
62. Vandenplas R., Truyens P., Vis S., Picone I. (2021) Tuning Out the News. A Cross-Media Perspective on News Avoidance Practices of Young News Users in Flanders

During the COVID-19 Pandemic. *Journalism Studies*. Vol. 22. No. 16. P. 2197—2217. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.1990788>.

63. Verba S., Burns N., Schlozman K. L. (1997) Knowing and Caring about Politics: Gender and Political Engagement. *The Journal of Politics*. Vol. 59. No. 4. P. 1051—1072. <https://doi.org/10.2307/2998592>.
64. Villi M., Aharoni T., Tenenboim-Weinblatt K., Boczkowski P.J., Hayashi K., Mitchellstein E., Tanaka A., Kligler-Vilenchik N. (2022) Taking a Break from News: A Five-nation Study of News Avoidance in the Digital Era. *Digital Journalism*. Vol. 10. No. 1. P. 148—164. <https://doi.org/10.1080/21670811.2021.1904266>.
65. Wagner M. C., Boczkowski P.J. (2021) Angry, Frustrated, and Overwhelmed: The Emotional Experience of Consuming News About President Trump. *Journalism*. Vol. 22. No. 7. P. 1577—1593. <https://doi.org/10.1177/1464884919878545>.
66. Wei R. (2006) Lifestyles and New Media: Adoption and Use of Wireless Communication Technologies in China. *New Media & Society*. Vol. 8. No. 6. P. 991—1008. <https://doi.org/10.1177/1461444806069879>.
67. Woodstock L. (2014) The News-Democracy Narrative and the Unexpected Benefits of Limited News Consumption: The Case of News Resisters. *Journalism*. Vol. 15. No. 7. P. 834—849. <https://doi.org/10.1177/1464884913504260>.
68. York, C., & Scholl, R. M. (2015). Youth Antecedents to News Media Consumption: Parent and Youth Newspaper Use, News Discussion, and Long-Term News Behavior. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 92. No. 3. P. 681—699. <https://doi.org/10.1177/1077699015588191>.
69. Ytre-Arne B., Moe H. (2021) Doomscrolling, Monitoring and Avoiding: News Use in COVID-19 Pandemic Lockdown. *Journalism Studies*. Vol. 22. No. 13. P. 1739—1755. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.1952475>.

Приложение

Таблица 1. Факторный анализ

	Компонент						
	1	2	3	4	5	6	7
Занимаюсь спортом	-,049	,067	,569	,001	,242	,033	-,010
Хожу в кино, театр, на выставки и пр.	,227	,021	,601	,006	,066	,064	-,071
Провожу дома с семьей, с детьми	,028	-,010	,258	,567	,018	,062	,105
Общаюсь с друзьями в компании	,290	,097	,481	,192	-,045	-,052	,269
Нахожусь дома, занимаюсь домашними делами	,282	,062	-,036	,568	,078	,070	,186
Лежу на диване, сплю	,317	,141	-,129	,034	-,017	-,017	,524

	Компонент						
	1	2	3	4	5	6	7
Забочусь о домашних питомцах	,148	,154	–,044	,579	,041	,074	–,015
Хожу в гости / принимаю гостей	,526	,155	,223	,175	–,084	,077	,185
Гуляю (во дворе, в парке, по улицам)	,504	,046	,062	,096	,024	,101	,147
Выезжаю за город, бываю на природе	,321	,377	,319	,002	,044	,241	,005
Выезжаю на дачу	,102	,104	,092	,061	,009	,797	,043
Еду заниматься садом, огородом	,066	,134	–,027	,116	,050	,793	–,001
Занимаюсь огородом, садом, который есть у меня дома	,037	,406	–,176	,465	,059	,006	–,210
Занимаюсь ремонтом, починкой	,048	,578	–,002	,247	,179	,046	,000
Бываю в своем гараже	–,055	,602	,045	,127	–,007	,018	,108
Хожу в баню	,198	,513	,109	,056	,037	,032	–,012
Занимаюсь рыбалкой, охотой	,033	,652	,030	–,175	,022	,021	,062
Занимаюсь сбором грибов, ягод	,160	,601	–,031	,135	,106	,192	–,024
Хожу по магазинам, занимаюсь шопингом	,626	,085	,103	,278	,125	–,018	–,071
Хожу в салон красоты, в парикмахерскую и т. д.	,598	,098	,174	,149	,173	,034	–,128
Хожу в кафе и рестораны	,502	,045	,432	–,094	,181	–,032	–,033
Провожу время за компьютером, играю	,161	,081	,012	,055	,547	–,071	,135
Играю в настольные игры	,014	,159	,127	,002	,619	,009	,077
Читаю	,433	,000	–,110	–,034	,438	,161	–,040
Занимаюсь повышением образования, осваиваю новые полезные навыки, хожу на курсы	,057	,007	,168	,108	,648	,084	–,087
Смотрю телевизор	,517	,111	–,406	–,008	,127	,062	,164
Ничего не делаю	,077	,024	–,053	–,078	–,124	–,049	–,734

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2888](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2888)

Е. А. Новгородов

ВИДЕОИГРЫ В РОССИЙСКИХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СМИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСА

Правильная ссылка на статью:

Новгородов Е. А. Видеоигры в российских федеральных СМИ: трансформация дискурса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 120—137. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2888>.

For citation:

Novgorodov E. A. (2025) Video Games in Russian Federal Media: Discourse Transformation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 120–137. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2888>. (In Russ.)

Получено: 11.01.2025. Принято к публикации: 23.06.2025.

ВИДЕОИГРЫ В РОССИЙСКИХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СМИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСА

НОВГОРОДОВ Егор Алексеевич — аспирант, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: enovgorodov@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0003-5034-0652>

Аннотация. На фоне роста популярности видеоигр изменяется отношение к ним в публичном дискурсе власти — от критики и обвинений в пропаганде насилия к признанию их пользы для воспитания молодежи и других социально одобряемых эффектов. К главным признакам этой комплексной трансформации можно отнести звучащие с высоких трибун заявления о необходимости финансовой поддержки разработчиков отечественных видеоигр в целях воспитания юношества, организацию национальных и международных фиджитал-соревнований «Игры будущего», рост числа российских видеоигр и возникновение площадки VK-Play. Эти события широко представлены в общественной повестке.

В статье анализируются трансформации властного дискурса о видеоиграх на материалах анализа публикаций федеральных медиа за период с 2014 по 2024 г. с помощью сервиса «Медиалогия». Релевантные публикации сгруппированы путем латентного кодирования по типам и субъектам сообщения, ключевым тематическим блокам и выраженным в публикации оценкам.

По результатам контент-анализа, дополненного элементами дискурс-анализа, отражена динамика и обозначены ключевые тенденции изменения официального дискурса о видеоигровой индустрии: признание по-

VIDEO GAMES IN RUSSIAN FEDERAL MEDIA: DISCOURSE TRANSFORMATION

Egor A. NOVGORODOV¹ — PhD Student, Research Assistant at the International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: enovgorodov@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0003-5034-0652>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Against the backdrop of the growing popularity of video games, the attitude towards them in the public discourse of the authorities is being transformed — from criticism and accusations of propaganda of violence to recognition of their usefulness for the education of young people and other socially approved effects. The main signs of this complex transformation include statements from the authorities about the need to financially support the developers of domestic video games to educate young people, the organisation of national and international figital competitions ‘Games of the Future’, the increasing number of Russian video games, and the emergence of the VK-Play platform. Such phenomena are widely represented in the public agenda of the media.

The article analyses the transformation of the power discourse about video games based on the analysis of federal media publications for 2014—2024 using the Medialogy service. Relevant publications are grouped by latent coding by types and subjects of the message, key thematic blocks, and assessments expressed in the publication.

Based on the results of the content analysis, supplemented with elements of discourse analysis, the dynamics and key trends in the change of the official discourse about the video game industry are reflected and outlined: recognition of the potential of video games as

тенциала видеоигр как части социальной политики и «мягкой силы», появление нарратива о замещении существующих «вредных» зарубежных видеоигр «полезными» отечественными аналогами. Изучение дискурса в динамике позволило проследить смену моральной паники в отношении видеоигр на социальный механизм кооптации, реализованный через комбинацию законодательного регулирования отрасли и государственной поддержки ее развития (несмотря на сохранение и даже рост негативных коннотаций).

Ключевые слова: видеоигры, медиа, новостные СМИ, контент-анализ, дискурсы, импортозамещение, моральная паника, кооптация

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Автор выражает особую благодарность проф. Е. Р. Ярской-Смирновой за научную помощь в работе над рукописью.

part of social policy and ‘soft power’, narratives about the replacement of existing ‘harmful’ foreign video games with ‘useful’ domestic analogues. Studying the discourse in dynamics allowed us to trace the change from moral panic about video games to a social mechanism of co-optation, implemented through legislative regulation of the industry and government support for its development (despite the persistence and even increase in the number of negative connotations).

Keywords: video games, media, news media, content analysis, discourse frames, import substitution, moral panic, co-optation

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University. The author expresses special gratitude to Prof. E. R. Iar-skaia-Smirnova for her scholarly assistance in working on the manuscript.

Видеоигры как культурный феномен возникли в конце 1970-х годов и с тех пор превратились в один из ключевых элементов сферы интерактивных развлечений и новых медиа [Siwek, 2007]. Они часто оказываются в фокусе академических исследований — на фоне роста капитализации индустрии развиваются междисциплинарные *game studies*, как за рубежом [Järvinen, 2008; Núñez-Pacheco, Penix-Tadsen, 2021], так и в России [Vetushinskiy, Salin, 2020]. При этом освещение тематики видеоигр в отечественной и зарубежной прессе традиционно сопряжено с набором схожих отрицательных коннотаций: исследования публичных дискурсов показывают, что игры в СМИ риторически маркируют «развлечением для детей», называют пустой тратой времени, связывают с ними рост насильственных преступлений, возникновение зависимости и т. д. [Соколов, 2015; Cover, 2006; Ferguson, Beaver, 2015].

В большинстве случаев производством видеоигр занимаются крупные частные компании или независимые студии [Ruffino, 2013]. Однако особенность современного российского контекста в том, что с начала 2022 г. можно говорить о целенаправленной и системной государственной политике в области видеоигровой индустрии и сопутствующих ей медиа. Эта политика на фоне разверну-

того с 2014 г. курса на замещение импорта из западных стран отечественным продуктом предполагает масштабное субсидирование российских видеоигровых проектов через государственное НКО «Институт развития интернета»¹. Самый крупный из реализованных проектов — видеоигра «Смута», активно продвигавшаяся в Рунете и поддержанная представителями власти за «пробуждение интереса к русской истории среди молодежи»². В 2022 г. была запущена отечественная игровая платформа с онлайн-магазином VK-Play, выступившая эксклюзивно для стран СНГ издателем резонансной видеоигры в советском сеттинге Atomic Heart³.

Кроме того, были созданы специальные организации, например АНО «Организация развития видеоигровой индустрии», по поручению президента и на основе рекомендаций разных органов власти составившая в 2023 г. дорожную карту развития видеоигровой индустрии на ближайшие пять лет⁴. В рамках дорожной карты запланирована разработка российских игровых движков и консолей, создание фонда для инвестиций в российские студии и т.д. Стоит также отметить киберспортивный турнир «Игры будущего», впервые анонсированный в 2021 г. и прошедший в 2024 г. в Казани. Соревнование проходило в рамках концепции фиджитал-спорта, предполагающей совмещение динамичных видов спорта с киберспортивными дисциплинами⁵. По словам руководителя проекта «Игры будущего», его ключевая цель — конструирование среды «для гармоничного развития человека будущего»⁶.

В данной статье предпринимается попытка показать трансформации медийного дискурса российских федеральных СМИ о видеоиграх с опорой на обобщенные результаты существующих исследований по теме и собранные материалы публикаций за 2014—2024 гг. Рассмотрение российского медиадискурса о видеоиграх в динамике на примере публикаций федеральной прессы позволит ответить на ряд вопросов: можно ли говорить о содержательной трансформации дискурса федеральных СМИ о видеоиграх? Если да, то что именно изменилось, какие фреймы и стратегии аргументации преобладали в разные периоды? Ответы на эти вопросы на примере репрезентации видеоигр федеральными СМИ продемонстрируют динамику официального дискурса, ключевые паттерны взаимодействия государства и крупных медиаресурсов с противоречивым и популярным в обществе явлением.

¹ В 2024 году при поддержке ИРИ выйдут шесть российских игр // ТАСС. 2024. 14 февраля. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19980483> (дата обращения: 30.11.2024).

² Коваленок А. В Госдуме прокомментировали компьютерную игру новосибирских разработчиков // РБК. 2024. 9 апреля. URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/09/04/2024/6614a8259a79472b7059f98a> (дата обращения: 30.11.2024).

³ Atomic Heart станет эксклюзивом VK Play // VK.Company. 2022. 8 сентября. URL: <https://vk.company/ru/press/releases/11260/> (дата обращения: 05.06.2025).

⁴ В России появилась дорожная карта развития видеоигр // Организация развития видеоигровой индустрии. 2024. URL: <https://forgamedev.ru/v-rossii-poyavilas-dorozhnaya-karta-razvitiya-videoigr/> (дата обращения: 30.11.2024).

⁵ «Игры Будущего»: как Россия развивает новое спортивное движение // Национальные проекты России. 2024. URL: <https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn-p1ai/mediaProjects/igry-budushchego/> (дата обращения: 30.11.2024).

⁶ «Игры Будущего» представили инновационный образовательный проект на международной выставке «Евразия — наш дом» // Дирекция спортивных и социальных проектов. 2023. 8 июня. URL: <https://dspkazan.com/media/igry-budushhego-predstavili-innovatsionnyj-obrazovatelnyj-proekt-na-mezhdunarodnoj-vystavke-evraziya-nash-dom/> (дата обращения: 30.11.2024).

Видеоигры в новостных медиа

В качестве теоретического фундамента приняты работы Тёна ван Дейка по анализу медиа, особенно его исследования паттернов господства в материалах новостных СМИ [Van Dijk, 1995]. Ван Дейк предлагает рассматривать эти СМИ как дискурсивные поля, подлежащие изучению с помощью комбинации методов [Van Dijk, 1990: 15]. Фокус на изучении структур и содержания новостных сообщений должен дополняться социологическим анализом сопутствующего контекста, поскольку новостное сообщение не имеет значения само по себе, но обретает его через «когнитивные процессы пользователей языка», то есть журналиста и читателя [Van Dijk, 2002: 116—117]. Кроме того, критический дискурс-анализ ван Дейка (наряду с другими классическими подходами, например Н. Феркло [Fairclough, 2013]) предполагает тесную взаимосвязь языка медиа и структур власти [Van Dijk, 1995: 10—11].

Вслед за теоретическими построениями ван Дейка в исследовании принимается возможность внешнего дискурсивного воздействия на общественное мнение посредством СМИ, причем потенциал такого воздействия выше, если инфоповод не слишком навязчив и относительно недолго освещается новостными изданиями [Zucker, 1978]. Этот тезис релевантен в контексте новостей с упоминанием видеоигр, поскольку они представляют преимущественно нишевые сюжеты, периферийные по отношению к наиболее востребованной новостной повестке дня. Утверждение сходства дискурса федеральных СМИ и дискурса власти (раскрытие второго через анализ первого) отражает подход к медиа как инструменту репрезентации по Стюарту Холлу — медиа могут легитимно оперировать только в рамках общественного консенсуса, ориентация на который приводит к тому, что они диалектически формируют этот консенсус, «производят согласие» [Hall, 2005: 362]. Как показывают многочисленные исследования на зарубежном (преимущественно американском) материале [Jung, 2019; Lawrence Neuman, 2014; Sternheimer, 2007], упоминание геймеров в медиа традиционно сопровождается большим числом стереотипов, а воздействие видеоигр часто описывается в негативном ключе. Подобные репрезентации могут фреймовать представления аудитории [Kümpel, Haas, 2016: 739] и приводить к негативным социальным последствиям [Scharrer, Weidman, Bissell, 2003].

Кроме того, освещение тематики видеоигр в СМИ тесно связано с понятием моральной паники [Морозова, 2019; Bowman, 2015; Markey, Ferguson, 2017]. Ставшее популярным в эпоху массовых коммуникаций [Ефанов, 2014; Михайлова, 2020], это понятие в данном контексте отражает реакцию новостных изданий на крупные трагические инфоповоды, такие как нападения учащихся на школы, после которых объектом обвинения в СМИ признаются жестокие видеоигры [Ferguson, 2008: 31]. В одном из первых исследований репрезентации видеоигр в новостных медиа за авторством Д. Уильямса распространенное в общественном мнении и подкрепляемое публикациями СМИ подозрительное отношение к видеоиграм связывалось преимущественно с традиционным набором «консервативных опасений» насчет новых технологий [Williams, 2003: 543—545]. Несмотря на перепады отношения к видеоиграм в рассмотренный период (1970—2000 гг.), в среднем фреймирование в СМИ оставалась скорее негативным из-за совмест-

ных упоминаний с трагическими инфоповодами, например стрельбы в школе «Колумбайн» в США в 1999 г. [там же: 540—541].

Новостные медиа склонны предпочитать публикации о результатах тех исследований, которые подчеркивают отрицательные аспекты видеоигр, независимо от качества методологии и репрезентативности анализа [Copenhagen, Mitrofan, Ferguson, 2017: 738]. Известный исследователь проблематики насилия в видеоиграх К. Фергюсон по результатам метаанализа релевантной литературы объяснял это через «предвзятость публикации» (publication bias) в академическом пространстве в отношении работ с доказательствами каузальной связи видеоигр и агрессивного поведения [Ferguson, 2007]. Несмотря на неоднозначность этой позиции [Mathur, VanderWeele, 2019], а также признание самим Фергюсоном существенного улучшения ситуации в последующие годы [Ferguson, 2020], СМИ по-прежнему часто упоминают видеоигры в имплицитно негативном ключе.

Ученые обнаруживают предвзятость СМИ в отношении видеоигр и геймеров не только в американском медийном контексте, но и, например, на немецком телевидении [Bigl, Schlegelmilch, 2021] или в британской массовой прессе [Whitton, Maclure, 2017]. В российских исследованиях также есть подтверждения аналогичного состояния дел [Соколов, 2015], однако на фоне последних изменений государственной политики, включившей активное развитие отечественного видеоигрового рынка, можно сделать предположение об изменении статус-кво и в коммуникациях федеральных СМИ. Анализ трансформации дискурса о видеоиграх на материале российских СМИ позволит углубить дискуссию о репрезентации видеоигр в медиа и продемонстрировать, как механизм государственной кооптации замещает традиционные негативные фреймы.

Методология исследования

Все материалы для изучения были собраны с помощью сервиса «Медialogия». Основным методом исследования выбран контент-анализ, предполагающий работу с текстом как ядром коммуникации, то есть тем, что лежит между коммуникатором и аудиторией [Семёнова, Корсунская, Мансуров: 10—11]. В качестве объекта контент-анализа взяты публикации топ-100 федеральных российских СМИ по цитируемости за последние 11 лет (01.01.2014—01.01.2024) без перепечаток и повторов. Нижняя граница временной рамки обусловлена тем, что в 2014 г. стал впервые декларироваться курс на замещение импорта российским продуктом, в последующие годы охвативший сферу видеоигр. Такой подход предполагает преимущественно латентную форму кодирования (семантический анализ) [Lawrence Neuman, 2014: 375], поскольку довольно часто отношение к заявленной проблематике автора статьи или субъекта, чье высказывание ретранслируется в рамках статьи, не выражается напрямую, но имплицитно содержится в отдельных формулировках, специфике риторики, используемых аргументах и референсах [Шевченко, 2002]. Под федеральными СМИ в данном исследовании понимались такие СМИ, которые охватывают всю территорию России и имеют значительно большую аудиторию, чем региональные или отраслевые медиа. Контент-анализ был дополнен критическим дискурс-анализом, предполагающим изучение семантических структур медиатекста [Сычева, 2011]. В его рамках определялись фреймы

высказываний и ключевые дискурсивные стратегии спикеров [Iarskaia-Smirnova, Prisiazhniuk, Kosova, 2024].

В фокусе собранных материалов находились не отдельные сообщения СМИ, но множества сообщений, посвященных какому-либо событию: рассматривались первые три публикации в выдаче при поиске по примерному заголовку. Основанием попадания в датасет было упоминание где-либо в материалах публикаций о событии слов «видеоигра» или «компьютерная игра», с учетом падежей, множественного числа и релевантных однокоренных слов (например, «видеоигровой»). Каждому элементу выборки внутри каждой категории могли быть присвоены несколько кодов — такой подход был обоснован особенностью обращения к группам сообщений, поскольку, несмотря на освещение идентичного сюжета, издания зачастую представляют его, используя различные материалы. В категорию СМИ попали газеты, журналы, интернет-издания и информагентства.

Из выгруженного множества медиасобытий были отобраны и пропущены через процедуру кодирования по 100 публикаций с наибольшим показателем заметности за каждый год (1 100 в целом). Исключались только публикации, попавшие в датасет в результате технических недостатков выгрузки: другие меры искусственного ограничения базы данных не применялись, поскольку, независимо от содержания событий и специфики освещавших их изданий, все полученные материалы релевантны для реконструкции медиаконтекста и того места, которое в его рамках занимает дискурс государственной власти. Фильтрация по заметности привело к преобладанию крупных федеральных медиа, таких как РБК, «Лента», «Коммерсантъ», и т. д.

Полученный массив текстовых данных репрезентирует дискурсы российских федеральных СМИ о тематике видеоигр. Стоит отметить, что такие репрезентации ориентированы на широкую аудиторию и не таргетируют только сообщество геймеров, представители которого за новостями об играх обращаются скорее к специализированным тематическим площадкам. При этом, как замечал П. Бурдьё, потребление новостных медиа выступает маркером воспроизводства социальных дифференциаций [Bourdieu, 1984: 447—451]. Развивая этот тезис, исследователи субкультур [Chow et al., 2017] и фандомов [Bennett, 2018] обнаруживают влияние конструируемых в СМИ репрезентаций — как положительных, так и отрицательных, — на жизнь самих этих сообществ.

Поскольку в фокусе выборки были преимущественно материалы крупных федеральных изданий, освещающих актуальные политические процессы, трансформации государственной политики сильно отражаются на темах публикаций. Однако политика в отношении сферы видеоигр неоднородна и предполагает сочетание механизмов поддержки, цензурирования и запретительных инициатив. В выборку попали материалы СМИ, не всегда отражавших прогосударственную позицию (например, «Московский комсомолец» и «Коммерсантъ»). Более того, благодаря внутренней динамике медийных коммуникаций и ретрансляции интересов разных социальных групп публикации в СМИ не дублируют тезисы публичной политики. В соответствии с наблюдением Т. ван Дейка, СМИ не отражают реальность и не сообщают читателю, что именно следует думать о содержании новостных событий, но скорее определяют коммуникативную ситуацию и соци-

альный контекст, задающие рамки того, как читатель будет осмыслять их сообщения [Van Dijk, 1988: 208].

Во время обработки эмпирических материалов сообщения были кодированы в соответствии со следующим набором категорий:

1. По авторству сообщения: «эксперт» (как правило, представитель академической среды), «представитель game-индустрии», «политик», «другое публичное лицо».

2. По выраженному отношению к видеоиграм: «скорее позитивное» (индикатором выступает отмечаемая в сообщении польза от видеоигр — образовательная, психологическая, экономическая или социальная), «скорее негативное» (отмечается вред от видеоигр — воспитательный, медицинский, финансовый или социальный), «контекстуальное» (какие-то игры — это хорошо, какие-то — плохо), «нет» (игры упоминаются в нейтральном ключе, авторское отношение из текста не выводится).

3. По роли видеоигр в содержании сообщения: «основная роль», «упоминание»;

4. По происхождению события: «русские новости», «зарубежные новости».

Кроме того, в отдельные коды были вынесены: «предложения поддержки отечественных разработчиков», «законы, регулирующие видеоигровую индустрию», «статистика о состоянии индустрии», а также «совместные упоминания игр с кино» (в большинстве случаев речь об экранизациях видеоигр или об играх по фильмам), «совместные упоминания игр с научными открытиями» и «совместные упоминания игр со спортом».

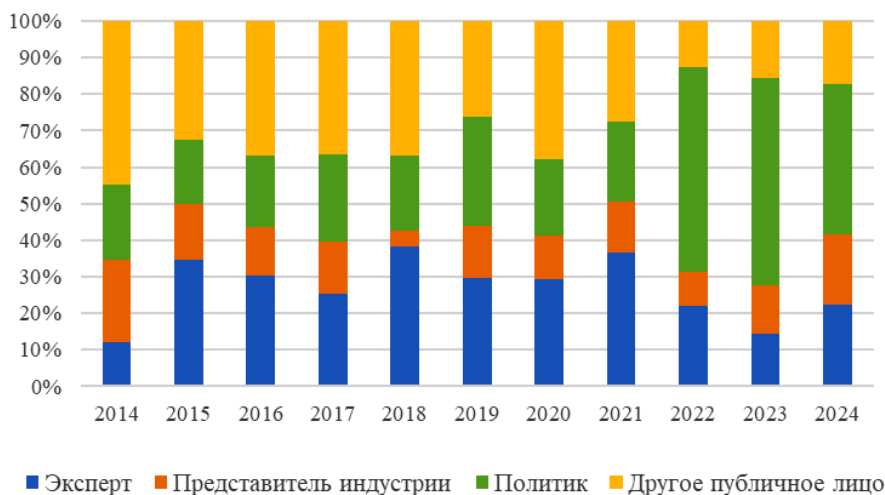
Результаты и дискуссия

Кодирование и анализ полученной выборки позволяют сделать несколько заключений о трансформации публичного дискурса российских федеральных СМИ о видеоиграх. Во-первых, в разрезе по годам частота сообщений, целиком посвященных видеоигровой тематике, неуклонно возрастала относительно сообщений, где игры только упоминались. Во-вторых, в последние два года существенно сократилась частота совместных упоминаний игр со спортом, кино, научными открытиями и индустриальной статистикой в пользу сообщений, в которых видеоигры занимают ключевое место. Это подтверждает рост интереса к объекту со стороны федеральных СМИ на фоне изменений государственной политики в отношении видеоигрового рынка.

В подавляющем большинстве рассмотренных сообщений высказывание подается от лица журналиста (ссылки на представителей других информационных агентств также относятся к этой категории), освещающего какое-либо событие без цитат или развернутой прямой речи других акторов (см. рис. 1). Это вполне ожидаемый результат, поскольку соответствует преобладающему в СМИ формату информационного сообщения, предлагающего краткий и отстраненный обзор событий. В тех случаях, когда в содержании сообщений представлены позиции других акторов, в период с 2014 по 2021 г. речь идет преимущественно о новостях, касающихся публичных людей и лидеров общественного мнения (актеров, музыкантов, спортсменов, блогеров и т. д.), часто в формате интервью. Исключением является только 2019 г., когда число сообщений от политических акторов незначительно превысило число сообщений от других публичных персон. Наиболее резкий рост

доли сообщений за авторством политических деятелей или институтов пришелся на 2022—2024 гг. Эта пропорция соответствует замечаниям ван Дейка о привилегированном доступе политических акторов к новостным медиа [Van Dijk, 1995: 12] и подчеркивает заметный всплеск интереса к тематике видеоигр среди представителей российской власти. При этом в 2024 г. доля публикаций от лица политических акторов сократилась относительно двух предыдущих лет, в то время как доля публикаций за авторством представителей индустрии, напротив, возросла до максимальных значений с 2014 г. Такая тенденция обусловлена ростом числа российских видеоигровых проектов, анонсированных или уже вышедших и получающих широкое медийное освещение в федеральных СМИ. В целом в категории «представитель индустрии» в 2022—2024 гг. подавляющее большинство сообщений (45 из 53) за авторством российских акторов, и в них всех в той или иной форме упоминаются меры поддержки отечественного рынка. В большинстве таких сообщений субъект события — российский разработчик, продюсер или гейм-дизайнер. Какие-либо позиции игроков представлены непосредственно (то есть в формате прямой речи) только в пяти рассмотренных случаях.

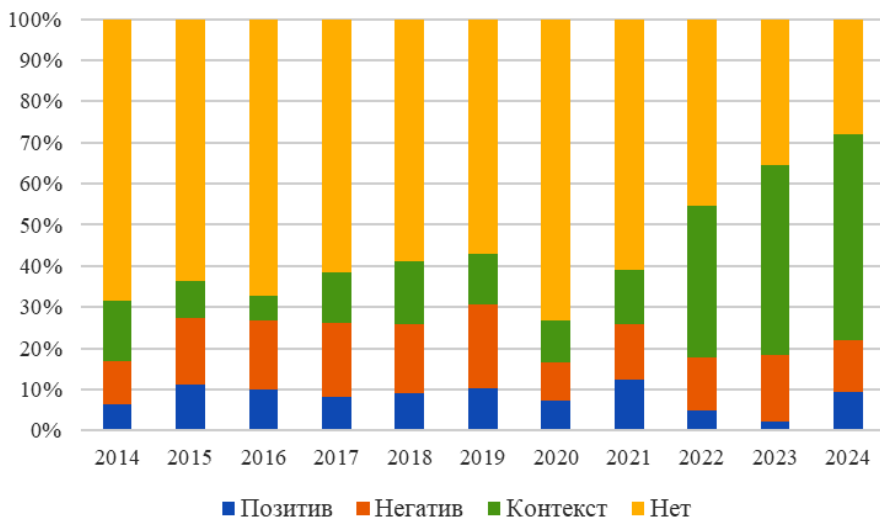
Рис. 1. Авторы сообщений о событии

Сообщения, целиком посвященные представлению позиции экспертов, встречаются 198 раз. Чаще всего это либо абстрактные ученые из какой-либо академической институции (с уточнением специализации только по ходу текста и приведением в статье ссылок на оригинальное исследование), либо педагоги или психологи/психиатры. Сообщения экспертов чаще всего посвящены доказательствам потенциальной пользы или вреда от видеоигр, с описанием результатов исследований в качестве аргументов. В ряде таких случаев речь идет не об играх в целом, а об отдельных жанрах или даже конкретных приложениях.

В большинстве сообщений авторское отношение к видеоиграм не артикулировано и не может быть выявлено инструментами латентного кодирования, то есть видеоигры упоминаются без какого-либо оценочного подтекста (см. рис. 2).

Рис. 2. Отношение к видеоиграм (коннотации)

Во второй по величине доле сообщений считается отрицательное отношение к видеоиграм, связывающее их с негативными социальными последствиями, пустой тратой времени или опасной зависимостью. Последнее стало встречаться существенно чаще после того, как в 2019 г. ВОЗ включила игровую зависимость в новую редакцию МКБ: «Можно легко впасть в нездоровые модели поведения, такие как чрезмерная игра в видеоигры»⁷. Стоит отметить, что это решение ВОЗ вызвало много дискуссий в академическом пространстве [Parrott et al., 2020]. Другой формат трансляции фрейма «видеоигры как источник зависимости» с частым акцентом на особенную уязвимость современной молодежи — пересказ общественного мнения: «Опрошенные обозначили современную молодежь как материально ориентированную, но при этом ленивую и расточительную. У молодых людей нет достойных примеров для подражания, считают респонденты, поэтому именно в компьютерных играх и Сети они их и ищут»⁸. В данном примере результаты опроса подкреплены ссылкой на аналогичную по содержанию и форме позицию эксперта: «Ранее руководитель отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья Сергей Ениколопов рассказал Вестям.Ру, что игры расшатывают уже нестабильную психику человека»⁹. Кроме того, часто встречается

⁷ В ВОЗ рассказали, чем опасны видеоигры в период пандемии // РИА Новости. 2020. 9 декабря. URL: <https://ria.ru/20201209/videoigry-1588323943.html> (дата обращения: 30.11.2024).

⁸ В России Интернет и видеоигры считают большей угрозой, чем алкоголь // Вести.ру. 2016. 15 декабря. URL: <https://www.vesti.ru/article/1668094> (дата обращения: 31.11.2024).

⁹ Там же.

ся негативный фрейм «негативное влияние видеоигр на здоровье», обычно фундированный ссылками на медицинские исследования («Увлечение видеоиграми может привести к атрофии гиппокампа, предупреждают ученые»¹⁰).

В отдельные годы соотношение позитивных и негативных коннотаций было равным. В исследовании Д. Уильямса также отмечалось, что, несмотря на имманентно «оборонительную» позицию защитников видеоигр, в рассмотренных публикациях газет обнаружилось большое число позитивных фреймов [Williams, 2003: 543—545]. Автор объяснил такой результат ссылкой на изыскания Г. Ганса, обосновывавшего стремление журналистов к «двустороннему балансу» в освещении событий [Gans, 2004: 175—176]. Однако в российском медийном контексте 2014—2021 гг. позитивные фреймы связаны не столько со стремлением к объективности, сколько с утверждениями финансовой выгоды от видеоигровой индустрии, что иллюстрируется доказательствами стремительного развития рынка. Отсюда частое попадание в выборку новостей со статистикой развития рынка¹¹ или описанием сделок крупных компаний на рынке¹². Сообщения, главным действующим субъектом в которых выступал крупный бизнес (не конкретные представители индустрии, а именно обезличенные крупные компании), на всем проанализированном временном отрезке также занимали 15,9 % общей выборки.

В транслируемом федеральными СМИ дискурсе в 2022—2024 гг. преобладал более сложный подход. Хотя негативные фреймы сохранились, они в большей степени политизированы, то есть отрицательные черты видеоигр атрибутируются преимущественно популярным западным продуктам. Например, вместо обвинения игр в пропаганде насилия предлагается ограничить продажу только тех, в которых «героизируется образ военных из недружественных стран»¹³. Параллельно с подозрительностью и осторожностью в обращении к тематике видеоигр в значительной части сообщений отмечается их социально-политический потенциал, замещающий или дополняющий утверждения коммерческой целесообразности их выпуска («видеоигры — очень прибыльный бизнес», но ключевая задача их создания — «мощный фундамент стабильности в державе»)¹⁴. Видеоигры чаще всего интерпретируются спикерами одним из трех способов:

1. Современный способ воспитания граждан (прежде всего — детей и молодежи): «[Президент] поддержал мнение о том, что игры должны быть на стыке искусства и воспитания»¹⁵.

¹⁰ От видеоигр усыхает мозг // Газета.ru. 2017. 9 августа. URL: https://www.gazeta.ru/science/2017/08/09_a_10825652.shtml?updated (дата обращения: 31.11.2024).

¹¹ Игры за 2,4 трлн: что ждет индустрию развлечений и медиа к 2022 году // РБК. 2018. 29 августа. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/29/08/2018/5b85499c9a79473d867e37c0 (дата обращения: 31.11.2024).

¹² Alibaba и Mail.ru стали партнерами по дистрибуции мобильных игр // Интерфакс. 2017. 17 марта. URL: <https://www.interfax.ru/business/554062> (дата обращения: 31.11.2024).

¹³ Рункевич Д. В ГД предложили ограничить продажу игр о военных из недружественных стран // RT. 2022. 9 августа. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1034693-gosduma-videoigry-predlozhenie> (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁴ Костерева М. Путин призвал развивать российский рынок видеоигр // Коммерсантъ. 2023. 18 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6411065> (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁵ Соколов К. Путин призвал воспитывать «не кислой» патриотизм через видеоигры // РБК. 2023. 19 июля. URL: https://www.rbc.ru/politics/19/07/2023/64b7e0d09a7947797a852fd4?from=article_body (дата обращения: 01.12.2024).

2. Один из перспективных форматов распространения своих идей и ценностей: «Отечественная версия игры может включать в себя построение здоровых семейных отношений, основы российского законодательства, знакомство с различными профессиями, основы финансовой грамотности, базовые нормы поведения в российском обществе и навыки критического мышления»¹⁶.

3. Инструмент «мягкой силы» во внешнеполитическом поле: «[Поручаю] представить предложения по продвижению на иностранные рынки, в том числе в страны БРИКС, отечественных видеоигр и применяемого в них российского программного обеспечения»¹⁷.

В этой конструкции видеоигры воспринимаются как нормативно-нейтральный объект без имманентных ценностных характеристик, который может использоваться для любых целей. Из-за этого оказывается возможной колонизация видеоигр «правильными» смыслами, с чем связана существенная доля упоминаний объекта в аксиологическом ключе с применением лексем долженствования, то есть того, какими видеоигры «должны быть». Например, видеоигры должны помогать человеку найти себя¹⁸, должны популяризировать российскую историю и культуру¹⁹ и т. д. Сообщения часто дополняются предложениями мер поддержки российских разработчиков или упоминаниями находящихся в разработке отечественных видеоигровых проектов. Кроме того, критикуется негативное отношение к видеоиграм со стороны западных институтов (вышеупомянутое решение ВОЗ) или политиков — например, резко осуждаются слова Э. Макрона о видеоиграх как источнике беспорядков²⁰.

Несмотря на значительное сокращение доли традиционных неполитизированных негативных коннотаций в общей выборке, они по-прежнему сохраняются. На фоне новостей о развитии рынка и важности игр в конструировании патриотической гражданственности остаются публикации с фреймированием игр в отрицательном ключе как вредного или бесполезного увлечения. Такое переплетение негативных и позитивных коннотаций демонстрирует разворачивающееся на страницах федеральных СМИ столкновение дискурсов цензурирования и поддержки, предложений по ограничению распространения видеоигр и инвестиций в сферу их разработки. Разность интенций государственной политики в этой области отражается на риторике СМИ, сильно отличающейся в зависимости от контекста транслируемых высказываний.

Примечательно, что если предложения поддержки российских разработчиков и законодательного регламентирования видеоигровой индустрии чаще всего приводились в СМИ в 2014 г. и 2022—2024 гг., то в категории «Происхождение ново-

¹⁶ В Госдуме предложили создать версию игры Sims с традиционными ценностями // РИА Новости. 2023. 27 сентября. URL: <https://ria.ru/20230927/igra-1899033178.html> (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁷ Путин поручил начать продвижение российских видеоигр в БРИКС // РБК. 2023. 17 августа. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64ddd10f9a794732f7e2ac22> (дата обращения: 01.12.2024).

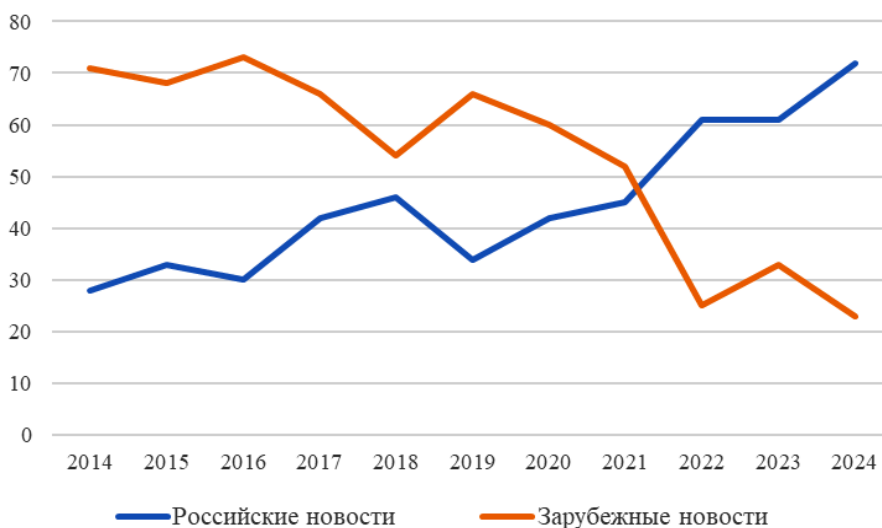
¹⁸ Путин заявил, что видеоигры должны помогать человеку найти себя // РИА Новости. 2023. 19 июля. URL: <https://ria.ru/20230719/videoigry-1885136236.html> (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁹ Королев Н. Видеоигры патриотов // Коммерсантъ. 2023. 16 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5217413> (дата обращения: 01.12.2024).

²⁰ Во Франции ужаснулись словам Макрона о причине беспорядков // РИА Новости. 2023. 1 июля. URL: <https://ria.ru/20230701/filippo-1881618722.html> (дата обращения: 01.12.2024).

стей» релевантных материалов о российском контексте было большинство только в 2022—2024 гг., в то время как 2014 г., напротив, характеризуется наибольшим преобладанием ретрансляции зарубежных новостей (см. рис. 3). Такое распределение подтверждает, что спрос на замену зарубежных игр отечественными в купе с государственной интервенцией в индустрию возник в структуре властного дискурса еще в 2014 г., что согласуется с тезисами о трансформации аргументационных стратегий власти после присоединения Крыма [Захарова, 2016]. При этом содержательные шаги не были предприняты, и в медийном поле преобладали мировые новости, что привело к исчезновению вопросов регулирования и импортозамещения видеоигр из новостной повестки на следующие семь лет: с 2015 по 2021 г. код «предложения поддержки отечественных разработчиков» в среднем фигурировал в 3,3 % сообщений, код «законы, регулирующие видеоигровую индустрию», — в 7,4 % (притом что подавляющее большинство новостей о законах ретранслировали опыт других государств). В период 2022—2024 гг. средние значения в этих категориях достигли 23,7 % и 28 % соответственно.

Рис. 3. Происхождение новостного события

Заключение

Как показал анализ медиа, образ видеоигр в дискурсе федеральных российских медиа за последние 11 лет претерпел ряд существенных трансформаций. С 2014 по 2021 г. на фоне политических изменений и старта программы импортозамещения в СМИ фигурировали сообщения о предложениях поддержать отечественных гейм-дизайнеров и ввести ограничения распространения зарубежных видеоигр. Однако основной новостной фон составляли сообщения о новостях мировой гейм-индустрии, шаги к заявленным изменениям на российском рынке видеоигр не были предприняты, и потому с 2015 г. риторика импортозамещения

в этой области ушла из новостной повестки. На протяжении всего первого этапа в СМИ преобладало нейтральное или скорее негативное отношение к видеоиграм, в отдельных случаях отражающее симптомы моральной паники. Преобладали два ключевых негативных фрейма: «видеоигры как источник зависимости» и «негативное влияние видеоигр на психологическое или физическое здоровье». Главным позитивным фреймом в этот период была аргументация о коммерческой целесообразности: «видеоигры как выгодный бизнес».

Хотя с 2022 г. по настоящее время эти фреймы сохранились, преобладает в дискурсе размежевание игр на «чужие» и «свои» на фоне общей политизации риторики вокруг видеоигр и возрастания пропорционального числа публикаций, в которых авторство ключевого сообщения принадлежит представителям власти. Репрезентируемый образ видеоигр стал существенно зависеть от контекста высказывания. С одной стороны, вариации традиционных негативных фреймов по-прежнему представлены, но стали атрибутироваться преимущественно зарубежным проектам, подлежащим законодательному регулированию и контролю (для защиты граждан от нежелательных идей). С другой стороны, значительно возросло число упоминаний российских видеоигр, находящихся в разработке по заказу государственных организаций или уже вышедших на отечественный рынок. Такие игры интерпретируются спикерами как современный способ воспитания и распространения «правильных» ценностных ориентиров, а также как перспективный инструмент «мягкой силы» на международной арене. Медийное отражение практики кооптации дополнило и в значительной степени заместило дискурсивные паттерны первого этапа и стало преобладающим в информационной среде. На этом фоне следует ожидать возрастания числа новостных сообщений, непосредственно посвященных содержательным аспектам отечественных видеоигр.

Важным направлением для дальнейших исследований является обращение к материалам специализированных сайтов и порталов для геймеров и анализ, насколько позиционирование видеоигр федеральными СМИ отражается на самой культуре геймеров. Рассмотрение этого сюжета также позволит прояснить взаимосвязь языка самоописания геймерского сообщества и трансформации этого языка в дискурсе массовых СМИ. Кроме того, представляет интерес реакция аудитории (как широкой аудитории, так и геймеров) на ознакомление с новостными материалами о видеоиграх от федеральных СМИ, поскольку анализ восприятия читателей позволит понять, возможно ли говорить о реальном влиянии на взгляды и фреймировании их отношения к видеоиграм, или результаты публикаций федеральных медиа исчерпываются легитимацией государственных интенций.

Список литературы (References)

1. Ветушинский А. С., Салин А. С. Game Studies в России: год восьмой // Социология власти. 2020. Т. 32. № 3. С. 8—13.
Vetushinskiy A. S., Salin A. S. (2020) Game Studies in Russia: Eight Year. *Sociology of Power*. Vol. 32. No. 3. P. 8—13. (In Russ.)
2. Ефанов А. А. Парадигмы развития современных моральных паник // В мире научных открытий. 2014. № 3—4. С. 1803—1816.

- Yefanov A. A. (2014) Development Paradigms of Modern Moral Panics. *In the World of Scientific Discoveries*. No. 3—4. P. 1803—1816. (In Russ.)
3. Захарова О. В. Идентификация и анализ топосов (аргументационных схем) в политическом дискурсе // Политическая наука. 2016. № 3. С. 217—235.
Zakharova O. V. (2016) Identification and Analysis of Topoi (Argumentative Schemes) in Political Discourse. *Political Science (RU)*. No. 3. P. 217—235. (In Russ.)
 4. Михайлова О. Кто использует понятие моральной паники? Библиометрический анализ научных публикаций // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 351—375.
Mikhaylova O. (2020) Who Uses the Moral Panic Concept? A Bibliometric Analysis of Moral Panic Scientific Literature. *Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 3. P. 351—375. (In Russ.)
 5. Морозова О. А. Психологические исследования видеоигр: урок западной науки // Вопросы психологии. 2019. № 5. С. 84—95.
Morozova O. A. (2019) Psychological Research into Video Games: A Lesson from International Science. *Voprosy Psihologii*. No. 5. P. 84—95. (In Russ.)
 6. Семёнова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010.
Semyonova A. V., Korsunskaya M. V. (2010) Content Analysis of the Media: Problems and Experience of Application. Moscow: Institute of Sociology of the RAS. (In Russ.)
 7. Соколов Е. Счастье предателя: как говорят о компьютерных играх // Логос. 2015. № 1 (103). С. 157—179.
Sokolov E. (2015) A Traitor's Luck: Debates on Video Games? *Logos*. No. 1. P. 157—179. (In Russ.)
 8. Сычева Е. В. Понятие дискурса масс-медиа и методы его изучения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. С. 205—211.
Sycheva E. V. (2011) The Concept of Mass Media Discourse and Methods of Studying It. *Aktual'nye Problemy Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk*. No. 3. P. 205—211. (In Russ.)
 9. Шевченко А. Ю. Дискурс-анализ политических медиа-текстов // Полис. Политические исследования. 2002. № 6. С. 18—23.
Shevchenko A. Y. (2002) Discourse Analysis of Political Media Texts. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 18—23. (In Russ.)
 10. Bennett L. (2018) Representations of Fans and Fandom in the British Newspaper Media. In: Booth P. (ed.) *A Companion to Media Fandom and Fan Studies*. New Jersey, NJ: John Wiley & Sons Inc. P. 107—121. <https://doi.org/10.1002/9781119237211.ch7>.
 11. Bigl B., Schlegelmilch C. (2021) Are Video Games Still a Boys' Club? How German Public Television Covers Video Games. *Games and Culture*. Vol. 16. No. 7. P. 798—819. <https://doi.org/10.1177/1555412020975637>.

12. Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
13. Bowman N.D. (2015) The Rise (And Refinement) of Moral Panic. In: Kowert R., Quandt T. (eds.) *The Video Game Debate: Unraveling the Physical, Social, and Psychological Effects of Digital Games*. London: Routledge. P. 22—38. <https://doi.org/10.4324/9781315736495-2>.
14. Chow Y.F., Rössler P., Hoffner C.A., Zoonen L. (2017) Subcultures: Role of Media. In: Ressler P. (ed.) *The International Encyclopedia of Media Effects*. New Jersey, NJ: John Wiley & Sons Inc. P. 1—11. <https://doi.org/10.1002/9781118783764.wbieme0175>.
15. Copenhaver A., Mitrofan O., Ferguson C.J. (2017) For Video Games, Bad News Is Good News: News Reporting of Violent Video Game Studies. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 20. No. 12. P. 735—739. <https://doi.org/10.1089/cyber.2017.0364>.
16. Cover R. (2006) Gaming (Ad)diction: Discourse, Identity, Time and Play in the Production of the Gamer Addiction Myth. *Game Studies*. Vol. 6. No. 1. URL: <https://gamestudies.org/0601/articles/cover> (дата обращения: 18.07.2025).
17. Fairclough N. (2013) *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315834368>.
18. Ferguson C.J. (2007) Evidence for Publication Bias in Video Game Violence Effects Literature: A Meta-Analytic Review. *Aggression and Violent Behavior*. Vol. 12. No. 4. P. 470—482. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2007.01.001>.
19. Ferguson C.J. (2008) The School Shooting/Violent Video Game Link: Causal Relationship or Moral Panic? *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*. Vol. 5. No. 1—2. P. 25—37. <https://doi.org/10.1002/jip.76>.
20. Ferguson C.J. (2020) Aggressive Video Games Research Emerges from Its Replication Crisis (Sort Of). *Current Opinion in Psychology*. Vol. 36. P. 1—6. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.01.002>.
21. Ferguson C.J., Beaver K.M. (2015) Who's Afraid of the Big, Bad Video Game? Media-Based Moral Panics. In: Chadee D. (ed.) *Psychology of Fear, Crime and the Media*. New York, NY: Psychology Press. P. 240—252. <https://doi.org/10.4324/9781315779812>.
22. Gans H.J. (2004) *Deciding What's News: A Study of CBS Evening News, NBC Nightly News, Newsweek, and Time*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
23. Hall S. (2005) The Rediscovery of 'Ideology'; Return of the Repressed in Media Studies. In: Bennett T., Curran J., Gurevitch M., Wollacott J. (eds.) *Culture, Society and the Media*. London: Routledge. P. 52—86. <https://doi.org/10.4324/9780203978092>.
24. Iarskaia-Smirnova E., Prisiazhniuk D., Kosova O. (2024) Cultural Context of Inclusion: Media Representations and Activism. In: Tsediso M.M., Kozlova M.A.,

larskaia-Smirnova E. R. (eds.) *Inclusive Education in the Russian Federation: Scoping International and Local Relevance*. Cham: Springer. P. 247—266. https://doi.org/10.1007/978-3-031-57700-0_12.

25. Järvinen A. (2008) Games Without Frontiers: Theories and Methods for Game Studies and Design. Doctoral Dissertation. Tampere: University of Tampere.
26. Jung C. W. (2019) Media Discourse and Perception of Game Regulatory Issues. *The Communication Review*. Vol. 22. No. 2. P. 139—161. <https://doi.org/10.1080/10714421.2019.1581046>.
27. Kümpel A. S., Haas A. (2016) Framing Gaming: The Effects of Media Frames on Perceptions of Game(r)s. *Games and Culture*. Vol. 11. No. 7—8. P. 720—744. <https://doi.org/10.1177/1555412015578264>.
28. Lawrence Neuman W. (2014) Social Research Methods: Qualitative and Quantitative Approaches. Essex: Pearson.
29. Markey P. M., Ferguson C. J. (2017) Teaching Us to Fear: The Violent Video Game Moral Panic and the Politics of Game Research. *American Journal of Play*. Vol. 10. No. 1. P. 99—115.
30. Mathur M. B., VanderWeele T. J. (2019) Finding Common Ground in Meta-Analysis “Wars” on Violent Video Games. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 14. No. 4. P. 705—708. <https://doi.org/10.1177/1745691619850104>.
31. Núñez-Pacheco R., Penix-Tadsen P. (2021) Divergent Theoretical Trajectories in Game Studies: A Bibliographical Review. *Artnodes*. No. 28. <https://doi.org/10.7238/artnodes.v0i28.380176>.
32. Parrott S., Rogers R., Towery N. A., Hakim S. D. (2020) Gaming Disorder: News Media Framing of Video Game Addiction as a Mental Illness. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Vol. 64. No. 5. P. 815—835. <https://doi.org/10.1080/08838151.2020.1844887>.
33. Ruffino P. (2013) Narratives of Independent Production in Video Game Culture. *Loading...* Vol. 7. No. 11. P. 106—121.
34. Scharrer E., Weidman L. M., Bissell K. L. (2003) Pointing the Finger of Blame: News Media Coverage of Popular-Culture Culpability. *Journalism & Communication Monographs*. Vol. 5. No. 2. P. 48—98. <https://doi.org/10.1177/152263790300500201>.
35. Siwek S. E. (2007) Video Games in the 21st Century. *Entertainment Software Association*. Vol. 36. No. 1. P. 5—34.
36. Sternheimer K. (2007) Do Video Games Kill? *Contexts*. Vol. 6. No. 1. P. 13—17. <https://doi.org/10.1525/ctx.2007.6.1.13>.
37. Van Dijk T. A. (1988) News Analysis. Case Studies of International and National News in the Press. New Jersey, NJ: Lawrence.
38. Van Dijk T. A. (1990) News as Discourse. London: Routledge.

39. Van Dijk T. A. (1995) Power and the News Media. *Political Communication and Action*. Vol. 6. No. 1. P. 9—36.
40. Van Dijk T. A. (2002) Media Contents: The Interdisciplinary Study of News as Discourse. In: Jankowski N. W., Jensen K. B. (eds.) *A Handbook of Qualitative Methodologies for Mass Communication Research*. London: Routledge. P. 108—120. <https://doi.org/10.4324/9780203409800>.
41. Whitton N., Maclure M. (2017) Video Game Discourses and Implications for Game-Based Education. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*. Vol. 38. No. 4. P. 561—572. <https://doi.org/10.1080/01596306.2015.1123222>.
42. Williams D. (2003) The Video Game Lightning Rod. *Information Communication & Society*. Vol. 6. No. 4. P. 523—550. <https://doi.org/10.1080/1369118032000163240>.
43. Zucker H. G. (1978) The Variable Nature of News Media Influence. *Annals of the International Communication Association*. Vol. 2. No. 1. P. 225—240. <https://doi.org/10.1080/23808985.1978.11923728>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2758](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2758)**Д. С. Попов, Н. С. Воронина****КРИЗИСНАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
И ДОСТИЖЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В РОССИИ: СВИДЕТЕЛЬСТВА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ****Правильная ссылка на статью:**

Попов Д. С., Воронина Н. С. Кризисная изменчивость человеческого капитала и достижения школьников в России: свидетельства международных исследований образования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 138—162. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2758>.

For citation:

Popov D. S., Voronina N. S. (2025) Crisis Volatility of Human Capital and Student Achievement in Russia: Evidence from International Education Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 138–162. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2758>. (In Russ.)

Получено: 05.10.2024. Принято к публикации: 17.07.2025.

КРИЗИСНАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ДОСТИЖЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В РОССИИ: СВИДЕТЕЛЬСТВА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ

CRISIS VOLATILITY OF HUMAN CAPITAL AND STUDENT ACHIEVEMENT IN RUSSIA: EVIDENCE FROM INTERNATIONAL EDUCATION RESEARCH

ПОПОВ Дмитрий Сергеевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального социологического центра РАН, Москва, Россия

E-MAIL: dmtrppv@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5706-5452>

Dmitry S. POPOV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher

E-MAIL: dmtrppv@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5706-5452>

Воронина Наталья Сергеевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального социологического центра РАН, Москва, Россия

E-MAIL: navor@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8859-6803>

Natalia S. VORONINA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher

E-MAIL: navor@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8859-6803>

Аннотация. При сравнительном анализе данных международных исследований PISA, TIMSS и PIRLS наблюдается устойчивый паттерн: в России школьники из семей с высокими показателями культурного капитала, измеряемого через количество книг в доме, демонстрируют более низкую компетентность, чем ученики в других европейских странах из таких же семей. В литературе предпринимаются попытки объяснить эту разницу за счет особенностей национальных школьных программ. Мы обращаем внимание на человеческий и культурный капитал родителей школьников и предлагаем иную интерпретацию описанной проблемы. В статье используется вторичный анализ данных PIAAC и PISA для сравнения условно выделенных «родителей» и «детей» среди жителей России, Чехии, Швеции, Польши, Эстонии и Финляндии.

Abstract. In comparative analysis of data from international PISA, TIMSS and PIRLS programs there is a stable pattern of achievement distribution: Russian students from families with high levels of cultural capital (measured via the “number of books at home” indicator) have lower competence than students from other European countries, while Russian students from families with lower levels of cultural capital demonstrate equal or even higher levels of competence. There was an attempt in literature to explain this result through the differences in national school curriculums. In this paper we pay attention to the human and cultural capital of school students’ parents in attempt to develop a different interpretative strategy. In the article PIAAC and PISA data is used to compare conditionally identified “parents” and “children” among residents of Russia, the Czech Republic, Sweden, Poland, Estonia and Finland.

Хотя человеческий капитал в целом зависит от состояния школьной системы, он не замы-

Although human capital in a country in general depend on the state of the school system,

кается на ней. Первое постсоветское поколение (из которого в основном происходят родители школьников, протестированных в PISA и других международных проектах) получило образование и вышло на рынок труда в условиях кризисной России 1990-х годов. В статье показано, что, во-первых, характер распределения измеренной в PISA и PIAAC компетентности школьников и взрослых («родителей») совпадает как в России, так и во всех других странах, включенных в анализ. Во-вторых, в России обнаружен когортный эффект, который заключается в сравнительно низкой компетентности «кризисной» постсоветской когорты 1990-х годов, что заметно на фоне как предыдущей «советской» когорты, так и аналогичных когорт в других странах. Вполне возможно, что снижение уровня реального инкорпорированного человеческого капитала (в отличие от объективированного капитала в виде формальных дипломов) отражается на достижениях школьников. В-третьих, обнаружены трудности с конвертацией человеческого капитала в другие виды капитала в России. Этот результат связан с особенностями рынка труда в нашей стране, а также внутренней неоднородностью группы квалифицированных профессионалов, что также вносит свой вклад в объяснение российского парадокса низких достижений учеников из семей с высоким культурным капиталом.

Ключевые слова: человеческий капитал, академические ресурсы семьи, культурный капитал, достижения учащихся, измерение грамотности, PISA, PIAAC, компетентность взрослых, российское образование, социальное воспроизводство

it's increase and depreciation not limited to it. In this regard, the reproduction of human capital is considered to be a fundamental societal process. The first post-Soviet generation (from which the parents of today's school students mainly come) got education and entered the labor market in the conditions of crisis Russia of 1990s. The article shows that, firstly, the profiles of measured competence among school students and adults ("parents") match in Russia and in a number of other countries. Secondly, a cohort effect was found in the distributions of adult competences in Russia. This effect consists in a decrease in measured competence of the "crisis" post-Soviet cohort of the 1990s both against the background of the previous "Soviet" cohort and against the background of the same cohorts in other countries. It is quite possible that the decrease in the level of real incorporated human capital (as opposed to possession of formal diplomas) is reflected in the achievements of school students. Thirdly, difficulties were discovered with the conversion of human capital into other types of capital in Russia. This result is related to the characteristics of the labor market in Russia, as well as internal heterogeneity of the group of professionals in the country, which also contributes to the explanation of the Russian low achievement paradox.

Keywords: human capital, family academic resources, cultural capital, school students' achievement, literacy measurement, PISA, PIAAC, adult competences, Russian education, social reproduction

Введение

Начиная с выхода широко известного в социологии образования «Отчета Коулмана» [Coleman, 1966] в литературе стали появляться все новые свидетельства того, что эффективность школьного образования лишь отчасти зависит от ком-

петентности учителей, качества школ и образовательных программ (в контексте международных сравнительных исследований см., например, [Fuchs, Woessmann, 2007; Martins, Veiga, 2010; Hanushek, 2016]). Значительная часть навыков и знаний передается вне школы в семье, в частности от родителей. В широком смысле речь идет о социальном воспроизводстве, зависящем от множества культурных и социальных факторов. Это процесс лабильный, социально и исторически локализованный. Турбулентность и кризисность российской экономики в постсоветский период привела к сложностям с трансляцией человеческого капитала трудоспособного населения в нашей стране, что было неоднократно показано на разных данных [Sabirianova, 2002; Капелюшников, 2005]. Вероятно, в том, что зачастую узко понимается как неудовлетворительный результат работы системы образования, проявляется влияние именно этого нарушения воспроизводства человеческого капитала. К этой проблеме мы обращаемся в данной статье.

В России за последние десятилетия накоплен значительный багаж эмпирических исследований навыков как школьников (в том числе — Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся, PISA; Международного мониторингового исследования качества школьного математического и естественнонаучного образования, TIMSS), так и — пусть и заметно меньший — взрослых (Программы международной оценки компетентности взрослого населения, PIAAC). Все эти программы предоставляют возможность международных сопоставлений. Данная статья — попытка обобщения результатов разных международных исследовательских программ последних десятилетий, а также размышление об укорененности системы образования в российском обществе. Мы предлагаем выйти за традиционные для каждого из рассматриваемых исследовательских проектов рамки и провести сравнительный анализ, самой общей задачей которого является изучение характера и особенностей воспроизводства человеческого капитала в нашей стране.

Почти десятилетие назад вышла громкая статья известного стэнфордского исследователя М. Карноя с соавторами [Carnoy, Khavenson, Ivanova, 2015], посвященная анализу связи академических ресурсов семей (концептуализируемых в ней как «культурный капитал») и достижений учащихся в России, странах Прибалтики и Восточной Европы. Одна из аномалий, обнаруженных авторами исследования, заключается в том, что отличия измеренных в различных международных тестах академических достижений школьников в России и от успехов учеников в западноевропейских странах в контексте академических ресурсов семей имеют нелинейный характер. Школьники из семей с малым количеством академических ресурсов обладают вполне схожими показателями в разных странах. Однако при оценке достижений учащихся из семей с высоким уровнем академических ресурсов выявлен значительный разрыв между Россией, где школьники показывают более низкие навыки и знания, и европейскими странами.

Мы предполагаем, что полученный в статье М. Карноя и коллег результат может быть объяснен не только институциональной разностью школьных систем и школьных практик, но и особенностями распределения, накопления человеческого капитала в российском обществе. Эти особенности могут быть связаны с локальной спецификой социальной структуры, мобильности и социального не-

равенства. Поэтому план нашей работы подразумевает выход за рамки узкой интерпретации школы как института, замкнутого «в себе», самореферентного и изменяющегося по эндогенным причинам.

Эмпирическая стратегия исследования предполагает последовательную работу с несколькими гипотезами, проверка которых составляет цель данной статьи. Во-первых, мы предполагаем, что результативность школьного образования в России (как и в любых других странах) зависит не только от школы, но и от семьи, ее ресурсов, в том числе культурного и человеческого капитала родителей учащихся. Этот эффект можно выявить, если сравнить распределения измеренной (в PISA) компетентности школьников и измеренной (в PIAAC) компетентности родителей, причем такое соответствие должно быть обнаружено и в других странах, где проводились наблюдения. Среди всех взрослых респондентов мы отобрали лишь тех, у кого есть дети и кто по возрасту мог бы быть родителем ученика из выборки PISA. PISA и PIAAC — это разные тесты, поэтому вместо сравнения баллов мы *сравниваем распределения* компетентностей в зависимости от уровня академических ресурсов семей. Такой подход уже использовался в предыдущих исследованиях (см., например, [Martins, Veiga, 2010; Carnoy, Khavenson, Ivanova, 2015; Hanushek, Schwerdt, Wiederhold, 2016]). Так как результаты привилегированной с точки зрения академических ресурсов группы отечественных школьников отличаются в худшую сторону от общеевропейской тенденции по результатам теста, мы предполагаем, что именно в этой группе происходит «сбой» факторов, ответственных за воспроизводство человеческого капитала, причем даже не на уровне школы, а на уровне инкорпорированного человеческого и культурного капитала их родителей, и — шире — взрослого населения.

Во-вторых, мы проверяем гипотезу о наличии когортного эффекта в отечественном образовании. Для этого мы сравниваем две когорты «родителей»: получивших образование и вышедших на рынок труда в позднем СССР («советская» когорта) и сделавших это в 1990-х годах («постсоветская» когорта). Поскольку в литературе было показано, что наиболее пострадавшими от постсоветского транзита оказались молодые специалисты с высшим образованием, пострадавшими от постсоветского кризиса (см., например, [Sabirianova 2002], более детальное эмпирическое обоснование предложено ниже в обзоре литературы), а в нашем представлении к этой группе принадлежит большая часть родителей школьников с высокими академическими семейными ресурсами, прошедших тестирование в PISA и TIMSS, мы предполагаем, что для этого «кризисного» поколения может быть обнаружен особый паттерн, отличие в человеческом капитале как от старших поколений в России, так и от аналогичных по возрасту групп в других странах. Мы склонны ожидать «проседание» измеренной компетентности «постсоветской» когорты (особенно на уровне высококвалифицированных специалистов с высшим образованием и значительными академическими ресурсами) на фоне «советской», что может быть еще более очевидным на фоне других стран.

В-третьих, немаловажный вопрос заключается в том, легко ли человеческий капитал в том своем виде, в каком он измеряется в международных исследованиях образования, может быть конвертирован в иные виды капитала. В пред-

ложенной регрессионной модели мы пытаемся проанализировать связь человеческого капитала (измеренного через баллы PIAAC) с культурным капиталом (индикатор — количество книг в доме), материальным капиталом (индикатор — доходы) и с принадлежностью к советскому/постсоветскому поколению (измеренного как дихотомическая переменная до 40 и после 40 лет). Можно предположить, что измеренная компетентность (как индикатор и основа человеческого капитала) не в равной степени важна для социально-экономических достижений в России и в других странах, выступающих в исследовании в роли референтных.

Обзор литературы

Современные представления о капитале заключаются в том, что капитал — это не только деньги и материальные активы, но и определенные приобретенные характеристики людей. Историки экономической науки относят это представление к А. Смиту и даже более ранним работам в английской политической экономии (см., например, теоретический обзор Б. Кикера [Kiker, 1966]), однако современную форму оно обретает уже после Второй мировой войны, когда американские экономисты Г. Беккер, Дж. Минсер и Т. Шульц [Becker, 1964; Mincer 1958; Schultz, 1961] показали, что приобретенные навыки и умения человека обладают широким кумулятивным эффектом для экономики и общества. Так появилась современная концепция человеческого капитала. Подход экономистов породил значительное количество публикаций, в которых, в частности, обсуждались особенности воспроизводства человеческого капитала, влияния родительского капитала на достижения детей, механизмы и неоднородность его воздействия [Fuchs, Woessmann, 2007].

Вопрос о влиянии формализованной школьной системы и родительского капитала поднимается и в рамках анализа данных сравнительных международных исследований воздействия [Fuchs, Woessmann, 2007; Martins, Veiga, 2010]. Так, на примере детей китайских эмигрантов в Австралии было показано что измеренные достижения учеников (по данным PISA) зависят скорее не от конкретной национальной школьной институциональной среды, а от общих культурных особенностей, которые приобретаются в ходе ранней первичной семейной социализации [Feniger, Lefstein, 2014]. Такого рода результаты повышают значимость измерения «домашних» ресурсов и семейного капитала при оценке результативности образования.

Тенденции последних лет в исследовании человеческого капитала направлены на преодоление критикуемой «вневременности» и внеисторичности конструкта, а также на поиск альтернативных индикаторов (вместо количества лет, потраченных на образование или наличия формальных дипломов об образовании). Гарвардский экономист К. Гольдин обращает внимание на динамику человеческого капитала и ее связанность с событиями исторических и социальных транзитов [Goldin, 2019]. Масштабные социальные и экономические изменения затрагивают и перестраивают социальную структуру (а следовательно — делают лабильным и содержание человеческого и культурного капитала), способны влиять на социальное производство и человеческий капитал, который может как накапливаться, так и сокращаться, амортизироваться, причем на протяжении жизни и трудовой

карьеры. С появлением международных исследований компетентности взрослых измеренные навыки взрослого населения становятся альтернативным и дополняющим классический подход индикатором человеческого капитала [Hanushek et al., 2015; Angrist et al., 2019; Égert, De La Maisonneuve, Turner, 2022]. Несмотря на недостаток такого подхода, связанный с ограниченным количеством данных, он позволяет оценить реальное изменение человеческого капитала в разрезе возрастных групп или поколений (а при наличии нескольких замеров — и в динамике одного поколения). В узком контексте национальных образовательных систем это решает проблему оценки человеческого капитала в условиях неодинаковости качества институтов образования, а в более широком контексте делает возможным увидеть флуктуации человеческого капитала, его связанность с историческими изменениями и его культурную и социальную укорененность.

В русскоязычной литературе было показано, что в результате серьезных социальных трансформаций конца XX века в России произошла значительная перестройка человеческого капитала, сопровождавшаяся его обесцениванием. До 40 % работников в этот период были вынуждены сменить профессию, при этом состояние специфического человеческого капитала в России имеет серьезные отличия от западных стран. Непрерывный трудовой стаж в нашей стране на 40—70 % ниже показателя западных более стабильных экономик [Капелюшников, 2005]. Это свидетельствует о сложностях, с которыми столкнулось целое поколение людей, живущих в России. Причем эти сложности тесным образом связаны и с культурным, и с экономическим капиталами, которые достаточно длительный период находятся в ситуации несоответствия, рассогласованности. Было обнаружено, что в России не наблюдается прямой, линейной зависимости между уровнем формального образования и измеренной компетентностью, а прирост компетентности в нашей стране резко замедляется (незначим) на уровне высшего образования, тогда как на нижних образовательных уровнях формальные и измеренные показатели грамотности остаются согласованными [Попов, Стрельникова, 2017].

Результатом анализа данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) стало обнаружение интенсивной горизонтальной и нисходящей профессиональной мобильности в России в период 1990-х годов, которая происходила на фоне радикального снижения экономической отдачи от профессиональной деятельности [Sabirianova, 2002]. Исследователи наблюдали обрушение отдельных секторов экономики с последующей депрофессионализацией большого количества людей. Пространство рынка труда преобразовывалось с учетом стремительного расширения сектора услуг. Причем было показано, что вероятность нисходящей профессиональной мобильности больше для работников с высокой квалификацией и маленьким опытом работы (то есть для молодого поколения, едва вышедшего на рынок труда). Общим выводом исследования К. Сабирьяновой стало то, что в условиях экономических и социальных потрясений в стране люди в большинстве случаев выбирали профессии с более низкими требованиями к знаниям, навыкам, человеческому капиталу [ibid.].

Социальная трансформация неизбежно проявила себя и в области образования. Было показано, что получение диплома о высшем образовании хотя и дает премию к заработной плате, но эта премия неуклонно снижается с начала теку-

щего века [Лукиянова, 2010]. Кроме того, выявлено, что прирост измеренных навыков в России не связан со значительным приростом оплаты труда, различие между респондентами с низким и высоким уровнем грамотности с точки зрения их доходов в России значительно меньше, чем в странах ОЭСР. На материалах программы PIAAC показано, что 25 % представителей группы с наивысшим уровнем грамотности в странах ОЭСР имеют доход в верхнем дециле, в России их доля — 4,3 % [Кузьмина, Попов 2015]. Это определенным образом характеризует рынок труда, и становится понятным желание многих россиян получить формальный диплом, не обращая внимания на качество образования. Исследования экономистов демонстрируют особый, отличный от стран Запада, профиль заработков в нашей стране [Гимпельсон, 2019]. В России заработки отличаются крутизной подъема на ранних этапах карьеры, пик достигается в 40 лет, после чего отмечается заметное снижение. В. Е. Гимпельсон предлагает несколько стратегий интерпретации этого результата, мы же отметим, что обозначенный порог как раз отделяет представителей поколения, вышедшего на рынок труда в 1990-е годы. Заработные платы в наиболее знаниемных областях (в том числе образовании, науке, медицине) в России находятся на очень низком уровне, знания и навыки не подкреплены доходами (см., например, [Лукиянова 2010; Тихонова, Латов, Каравай и др., 2023]).

В этом контексте для нас важна концепция поколений, или, точнее, когорт в социологии, которая восходит к работам Н. Райдера [Ryder, 1965]. Понятие когорты пришло в социологию из демографии, специфика социологической интерпретации состоит в том, что когорта — это не просто возрастная группа, но группа людей, прошедших через определенное важное событие или темпорально локализованный ряд событий, который оставил отпечаток на биографиях и социальных траекториях этих людей. Это может быть, к примеру, революция или мировая война. В нашем случае в выборке PIAAC мы выделяем группу людей, которые завершали свое формализованное образование и выходили на рынок труда первые постсоветские десятилетия.

Учитывая вышеизложенные эмпирические аргументы, мы предполагаем, что рассматриваемая нами постсоветская когорта специфична в том числе с точки зрения своего человеческого и культурного капитала, который она транслирует своим детям. Поскольку влияние семейного капитала на достижение школьников эмпирически доказано, мы также предполагаем, что специфика человеческого капитала (и измеренной в PIAAC компетентности) этой когорты будет транслироваться детям ее представителей. Такая модель отдаленно напоминает известную из демографии флуктуацию рождаемости, вызванную в нашей стране кризисными периодами первой половины и середины XX века — революциями, войнами. Как в случае с рождаемостью и биологическим воспроизводством популяции, так и в случае социального воспроизводства вообще и воспроизводства человеческого капитала в частности, есть основания для того, чтобы предполагать наличие «отпечатка» предыдущих кризисов и подъемов, который способен циклически воспроизводиться в длительной социальной динамике. При наличии лонгитюдных или, по меньшей мере, нескольких срезовых наблюдений можно было бы говорить о полноценной оценке когортного эффекта. Однако PIAAC существует в нашей стра-

не в виде единственного замера, что объективно ограничивает возможности валидного анализа. Поэтому задача статьи состоит не в оценке когортного эффекта, а в его выявлении и обсуждении в русле отечественной социологии образования.

Разные виды капитала, будь то культурный, экономический, социальный или символический, не обязательно с легкостью могут быть конвертированы друг в друга. Эта мысль П. Бурдьё [Bourdieu, 1986], с нашей точки зрения, может быть важной при анализе российских семей и индикаторов, измеряющих их капиталы. Описанные кризисные явления могут сказаться не только на состоянии человеческого капитала в нашей стране, но и на роли, которую этот капитал играет в обществе. Уровень культурного капитала семей определяется нами посредством постоянно используемого в международных исследованиях индикатора «количество книг в доме», такая его концептуализация достаточно распространена в современных исследованиях [Carnoy, Khavenson, Ivanova, 2015; Tan, 2020]. При этом можно поставить под сомнение, что в отечественных условиях наличие книг в доме является признаком высших (highbrow в терминологии Бурдьё) классов, их культурным и статусным идентификатором. Мы предлагаем значительно понизить амбициозность концептуализации. На наш взгляд, наличие значительных академических ресурсов (в виде книг) говорит скорее о принадлежности к семье профессионалов, людей с высокой компетентностью и навыками, с большим (по меньшей мере — внутри рассматриваемой генеральной совокупности, то есть населения страны) человеческим капиталом.

Данные и метод

Для проверки выдвинутых гипотез мы привлекаем данные международных программ PIAAC (Programme for the International Assessment of Adult Competences) и PISA (Programme for International Student Assessment), обе программы проводятся Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по концептуально близкой измерительной модели [Schleicher 2008]. Мы используем единственную доступную волну PIAAC за 2013 г. с данными по России. В этой волне принимали участие 39 стран¹, однако для нашего исследования мы ограничились шестью странами, включая Россию, для возможности сравнительного анализа. Из доступных стран мы выбрали посткоммунистические страны Восточной Европы как исторически и культурно близкие. Набор этих стран (Чехия, Польша, Эстония) определялся одновременной доступностью их данных в программах PIAAC и PISA. В качестве «контрастных» кейсов-ориентиров были выбраны две страны Северной Европы (Финляндия и Швеция), обладающие наиболее развитыми системами школьного образования, что неизменно отражается в результатах международных тестирований, в которых эти страны лидируют среди всех стран Европы и обоих американских континентов.

Выборка PIAAC в каждой стране включает респондентов в возрасте от 16 до 65 лет. Наша стратегия анализа подразумевает отбор из общей выборки группы, репрезентирующей родителей учащихся из исследования PISA, которое проводилось в 2018 г. (учащимся на момент исследования было 15—16 лет,

¹ Подробнее о параметрах исследования см. <https://www.oecd.org/en/about/programmes/piaac.html> (дата обращения: 22.09.2024).

2002—2003 год рождения). Минимальный возраст «родителей» в выборке PIAAC составляет 27 лет, в качестве верхней границы отбора установлен возраст 50 лет². Условием отбора в группу родителей был утвердительный ответ на вопрос о том, имеет ли респондент ребенка. Выборка «родителей»³ по странам составила: Чехия — 1910, Швеция — 1524, Польша — 1598, Эстония — 2908, Финляндия — 1798, Россия — 1149 респондентов.

В качестве второй эмпирической базы выступает PISA⁴. В исследовании принимают участие школьники 15—16 лет, исследование проводилось каждые три года, начиная с 2000 г., последняя доступная волна, в которой Россия принимала участие, проведена в 2018 г., поэтому мы используем именно эти данные. Всего в волне принимали участие 79 стран, для наших целей сопоставления мы используем аналогичный набор стран, что и из исследования PIAAC. Выборочная⁵ совокупность составила: Чехия — 7019, Швеция — 5504, Польша — 5625, Эстония — 5316, Финляндия — 5649, Россия — 7608 респондентов.

Как в PIAAC, так и в PISA результаты формализованного тестирования компетентности доступны в виде набора из десяти переменных для каждой измеряемой области. Эти переменные получили название «правдоподобных значений» (Plausible Value, PV). В рамках этих исследований каждый респондент выполняет лишь часть заданий из общего тестового пула, PV являются расчетными переменными, показывающими, какими могли бы быть результаты при выполнении респондентом каждого из заданий общего пула [OECD, 2013b]. В данной статье мы работаем с показателями измеренной компетентности в области математики (Numeracy) и языка (Literacy), одновременно доступными в обоих исследованиях.

PIAAC и PISA используют разные тесты и шкалы (500-балльная в PIAAC, и 1000-балльная в PISA), поэтому прямые сравнения баллов этих исследований невозможны. Тем не менее вполне допустимо сравнить тенденции в распределении результатов. Поскольку мы не объединяем данные и не сравниваем их напрямую, мы не используем стандартизацию, а анализируем данные PIAAC и PISA раздельно и сравниваем только распределения измеренных компетенций в группах с разным культурным капиталом, что корректно в рамках заявленного анализа. Такой методический ход стал конвенциональным и широко представлен в современной литературе (см., например, [Lundetre et al., 2014; Nahuelquin, Orellana, Kuperman, 2025]).

² Для наших целей мы выдели две группы: 1) «условных родителей» и 2) подростков, которые по возрасту могли бы быть детьми этих «условных родителей». Так как подросткам из опроса PISA, которое проводилось в 2018 г., на момент исследования 15—16 лет (2002—2003 год рождения), мы создали специальный фильтр, отбирающий респондентов в PIAAC «условных родителей». Респондентам, которых мы обозначили как «условные родители», в 2013 г. (год опроса PIAAC) минимум 27 лет, предполагается, что самые молодые родители детей 2002 года рождения родились в 1986 г. В этом случае этим «условным родителям» минимум 27 лет в 2013 г. Получается, что минимальный возраст «условных родителей в PIAAC» для детей, кому в 2018 г. 15—16 лет, — 27 лет (на момент опроса в 2013 г.), ограничимся в качестве верхней границы фильтра возрастом 50 лет. Кроме того, для выделения «родителей» применялся фильтр — отбирались только те, у кого есть дети. Мы называем группу «условными родителями», так как фактически они не являются биологическими родителями детей, которые принимали участие в опросе PISA, но могли быть ими по возрасту.

³ Приводится количество респондентов до взвешивания.

⁴ Подробнее об исследовании см. <https://www.oecd.org/en/about/programmes/pisa.html> (дата обращения: 22.09.2024).

⁵ Приводится количество респондентов до взвешивания.

Анализ данных включал использование программного обеспечения IDB Analyzer V5, разработанного специально для данных международных сравнительных исследований образовательных достижений PIAAC и PISA, а также SPSS V28. Программа IDB Analyzer пишет программный код для SPSS, обеспечивая корректное использование правдоподобных значений, специально созданных переменных для взвешивания данных, осуществляет коррекцию стандартных ошибок. В соответствии с руководством использования данных PISA и PIAAC нельзя просто усреднять правдоподобные значения (PV) для получения средней оценки по группе, потому что это занижает дисперсию и может исказить оценки параметров распределения. Использование всех PV предполагает применение специальных методов, которые корректируют стандартные ошибки, учитывая вариабельность между разными PV⁶, коррекция стандартных ошибок встроена в синтаксис программы IDB Analyzer.

Мы используем расчет средних значений внутри стран по показателям компетентности языка (Literacy) и математики (Numeracy) в зависимости от уровня академических ресурсов, измеряемых на основе индикатора «количество книг в доме». Для определения того, различаются ли средние значения на статистически значимом уровне, мы используем однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), критерий Тамхена для множественных парных сравнений. В качестве зависимых переменных выступают компетенции языка и математики, в качестве независимой выступали анализируемые страны. Анализ применялся в группах, различающихся по количеству книг в доме, отбиралась только группа «родителей». В итоге мы анализировали выборки «родителей» и «детей» с различными уровнями культурного капитала (см. табл. 1).

Международные измерения знаний и навыков учащихся средних школ как индикатор состояния и воспроизводства человеческого капитала: результаты эмпирического анализа

Эмпирический раздел статьи начнем с проверки первой сформулированной гипотезы о том, что измеренная грамотность учащихся связана не только и не столько со школой, сколько с их семьями, в частности родителями. Для этого проведем сопоставления связей между тестовыми баллами компетенций в области языка и математики и культурным капиталом в PIAAC и PISA, аналогично тому, как это было выполнено ранее в исследовании М. Карной с коллегами для данных других международных исследований [Carnoy, Khavenson, Ivanova, 2015]. Нижеприведенные средние значения, отмеченные знаком, статистически значимо различаются с другими странами относительно России в зависимости от принадлежности к группе с различными академическими ресурсами семьи (ANOVA, критерий Тамхена, $p < 0,05$). В целом по данным PIAAC результаты демонстрируют единую тенденцию — чем выше уровень академических ресурсов (культурного капитала) семьи, тем выше измеренная компетентность в области языка (Literacy) и математики (Numeracy) у респондентов из всех анализируемых стран (см. табл. 1). Однако если в России у респондентов с низким уровнем академических ресурсов изме-

⁶ Подробнее о работе с PV см.: <https://www.oecd.org/en/about/programmes/pisa/how-to-prepare-and-analyse-the-pisa-database.html> (дата обращения: 22.09.2024).

ренная компетентность выше, чем в других странах (например, в России в группе «до 10 книг» средняя компетентность в области языка составляет 261,54 балла, в остальных странах меньше — в Чехии (233,76, в Швеции 226,12, в Финляндии 246,66, в Польше 234,19, в Эстонии 239,51), то в группах с высоким уровнем семейных академических ресурсов в Польше, Швеции, Финляндии наблюдается обратная картина: в этих странах у «родителей» баллы по языку выше, чем в России (в России 291,04 балла, в то время как в Польше больше на 8 баллов больше, в Швеции на 15, а в Финляндии 19 баллов больше, чем в России). По математике во всех странах, включая Чехию, средний балл в группе с высокими академическими ресурсами выше, чем в России (в Чехии на 12 баллов, в Швеции на 18,5, в Финляндии на 18, в Польше и Эстонии на 8 баллов). Ранее аналогичная особенность распределения измеренных компетенций была продемонстрирована для учеников школ на базе данных различных международных программ: PISA, PIRLS и TIMSS [ibid.].

Таблица 1. Средние значения измеренной компетентности в области языка (Literacy) и математики (Numeracy) в группах «родителей» и «детей» с различными академическими ресурсами, баллы, в скобках указано стандартное отклонение (PIAAC (2013), PISA (2018))

Академические ресурсы семьи	Россия	Чехия	Швеция	Финляндия	Польша	Эстония
<i>Компетентность в области языка (Literacy), родители, баллы PIAAC</i>						
Группа 1 (до 10 книг)	261,54* (34,55)	233,76* (38,37)	226,12* (56,41)	246,66* (50,13)	234,19* (44,76)	239,51* (39,95)
Группа 2 (11—25 книг)	261,16* (40,16)	253,71* (39,51)	253,53* (46,98)	266,01 (41,65)	254,64* (39,46)	251,17* (39,24)
Группа 3 (26—100 книг)	269,33* (39,74)	266,95 (36,33)	266,68 (42,40)	283,37* (43,68)	268,32 (40,67)	267,31 (37,46)
Группа 4 (101—200 книг)	280,79* (36,40)	277,22* (34,66)	285,62 (39,80)	297,76* (40,69)	282,80 (37,39)	279,27* (37,84)
Группа 5 (201—500 книг)	289,04* (35,77)	285,09 (35,52)	300,29* (37,87)	308,87* (41,28)	292,68* (40,53)	291,25* (36,66)
Группа 6 (более 500 книг)	291,04* (35,77)	290,50 (36,91)	306,06* (42,39)	309,84* (48,42)	299,36* (40,21)	293,68 (39,89)
<i>Компетентность в области математики (Numeracy), родители, баллы PIAAC</i>						
Группа 1 (до 10 книг)	252,25* (34,33)	226,11* (41,61)	223,78* (61,27)	243,42* (51,58)	226,37* (47,46)	234,60* (41,82)
Группа 2 (11—25 книг)	256,93* (42,85)	244,62* (40,38)	252,31 (51,62)	259,30 (43,23)	246,17* (42,07)	249,47* (39,61)
Группа 3 (26—100 книг)	264,35* (38,01)	266,56 (37,43)	268,05* (47,68)	281,47* (44,84)	261,66* (43,19)	262,87 (38,22)
Группа 4 (101—200 книг)	276,07* (34,10)	280,79 (36,01)	285,61* (42,61)	292,49* (41,97)	275,51 (40,26)	278,12 (38,67)
Группа 5 (201—500 книг)	284,38* (33,25)	290,78 (37,74)	303,80* (42,87)	301,92* (43,65)	287,71 (40,99)	288,01 (37,28)
Группа 6 (более 500 книг)	284,63* (35,92)	296,40* (37,96)	303,13* (47,44)	302,46* (49,62)	292,57* (40,87)	292,75* (40,68)

Академические ресурсы семьи	Россия	Чехия	Швеция	Финляндия	Польша	Эстония
<i>Компетентность в области языка (Literacy), дети, баллы PISA</i>						
Группа 1 (до 10 книг)	439,72* (84,22)	406,25* (79,12)	427,53 (91,21)	462,44* (90,34)	444,92* (79,77)	469,03* (82,81)
Группа 2 (11—25 книг)	457,53* (82,01)	451,97 (77,46)	467,48* (94,51)	484,87* (90,32)	472,19* (83,45)	490,18* (80,17)
Группа 3 (26—100 книг)	482,30 (84,88)	487,50 (82,21)	510,45* (88,58)	511,87* (88,69)	510,61* (85,35)	516,89* (81,31)
Группа 4 (101—200 книг)	502,27* (88,01)	518,80* (83,48)	536,99* (92,31)	543,18* (86,36)	534,99* (85,99)	545,38* (84,82)
Группа 5 (201—500 книг)	526,31* (88,60)	541,65* (85,90)	563,70* (91,40)	569,26* (87,96)	562,74* (86,29)	569,89* (85,23)
Группа 6 (более 500 книг)	481,99* (99,53)	530,48* (107,27)	550,54* (110,07)	553,87* (102,23)	562,60* (97,21)	556,64* (100,11)
<i>Компетентность в области математики (Numeracy), дети, баллы PISA</i>						
Группа 1 (до 10 книг)	456,17* (74,05)	424,43* (73,16)	437,54* (73,12)	457,95 (69,97)	457,54 (71,28)	476,34* (71,34)
Группа 2 (11—25 книг)	468,71* (72,92)	461,56 (74,42)	468,09 (75,98)	476,01* (67,96)	481,03* (74,74)	498,32* (69,75)
Группа 3 (26—100 книг)	491,09* (74,06)	497,10* (76,07)	504,76* (72,95)	503,14* (71,44)	510,86* (74,66)	515,42* (67,74)
Группа 4 (101—200 книг)	505,67* (75,60)	524,17* (77,34)	528,20* (74,66)	524,89* (68,99)	535,73* (73,74)	544,57* (70,34)
Группа 5 (201—500 книг)	528,12* (79,03)	547,60* (78,79)	551,40* (73,79)	543,72* (70,66)	566,63* (75,66)	560,08* (69,76)
Группа 6 (более 500 книг)	496,72* (84,91)	539,25* (96,04)	544,92* (88,14)	537,64* (80,34)	562,90* (84,29)	561,38* (80,20)

* Знаком отмечены статистически значимые различия средних относительно России ($p < 0,05$).

Результаты по данным PISA 1—5 групп также показывают (см. табл. 1), что с увеличением академических ресурсов семьи повышается и измеренная компетентность. Мы также наблюдаем, что в группе с самыми высокими академическими ресурсами семьи (более 500 книг) у «детей» из России балл ниже и по математике, и по языку на фоне остальных стран. А вот среди групп с самыми низкими академическими ресурсами семьи (до десяти книг) мы не наблюдаем одинаковой тенденции с компетенциями «родителей» относительно других стран: у «детей» эти компетенции в этой группе не самые высокие в России (например, у «детей» средняя по навыку математике в России — 456,17, у «детей» из Финляндии (457,95), Польши (457,54), Эстонии (476,34) этот навык выше).

Как мы видим, результат измерения в PISA (и других международных программах, таких как TIMSS или PIRLS) показывает не столько усилия и «отдачу» школьной системы, что многократно воспроизводится в профильной литературе [Bautier, Rayou, 2007; Carnoy, Khavenson, Ivanova, 2015; Goldstein 2017], сколько — шире — состояние, то есть его реальный уровень относительно других стран, и характер распределения человеческого капитала в стране.

Следующая гипотеза связана с выявленными ранее данными о «кризисности» целого российского поколения, представители которого получали образование и выходили на рынок труда в первое постсоветское десятилетие [Sabirianova, 2002; Капелюшников, 2005]. Поскольку представители этого поколения выступают «родителями» прошедших тестирование PISA школьников, мы сравниваем результаты этого поколения в PIAAC (то есть измеренный альтернативным образом человеческий капитал) и результаты последнего советского поколения в надежде найти «кризисные» сдвиги. Такие сдвиги могут проявиться в разных сегментах, но в большей степени — среди наиболее образованных и компетентных специалистов. Эта гипотеза направлена на исследование парадокса «слабости» российских учеников из высокоресурсных семей.

Для ответа на вопрос, является ли парадокс малого различия компетенций в нашей стране атрибутом «кризисного» поколения, закончившего образование и вышедшего на рынок труда в 1990-е и в начале 2000-х годов, мы провели аналогичный анализ средних значений, но на данных PIAAC в возрастных группах до 40 лет и после 40 лет (группа до 40 лет включает респондентов от 27 до 40 лет, группа после 40 лет включает респондентов от 41 до 50 лет) (см. рис. 1 и 2).

Сравнивая разницу в средних значениях по компетенциям среди респондентов до и после 40 лет (см. рис. 1 и 2), в целом мы наблюдаем аналогичную тенденцию, что и в табл. 1. После вычета средних значений по компетенциям группы с низкими академическими ресурсами семьи из средних значений по компетенциям в группе с высокими академическими ресурсами семьи, в России наблюдается самая маленькая разница среди всех рассматриваемых стран, вне зависимости от возраста. В стабильно развивавшихся после Второй мировой войны странах Запада наблюдается общая схожая картина с распределением измеренной компетентности: старшие поколения показывают более низкий уровень компетентности в сравнении с младшими [OECD, 2000; OECD, 2012; OECD, 2013a]. Это вызвано и социальными факторами (в том числе поступательным развитием экономики и системы образования), и биологическими, связанными с процессами старения и медленной, но неизбежной деградацией мозга и когнитивных процессов с возрастом. Малое различие между поколениями в России говорит скорее в пользу ранее предложенной «кризисной» гипотезы, поскольку прирост измеренной компетентности на фоне других стран оказывается достаточно скромным.

Рис. 1. Разница в средних значениях языковой компетенции
среди «советского» и «постсоветского» поколений, PIAAC

Рис. 2. Разница в средних значениях математической компетенции среди «советского» и «постсоветского» поколений, PIAAC

Третья гипотеза, сформулирована на основе показанных в литературе [Лукиянова, 2010; Кузьмина, Попов 2015; Гимпельсон 2019] парадоксов отдачи от человеческого капитала. Мы проверяем наличие связи между разными видами капитала. Для того чтобы понять, с чем связана разница по компетенциям в изучаемых странах, мы провели регрессионный анализ на данных PIAAC. В качестве зависимых переменных поочередно выступали компетенции языка (см. табл. 2) и математики (см. табл. 3), в качестве независимых переменных — переменная, отражающая культурный капитал (количество книг в доме), материальный капитал (годовой чистый доход человека до уплаты налогов и вычетов), возрастная группа до 40 лет. Как мы упоминали выше, «постсоветская» когорта (до 40 лет) в литературе рассматривается как кризисная. Мы предполагаем, что отдельные последствия этой кризисности будут выявлены в ходе регрессионного анализа, поэтому принадлежность к этой когорте рассматривается в связи с культурным и материальным капиталами. Как было показано выше, существуют основания предположить, что постсоветская когорта специфична с точки зрения своего человеческого и культурного капитала, который она транслирует своим детям.

Во-первых, результаты регрессии показывают, что во всех странах главным предиктором выступают академические ресурсы семьи (культурный капитал).

Во-вторых, обращая внимание на значение скорректированного коэффициента детерминации, можно сказать, что в России выбранные независимые переменные обладают меньшей объяснительной способностью, чем в остальных исследуемых европейских странах (например, скорректированный R^2 с зависимой переменной компетентности в области языка в России равен 0,07, а в остальных странах он варьируется от 0,16 до 0,25). Это означает, что в России существуют другие факторы, оказывающие влияние на рост значений по компетенциям, которые не удалось обнаружить в условиях ограничений, связанных со вторичным анализом данных.

В-третьих, принадлежность к возрастной группе до 40 лет связана с ростом компетенций в области математики и языка во всех странах. Традиционно это объясняется поступательным развитием систем образования в стабильных обществах, а также с физиологически неизбежной когнитивной деградацией, связанной со старшим возрастом [OECD, 2013a]. Вместе с тем в нашей стране эта

связь наиболее слабая (ст. бета коэффициент равен 0,05 (см. табл. 2) и 0,04 (см. табл. 3)). Отметим, что такой результат согласуется с проведенными ранее исследованиями Р. И. Капелюшникова [Капелюшников, 2005]. Причины этого эффекта уходят корнями в кризисную перестройку системы образования и рынка труда в 1990-х — начале 2000-х годов. Такое отклонение российских результатов говорит о контекстуализированности, исторической и локальной специфичности человеческого капитала.

Доход является статистически значимым предиктором во всех изучаемых странах, однако в России он вносит меньший вклад, если обращать внимание на силу связи, чем в других странах (наибольшую силу данный предиктор имеет в Швеции) (см. табл. 3).

Обсуждение

Для подведения итогов работы вернемся к гипотезам, сформулированным в начале статьи, чтобы в их контексте просуммировать полученные эмпирические результаты. При анализе мы концентрируемся в первую очередь на объяснении проблемы, выделенной во введении. Эта проблема состоит в «провале» российских школьников из семей с высокими академическими ресурсами в международных образовательных тестах (PISA, TIMSS, PIRLS).

Первая из изложенных в начале статьи гипотез состояла в том, что школьное образование выходит за рамки института школы и связано также с семьями и родителями, и это может быть зафиксировано на уровне страновых замеров исследований компетентности подростков (PISA) и взрослых (PIAAC). На данных международных программ в статье было показано, что особенности достижений учащихся (профили распределения компетентности), измеренные в рамках международной программы PISA, воспроизводятся и при анализе компетентности их «родителей», которая оценивалась в PIAAC. Это характерно для всех стран, попавших в поле нашего внимания. Из анализа следует, что респонденты из групп с низкими и средними академическими ресурсами показывают достаточно близкие результаты в России и других оцениваемых странах. Особенность российского распределения состоит в том, что группа с высокими ресурсами демонстрирует результат значительно ниже, чем в других странах. Ранее это было выявлено для учащихся средних школ, прошедших тестирование в рамках международных программ PIRLS и TIMSS [Carnoy, Khavenson, Ivanova, 2015], мы же дополнили картину, предложив распределение измеренной компетентности отобранных по особым критериям взрослых, которые в нашей модели репрезентируют группу родителей учащихся, прошедших тестирование в PISA-2018 (речь идет о специально созданном фильтре, который учитывает год рождения участников исследования PISA (2002—2003 года рождения). Данный фильтр в исследовании PIAAC включает респондентов, которые по возрасту могли бы быть родителями детей из исследования PISA. Предполагается, что минимальный возраст наступления родительства — 16 лет, в таком случае самые молодые родители родились в 1986 г., на момент опроса PIAAC им минимум 27 лет. Кроме того, было добавлено условие, что данная группа в исследовании PIAAC ответила «да» на вопрос, есть ли у них дети).

Таблица 2. Уравнения линейной регрессии, зависимая переменная компетентность
в области языка, PIAAC, итоговые модели*

Страны	Россия			Чехия			Швеция			Финляндия			Польша			Эстония		
Независимые переменные	B (SE)	95% C.I. lower	95% C.I. Upper	B (SE)	95% C.I. lower	95% C.I. Upper	B (SE)	95% C.I. lower	95% C.I. Upper	B (SE)	95% C.I. lower	95% C.I. Upper	B (SE)	95% C.I. lower	95% C.I. Upper	B (SE)	95% C.I. lower	95% C.I. Upper
Количество книг в доме (культурный капитал)	1,89* (0,03)	1,83	1,95	5,02* (0,03)	4,96	5,08	7,54* (0,02)	7,50	7,58	5,92* (0,02)	5,88	5,96	5,52* (0,02)	5,48	5,56	3,27* (0,01)	10,09	10,13
Доход	7,65* (0,03)	7,59	7,71	8,90* (0,03)	8,84	8,96	11,54* (0,01)	11,50	11,58	8,95* (0,01)	8,93	8,97	10,60* (0,02)	10,56	10,64	10,11* (0,01)	3,25	3,29
До 40 лет	-5,03* (0,02)	-5,10	-4,97	15,80* (0,02)	15,74	15,86	14,02* (0,02)	13,98	14,05	22,22* (0,02)	22,18	22,26	10,19* (0,02)	10,15	10,23	10,69* (0,01)	10,67	10,71
Константа	279,96			277,408			287,82			296,16			272,23			280,66		
Скорректированный R ²	0,07			0,16			0,25			0,20			0,20			0,16		
Число валидных кейсов 1686	1686			3022			3188			3660			4339			4405		

Примечание. В таблицах 3—4 знаком * отмечены коэффициенты, связанные с зависимой переменной на статистически значимом уровне ($p < 0,05$). Регрессионные остатки подчиняются нормальному закону распределения (тест Колмогорова — Смирнова). Дисперсионный анализ (тест Levene) показал, что везде подтверждается нулевая гипотеза о гомогенности дисперсии (остатки гомоскедастичны) — в качестве группирующей переменной поочередно выступали независимые переменные, отклик — переменная регрессионных остатков.

Таблица 3. Уравнения линейной регрессии, зависимая переменная компетентность
в области математики, PIAAC, итоговые модели

Страны	Россия			Чехия			Швеция			Финляндия			Польша			Эстония		
Независимые переменные	B (SE)	95 % C.I. lower	95 % C.I. Upper	B (SE)	95 % C.I. lower	95 % C.I. Upper	B (SE)	95 % C.I. lower	95 % C.I. Upper	B (SE)	95 % C.I. lower	95 % C.I. Upper	B (SE)	95 % C.I. lower	95 % C.I. Upper	B (SE)	95 % C.I. lower	95 % C.I. Upper
Количество книг в доме (культурный капитал)	6,97* (0,03)	6,91	7,03	11,67* (0,03)	11,61	11,73	11,41* (0,02)	11,35	11,47	8,13* (0,02)	8,71	8,19	10,77* (0,02)	10,71	10,83	10,15* (0,01)	10,13	10,17
Доход	2,71* (0,03)	2,65	2,77	5,70* (0,03)	5,64	5,76	10,05* (0,01)	9,99	10,11	8,82* (0,02)	8,76	8,88	6,30* (0,02)	6,24	6,36	5,84* (0,01)	5,82	5,86
До 40 лет	-2,82* (0,02)	-2,86	-2,78	9,99* (0,02)	9,93	10,05	12,19* (0,02)	12,13	12,25	19,88* (0,02)	19,82	19,94	7,62* (0,02)	7,56	7,68	5,82* (0,01)	5,80	5,84
Константа	279,96			277,408			287,82			296,16			272,23			280,66		
Скорректированный R ²	0,07			0,16			0,25			0,20			0,20			0,16		
Число валидных кейсов 1686	1686			3022			3188			3660			4339			4405		

Интерпретация, к которой мы склоняемся, заключается в том, что воспроизводство человеческого капитала — это фундаментальный социетальный процесс, хотя и зависящий от школы в широком смысле, но не замыкающийся на ней. По всей видимости, следует рассматривать его как имеющий значительную инерцию и устойчивость. Влияние семьи на знания и школьные достижения учеников достаточно подробно изучено в литературе со времен масштабных исследований Дж. Коулмана в конце 1960-х годов (из современных работ см., например, [Fuchs, Woessmann, 2007; Martins, Veiga, 2010]). Мы отмечаем схожесть «профилей» измеренной компетентности у взрослых и детей не только в России, но и в других странах. В таком контексте объяснение «провала» высокоресурсных учеников в нашей стране не замыкается лишь на институте школы. Полученные в независимых друг от друга исследованиях (TIMSS, PISA, PIRLS) распределения компетентности учащихся по сути воспроизводят состояние человеческого капитала в стране (срезом измеренное в PIAAC), а объяснение характера этого распределения в группах с разными академическими ресурсами выходит за пределы института образования. Индикатор «количество книг в доме», включенный в регрессионную модель, показывает значимое, хотя и ограниченное влияние. Вполне возможно, что использование этого индикатора — необходимость, связанная скорее с простотой измерения в различных культурных контекстах, нежели с его точностью и адекватностью при отражении конструкта. Оценка работы индикатора требует дополнительного внимания исследователей.

Говоря о связи человеческого капитала родителей с компетентностью и образовательными достижениями детей (измеренными тестами PISA, TIMSS, PIRLS), стоит упомянуть о том, что такая связь, неодинакова в разных странах. Ранее в литературе было показано, что объем и количество домашних заданий в отечественной школе выше, чем в других странах (российские домашние задания — одни из самых больших в мире). В частности, согласно данным PISA, российские учащиеся в среднем посвящают около 9,7 часа в неделю выполнению домашних заданий, что значительно превышает показатели многих других стран, например, в Финляндии этот показатель составляет около 2,8 часа в неделю [Долгая, Тагунова 2020]. Типична ситуация, когда родители контролируют детей или просто помогают им с выполнением домашних заданий. Это свидетельствует, вероятно, о большей вовлеченности российских семей в образовательный процесс, и поэтому на уровне страны недостатки человеческого капитала имеют перспективу воспроизводиться на уровне школьного образования. Вопрос заслуживает дальнейшего изучения и комплексной эмпирической проверки, в частности эмпирически связь человеческого капитала «родителей» и «детей» может быть проверена за счет объединения баз данных PIAAC и PISA с последующей стандартизацией баллов языковой и математической компетенций и применения соответствующих методов анализа данных для проверки данной связи. Такая стандартизация позволила бы сравнивать величину различий в компетенциях между «родителями» и «детьми» напрямую, а не только баллы внутри групп «родителей» и «детей» отдельно.

При видимой связи между компетентностью школьников и их «родителей» мы проверили и вторую гипотезу — о наличии когортного эффекта при воспроизводстве человеческого капитала (в контексте международных образовательных

программ понимаемого не как достигнутый уровень формального образования, но как измеренная компетентность). Предполагая на основе имеющихся результатов [Sabirianova 2002], что представители возрастной когорты, закончивавшей образование и выходявшей на рынок труда в 1990-е годы, покажут особые «кризисные» черты в измеренной компетентности, мы провели отдельную оценку советской и постсоветской групп «родителей». Наши данные показывают минимальное различие между отечественными «советской» и «постсоветской» когортами в группе людей с высокими академическими ресурсами (то есть именно в том сегменте, где результативность школьного образования ранее была признана проблемной [Carnoy, Khavenson, Ivanova 2015]). Этот результат выделяется не только на фоне экономически стабильных и сильных стран Западной и Северной Европы, но и на фоне стран бывшего советского блока, с которыми мы проводим сравнение.

При оценке компетентности в разрезе когорт универсально ожидаемым результатом было бы заметное снижение компетентности в старшей когорте в сравнении с младшей (чего не происходит в нашей стране). Это связано с ранее производившимися замерами в экономически стабильных странах Запада [OECD, 1995, 2000], которые неизменно показывали устойчивый паттерн: компетентность людей повышается примерно до достижения 35 лет, после чего происходит снижение уровня компетентности вплоть до выхода на пенсию. Общая отрицательная тенденция в контексте возраста универсально просматривается в западных странах, что подтверждается и срезowymi, и лонгитюдными исследованиями [Reder, 2009; Desjardins, Warnke, 2012; Green, Riddell, 2013]. В целом эта особенность связана с разными факторами, в том числе с динамикой сферы образования, а также с биологическими когнитивными деградационными изменениями [Hertzog et al., 2009].

Нарушение этой тенденции, выявленное нами в разрезе изучаемых когорт, учитывая широкий международный контекст замеров компетентности взрослых, следует признать скорее девиацией, а не нормой. Отметим, что измеренная компетентность отличается в России от других стран в первую очередь в постсоветской когорте, где в сравнительной перспективе она явно ниже. В контексте новейшей отечественной истории причины такой девиации стоит искать в резкой перестройке образовательной системы (особенно в сегменте высшего образования на фоне резкого расширения сектора услуг в экономике). Отметим и ранее выявленные К. Сабирьяновой на данных РМЭЗ ВШЭ проблемы поколения 1990-х при выходе на рынок труда [Sabirianova, 2002], а также проблемы с утратой специфического человеческого капитала при перестройке экономики [Капелюшников, 2005].

Третьим проверяемым предположением было то, что способность человеческого капитала россиян (измеренного как компетентность в PIAAC) к конвертации в другие виды капитала (культурный, материальный) неодинакова в России и других рассматриваемых странах. Данные PIAAC показывают, что в нашей стране связь между человеческим капиталом и доходом выражена слабее относительно других стран. В меньшей степени это относится и к связи между культурным и человеческим капиталами, в этом случае различие между странами не столь велико.

В предыдущих исследованиях на данных РМЭЗ ВШЭ уже была продемонстрирована низкая отдача от человеческого капитала в России [Лукиянова 2010; Тихонова, Каравай, 2018]. С этими результатами полемизирует Р. И. Капелюшников [Капелюшников, 2021], однако данные микрообследований Росстата (ВНДН, ВНИСФ), которые он использует, в отличие от РМЭЗ и PIAAC, характеризуют скорее корпоративные сегменты среднего и крупного бизнеса. Низкая отдача от человеческого капитала характерна для массовых науко- и знаниеемких сегментов (наука, образование, здравоохранение). Поэтому, если в странах Запада мы наблюдаем линейную связь между образованием, человеческим капиталом и доходами, в нашей стране такая связь менее выражена или нарушена [Кузьмина, Попов 2015]. Отсюда — возможности для статусного рассогласования в «проблемном» сегменте семей с высоким объективированным культурным капиталом.

Семьи с высокими академическими ресурсами составляют основу корпуса высококвалифицированных специалистов, профессионалов. Недавно проведенные исследования отечественных профессионалов [Тихонова, Латов, Каравай и др., 2023] выявили значительную неоднородность группы квалифицированных специалистов. При наличии устойчивого и обладающего характеристиками социально-экономической успешности «ядра» группы, большая ее часть представляет собой «периферию», отмеченную целым рядом проблем. Среди этих проблем — низкая «капитализация» человеческих ресурсов, отсутствие профессиональной мотивации (не видят возможностей для трудовой самореализации, не считают свою работу интересной).

Таким образом, на фоне полученных нами результатов ответ на вопрос, почему более привилегированная в социально-культурном отношении группа российских школьников характеризуется меньшими успехами в сравнении с аналогичными европейскими группами, вероятно, связан не только с институтом школы, но и с состоянием корпуса российских профессионалов, с воспроизводством человеческого капитала в кризисные для нашей страны транзитные годы конца XX — начала XXI века, а также с состоянием рынка труда в науко- и знаниеемких сегментах. Эффективность школьного образования обеспечивается не только школой, но и семьями учеников, их ресурсами, а также реальным инкорпорированным (а не номинальным, выраженным в дипломах) человеческим капиталом родителей. Человеческий капитал группы российских профессионалов на рубеже веков оказался подвержен колебаниям, зафиксировать которые способны индикаторы измеренной компетентности. Затруднения в конвертации человеческого капитала (компетентности) в иные виды капиталов, в первую очередь в доходы, финансовый капитал, не позволяют говорить о скором решении проблемы низких достижений детей российских профессионалов, которые порой вынуждены мириться с ситуацией статусного рассогласования (компетентные, но бедные).

Список литературы (References)

1. Гимпельсон В. Е. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности // Экономический журнал ВШЭ. 2019. Т. 23. № 2. С. 185—237. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2019-23-2-185-237>.

- Gimpelson V. E. (2019) Age and Wages: Stylized Facts and Russian Characteristics. *HSE Economic Journal*. Vol. 23. No. 2. P. 185—237. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2019-23-2-185-237>. (In Russ.)
2. Долгая О. И., Тагунова И. А. Домашняя работа в школе: опыт разных стран // Школьные технологии. 2020. № 2. С. 125—132.
Dolgaya O. I., Tagunova I. A. (2020). Homework in School: Experiences from Different Countries. *School Technologies*. No. 2. P. 125—132. (In Russ.)
 3. Капелюшников Р. И. (2021) Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 37—68. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-37-68>.
Kapelyushnikov R. I. (2021) Return on Education in Russia: Lower Than Ever? *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. P. 37—68. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-37-68>. (In Russ.)
 4. Капелюшников Р. И. Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 4. С. 46—54.
Kapelyushnikov R. I. (2005) Human Capital in Russia: Evolution and Structural Features. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. No. 4. P. 46—54. (In Russ.)
 5. Кузьмина Ю. В., Попов Д. С. Функциональная грамотность взрослых и их включенность в общество в России // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 48—57.
Kuzmina Yu. V., Popov D. S. (2015) Functional Literacy of Adults and Their Social Participation in Russia. *Sociological Studies*. No. 7. P. 48—57. (In Russ.)
 6. Лукьянова А. Л. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал ВШЭ. 2010. № 3. С. 326—348.
Lukyanova A. L. (2010) Return on Education: What a Meta-Analysis Does Show? *HSE Economic Journal*. No. 3. P. 326—348. (In Russ.)
 7. Попов Д. С., Стрельникова А. В. Работа, образование и грамотность в России: проблема неконсистентности // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 267—280. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-267-280>.
Popov D. S., Strelnikova A. V. (2017) Work, Education and Literacy in Russia: the Problem of Inconsistency. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 2. P. 267—280. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-267-280>. (In Russ.)
 8. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности // Мир России: Социология, этнология. 2017. Т. 26. № 3. С. 6—35. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-3-6-35>.
Tihonova N. E., Karavaj A. V. (2017) Human Capital of Russian Workers: General Condition and Specific Features. *World of Russia: Sociology, Ethnology*. Vol. 26. No. 3. P. 6—35. <https://doi.org/10.17323/1811-038H-2017-26-3-6-35>. (In Russ.)

9. Тихонова Н. Е., Латов Ю. В., Каравай А. В., Латова Н. В. Слободенюк Е. Д. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / отв. ред. Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023.
Tikhonova N. E., Latov Yu. V., Karavai A. V., Latova N. V., Slobodenyuk E. D. (2023) Human Capital of Russian Professionals: Status, Dynamics, Factors. Moscow: FNISC RAS. (In Russ.)
10. Angrist N., S. Djankov P. K. Goldberg P. K., Patrinos H. A. (2019) Measuring Human Capital. *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 8742. P. 1—49. <http://hdl.handle.net/10986/31280>.
11. Bautier E., Rayou P. (2007) What PISA Really Evaluates: Literacy or Students' Universes of Reference? *Educational Change*. No. 8. P. 359—364. <https://doi.org/10.1007/s10833-007-9043-9>.
12. Becker G. (1964) Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Chicago, IL: University of Chicago Press.
13. Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: *Handbook of Theory of Research for the Sociology of Education*. Vol. 244. P. 241—258.
14. Carnoy M., Khavenson T., Ivanova A. (2015) Using TIMSS and PISA Results to Inform Educational Policy: A Study of Russia and its Neighbors. Compare. *A Journal of Comparative and International Education*. Vol. 45. No. 2. P. 248—271. <https://doi.org/10.1080/03057925.2013.855002>.
15. Coleman J. S. (1966) United States & National Center for Education Statistics. Equality of Educational Opportunity [Summary Report]. Washington: U. S. Dept. of Health, Education, and Welfare, Office of Education.
16. Desjardins R., Warnke A. (2012) Ageing and Skills: a Review and Analysis of Skill Gain and Skill Loss Over the Lifespan and Over Time. *OECD Education Working Paper*. No. 72. OECD Publishing.
17. Égert B., De La Maisonnette C., Turner D. (2022) A New Macroeconomic Measure of Human Capital Exploiting PISA and PIAAC: Linking Education Policies to Productivity. *OECD Economics Department Working Papers*. No. 1709. P. 1—32. <https://dx.doi.org/10.1787/a1046e2e-en>.
18. Feniger Y., Lefstein A. (2014) How Not to Reason with PISA data: An Ironic Investigation. *Journal of Education Policy*. Vol. 29. No. 6. P. 845—855. <https://doi.org/10.1080/02680939.2014.892156>.
19. Fuchs T., Woessmann L. (2007) What Accounts for International Differences in Student Performance? A Re-examination Using PISA Data. *Empirical Economics*. Vol. 32. No. 2—3. P. 433—464. <https://doi.org/10.1007/s00181-006-0087-0>.
20. Goldin C. (2019) Human Capital. In: Diebolt C., Hupert M. (ed.) *Handbook of Cliometrics 2nd ed.* Cham: Springer International Publishing. P. 147—177. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-00181-0>.

21. Goldstein H. (2017) Measurement and Evaluation Issues With PISA. In: The PISA Effect on Global Educational Governance. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315440521-4>.
22. Green D. A., Riddell W. C. (2013): Ageing and Literacy Skills: Evidence from Canada, Norway and the United States. *Labour Economics*. No. 22. P. 16—29. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2012.08.011>.
23. Hanushek E. A. (2016) What Matters for Achievement: Updating Coleman on the Influence of Families and Schools. *Education Next*. Vol. 16. No. 2. P. 22—30.
24. Hanushek E. A., Schwerdt G., Wiederhold S., Woessmann L. (2015) Returns to Skills Around the World: Evidence from PIAAC. *European Economic Review*. Vol. 73. P. 103—130. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2014.10.006>.
25. Hertzog C., Kramer A. F., Wilson R. S., Lindenberger U. (2009) Enrichment Effects on Adult Cognitive Development. *Psychological Science in the Public Interest*. Vol. 9. No. 1. P. 1—65. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6053.2009.01034.x>.
26. Kiker B. F. (1966) The Historical Roots of the Concept of Human Capital. *Journal of Political Economy*. Vol. 74. No. 5. P. 481—499. <https://doi.org/10.1086/259201>.
27. Lundetre K., Sulkunen S., Gabrielsen E., Malin A. (2014) A Comparison of PIAAC and PISA Results 2014. In: Malin A. (eds.) *Associations Between Age and Cognitive Foundation Skills in the Nordic Countries: A Closer Look at the Data*. University of Jyväskylä: The Finnish Institute for Educational Research. P. 1—18.
28. Martins L., Veiga P. (2010) Do Inequalities in Parents Education Play an Important Role in PISA Students Mathematics Achievement Test Score Disparities? *Economics of Education Review*. Vol. 29. No. 6. P. 1016—1033. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2010.05.001>.
29. Mincer J. (1958) Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *Journal of Political Economy*. Vol. 66. No. 4. P. 281—302.
30. Nahuelquin F. M., Orellana R. I., Kuperman V. (2025) The Impact of Formal Education on Literacy and Numeracy Skills in Chilean Adults: A Comparative Analysis with Latin American Counterparts. *Frontiers Education*. No. 9. P. 1—14. <https://doi.org/10.3389/feduc.2024.1466947>.
31. OECD (1995) Literacy, Economy and Society: Results of the First International Adult Literacy Survey. Catalogue No. 89—545-XPE. Paris: OECD Publishing; Ottawa: Minister of Industry.
32. OECD (2000) Literacy in the Information Age: Final Report of the International Literacy Study. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264181762-en>.
33. OECD (2012) Literacy, Numeracy and Problem Solving in Technology-Rich Environments — Framework for the OECD Survey of Adult Skills. Paris: OECD Publishing.
34. OECD (2013a) OECD Skills Outlook 2013. First Results from the Survey of Adult Skills. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264204256-en>.

35. OECD (2013b) Technical Report of the Survey of Adult Skills (PIAAC). Paris: OECD Publishing.
36. Reder S. (2009). The Development of Adult Literacy and Numeracy in Adult Life. In: Reder S., Bynner J. (eds.) *Tracking Adult Literacy and Numeracy Skills: Findings from Longitudinal Research*. New York: Routledge. P. 1—17.
37. Ryder N. (1965) The Cohort as a Concept in the Study of Social Change. *American Sociological Review*. Vol. 30. No. 6. P. 843—861.
38. Sabirianova K. Z. (2002) The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 30. No. 1. P. 191—217 <https://doi.org/10.1006/jcec.2001.1760>.
39. Schleicher A. (2008) PIAAC: A New Strategy for Assessing Adult Competencies. *International Review of Education*. Vol. 54. No. 5—6. P. 627—650. <https://doi.org/10.1007/s11159-008-9105-0>.
40. Schultz T. W. (1961) Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. No. 51. P. 1—17.
41. Tan C. Y. (2020) Family Cultural Capital and Student Achievement: Theoretical Insights from PISA. Singapore: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-4491-0>.

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): июль — август 2025 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 163—174.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): July — August 2025. (2025) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 163—174.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: ИЮЛЬ — АВГУСТ 2025

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ—Спутник». Методы опроса: (1) телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1 600 респондентов в возрасте от 18 лет (выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ); (2) интернет-опрос по формализованной анкете на базе вероятностной панели «ВЦИОМ-онлайн» (участники панели рекрутируются в ходе ежедневного всероссийского телефонного (CATI) опроса «Спутник», который проводится по случайной (RDD) выборке мобильных номеров из полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ). Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5—3,1 %. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ — 2025: МОНИТОРИНГ164

САММИТ НА АЛЯСКЕ: ОЦЕНКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ166

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕССЕНДЖЕР: ОЖИДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ168

ДИСПАНСЕРИЗАЦИЯ ДЛЯ ВСЕХ: ПРИЗРАК ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?170

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ БЕЗ БУМАГИ?172

ОБРАЗ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ173

Авторы аналитических обзоров: Татьяна Смак, Людмила Богомазова, Иван Леконцев, Мария Атаева

Составитель дайджеста: Ольга Якимова

ПОЛИТИКА

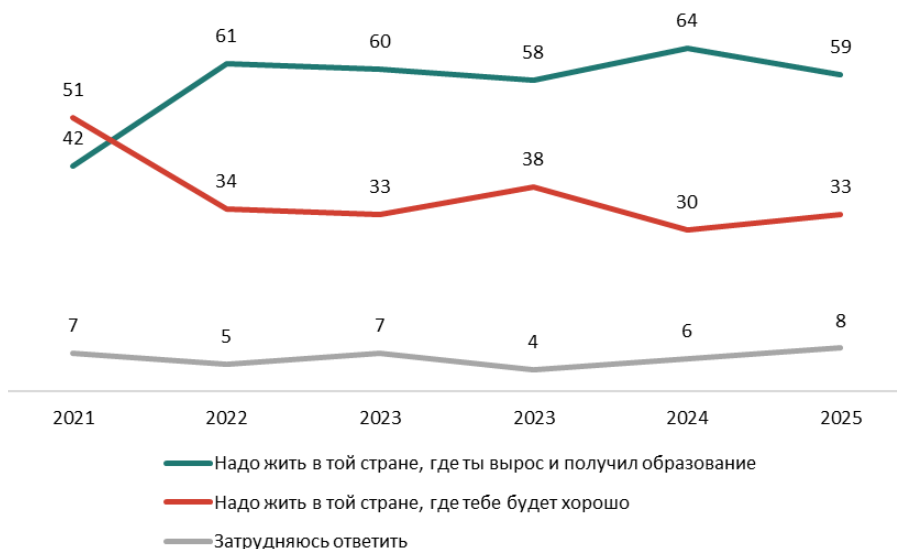
ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ — 2025: МОНИТОРИНГ	164
САММИТ НА АЛЯСКЕ: ОЦЕНКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ.....	166

ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ — 2025: МОНИТОРИНГ

19 июля 2025 г.

Согласно результатам мониторингового исследования Аналитического центра ВЦИОМ, с 2022 г. в российском обществе доминирует мнение, что жить надо там, где ты вырос и получил образование, нежели там, где тебе хорошо (хотя одно не исключает другого). Взгляд на эмиграцию сквозь патриотическую оптику, с одной стороны, отражает готовность отказаться от личных желаний ради благополучия своей страны. С другой — свидетельствует о трансформации самооощущения на Родине: традиционное восприятие Родины как места рождения и становления, по-видимому, дополняется новым измерением — личным комфортом. Отсюда и желание жить там, где родился и учился. Желанию этому следует подавляющее большинство наших сограждан: второй год подряд эмиграционные настроения в российском обществе держатся на историческом минимуме.

Рис. 1. Какое из следующих суждений об эмиграции в большей степени соответствует Вашей точке зрения? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

В целом на протяжении всего периода наблюдений (с 1991 г.) россияне демонстрируют устойчивую привязанность к своей стране. Даже периоды относительной нестабильности (политической, социальной и экономической) не смогли переломить этот тренд. В 1991 г., когда эмиграция воспринималась как возмож-

ность избежать хаоса и начать жизнь с чистого листа, доля желающих воспользоваться этой возможностью не достигала и 20 %. Тот же вывод справедлив и для 2019—2021 гг., которые запомнились нам закрытием границ, ограничением междоународной мобильности, ростом социальной напряженности и ударом пандемии по рынку труда. При этом пик эмиграции, судя по общественным оценкам, пришелся на постпандемийный период, или на вторую половину 2022 г. На сегодняшний день оценки масштабов эмиграции позволяют сделать вывод о стабилизации ситуации: доля тех, кто заметил рост оттока людей из страны, также достиг минимума за весь период наблюдений (с 2013 г.).

Рис. 2. Хотели бы Вы уехать за границу на постоянное жительство или нет?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

САММИТ НА АЛЯСКЕ: ОЦЕНКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ*22 августа 2025 г.*

Прошедший 15 августа на Аляске саммит Россия — Америка стал без преувеличения историческим, подчеркивающим важность прямого диалога между двумя странами в условиях нарастающей международной напряженности. О важности прошедших переговоров говорит и тот факт, что абсолютное большинство россиян информированы о событии (94%), в том числе больше половины хорошо знают о нем.

Россияне в целом позитивно восприняли результаты переговоров двух глав государств: семь из десяти дают положительную оценку, и только 6% дали отрицательный ответ. Можно с уверенностью сказать: наши сограждане рассматривают саммит как значимое и успешное событие. Главным позитивным итогом переговоров для россиян оказалось само их проведение и факт личной встречи президентов, именно это чаще всего вызывало удовлетворение. При этом важными моментами также назывались поведение и выступление Владимира Путина, его твердая позиция, подчеркнутое взаимоуважение лидеров и атмосфера «разговора на равных». Часть россиян связывает переговоры с надеждой на движение в сторону мира и урегулирования конфликта, а также с укреплением международного статуса России.

Большинство россиян видят в переговорах реальный шаг к приближению завершения конфликта: сам факт состоявшегося диалога лидеров становится символом возможного продвижения к урегулированию российско-украинского конфликта. Такая оценка отражает высокий общественный запрос на дипломатическое урегулирование и демонстрирует, что россияне связывают большие надежды именно с политическими переговорами.

**Рис. 3. Как Вы оцениваете результаты этих переговоров для России:
в целом положительно или в целом отрицательно?
(на вопрос отвечали информированные о переговорах,
сделан пересчет от всех опрошенных, % от опрошенных)**

Рис. 4. На Ваш взгляд, прошедшие переговоры скорее приблизили или скорее отдалили завершение российско-украинского конфликта? Или, может быть, никак не повлияли на ситуацию?
(на вопрос отвечали информированные о переговорах, сделан пересчет от всех опрошенных, % от опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕССЕНДЖЕР: ОЖИДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ168

ДИСПАНСЕРИЗАЦИЯ ДЛЯ ВСЕХ: ПРИЗРАК ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?170

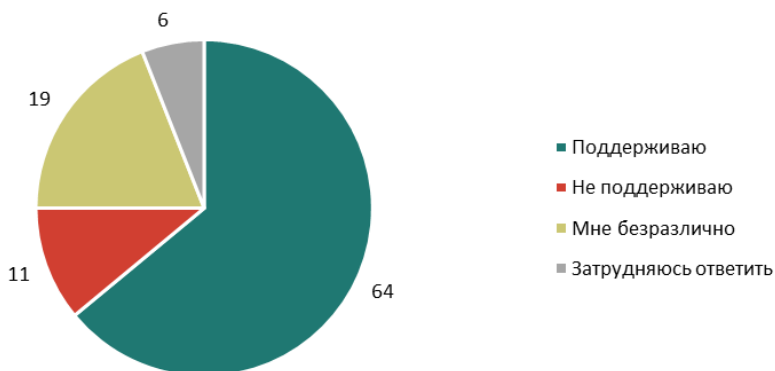
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕССЕНДЖЕР: ОЖИДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

14—15 июля 2025 г.

Согласно результатам общероссийского опроса, как минимум одним мессенджером пользуется подавляющее большинство (85 %) наших сограждан. Доминирующая функция мессенджеров — поддержание «сильных» социальных связей — с семьей и друзьями, далее следует мониторинг новостей и организация рабочего/учебного процесса. Молодежь ценит многофункциональность мессенджеров и использует их как универсальную платформу для потребления контента и самовыражения. Организация рабочего процесса посредством мессенджеров и мониторинг новостей наиболее актуальны среди аудитории активного трудоспособного возраста.

Запрос на универсальные цифровые платформы имеется не только в молодежной среде: около половины пользователей мобильных приложений (53 %) приветствуют концепцию «единого окна», подразумевающую множество функций в одном сервисе. Для подавляющего большинства российских пользователей идеальный мессенджер — тот, что избавит их от необходимости переключаться между множеством приложений за счет широкого спектра услуг, из которых наиболее востребованы: запись к врачу, вызов такси, ИИ-помощник, доступ к госуслугам, покупка билетов/бронирование и онлайн-заказы. Пользовательский опыт показывает, что сейчас для этих целей нужно иметь от одного до пяти приложений.

Рис. 1. Как Вы относитесь к идее создания российского национального мессенджера? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

15 июля 2025 г. Правительство РФ определило национальным мессенджером цифровую платформу МАХ, призванную удовлетворить общественный запрос

на мультифункциональность в цифровой среде. Согласно полученным данным, идея создания национального мессенджера находит поддержку россиян (64%), а о его разработке осведомлены более половины наших сограждан (58%). Новая платформа привлекает россиян вкладом в повышение безопасности данных и технологический суверенитет России: для более чем половины пользователей мобильных приложений и мессенджеров (55%) важно, чтобы их данные хранились на российских серверах. От мессенджера МАХ пользователи прежде всего ждут высокое и стабильное качество аудио- и видеозвонков, возможность отправки объемных файлов, доступ к государственным сервисам и функции безопасности и приватности.

Таблица 1. Для чего Вы используете мессенджеры?
(закрытый вопрос, любое число ответов,
в % от тех, кто пользуется хотя бы одним мессенджером)

Для общения с родными, близкими, друзьями	85
Для просмотра новостей	49
Для работы/учебы	47
Для совершения личных или рабочих звонков	37
Для обмена и хранения файлов: фото, видео и прочие форматы	35
Чтобы быть в курсе событий в жизни других людей, знаменитостей, блогеров	22
Для публикации личного контента (фото, видео, ведение личного канала)	18
Для просмотра / прослушивания развлекательного контента	2
Другое	1

ДИСПАНСЕРИЗАЦИЯ ДЛЯ ВСЕХ: ПРИЗРАК ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

23—24 июля 2025 г.

В последние годы возможность прохождения диспансеризации активно освещается в медиапространстве, в том числе благодаря информированию населения об инициативах в рамках национального проекта «Продолжительная и активная жизнь». Это уже давно дает свои результаты: например, еще в 2023 г. о возможности диспансеризации слышали 96 % россиян (включая неработающих).

Однако ситуация становится куда более мрачной, если рассматривать не информированность о такой возможности, а реальный опыт диспансеризации, особенно с помощью работодателя, который может не просто предоставить оплачиваемый день для ее прохождения, но буквально провести ее на рабочем месте или (по договоренности) в медицинской организации. Согласно исследованию АЦ ВЦИОМ, только четверть (25 %) работающих россиян проходили в положенное время последнюю диспансеризацию с помощью работодателя. Несколько больше — треть (31 %) — проходили диспансеризацию самостоятельно. Наиболее тревожно то, что почти половина опрошенных (43 %) не проходили такое медицинское обследование вообще. Это отдельная большая проблема: несмотря на то что многие слышали от работодателя о возможности пройти диспансеризацию всем трудовым коллективом по договоренности с медицинской организацией, проходит ее меньше половины работников. На это может быть несколько причин: от непонимания важности процесса и опасений перед медицинскими процедурами до простой нехватки времени.

Невысокие показатели прохождения диспансеризации могут быть объяснены недостаточным объемом информации, идущим от непосредственного работодателя к сотрудникам: по словам самих работников, большинство российских работодателей не стремятся сообщить трудовому коллективу о возможности диспансеризации за счет работодателя. Только 43 % респондентов отметили, что на их рабочем месте им рассказывали о такой возможности. И даже среди работающих на «вредных производствах» лишь половина слышала от своего работодателя о такой возможности, что не сильно превышает средний уровень по стране. Учитывая, что данная опция четко регламентирована и гарантирована действующим законодательством, низкий уровень информирования представляется особенно парадоксальным.

Несмотря на относительно невысокий процент работников, воспользовавшихся возможностью диспансеризации через работодателя, сама идея диспансеризации непосредственно на рабочем месте вызывает в целом позитивную реакцию: 82 % работников выразили желание воспользоваться такой возможностью в будущем. Это говорит о признании важности профилактических медицинских осмотров и заинтересованности в том, чтобы иметь возможность проходить их в удобном формате, не отрываясь от работы. Еще 7 % отметили, что и в дальнейшем предпочли бы проходить диспансеризацию самостоятельно, вероятно, в силу личных предпочтений или сложившихся привычек (этот вопрос требует более подробного изучения).

Рис. 2. Если Ваш работодатель в ближайший год организует диспансеризацию прямо по месту Вашей работы, Вы бы пошли на эту диспансеризацию или нет? (закрытый вопрос, один ответ, в % от работающих россиян)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ БЕЗ БУМАГИ?172

ОБРАЗ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ173

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ БЕЗ БУМАГИ?

21 июля 2025 г.

Результаты исследования АЦ ВЦИОМ показывают, что россияне в большинстве своем готовы отказаться от использования бумажных изделий в быту в пользу пластиковых (в случае с посудой и пакетами) и электронных (в случае с чеками и квитанциями) альтернатив. В частности, каждый второй россиянин выразил готовность отказаться от бумажной посуды и пакетов и использовать альтернативные материалы, например пластик (49%). В то же время около трети респондентов сообщили, что и так не используют эти виды бумажных изделий (35% и 33% соответственно). Иными словами, говоря о перспективах минимизации потребления бумаги в быту, следует брать во внимание также тех, кто в принципе не пользуется бумажной продукцией и, вероятно, уже отдает предпочтение аналогам из других материалов.

В общей сложности 82% зумеров уже практикуют отказ от использования бумажной посуды или выражают к этому готовность. Аналогичный показатель для бумажных пакетов среди представителей самого младшего поколения достигает рекордных 89%. Отказ от бумажных чеков, квитанций и пр. представляет собой наиболее перспективное направление: россияне, хоть и привыкли к их использованию, демонстрируют высокую степень готовности к переходу на электронные аналоги. В данном вопросе чуть более выражены поколенческие и потребительские особенности: принимать чеки, квитанции и пр. документы в электронном виде чаще других готовы молодые поколения (зумеры и младшие миллениалы) и россияне с высокими потребительскими возможностями.

В общей сложности отказаться от всего вышеперечисленного — бумажной посуды и пакетов, а также чеков и квитанций — готовы около трети наших сограждан (32%), и это не считая тех, кто ими уже не пользуется.

Таблица 1. Готовность россиян минимизировать потребление бумаги (в %)

Декларируют, что готовы отказаться от бумажной посуды, бумажных пакетов, чеков, квитанций и пр.	32
Декларируют, что готовы отказаться только от 1—2 пунктов: бумажной одноразовой посуды, стаканчиков ИЛИ бумажных пакетов ИЛИ бумажных чеков, квитанций, выписок	52
Не готовы отказаться от рассматриваемых в исследовании бумажных изделий или уже ими не пользуются	13
Затруднились ответить	3

ОБРАЗ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

3 июля 2025 г.

Опрос россиян, проведенный АЦ ВЦИОМ, показал, что сегодня при выборе контента о семье зритель ищет баланс между понятностью, узнаваемостью образов и достоверностью, между легкостью восприятия и смысловой глубиной. Его отталкивают клишированность, крайняя идеализация персонажей и их взаимодействий, как и излишняя драматизация. Отвечая на вопрос «Какие семейные сюжеты в кино и сериалах Вам нравятся больше всего?», треть россиян (32 %) выбрали комедии о повседневной семейной жизни (среди молодежи 18—24 лет — 43 %). Вероятно, речь идет о запросе на легкость и некоторую самоиронию, возможность посмеяться над повседневностью без серьезной драмы. Зрители устали от конфликтов и неопределенности в реальной жизни, хотят видеть на экране позитивную модель семьи. Далее в рейтинге следуют сюжеты, которые дают ощущение единства и партнерства, где семья становится опорой и движущей силой. Это приключенческие сюжеты, где главные герои — супруги или дети (18 %, среди 25—44-летних — 24 %) и истории о совместном преодолении испытаний (самопожертвование, взаимопомощь ради выживания) (15 %). В меньшей мере выражены запросы на трогательные истории любви (только 13 % заявили об интересе к ним, однако 18 % женщин и 21 % 18—24-летних) и семейные драмы с их конфликтами и кризисами (10 %, показатель выше в поколении оттепели и среди активных телезрителей — по 15 % соответственно).

Рис. 1. **Как часто Вы смотрите российские фильмы и сериалы?**
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

Можно предположить, что в следующие 5—10 лет образ семьи в российском кинематографе будет трансформироваться следующим образом. 1) Позиционирование семьи как «фундамента смыслов» — семье будет отводиться роль в воспитании идентичности, гражданственности, патриотизма; 2) Семья как «активный субъект» — возможно, у нее появится своя особая миссия на уровне общества,

нации, истории государства. Фокус сместится от конфликтов и преодолений внутри ячейки к единству и сплоченности перед общим внешним вызовом. 3) Часто героями будут становиться расширенные, многопоколенные семьи (с приемными детьми, пожилыми родственниками и т. д.). 4) Усиление фокуса на эмоциональной вовлеченности отцов, переосмысление их роли в воспитании детей. 5) Повышение возрастной границы главных героев. Возможно, увеличение внимания к темам одиночества пожилых родителей, «второго шанса» / «исправления ошибок молодости», заботы и «обратной ответственности». 6) Рефлексия влияния информационных технологий на уклад семьи: снижение количества и качества живого общения, родительский контроль или его отсутствие, соцсети как новые носители смыслов, формирующих личность. Но в то же время — оценка возможного позитивного вклада в сохранение и укрепление взаимоотношений.

Рис. 2. Какие семейные сюжеты в кино и сериалах Вам нравятся больше всего? Что из перечисленного Вы бы выбрали посмотреть в ближайшие выходные? (закрытый вопрос, до двух ответов, в % от всех опрошенных)

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2815](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2815)**С. Г. Пашков, А. Ю. Чепуренко, А. И. Егорова****ВЛИЯНИЕ ЛИЧНЫХ ФАКТОРОВ НА ИЗМЕНЕНИЕ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАМЕРЕНИЙ МАЛЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
В УСЛОВИЯХ ЭКЗОГЕННЫХ ШОКОВ:
АНАЛИЗ ЛОНГИТЮДНЫХ ДАННЫХ****Правильная ссылка на статью:**

Пашков С. Г., Чепуренко А. Ю., Егорова А. И. Влияние личных факторов на изменение стратегических намерений малых предпринимателей в условиях экзогенных шоков: анализ лонгитюдных данных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 175—201. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2815>.

For citation:

Pashkov S. G., Chepurenko A. Y., Egorova A. I. (2025) The Influence of Personal Factors on the Change in the Strategic Intentions of Small Entrepreneurs during Exogenous Shocks: Analysis of Longitudinal Data. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 175–201. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2815>. (In Russ.)

Получено: 30.05.2025. Принято к публикации: 08.12.2024.

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНЫХ ФАКТОРОВ НА ИЗМЕНЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАМЕРЕНИЙ МАЛЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЭКЗОГЕННЫХ ШОКОВ: АНАЛИЗ ЛОНГИТУДНЫХ ДАННЫХ

THE INFLUENCE OF PERSONAL FACTORS ON THE CHANGE IN THE STRATEGIC INTENTIONS OF SMALL ENTREPRENEURS DURING EXOGENOUS SHOCKS: ANALYSIS OF LONGITUDINAL DATA

ПАШКОВ Станислав Георгиевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии, научный сотрудник ЛЭСИ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: spashkov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7832-7503>

Stanislav G. PASHKOV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associated Professor, Department of Economic Sociology; Reasercher, Laboratory for Studies in Economic Sociology
E-MAIL: spashkov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7832-7503>

ЧЕПУРЕНКО Александр Юльевич — доктор экономических наук, профессор департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: achepurenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1691-8556>

Alexander Yu. CHEPURENKO¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor at the Faculty of Social Sciences, School of Sociology
E-MAIL: achepurenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1691-8556>

ЕГОРОВА Анастасия Игоревна — стажер-исследователь, Лаборатория теории и практики систем поддержки принятия решений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: egorova@fom.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8889-6272>

Anastasia I. EGOROVA¹ — Research Intern, Laboratory of Theory and Practice of Decision Support Systems
E-MAIL: egorova@fom.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8889-6272>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье анализируется влияние изменения мотивации и оценки условий для ведения бизнеса на стратегические намерения владельцев малого бизнеса в условиях внешних шоков. В качестве эмпирической основы используются данные Лонгитюда малого бизнеса ФОМ (начат в 2021 г., исходный N = 768 человек). Методология анализа строится на применении обобщенных моделей оценки (GEE) для полноценного учета эффектов панельных данных.

Abstract. This article examines the impact of changes in motivation and business conditions on the strategic intentions of small business owners in response to external shocks. The empirical basis of the study is drawn from the FOM Small Business Longitudinal Survey (initiated in 2021, initial N = 768 individuals). The analytical methodology employs generalized estimating equations (GEE) to account for the effects of panel data fully.

В результате исследования выявлено, что у большинства респондентов мотивация

The study reveals that for the majority of respondents, motivation remains stable, although their assessments of the external en-

устойчива, хотя оценка ими внешней среды и результатов деятельности бизнеса демонстрирует слабую изменчивость. Смена мотивации как с добровольной на вынужденную, так и с вынужденной на добровольную не обязательно обусловлена изменением текущего дохода от бизнеса, но сильно связана с оценкой общей ситуации в экономике. Ухудшение последней может приводить к смене мотивации с добровольной на вынужденную, а улучшение — с вынужденной на добровольную. Изменение мотивации в обоих направлениях влияет на стратегические намерения предпринимателей, причем значительно сильнее — при негативном характере изменений (с добровольной мотивации на вынужденную). Увеличение дохода от бизнеса оказывает значительное положительное влияние на изменение стратегических намерений предпринимателей, а падение дохода — значимое отрицательное влияние. В работе впервые установлена связь между изменением стратегических намерений владельцев бизнеса и оценкой ими изменений условий ведения бизнеса, уровнем текущего дохода и образования владельцев.

Ключевые слова: малое предпринимательство, стратегия, мотивация, внешние шоки, лонгитюд

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «Российское малое предпринимательство в условиях внешних шоков: динамика адаптации (лонгитюдное исследование)», поддержанного Центром фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (2024). Авторы выражают также благодарность за замечания и предложения, которые были высказаны в ходе обсуждения предварительного варианта статьи на заседании ЛЭСИ НИУ ВШЭ в феврале 2025 г., в том числе оппоненту к. э. н. В. А. Бариновой (РАНХиГС).

environment and business performance exhibit slight variability. Changes in motivation, whether from opportunity to necessity or vice versa, are not necessarily driven by changes in current business income but are strongly associated with the evaluation of the overall economic situation. A deterioration in the economic environment may lead to a shift in motivation from opportunity to necessity, whereas improvements can trigger a shift from necessity to opportunity motivation. Changes in motivation in both directions influence entrepreneurs' strategic intentions, with a significantly stronger effect observed for negative transitions (from opportunity to necessity motivation). An increase in business income has a significant positive effect on changes in entrepreneurs' strategic intentions, while a decline in income exerts a significant negative effect.

This study is the first to establish a link between changes in business owners' strategic intentions and their assessments of changing business conditions, current income levels, and owners' education.

Keywords: small entrepreneurship, strategy, motivation, external shocks, longitude

Acknowledgments. This article was prepared within the framework of the project “Russian Small Entrepreneurship under External Shocks: Dynamics of Adaptation (a longitudinal study),” supported by the Center for Fundamental Research at the National Research University Higher School of Economics (2024). The authors are also grateful for the valuable comments and suggestions received during the discussion of the preliminary version of this article at the Laboratory for Economic Sociology, HSE University, in February 2025, particularly to the discussant, Dr. V. A. Barinova (RANEPA).

Введение

Из-за перманентно возникающих с начала 2020 г. внешних шоков малое предпринимательство во всем мире оказалось в принципиально новой ситуации: усилилась неопределенность, возникли новые риски ведения бизнеса [Miklian, Hoelscher, 2022; Giones et al., 2020]. В начале 2022 г. Россия вступила в период новой турбулентности.

Все это не могло не повлиять на устойчивость бизнеса [Симачев и др., 2023; Golikova, 2023] и потребовало от предпринимателей гибкого поведения [Yakovlev et al., 2020]. В полной мере это относится и к малому предпринимательству [Егорова, Чепуренко, 2022]. Однако комплекс новых проблем и адаптационных стратегий малого бизнеса пока плохо изучен.

Анализ изменений социально-экономических процессов требует длительного наблюдения за значительной по объему и составу выборкой владельцев малых предприятий и, соответственно, применения редко используемых методов сбора и анализа динамических данных. Только лонгитюдные наблюдения позволяют выявить траектории поведения наблюдаемых субъектов на достаточно длительном промежутке времени и проанализировать факторы, влияющие на его устойчивость/изменчивость.

Регулярно пополняемая база данных проекта «Лонгитюд малого бизнеса: ежеквартальные опросы о событиях в жизни и бизнесе предпринимателей Панели малого бизнеса», начатого ФОМ в 2021 г. (исходный размер панели — 768 человек) дает возможность проводить такие исследования¹.

Целью настоящей статьи является анализ некоторых факторов поведения владельцев малого бизнеса в России в условиях экзогенных шоков. В частности, авторов интересуют вопросы:

— Каковы факторы микроуровня, включая мотивацию и оценки условий для ведения малого бизнеса, влияющие на изменение стратегических намерений их владельцев?

— Каковы предикторы изменения этой мотивации?

Далее статья построена следующим образом. Вначале дан обзор имеющейся литературы о поведении субъектов предпринимательства, и на его основе сформулирован ряд гипотез исследования. Затем описана методика сбора и анализа данных. Заключительный параграф посвящен изложению и осмыслению полученных результатов, а также ограничениям результатов и используемой методики анализа данных.

1. Обзор литературы

Анализ влияния внешних шоков на поведение субъектов малого предпринимательства остается одной из центральных тем в международной литературе по предпринимательству [Sharma et al., 2024]. При этом совершенствуется теоретический аппарат исследований. В теории предпринимательства за последние несколько десятилетий произошел постепенный переход от доминирования парадигмы предпринимателя как рационального актора к поведенческой парадигме. Длительное время предполагалось, что экономические агенты действуют рацио-

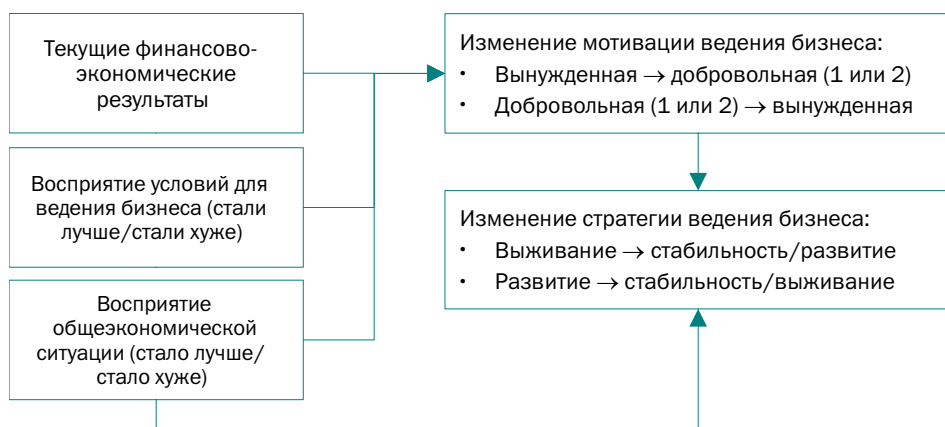
¹ Описание методологии и методики, базы данных и линейные распределения волн 1—10 лонгитюда ФОМ см. <https://smbiz.fom.ru/longitude>.

нально и принимают решения оптимальным образом, исходя из теории запланированного поведения [Ajzen, 1991]. Когнитивно-поведенческая теория [Baron, 2007], напротив, постулирует, что экономические агенты действуют не вполне рациональным образом, ибо на них влияют психологические, когнитивные и эмоциональные предубеждения, то есть они не столько «рациональны», сколько «нормальны» [Awais Ahmad Tipu, Manzoor Arain, 2011; Kar, Kar, Das, 2022].

Оба подхода имеют право на существование и в совокупности лучше объясняют поведенческие траектории субъектов предпринимательства, однако такой синтетический подход в современной литературе представлен слабо [De Carolis, Saparito, 2006; Wang, Cai, Munir, 2021]. Наш подход базируется на двух постулатах. С одной стороны, сформировавшаяся в рамках парадигмы предпринимателя как рационального актора теория запланированного поведения справедливо акцентирует внимание на том, что предприниматель в своей деятельности не может не учитывать объективных внешних обстоятельств, влияющих на его возможности и намерения. В этом направлении развивает аргументацию новая теория «внешних побудителей» (external enablers, см. [Kimjeon, Davidsson, 2022; Davidsson, Recker, von Briel, 2021]). С другой стороны, с точки зрения поведенческой теории предпринимательства крайне важны психологические, когнитивные и эмоциональные факторы, воздействующие на предпринимательские решения и поведение предпринимателей.

В нашей объяснительной схеме (см. рис. 1) теория рационального поведения выступает как общая рамка, но выявленные в ней «внешние побудители» функционируют через восприятие актора, предпринимателя, влияя на мотивацию его поведения, а через нее — на стратегические намерения в отношении перспектив собственного бизнеса.

Рис. 1. Объяснительная схема²

² В качестве стратегий ведения бизнеса в данной статье для краткости обозначены стратегические намерения предпринимателя в отношении общей модели функционирования бизнеса в предстоящем квартале.

В рамках данного подхода «внешними побудителями» выступают как объективные факторы, так и их восприятие: (а) текущие финансово-экономические результаты («отдача от бизнеса»), (б) восприятие изменений условий для ведения бизнеса (бизнес-условий), (в) восприятие изменений общей экономической ситуации в стране. В совокупности они задают рамку для принятия решений предпринимателем. Эти решения, однако, опосредуются мотивацией, которая может как оставаться неизменной (в силу глубинных склонностей, убеждений и т.п.), так и трансформироваться под влиянием внешнего контекста. Соответственно, перестройка мотивации влечет за собой перестройку стратегических намерений предпринимателя. В качестве таковых в лонгитуде ФОМ респондентам предлагается на выбор три варианта: развитие (прирост финансово-экономических показателей бизнеса), стабильность (воспроизводство в неизменном масштабе) и выживание (сокращение масштабов бизнеса). Указанная типология близка к появившимся в литературе подходам к операционализации стратегических намерений владельцев малого бизнеса [Castellanza, Woywode, 2024].

В исследованиях предпринимательства, реализованных под влиянием теоретической концепции «Глобального мониторинга предпринимательства» [см. Levie, Autio, 2008] и основанных на его эмпирических данных, сложилась следующая типология мотивации к предпринимательской деятельности [см. Shane, Locke, Collins, 2003; Van der Zwan et al., 2016; Carsrud, Brännback, 2011]:

- 1) вынужденная мотивация,
- 2) добровольная мотивация, связанная со стремлением к самореализации (на рис. 1 обозначена как «добровольная 1»),
- 3) добровольная мотивация, связанная со стремлением к увеличению дохода по сравнению с доходом от занятости по найму или иным видам хозяйственной активности (на рис. 1 обозначена как «добровольная 2»).

Хотя есть работы, ставящие данную типологию под вопрос (см., например, [Williams, 2008; Stephan, Hart, Drews, 2015]), она доминирует в литературе как имеющая наиболее надежное эмпирическое подтверждение [см. Murnieks, Klotz, Shepherd, 2020], а потому используется и в настоящем исследовании.

В научных публикациях широко представлены результаты изучения влияния стратегического выбора предпринимателей на успех бизнеса [Blackburn, Hart, Wainwright, 2013; Anwar, Hasnu, 2016; Yahaya, Nadarajah, 2023], однако влияние макроусловий ведения бизнеса на стратегии предпринимателей изучено все еще недостаточно. Чтобы заполнить этот пробел, мы предпринимаем попытку проанализировать, как общая оценка условий ведения бизнеса влияла на стратегические намерения предпринимателей. В связи с рядом внезапных дополнительных шоков, или афтершоков, которые проявились в 2024 г. (мобилизация), проанализировано и их влияние на стратегический выбор участников лонгитуда. В отличие от общего воздействия внешних шоков на малый бизнес, этот аспект также пока слабо исследован, на что указывается в ряде исследований [Klyver, Nielsen, 2021; Miklian, Hoelscher, 2022; Katare, Marshall, Valdivia, 2021].

В литературе показано, что специфика малого предпринимательства заключается в отсутствии у подавляющего большинства его субъектов классической стратегии — скорее речь может идти о некоторых интенциях самих владельцев,

которые решающим образом влияют на ведение бизнеса [Santos, 2011; Sharma, 2011; Hauser, Eggers, Güldenbergh, 2020; Lombardi et al., 2021], но влияние изменения мотивации на изменение стратегических намерений владельцев малого бизнеса в литературе до сих пор исследовано слабо, за единичными исключениями [см. Becherer, Finch, Helms, 2005; Shepherd, Williams, Patzelt, 2015; Wang, Walker, Redmond, 2007].

Опираясь на литературу, мы сформулировали следующие гипотезы.

Гипотеза 1. Мотивация респондентов не является устойчивой, она меняется в зависимости от текущих результатов бизнеса и от оценки ими условий для ведения бизнеса.

Гипотеза 2. Изменение мотивации к предпринимательству в текущем периоде влияет на стратегические намерения владельца бизнеса в последующие периоды.

При формулировании стратегических намерений в отношении дальнейшего ведения бизнеса в условиях турбулентности предприниматель может руководствоваться различными соображениями, прежде всего — исходить из оценки общей ситуации в экономике и обществе [Beliaeva et al., 2020; Hossain, Akhter, Sultana, 2022; Smith et al., 2022] и собственных ресурсов и возможностей [Thomas, Douglas, 2024]. При этом субъективные оценки предпринимателями изменений условий ведения бизнеса в прошлом квартале в целом должны коррелировать со стратегическими намерениями [Revell, Stokes, Chen, 2010; Simpson, Padmore, Newman, 2012]. В неблагоприятных институциональных условиях владельцы бизнеса отказываются от инноваций [Núñez, Morales-Alonso, 2024], причем изменение стратегических намерений становится результатом целого ряда событий и решений предпринимателя [Leitner, Güldenbergh, 2010; Fernández-Olmos, Ramírez-Alesón, 2017; Wood, 2006].

Исходя из полученных в упомянутых выше работах результатов, сформулированы еще несколько гипотез:

Гипотеза 3.1. Положительная оценка бизнес-условий респондентами способствует выбору в пользу стратегических намерений развития либо стабильности вместо выживания в ближайшем будущем.

Гипотеза 3.2. Негативная оценка бизнес-условий респондентами способствует выбору в пользу стратегических намерений выживания либо стабильности в ближайшем будущем вместо развития.

Гипотеза 4.1. Положительная оценка респондентами ситуации в экономике способствует изменению стратегических намерений с выживания на развитие либо стабильность в ближайшем будущем.

Гипотеза 4.2. Негативная оценка ситуации в экономике способствует изменению стратегических намерений с развития на стабильность либо выживание в ближайшем будущем.

2. Методы сбора и анализа данных

2.1. Методика отбора респондентов

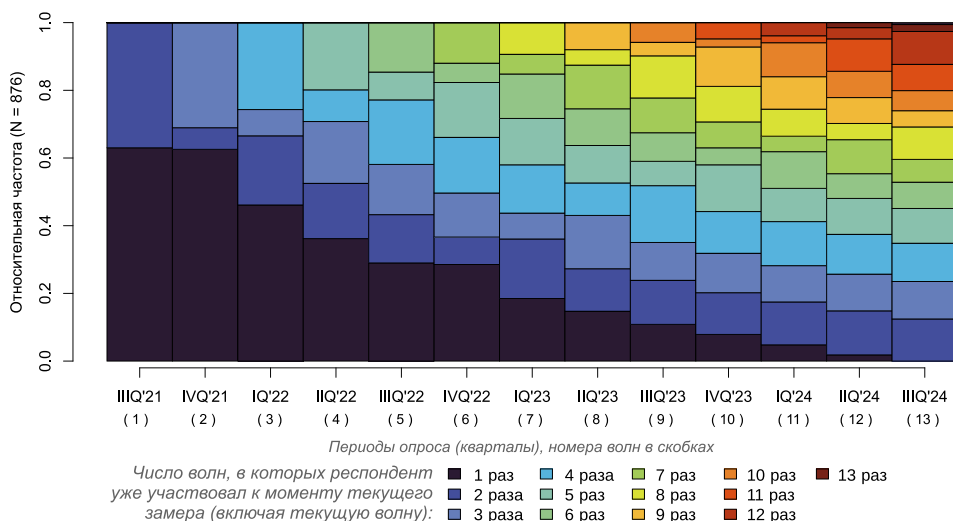
В работе использованы данные «Лонгитюда малого бизнеса» — исследования владельцев малого бизнеса ФОМ, реализуемого с 2021 г. на ежеквартальной основе. В нее с 2020 г. случайным отбором рекрутируются предприниматели ми-

кро- и малого бизнеса из предыдущих всероссийских репрезентативных опросов населения ФОМ.

К сожалению, при таком дизайне число объектов наблюдения с каждой волной уменьшается из-за выбывания предпринимателей. Проблема истощения выборки решается путем реализации «панели с замещением» [Ратникова, 2006], когда исчезнувшие объекты заменяются новыми с помощью специальной матрицы, которая представляет собой набор многомерных таблиц, отражающих актуальную структуру выборки. Использование матрицы способствует сохранению разнообразия участников опроса, а также воспроизводству изменений в предпринимательской среде, которые происходят с течением времени.

На рисунке 1 представлена диаграмма участия респондентов в каждой волне³. Чуть более половины респондентов (53 %) участвовали минимум в восьми волнах лонгитюда, а 74 % респондентов — в четырех волнах и более. Поэтому для дальнейшего исследования были отобраны респонденты, принявшие участие минимум в 10 волнах из 13 доступных⁴. Общий совокупный объем выборочной совокупности составил 625 респондентов. В зависимости от специфики рассматриваемого вопроса, данная совокупность была увеличена либо уменьшена:

Рис. 1. Динамика частоты участия предпринимателей в лонгитюде (относительные панельные лонгитюдные частоты)

³ Рисунок представляет собой «диаграмму последовательности», построенную с помощью библиотеки «TraMineR» [Gabadinho, Ritschard, Müller, Studer, 2011]. Диаграмма отражает распределение по количеству участий на каждый этап для всех респондентов-участников лонгитюда, которые еще будут участвовать в будущих волнах. Каждый столбец соответствует одной волне (кварталу), номер волны указан в скобках. Цветовые слои отражают долю респондентов, которые к моменту текущего замера (включая его) участвовали в указанном числе волн. Например, на волне 13 (III кв. 2024 г.) часть респондентов уже приняла участие во всех 13 волнах.

⁴ Более строгий отбор респондентов в рабочую выборочную совокупность может привести к снижению статистической устойчивости получаемых выводов с риском упущения респондентов, которые прерывали участие в лонгитюде по разным причинам.

В вопросе о мотивах ведения предпринимательской деятельности (параграфы 3.1—3.2) отбор респондентов проводился по двум последним волнам обследования, когда задавался этот вопрос (волна № 9 и № 13). Респондент в обязательном порядке должен был принять участие в обеих волнах. Объем выборки — 594 человека.

В вопросе об оценке условий ведения бизнеса (параграф 3.3) выбирались опрошенные, принимавшие участие в исследовании в течение 3 кварталов 2024 г. Попадание респондента в выборку — при условии его участия во всех волнах лонгитюда за указанный период (волны № 11—13). Объем выборки — 597 человека.

2.2. Методика анализа данных

Анализ лонгитюдных данных определялся спецификой исследуемых зависимых и независимых переменных, представленных как в статичном, так и в динамичном виде. Зависимая переменная «стратегические намерения предпринимателя» построена на основании следующего вопроса: «Какое из этих трех слов лучше всего характеризует вашу бизнес-стратегию в прошлом квартале: выживание, сохранение или рост?». Для проверки гипотез фиксировались изменения стратегических намерений предпринимателей в текущей волне лонгитюда по сравнению с предыдущей⁵. Основной независимой переменной для гипотез 1 и 2 является изменение мотивации предпринимательской деятельности. Она формировалась на основании ответов на вопрос: «Одни занимаются бизнесом главным образом ради самореализации. Другие — чтобы получать высокий доход. Третьи — прежде всего, чтобы прокормить себя и свою семью. К какой из этих трех категорий Вы скорее относите себя?». В исследовании рассмотрено влияние следующих возможных изменений мотивации: 1) с вынужденной на добровольную; 2) с добровольной на вынужденную⁶. В качестве основных предикторов исследования учитывались изменения в отдаче от бизнеса, спросе, восприятии экономической ситуации и бизнес-активности. В качестве контрольных предикторов рассмотрены индивидуальные и организационные аспекты — возраст, образование, сфера деятельности, масштаб бизнеса (число регионов охвата), численность сотрудников, выручка и каналы сбыта. Основные эффекты представлены на бинарной и номинальной шкалах с выделением референтных категорий, а динамика участия

⁵ Алгоритм построения данной переменной схож с переменной стратегических намерений, с выделением специфических категорий. Например, если во втором квартале 2023 г. респондент отметил добровольную мотивацию, связанную с увеличением дохода, а в аналогичный период 2024 г. выбрал вынужденную мотивацию, то переменная перехода равняется единице. Перекрестные распределения построены только среди респондентов, у которых за год произошла смена мотивации. В рамках анализа результатов под добровольной мотивацией понималось и стремление к самореализации, и получения более высокого дохода, в то время как под вынужденной мотивацией понималось стремление прокормить себя и семью. Важно отметить, что обе категории добровольной мотивации были объединены в силу сравнительно небольшой частоты обеих категорий предпринимателей в лонгитюде.

⁶ Алгоритм построения данной переменной схож с переменной стратегических намерений, с выделением специфических категорий. Например, если во втором квартале 2023 г. респондент отметил добровольную мотивацию, связанную с увеличением дохода, а в аналогичный период 2024 г. выбрал вынужденную мотивацию, то переменная перехода равняется единице. Перекрестные распределения построены только среди респондентов, у которых за год произошла смена мотивации. В рамках анализа результатов под добровольной мотивацией понималось и стремление к самореализации, и получения более высокого дохода, в то время как под вынужденной мотивацией понималось стремление прокормить себя и семью. Важно отметить, что обе категории добровольной мотивации были объединены в силу сравнительно небольшой частоты обеих присутствия в ответах респондентов категорий предпринимателей в лонгитюде.

моделировалась с учетом накопленного числа включений респондентов в последовательность опросов к каждому моменту времени. Более подробно описание кодировок представлено в Таблице П1 в *Приложении*. Стоит отметить, что для отбора предикторов применялся экспертный подход на основе методологии сравнительного анализа с использованием нечетких множеств (fsQCA), которая широко распространена в исследованиях предпринимательства и инноваций [Kumar et al., 2022]. Это позволило получить представление об аналитической валидности набора основных и контрольных переменных, релевантных для соответствующих зависимых переменных в моделях⁷. Проверка гипотез основывалась на серии регрессионных моделей, выбор которых зависел от характера проверяемых утверждений. Что касается методики оценки, то для гипотез 1 и 2 были использованы обобщенные линейные модели (GLM) с логит-оценками, в то время как для гипотез 3.1—4.2 важен учет корреляции между повторными наблюдениями за одними и теми же участниками [Timoneda, 2021]. Для этого использовались панельные методы, способные учитывать внутрииндивидуальные связи ответов в условиях временных рядов. В частности, применена методология обобщенных оценочных уравнений (GEE), позволяющая корректно обрабатывать категориальные данные и обеспечивать робастные оценки параметров при наличии нерегулярных и повторных наблюдений, что особенно актуально для анализа динамики установок и мнений предпринимателей. Применение GEE обосновано успешным ее использованием в исследованиях организаций и инновационной активности [Huang, 2022; Sanchez-Henriquez, Pavez, 2021].

Для реализации ключевых моделей использовались статистическая среда R, стандартные библиотеки для построения GLM-моделей с логит-связями. Для оценки панельных эффектов использовалась специализированная библиотека *geepack* с алгоритмами, обеспечивающими устойчивое решение задачи получения интерпретируемых коэффициентов и стандартных ошибок [Højsgaard, Halekoh, Yan, 2006]. Это позволило эффективно учесть внутригрупповую корреляцию и повысить надежность полученных результатов⁸.

3. Анализ данных и результаты

Ниже представлены основные результаты анализа данных лонгитюда за 2024 г. в соответствии со сформулированными гипотезами исследования.

3.1. Динамика мотивации к ведению бизнеса

Поскольку мотивация меняется небыстро, как установлено в упомянутых выше предыдущих исследованиях [Shane, Locke, Collins, 2003; Murnieks, Klotz, Shepherd, 2020], вопрос задавался на регулярной основе с лагом в один год в четырех волнах лонгитюда — 1, 5, 9, 13. Для настоящего отчета были взяты только те предприниматели, которые отвечали не менее чем в двух последних волнах (для по-

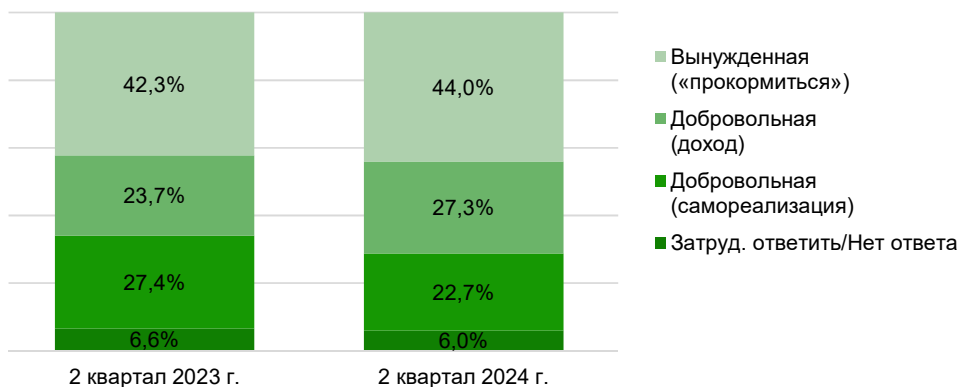
⁷ Учитывались такие ключевые факторы, как нерегулярное обновление профилей респондентов, включая социально-демографические характеристики и параметры бизнеса, ограниченное число наблюдений в отдельных волнах лонгитюда, а также относительно высокая устойчивость мнений и оценок участников на протяжении периода наблюдения.

⁸ Основные параметры спецификации моделей представлены в Приложении, в том числе структура корреляционной матрицы и иные параметры.

лучения полноценных матриц перехода мотивации между волнами 9 и 13). Таким образом, итоговый объем выборки составил 598 респондентов. Исходная структура мотивационного профиля представлена на рисунке 2. На основании заданной методологии и в соответствии с установившимся в литературе пониманием зависимости мотивации от факторов личностного, социетального и экономического порядка (см., например, [Hessels, Van Gelderen, Thurik, 2008; Jayawarna, Rouse, Kitching, 2013; Stephan, Hart, Drews, 2015]) были проверены гипотезы настоящего исследования.

Рассмотрим распределение долей респондентов, изменивших мотивацию на вынужденную с одного из вариантов добровольной, либо на один из вариантов добровольной с вынужденной мотивации — в зависимости от самооценки предпринимателями успешности собственного бизнеса. К третьему кварталу 2024 г. по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. доля респондентов с вынужденной мотивацией увеличилась на 1,7 % (см. рис. 2). Одновременно с этим на 4,7 % уменьшилась доля респондентов с добровольной мотивацией, связанной со стремлением к самореализации. Наблюдается прирост на 3,6 % доли респондентов с добровольной мотивацией, связанной со стремлением к увеличению дохода.

Рис. 2. Распределение долей респондентов с разными мотивационными профилями в 3 квартале 2023 и 2024 гг. соответственно⁹

Если говорить о траекториях изменения мотивации предпринимательской деятельности, то у 23% за прошедший год наблюдались фазы перехода с добровольной мотивации на вынужденную ($N = 72$) и наоборот ($N = 63$). Напротив, значительная часть предпринимателей сохраняла либо добровольную мотивацию, либо вынужденную ($N = 216$ и 180 , соответственно). Более подробная структура перехода представлена в таблице 1. Можно обратить внимание на то, за прошедший год немного выросла доля предпринимателей, сохранивших добровольную мотивацию и стремящихся к реализации большего дохода (51 % против 47 %).

⁹ Учитывались все типы мотивации. Отражены данные волн 9 и 13.

Предприниматели, сменивших добровольную мотивацию на вынужденную, чаще демонстрировали в 2023 году стремление к самореализации (53 %), а среди тех, кто поменял вынужденную на добровольную — 67 % в 2024 г. оказались мотивированы увеличением дохода по сравнению с альтернативными формами экономической активности.

Таблица 1. **Траектории изменения мотивации в 2023—2024 гг.**

		Добровольная (самореализация)	Добровольная (доход)	Вынужденная («прокормиться»)
Осталась добровольной	2Q 2023 г.	53 %	47 %	
	2Q 2024 г.	49 %	51 %	
Смена добровольной на вынужденную	2Q 2023 г.	53 %	47 %	100 %
	2Q 2024 г.			
Смена вынужденная на добровольную	2Q 2023 г.			100 %
	2Q 2024 г.	33 %	67 %	

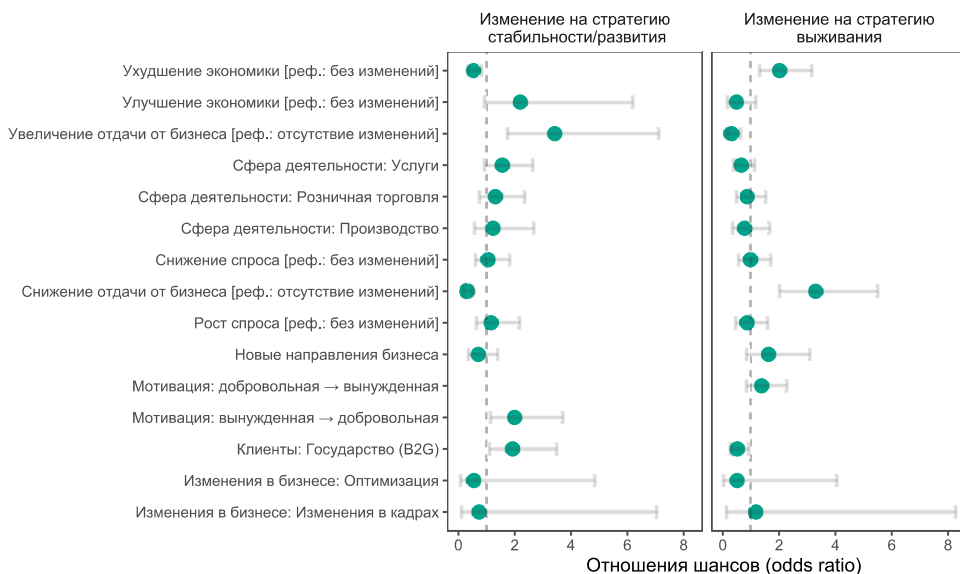
3.2. Влияние изменений мотивации ведения бизнеса на стратегию владельцев малого бизнеса

Для проверки гипотез, связанных с влиянием мотивации на выбор предпринимателями дальнейшей стратегии ведения бизнеса, в качестве *зависимых переменных* взяты рассмотренные ранее две отдельные траектории: 1) *стабильность/развитие* (доля в выборке 13 волн — 75,6 %, из них 9,1 % отмечали фазу развития); 2) *выживание* (доля ответов составила 23,4 %). В качестве основных эффектов выступали изменение мотивации предпринимателей (с вынужденной на добровольную и наоборот), изменения в отдаче от бизнеса, условий экономики и бизнеса, а также возможностей развития бизнеса. В качестве контрольных эффектов взяты основные организационные параметры бизнеса, позволяющие оценить на «верхнем» уровне влияние бизнес-условий на изменения в вырабатываемых предпринимателями стратегических намерений. Для каждой из двух траекторий были построены соответствующие модели (сначала в виде оценки прямого влияния переменной изменения мотивации на стратегические намерения, а затем с добавлением остальных эффектов). Соответственно представленные далее результаты отражают спецификации так называемых «полных» моделей. На рисунке 3 представлена оценка значимости эффектов, полученных путем вычисления отношения шансов (Odds Ratio) выделенных предикторов на основе рассчитанных коэффициентов по методологии GLM.

Детализация результатов отражена в таблице П1 в Приложении (см. модели 1—4). Результаты разбиты на две категории моделей: оценка *прямого эффекта изменения мотивации* на изменение стратегии (базовая модель) и отдельно при включении различных параметров (полная). Они показывают, что в базовой модели изменение мотивации с добровольной на вынужденную не оказывает влияния

на вероятность выбора стратегических намерений выживания ($OR = 1,556$), что прослеживается и в полной модели с добавлением иных предикторов ($OR = 1,377$). Напротив, изменение мотивации с вынужденной на добровольную значительно влияет на выбор в пользу стабильности или развития бизнеса, что дополнительно подтверждается в полной модели ($OR = 2,048^{**}$ и $1,998^{*}$ соответственно).

Рис. 3. Статистическая значимость влияния изменения мотивации на последующую траекторию изменения стратегии респондентов (с развития/стабильности на выживание либо с выживания на стабильность/развитие)

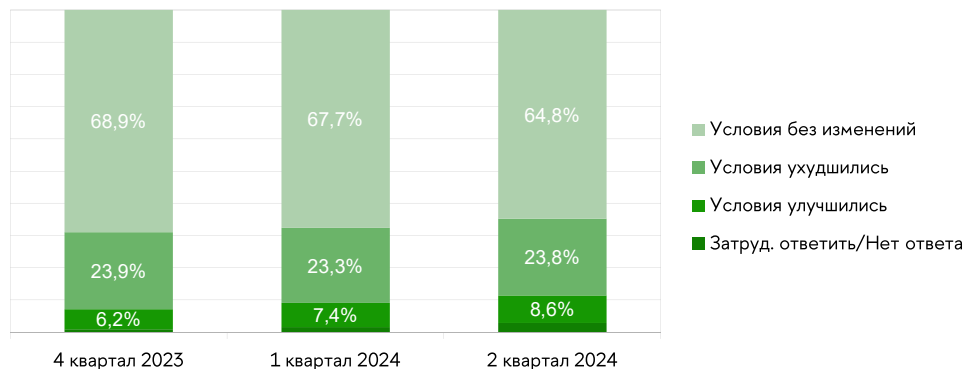
На выбор стратегии выживания оказывают влияние и другие факторы. При анализе полных моделей видно, что вероятность перехода к *выживанию* сильно зависит от снижения текущей отдачи от бизнеса и оценки общей ситуации в экономике ($OR = 3,297^{***}$ и $2,018^{**}$ соответственно). При текущем повышении отдачи от бизнеса вероятность перехода к стабильности или развитию также возрастает ($OR = 3,420^{***}$). Однако при такой траектории изменения стратегических намерений не наблюдается значимой связи с оценкой общей экономической ситуации ($OR = 2,199$). Что касается иных факторов (в частности, индивидуальных характеристик самих предпринимателей, организационных характеристик бизнеса), то результаты моделирования демонстрируют более низкое качество (то есть более высокие значения AIC/BIC) в сравнении с представленной спецификацией¹⁰.

¹⁰ При проверке гипотез 1—2 было необходимо учитывать, что структура социально-демографического профиля выборочной совокупности являлась «статичным», в то время как одной из уникальных особенностей исследования являлось использование панельной структуры данных лонгитюда. Добавление большего числа контрольных переменных не приводило к значительному улучшению качества моделей, в соответствующие коэффициенты демонстрировали отсутствие статистической значимости в отношении вероятности перехода к одной из траекторий стратегических намерений. Они были в дальнейшем исключены из анализа при проверке этих гипотез.

3.3. Оценка общих условий ведения бизнеса и ее влияние на стратегии владельцев малого бизнеса

С конца 2023 г. респонденты продолжают демонстрировать устойчивость мнений об условиях ведения бизнеса (см. рис. 4): в среднем около 65 % опрошенных считают, что они не изменились, а положительную динамику отмечают 8,6 % респондентов. Доля респондентов, указывающих на негативные изменения условий для ведения бизнеса, остается устойчивой из опроса в опрос и составляет примерно 23 %.

Рис. 4. Динамика оценки условий ведения бизнеса (из массивов волн за 2024 г.)

Как можно увидеть на рисунке 5, остается почти неизменной и структура выборки по типу стратегических намерений: каждый шестой респондент на протяжении всего года (примерно 17 %) выражал позитивную оценку условий для ведения бизнеса и характеризовал свою стратегию бизнеса как развитие. К третьему кварталу 2024 г. снизилась доля тех, кто придерживается стратегических намерений выживания (до 22,8 %). Общая динамика в разрезе волн (с учетом спецификации выборки — респондент участвовал во всех трех волнах обследования, $N=623$) показала, что доминанта восприятия условий ведения бизнеса — оценка их как стабильных. Это означает, что случаев смены стратегических намерений — как с «положительным» (переход от выживания к стабильности и от стабильности — к росту), так и с «отрицательным» (переход от роста к стабильности, либо от стабильности — к выживанию) знаком пренебрежимо мало.

С целью проверки гипотез 3 и 4 о зависимости изменений стратегических намерений владельцев бизнеса от динамики общей оценки условий ведения бизнеса построена серия логистических моделей. Модели 5—8 характеризуются разными зависимыми переменными: в моделях 5—6 это реакция предпринимателя в виде роста и/или развития бизнеса, в то время как модели 7—8 — стратегическое намерение, связанное с выживанием бизнеса. Различия между моделями проявляются в последовательности включения предикторов: сначала тестировались модели с включением оценок предпринимателями условий ведения бизнеса (референс: без изменений), размера предприятия (референс: ИП / другое), величины выручки (референс: до 500 тыс. рублей), географии действия, вида деятельности бизнеса, а также наличия у предпринимателя высшего обра-

зования (модели 5 и 7). Модели 6 и 8 отличаются включением «стресс-эффектов», таких как рост или снижение доходов бизнеса, изменение спроса на продукцию (референс: без изменений) и улучшение или ухудшение макроэкономической ситуации (референс: без изменений). Также в модель дополнительно включены такие ковариаты, как возраст руководителя и количество регионов деятельности, что позволило учесть влияние демографического фактора и масштаба деятельности бизнеса на выбор стратегии.

Рис. 5. Динамика бизнес-стратегий предпринимателей (из массивов волн за 2024 г.)

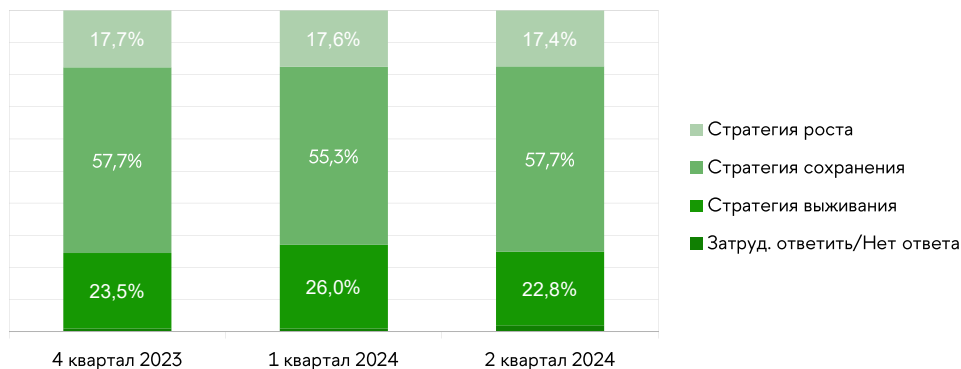
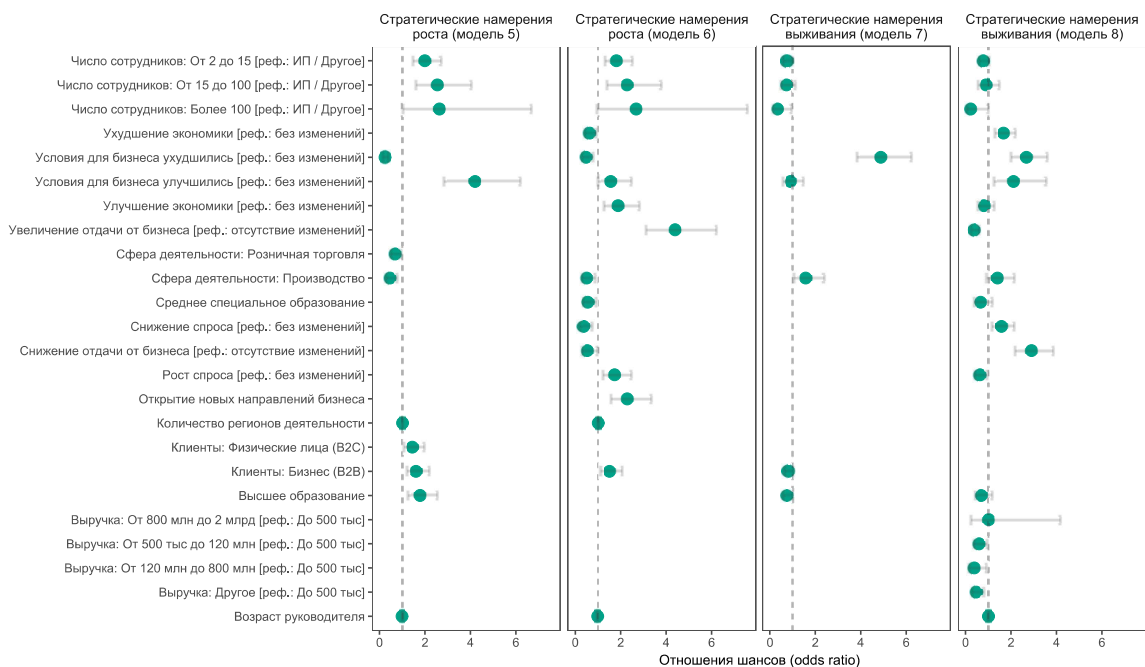

Рис. 6. Оценка статистической значимости влияния различных эффектов на изменение стратегических намерений на выживание, либо на развитие/стабильность

На основе полученных результатов (см. табл. П2 в Приложении) можно сделать следующие основные выводы. Улучшение условий ведения бизнеса значительно положительно влияет на вероятность выбора стратегии развития или стабильности ($OR = 4,203^{***}$), особенно в модели 5, что подтверждает гипотезу о связи позитивных изменений среды со стремлением к устойчивому или расширяющемуся масштабу бизнеса. Напротив, ухудшение условий ведения бизнеса оказывает отрицательное влияние на его динамику ($OR = 0,243^{***}$). При этом в модели 6 этот эффект также значим и имеет аналогичное направление ($OR = 0,479^*$), что говорит об устойчивости выявленной связи.

Между ухудшением условий ведения бизнеса и выбором стратегии выживания также наблюдается значительная положительная связь, особенно в модели 73 ($OR = 4,881^{***}$). Это свидетельствует о высокой чувствительности предпринимателей к ухудшению внешней среды. В модели 8 этот эффект сохраняется, хотя становится менее выраженным ($OR = 2,680^{**}$), что может быть связано с включением дополнительных переменных (в первую очередь, дохода).

Число сотрудников положительно коррелирует со стратегическим намерением развития: владельцы бизнеса с числом сотрудников от 2 до 15, от 15 до 100 и более 100 человек имеют более высокие шансы выбрать стратегию развития, чем ИП без наемных сотрудников (референс). Эффект наиболее силен в отношении самых крупных бизнесов ($OR = 2,639^*$); они же демонстрируют и более низкую вероятность выбора стратегии выживания ($OR = 0,339^*$ в Модели 7 и $OR = 0,226^*$ в Модели 8).

Рост доходов (отдачи) от бизнеса оказывает сильное положительное влияние на выбор стратегии развития и отрицательное — на выбор стратегии выживания ($OR = 4,392^{***}$ и $0,385^{***}$ соответственно), что полностью согласуется с гипотезами. Падение доходов (отдачи) повышает вероятность выживания ($OR = 2,903^{***}$) и снижает шансы на выбор стратегии развития ($OR = 0,526^*$).

Оценки изменения спроса и экономической ситуации также подтверждают ожидаемые направления влияния на стратегические намерения предпринимателей: рост спроса и улучшение экономики способствуют развитию ($OR = 1,731^{**}$ и $1,883^{**}$ соответственно), тогда как их снижение усиливает намерения выживания ($OR = 1,581^{**}$ и $1,671^{***}$ соответственно).

4. Дискуссия и выводы

Исследование позволило оценить ряд динамических изменений в поведении субъектов малого предпринимательства и значимость влияющих на них факторов. Оно подтвердило, что в совокупности теория запланированного поведения и когнитивная поведенческая теория хорошо объясняют поведение субъектов малого предпринимательства в динамике.

В целом все сформулированные гипотезы получили подтверждение. У большинства респондентов мотивация на протяжении довольно длительного периода — в данном случае года — не изменилась, даже если оценка ими внешней среды и результатов деятельности бизнеса демонстрирует изменчивость. Это дает основания говорить о мотивационной устойчивости субъектов малого предпринимательства к изменению как внешних обстоятельств, так и результатов собственного бизнеса.

Таким образом, дихотомия «вынужденная — добровольная мотивация» в целом отражает реалии, и это позволяет опровергнуть сомнения относительно обоснованности выделения двух типов мотивации в связи с ее «смешанной» природой (см., например, [Williams, 2008; Stephan, Hart, Drews, 2015]). Тем не менее справедливо и другое заключение: мотивация не остается неизменной всегда и у всех предпринимателей — напротив, она может претерпевать изменения с разным знаком, что подтверждает результаты предыдущих исследований [Olomi, 2001]. Причем такие изменения происходят скорее под влиянием и в связи с оценкой общей экономической ситуации, чем под влиянием текущих изменений отдачи от бизнеса; результаты настоящего проекта дают дополнительные аргументы в пользу соответствующих выводов в литературе [Vaillant, Lafuente, 2007; Collins, Hanges, Locke, 2004].

Также мы выяснили, что изменение мотивации в первую очередь связано с оценкой общей ситуации в экономике: ухудшение этой оценки может приводить к изменению мотивации с добровольной на вынужденную, а улучшение — с вынужденной на добровольную. Иначе говоря, макроэкономические условия и их изменение гораздо более значимы для понимания и прогнозирования изменений в мотивационной структуре субъектов малого предпринимательства, чем колебания текущей конъюнктуры в том сегменте рынка, в котором работает бизнес респондента.

Изменение мотивации в обоих направлениях влияет на стратегические намерения владельцев бизнеса, причем негативные изменения — в гораздо большей степени, чем позитивные. Таким образом, настоящее исследование позволило развить выводы относительно связи между характером мотивации и стратегиями ведения бизнеса предпринимателями по сравнению с литературой [см. Baum, Locke, 2004; Delmar, Wiklund, 2008]. В частности, показано, что для понимания предпосылок роста малых фирм в условиях внешних шоков имеет значение не только характер исходной мотивации предпринимателей, но и направленность ее дальнейших изменений.

Установлено, что положительные изменения в стратегических намерениях владельцев малого бизнеса происходят устойчиво чаще, когда предприниматели оценивают изменение условий ведения бизнеса и текущего дохода от бизнеса как позитивные, имеют высшее образование. Эти результаты развивают представления относительно влияния динамики текущего дохода на изменение стратегий, так как в предшествующей литературе в основном исследуется обратное влияние стратегии бизнеса на изменение отдачи от него [Hagen et al., 2012; Skokan, Pawliczek, Piszczur, 2013]. Кроме того, наши результаты в целом подтверждают выводы ряда предыдущих исследований [Dethier, Hirn, Straub, 2011; Prajogo, 2016] относительно влияния оценки условий ведения бизнеса на формирование стратегических намерений владельцев МСП [Revell, Stokes, Chen, 2010], в том числе в динамическом аспекте [Humphreys, McAdam, Leckey, 2005]. То же самое относится к установленной связи между динамикой стратегических намерений владельцев бизнеса и уровнем их образования [Blackburn, Hart, Wainwright, 2013].

Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что они позволяют прогнозировать изменение поведения субъектов малого предпринимательства в зависимости от изменений в экономике.

Ограничения исследования заключаются в следующем. Прежде всего, структура панели репрезентирует предпринимателей (как владельцев бизнесов) в составе взрослого трудоспособного населения, но не структуру малого предпринимательства России. Методология обобщенных оценочных уравнений (GEE) позволила получить оценки с учетом вероятной корреляции в ответах респондентов на протяжении всего периода, однако качество этой корреляции во многом зависит от объема выборки и природы связи в ответах респондентов. Выборка лонгитюда не во всех отношениях была достаточной, а природа связи в ответах установлена на основании имеющихся в литературе подходов.

Другим ограничением GEE является особенность работы с пропущенными значениями: пропуски респондентами волн должны быть случайными, а не закономерными. В связи с этим применена выборка респондентов, участвовавших в значительном числе волн лонгитюда. Однако это способствовало сокращению конечной выборочной совокупности, что потенциально уменьшает статистическую мощность анализа. В частотных распределениях размер подгрупп был недостаточен для статистически достоверного анализа динамики переходов, данные следует считать описательными, специфическими для данной лонгитюдной панели, а не претендующими на репрезентативность. Что касается FsQCA, то его применение в данном исследовании было ограничено разведочно-экспертным анализом. В финальной спецификации модели акцент был сделан на экспертном подходе, учитывающем специфику инструментария (анкеты).

Список литературы (References)

1. Егорова А. И., Чепуренко А. Ю. Факторы упругости малого предпринимательства в условиях внешних шоков в России (по данным лонгитюдного исследования) // Российский журнал менеджмента. 2022. Т. 20. № 2. С. 172—197. <https://www.doi.org/10.21638/spbu18.2022.202>.
Egorova A. I., Chepurenko A. Yu. (2022) Factors of the Resilience of Small Businesses under External Shocks in Russia (Based on the Longitudinal Study Data). *Russian Management Journal*. Vol. 20. No. 2. P. 172—197. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.21638/spbu18.2022.202>.
2. Ратникова Т. А. Введение в эконометрический анализ панельных данных // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 10. № 2. С. 267—316.
Ratnikova T. A. (2006) Introduction to Econometric Analysis of Panel Data. *HSE Economic Journal*. Vol. 10. No. 2. P. 118—134. (In Russ.)
3. Симачев Ю. В., Яковлев А. А., Голикова В. В., Городный Н. А., Кузнецов Б. В., Кузык М. Г., Федюнина А. А. (2023) Российские промышленные компании в условиях «второй волны» санкционных ограничений: стратегии реагирования // Вопросы экономики. № 12. С. 5—30.
Simachev Yu. V., Yakovlev A. A., Golikova V. V., Gorodnyi N. A., Kuznetsov B. V., Kuzyk M. G., Fedyunina A. A. (2023) Russian Industrial Companies Under the “Second Wave” of Sanctions: Response Strategies. *Voprosy Ekonomiki*. No. 12. P. 5—30.

4. Ajzen I. (1991) The Theory of Planned Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 50. No. 2. P. 179—211. [https://www.doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://www.doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T).
5. Anwar J., Hasnu S. A. F. (2016) Business Strategy and Firm Performance: A Multi-Industry Analysis. *Journal of Strategy and Management*. Vol. 9. No. 3. P. 361—382. <https://www.doi.org/10.1108/JSMA-09-2015-0071>.
6. Awais Ahmad Tipu S., Manzoor Arain F. (2011) Managing Success Factors in Entrepreneurial Ventures: A Behavioral Approach. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. Vol. 17. No. 5. P. 534—560. <https://www.doi.org/10.1108/13552551111167759>.
7. Baron R. A. (2007) Behavioral and Cognitive Factors in Entrepreneurship: Entrepreneurs as the Active Element in New Venture Creation. *Strategic Entrepreneurship Journal*. Vol. 1. No. 1—2. P. 167—182.
8. Baum J. R., Locke E. A. (2004) The Relationship of Entrepreneurial Traits, Skill, and Motivation to Subsequent Venture Growth. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 89. No. 4. P. 587—598. <https://www.doi.org/10.1037/0021-9010.89.4.587>.
9. Becherer R. C., Finch J. H., Helms M. M. (2005) The Influences of Entrepreneurial Motivation and New Business Acquisition on Strategic Decision Making. *Journal of Small Business Strategy*. Vol. 16. No. 2. P. 1—14. <https://ssrn.com/abstract=1502044>.
10. Beliaeva T., Shirokova G., Wales W., Gafforova E. (2020) Benefiting from Economic Crisis? Strategic Orientation Effects, Trade-Offs, and Configurations with Resource Availability on SME Performance. *International Entrepreneurship and Management Journal*. Vol. 16. No. 1. P. 165—194. <https://www.doi.org/10.1007/s11365-018-0527-2>.
11. Blackburn R. A., Hart M., Wainwright T. (2013) Small Business Performance: Business, Strategy and Owner-Manager Characteristics. *Journal of Small Business and Enterprise Development*. Vol. 20. No. 1. P. 8—27. <https://www.doi.org/10.1108/14626001311304530>.
12. Carsrud A., Brännback M. (2011) Entrepreneurial Motivations: What Do We Still Need to Know? *Journal of Small Business Management*. Vol. 49. No. 1. P. 9—26. <https://www.doi.org/10.1111/j.1540-627X.2010.00312.x>.
13. Castellanza L., Woywode M. (2024) Types, Determinants, and Outcomes of Entrepreneurial Behaviours during Crises. *Entrepreneurship & Regional Development*. Vol. 36. No. 9—10. P. 1333—1362. <https://www.doi.org/10.1080/08985626.2024.2324320>.
14. Collins C. J., Hanges P. J., Locke E. A. (2004) The Relationship of Achievement Motivation to Entrepreneurial Behavior: A Meta-Analysis. *Human Performance*. Vol. 17. No. 1. P. 95—117. https://www.doi.org/10.1207/S15327043HUP1701_5.

15. Davidsson P., Recker J., von Briel F. (2021) COVID-19 as External Enabler of Entrepreneurship Practice and Research. *BRQ Business Research Quarterly*. Vol. 24. No. 3. P. 214—223. <https://www.doi.org/10.1177/23409444211014515>.
16. De Carolis D. M., Saporito P. (2006) Social Capital, Cognition, and Entrepreneurial Opportunities: A Theoretical Framework. *Entrepreneurship Theory and Practice*. Vol. 30. No. 1. P. 41—56. <https://www.doi.org/10.1111/j.1540-6520.2006.00109.x>.
17. Delmar F., Wiklund J. (2008) The Effect of Small Business Managers' Growth Motivation on Firm Growth: A Longitudinal Study. *Entrepreneurship: Theory & Practice*. Vol. 32. No. 3. P. 437—457. <https://www.doi.org/10.1111/j.1540-6520.2008.00238.x>.
18. Dethier J. J., Hirn M., Straub S. (2011) Explaining Enterprise Performance in Developing Countries with Business Climate Survey Data. *The World Bank Research Observer*. Vol. 26. No. 2. P. 258—309. <https://www.doi.org/10.1093/wbro/lkr007>.
19. Fernández-Olmos M., Ramírez-Alesón M. (2017) How Internal and External Factors Influence the Dynamics of SME Technology Collaboration Networks over Time. *Technovation*. Vol. 64. P. 16—27. <https://www.doi.org/10.1016/j.technovation.2017.06.002>.
20. Gabadinho A., Ritschard G., Müller N. S., Studer M. (2011) Analyzing and Visualizing State Sequences in R with TraMine R. *Journal of statistical software*. Vol. 40. P. 1—37. <https://www.doi.org/10.18637/jss.v040.i04>.
21. Giones F., Brem A., Pollack J. M., Michaelis T. L., Klyver K., Brinckmann J. (2020) Revising Entrepreneurial action in Response to Exogenous Shocks: Considering the COVID-19 Pandemic. *Journal of Business Venturing Insights*. Vol. 14. P. 1—7. <https://www.doi.org/10.1016/j.jbvi.2020.e00186>.
22. Golikova V. (2023) The Impact of Economic Sanctions on Firm Performance: Perceptions of Russian SME Managers. *Russian Management Journal*. No. 4. P. 552—578. <https://www.doi.org/10.21638/spbu18.2023.405>.
23. Hagen B., Zucchella A., Cerchiello P., De Giovanni N. (2012) International Strategy and Performance — Clustering Strategic Types of SMEs. *International Business Review*. Vol. 21. No. 3. P. 369—382. <https://www.doi.org/10.1016/j.ibusrev.2011.07.007>.
24. Hauser A., Eggers F., Guldenberg S. (2020) Strategic Decision-Making in SMEs: Effectuation, Causation, and the Absence of Strategy. *Small Business Economics*. Vol. 54. No. 3. P. 775—790. <https://www.doi.org/10.1007/s11187-019-00259-6>.
25. Hessels J., Van Gelderen M., Thurik R. (2008) Entrepreneurial Aspirations, Motivations, and their Drivers. *Small Business Economics*. Vol. 31. No. 3. P. 323—339. <https://www.doi.org/10.1007/s11187-008-9134-x>.
26. Hossain M. R., Akhter F., Sultana M. M. (2022) SMEs in COVID-19 Crisis and Combating Strategies: A Systematic Literature Review (SLR) and a Case from Emerg-

- ing Economy. *Operations Research Perspectives*. Vol. 9. No. 6. P. 1—13. <https://www.doi.org/10.1016/j.orp.2022.100222>.
27. Højsgaard S., Halekoh U., Yan J. (2006) The R Package Geepack for Generalized Estimating Equations. *Journal of Statistical Software*. Vol. 15. No. 2. P. 1—11. <https://www.doi.org/10.18637/jss.v015.i02>.
 28. Huang F. L. (2022) Analyzing Cross-Sectionally Clustered Data Using Generalized Estimating Equations. *Journal of Educational and Behavioral Statistics*. Vol. 47. No. 1. P. 101—125. <https://www.doi.org/10.3102/10769986211061956>.
 29. Humphreys P., McAdam R., Leckey J. (2005) Longitudinal Evaluation of Innovation Implementation in SMEs. *European Journal of Innovation Management*. Vol. 8. No. 3. P. 283—304. <https://www.doi.org/10.1108/14601060510617810>.
 30. Jayawarna D., Rouse J., Kitching J. (2013) Entrepreneur Motivations and Life Course. *International Small Business Journal*. Vol. 31. No. 1. P. 34—56. <https://www.doi.org/10.1177/0266242611401444>.
 31. Kar B., Kar N., Das C. (2022) The Cognitive Approach to Entrepreneurship: An Agenda for Future Research. In: Samanta S. R., Mallick P. K., Pattnaik P. K., Mohanty J. R., Polkowski Z. (eds.) *Cognitive Computing for Risk Management. EAI/Springer Innovations in Communication and Computing*. Cham: Springer. https://www.doi.org/10.1007/978-3-030-74517-2_1.
 32. Katare B., Marshall M. I., Valdivia C. B. (2021) Bend or Break? Small Business Survival and Strategies during the COVID-19 Shock. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. Vol. 61. P. 1—8. <https://www.doi.org/10.1016/j.ijdr.2021.102332>.
 33. Kimjeon J., Davidsson P. (2022) External Enablers of Entrepreneurship: A Review and Agenda for Accumulation of Strategically Actionable Knowledge. *Entrepreneurship Theory and Practice*. Vol. 46. No. 3. P. 643—687. <https://www.doi.org/10.1177/10422587211054860>.
 34. Klyver K., Nielsen S. L. (2021) Which Crisis Strategies Are (Expectedly) Effective among SMEs during COVID-19? *Journal of Business Venturing Insights*. Vol. 16. P. 1—9. <https://www.doi.org/10.1016/j.jbvi.2021.e00260>.
 35. Kumar S., Sahoo S., Lim W. M., Kraus S., Bamel U. (2022) Fuzzy-set Qualitative Comparative Analysis (fsQCA) in Business and Management Research: A Contemporary Overview. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 178. Art. 121599. <https://www.doi.org/10.1016/j.techfore.2022.121599>.
 36. Leitner K. H., Güldenbergs S. (2010) Generic Strategies and Firm Performance in SMEs: A Longitudinal Study of Austrian SMEs. *Small Business Economics*. Vol. 35. No. 2. P. 169—189. <https://www.doi.org/10.1007/s11187-009-9191-6>.
 37. Levie J., Autio E. (2008) A Theoretical Grounding and Test of the GEM Model. *Small Business Economics*. Vol. 31. P. 235—263. <https://doi.org/10.1007/s11187-008-9136-8>.

38. Lombardi R., Tiscini R., Trequattrini R., Martiniello L. (2021) Strategic Entrepreneurship: Personal Values and Characteristics Influencing SMEs' Decision-Making and Outcomes. The Gemar Balloons case. *Management Decision*. Vol. 59. No. 5. P. 1069—1084. <https://www.doi.org/10.1108/MD-10-2019-1416>.
39. Miklian J., Hoelscher K. (2022) SMEs and Exogenous Shocks: A Conceptual Literature Review and Forward Research Agenda. *International Small Business Journal*. Vol. 40. No. 2. P. 178—204. <https://www.doi.org/10.1177/02662426211050796>.
40. Murnieks C. Y., Klotz A. C., Shepherd D. A. (2020) Entrepreneurial Motivation: A Review of the Literature and an Agenda for Future Research. *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 41. No. 2. P. 115—143. <https://www.doi.org/10.1002/job.2374>.
41. Núñez Y. M., Morales-Alonso G. (2024) Longitudinal Study of Necessity- and Opportunity-Based Entrepreneurship upon COVID Lockdowns — The Importance of Misery and Economic Freedom Indexes. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 200. Art. 123079. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.123079>.
42. Olomi D. R. (2001) Evolution of Entrepreneurial Motivation: The Transition from Economic Necessity to Entrepreneurship. *Business Management Review*. Vol. 7. No. 2. P. 90—136.
43. Prajogo D. I. (2016) The Strategic Fit between Innovation Strategies and Business Environment in Delivering Business Performance. *International Journal of Production Economics*. Vol. 171. No. 2. P. 241—249. <https://www.doi.org/10.1016/j.ijpe.2015.07.037>.
44. Revell A., Stokes D., Chen H. (2010) Small Businesses and the Environment: Turning over a New Leaf? *Business Strategy and the Environment*. Vol. 19. No. 5. P. 273—288. <https://www.doi.org/10.1002/bse.628>.
45. Sanchez-Henriquez F., Pavez I. (2021) The Effect of Open Innovation on Eco-innovation Performance: The Role of Market Knowledge Sources. *Sustainability*. Vol. 13. No. 7. Art. 3890. <https://www.doi.org/10.3390/su13073890>.
46. Santos M. (2011) CSR in SMEs: Strategies, Practices, Motivations and Obstacles. *Social Responsibility Journal*. Vol. 7. No. 3. P. 490—508. <https://www.doi.org/10.1108/174711111111154581>.
47. Shane S., Locke E. A., Collins C. J. (2003) Entrepreneurial Motivation. *Human Resource Management Review*. Vol. 13. No. 2. P. 257—279. [https://www.doi.org/10.1016/s1053-4822\(03\)00017-2](https://www.doi.org/10.1016/s1053-4822(03)00017-2).
48. Sharma G. (2011) Do SMEs Need to Strategize? *Business Strategy Series*. Vol. 12. No. 4. P. 186—194. <https://www.doi.org/10.1108/175156311111155142>.
49. Sharma G., Kraus S., Talan A., Srivastava M., Theodoraki C. (2024) Navigating the Storm: the SME Way of Tackling the Pandemic Crisis. *Small Business Economics*. Vol. 63. No. 1. P. 221—241. <https://www.doi.org/10.1007/s11187-023-00810-1>.

50. Shepherd D. A., Williams T. A., Patzelt H. (2015) Thinking About Entrepreneurial Decision Making: Review and Research Agenda. *Journal of Management*. Vol. 41. No. 1. P. 11—46. <https://www.doi.org/10.1177/0149206314541153>.
51. Simpson M., Padmore J., Newman N. (2012) Towards a New Model of Success and Performance in SMEs. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. Vol. 18. No. 3. P. 264—285. <https://www.doi.org/10.1108/13552551211227675>.
52. Skokan K., Pawliczek A., Piszczur R. (2013) Strategic Planning and Business Performance of Micro, Small and Medium-Sized Enterprises. *Journal of Competitiveness*. Vol. 5. No. 4. P. 57—72. <https://www.doi.org/10.7441/joc.2013.04.04>.
53. Smith J. B., Smith C. G., Kietzmann J., Lord Ferguson S. T. (2022) Understanding Micro-Level Resilience Enactment of Everyday Entrepreneurs under Threat. *Journal of Small Business Management*. Vol. 60. No. 5. P. 1202—1245. <https://www.doi.org/10.1080/00472778.2021.2017443>.
54. Stephan U., Hart M., Mickiewicz T., Drews C. C. (2015). Understanding Motivations for Entrepreneurship: Review of Recent Research Evidence (BIS Research Paper No. 212). Department for Business Innovation and Skills.
55. Thomas G. H., Douglas E. J. (2024) Resource Reconfiguration by Surviving SMEs in a Disrupted Industry. *Journal of Small Business Management*. Vol. 62. No. 1. P. 140—174. <https://www.doi.org/10.1080/00472778.2021.2009489>.
56. Timoneda J. C. (2021) Estimating Group Fixed Effects in Panel Data with a Binary Dependent Variable: How the LPM Outperforms Logistic Regression in Rare Events Data. *Social Science Research*. Vol. 93. Art. 102486. <https://www.doi.org/10.1016/j.ssresearch.2020.102486>.
57. Vaillant Y., Lafuente E. (2007) Do Different Institutional Frameworks Condition the Influence of Local Fear of Failure and Entrepreneurial Examples over Entrepreneurial Activity? *Entrepreneurship & Regional Development*. Vol. 19. No. 4. P. 313—337. <https://www.doi.org/10.1080/08985620701440007>.
58. Van Der Zwan P., Thurik R., Verheul I., Hessels J. (2016) Factors Influencing the Entrepreneurial Engagement of Opportunity and Necessity Entrepreneurs. *Eurasian Business Review*. Vol. 6. No. 3. P. 273—295. <https://www.doi.org/10.1007/s40821-016-0065-1>.
59. Wang C., Walker E., Redmond J. (2011) Explaining the Lack of Strategic Planning in SMEs: The Importance of Owner Motivation. *International Journal of Organisational Behaviour*. Vol. 12. No. 1. P. 1—6. URL: <http://ro.ecu.edu.au/ecuworks/1454> (accessed: 25.08.2025).
60. Wang M., Cai J., Munir H. (2021) Promoting Entrepreneurial Intentions for Academic Scientists: Combining the Social Cognition Theory and Theory of Planned Behaviour in Broadly-Defined Academic Entrepreneurship. *European Journal of Innovation Management*. Vol. 24 No. 2. P. 613—635. <https://doi.org/10.1108/EJIM-07-2020-0257>.

61. Williams C. C. (2008) Beyond Necessity-Driven Versus Opportunity-Driven Entrepreneurship: A Study of Informal Entrepreneurs in England, Russia and Ukraine. *International Journal of Entrepreneurship and Innovation*. Vol. 9. No. 3. P. 157—165. <https://www.doi.org/10.5367/000000008785096647>.
62. Wood E. H. (2006) The Internal Predictors of Business Performance in Small Firms: A Logistic Regression Analysis. *Journal of Small Business and Enterprise Development*. Vol. 13. No. 3. P. 441—453. <https://www.doi.org/10.1108/14626000610680299>.
63. Yahaya H. D., Nadarajah G. (2023) Determining Key Factors Influencing SMEs' Performance: A Systematic Literature Review and Experts' Verification. *Cogent Business & Management*. Vol. 10. No. 3. P. 1—23. <https://www.doi.org/10.1080/23311975.2023.2251195>.
64. Yakovlev A., Freinkman L., Makarov S., Pogodaev V. (2020) How do Russia's Regions Adjust to External Shocks? Evidence from the Republic of Tatarstan. *Problems of Post-Communism*. Vol. 67. No. 4—5. P. 417—431. <https://www.doi.org/10.1080/10758216.2019.1653200>.

Приложение

Таблица П1. Состав переменных-предикторов в исследовании*

Наименование переменной	Описание
<i>Основные переменные</i>	
Мотивация предпринимательства (изменения за квартал)	(Выделение двух индивидуальных** категорий) — Изменение с добровольной на вынужденную — Изменение с вынужденной на добровольную
Изменение отдачи от бизнеса (за квартал) [изменение доходов]	— Отсутствие изменений [референс] — Увеличение отдачи от бизнеса — Уменьшение отдачи от бизнеса
Изменение спроса на товар и/или услуги (за квартал)	— Спрос не изменился [референс] — Рост спроса на продукцию/услуги — Снижение спроса на продукцию/услуги
Изменение условий в экономике (за квартал)	— Условия не изменились [референс] — Улучшение условий в экономике — Ухудшение условий в экономике
Появление (открытие) новых направлений бизнеса (за квартал)	— Новых направлений нет [референс] — Новые направления бизнеса
Ключевые изменения в бизнесе (за квартал)	(Выделение двух индивидуальных категорий) — Оптимизация кадров (кадровые изменения) — Оптимизация бизнес-процессов (подходов)
<i>Контрольные переменные (индивидуальные/организационные)</i>	
Возраст руководителя бизнеса	от 22 лет до 84 лет
Количество регионов охвата бизнеса	от 1 до 89 регионов

Наименование переменной	Описание
Образование руководителя бизнеса	— Наличие среднего общего или средне-технического образования [референс] — Наличие высшего образования
Основные агенты сбыта (клиенты) продукции и/или услуг	(Выделение двух индивидуальных категорий) — Бизнес → Государство [B2G] — Бизнес → Бизнес [B2B]
Выручка предприятия	— До 500 тыс рублей в год [референс] — От 500 тыс до 120 млн рублей в год — От 120 млн до 800 млн рублей в год — От 800 млн до 2 млрд рублей в год — Другие объемы
Сфера деятельности	(Бинарные переменные) — Розничная торговля — Производство — Сфера услуг
Численность сотрудников	— Отсутствие штата сотрудников (напр. ИП) [реф.] — От 2 до 15 человек — От 15 до 100 человек — Более 100 человек

* Подробнее со списком вопросов, формулировками и исходными кодировками ответов можно ознакомиться на сайте проекта по адресу: <https://smbiz.fom.ru/longitude/methods>.

** Здесь и далее под индивидуальными категориями подразумевается выделение дамми-переменных.

Таблица П2. **Влияние изменения мотивации предпринимателя на стратегию предпринимательской деятельности (методология GLM)**

	Стратегия выживания		Стратегия стабильности/развития	
	Модель 1 (база)	Модель 2 (полная)	Модель 3 (база)	Модель 4 (полная)
Основные переменные				
Изменение мотивации с добровольной на вынужденную	1,556 (0,226)	1,377 (0,255)		
Изменение мотивации с вынужденной на добровольную			2,048** (0,276)	1,998* (0,302)
Изменения в бизнесе: Изменения в кадрах		1,174 (1,021)		0,737 (1,049)
Изменения в бизнесе: Оптимизация		0,508 (1,206)		0,557 (0,982)
Увеличение отдачи от бизнеса		0,314** (0,357)		3,42*** (0,358)
Уменьшение отдачи от бизнеса		3,297*** (0,256)		0,307*** (0,253)
Рост спроса на продукцию/услуги		0,87 (0,311)		1,161 (0,311)
Снижение спроса на продукцию/услуги		0,981 (0,277)		1,060 (0,275)
Улучшение условий в экономике		0,489 (0,481)		2,199 (0,481)
Ухудшение экономики в экономике		2,018** (0,226)		0,531** (0,224)

	Стратегия выживания		Стратегия стабильности/ развития	
	Модель 1 (база)	Модель 2 (полная)	Модель 3 (база)	Модель 4 (полная)
Новые направления бизнеса		1,626 (0,331)		0,705 (0,334)
<i>Контрольные переменные</i>				
Клиенты: Государство (B2G)		0,518* (0,3)		1,927* (0,292)
Сфера деятельности: Розничная торговля		0,861 (0,293)		1,312 (0,292)
Сфера деятельности: Услуги		0,662 (0,266)		1,56 (0,264)
Сфера деятельности: Производство		0,776 (0,39)		1,233 (0,383)
(Константа)	0,276*** (0,112)	0,287*** (0,297)	2,74*** (0,104)	2,421** (0,289)
Число наблюдений	594	594	594	594
AIC	656,7	575,8	646,7	567
BIC	665,5	641,6	655,4	632,8
Log.Lik.	–326,358	–272,903	–321,328	–268,505
F	6,741	6,174	3,825	6,029
RMSE	0,43	0,39	0,42	0,38

Примечание. Коэффициенты представлены в виде отношения шансов (odds ratio); в скобках указаны стандартные ошибки. Интерпретация статистических коэффициентов: $p^{***} < 0,001$, $p^{**} < 0,01$, $p^{*} < 0,05$, $p < 0,1$. Спецификация группы-референта приводится для категориальных переменных; при отсутствии — трактуется в качестве бинарной переменной. В моделях учтена проверка на мультиколлинеарность (VIF не превышает 2).

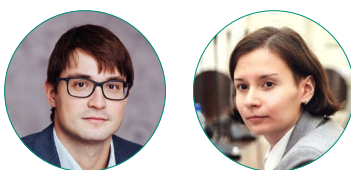
Таблица ПЗ. Оценка влияния условий ведения бизнеса на стратегию развития либо выживания с учетом других вероятных детерминант (методология GEE)

	Стратегия роста		Стратегия выживания	
	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8
<i>Основные переменные</i>				
Условия для бизнеса улучшились	4,203*** (0,197)	1,56 (0,229)	0,908 (0,248)	2,111** (0,26)
Условия для бизнеса ухудшились	0,243*** (0,224)	0,479** (0,252)	4,881*** (0,123)	2,68*** (0,146)
Увеличение отдачи от бизнеса		4,392*** (0,176)		0,385*** (0,233)
Уменьшение отдачи от бизнеса		0,526* (0,305)		2,903*** (0,143)
Рост спроса		1,731** (0,179)		0,639* (0,203)
Снижение спроса		0,368** (0,341)		1,581** (0,149)
Улучшение экономики		1,883** (0,203)		0,807 (0,22)
Ухудшение экономики		0,641* (0,188)		1,671*** (0,139)
Открытие новых направлений бизнеса		2,285*** (0,19)		
<i>Контрольные переменные</i>				
Возраст руководителя	0,989 (0,006)	0,986 (0,007)		1,01 (0,006)

	Стратегия роста		Стратегия выживания	
	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8
Высшее образование	1,785** (0,179)		0,734* (0,138)	0,688 (0,261)
Число сотрудников: 2—15	1,993*** (0,152)	1,811*** (0,166)	0,751* (0,125)	0,780 (0,14)
Число сотрудников: 15—100	2,546*** (0,231)	2,277** (0,255)	0,735 (0,211)	0,899 (0,248)
Число сотрудников: >100	2,639* (0,472)	2,679 (0,53)	0,339* (0,528)	0,226* (0,753)
Количество регионов деятельности	1,012* (0,005)	1,013* (0,006)		
Клиенты: Физические лица (B2C)	1,444* (0,151)			
Клиенты: Бизнес (B2B)	1,602** (0,152)	1,505** (0,155)	0,806 (0,117)	
Сфера деятельности: Розничная торговля	0,691* (0,165)			
Сфера деятельности: Производство	0,463** (0,269)	0,502* (0,283)	1,578* (0,206)	1,406 (0,214)
Среднее специальное образование		0,551* (0,247)		0,662 (0,294)
Выручка: 500 тыс-120 млн				0,596* (0,236)
Выручка: 120 млн-800 млн				0,386* (0,442)
Выручка: 800 млн-2 млрд				1,020 (0,717)
Выручка: Другое				0,467** (0,267)
(Константа)	0,095*** (0,392)	0,118*** (0,38)	0,329*** (0,155)	0,23*** (0,434)
QIC	1556,1	1262	1876,3	1663,2
Wald χ^2	161***	345***	195***	345***
Quasi Lik.	-764,868	-611,148	-929,164	-811,201
RMSE	0,36	0,32	0,4	0,38

Примечание. Число наблюдений (кластеров) во всех моделях — 1857 (623/волна). Зависимая переменная измеряется в бинарном диапазоне от 0 до 1, где 1 — наличие вероятности стратегии роста либо выживания (в зависимости от модели). Оценка производится с использованием панельно-специфицированных стандартных ошибок, с учетом авторегрессионной природы корреляции AR(1) наблюдений в панелях. Совместная значимость (p-value) — на основе теста Вальда. Для интерпретации регрессионных коэффициентов приведены отношения шансов, а в скобках — стандартная ошибка (S.E.). Интерпретация статистических коэффициентов: $p^{***} < 0,001$, $p^{**} < 0,01$, $p^* < 0,05$, $p+ < 0,1$. Спецификация группы-референта приводится для категориальных переменных; при отсутствии — трактуется в качестве бинарной переменной. В моделях учтена проверка на мультиколлинеарность (VIF не превышает 2).

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2927](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2927)

П. С. Сорокин, И. А. Афанасьева

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АГЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР УСПЕХА КОРПОРАЦИЙ

Правильная ссылка на статью:

Сорокин П. С., Афанасьева И. А. Человеческая агентность как фактор успеха корпораций // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 202—224. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2927>.

For citation:

Sorokin P. S., Afanaseva I. A. (2025) Human Agency as a Factor in Corporate Success. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 202—224. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2927>. (In Russ.)

Получено: 03.03.2025. Принято к публикации: 01.07.2025.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АГЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР
УСПЕХА КОРПОРАЦИЙ

СОРОКИН Павел Сергеевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Лабораторией исследований человеческого потенциала и образования, доцент Департамента образовательных программ, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: psorokin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3910-2090>

АФАНАСЬЕВА Ирина Анатольевна — кандидат наук в области искусства и дизайна (PhD), научный сотрудник Лаборатории исследований человеческого потенциала и образования, доцент Департамента образовательных программ, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: iaafanaseva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5109-5949>

Аннотация. Статья посвящена изучению проявлений и способов поддержки агентного поведения как фактора успеха современных корпораций в условиях неоструктуризации, то есть новой фазы социетальной эволюции, которая предполагает изменение отношений между инициативным человеческим действием и социальной структурой. Индивидуальное действие становится не просто механизмом развития корпоративных структур в заданной ими логике, но «каркасом», обеспечивающим их выживание как динамических образований в слабо предсказуемой среде. В условиях кризисных тенденций в экономике определение перспективных форм поддержки агентности в корпоративном секторе и их классификация становятся важной теоретической и практической задачей, для решения которой авторы статьи обращаются к обзору российской и между-

HUMAN AGENCY AS A FACTOR IN CORPORATE
SUCCESS

Pavel S. SOROKIN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Research Fellow; Head of the Laboratory for Human Capital and Education Research; Associate Professor, Department of Educational Programmes, Institute of Education
E-MAIL: psorokin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3910-2090>

Irina A. AFANASEVA¹ — PhD in Art and Design, Research fellow of the Laboratory for Human Capital and Education Research; Associate Professor, Department of Educational Programmes, Institute of Education
E-MAIL: iaafanaseva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5109-5949>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of manifestations and methods of supporting agentic behavior, transforming the environment in a direction not determined by it, as a factor of success of contemporary corporations in the condition of neo-structuration. The latter is seen a new phase of societal evolution, which assumes a change in the relationship between individual action and social structure. Individual action becomes not just a mechanism for changing corporate structures in the logic they set, but a framework that ensures their preservation as dynamic entities in a poorly predictable environment. In the context of crisis trends in the economy, identifying productive forms of agency support in the corporate sector, as well as their classification, is an important theoretical and practical task, for which the authors conduct a review of Russian and international academic and practical lit-

народной научной и практической литературы, охватывающей более 350 источников, опубликованных не ранее 2015 г.

Обнаружено, что агентность высоко разнообразна по формам и источникам, в частности, она может реализовываться как в индивидуально-автономных, так и в командных формах, а также может генерироваться не только во внутренней, но и во внешней среде организации, включая потребителей или пользователей. Кроме того, агентность различается по силе и масштабам эффектов: она может оказывать более или менее выраженное трансформирующее влияние на организационную среду. Отдельно рассматриваются так называемые самоорганизованные рабочие команды как пример «полей агентности» — нового типа структур в корпоративном контексте, сформированных на базе индивидуальной агентности и усиливающих ее эффекты. Кроме этого, авторы анализируют формы проявления и эффекты индивидуальной агентности в контексте платформенной занятости и корпоративный краудсорсинг, значение которых повышается в условиях снижения жесткости границ не только внутри компании, но и между внутренней и внешней средой организации.

Ключевые слова: агентность, корпоративный сектор, экономическое развитие, предпринимательство, платформенная занятость, нестандартная занятость

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10182.

Введение

Проблематика агентности (*agency* — предприимчивость, инициативность, самостоятельность) является центральной не только для социальной теории, но и для практики современного бизнеса, включая корпоративный сектор в условиях про-

erature covering more than 350 sources published since 2015.

The study shows that agency, the potential of which mobilizes the corporate sector, is highly diverse in forms and sources, it can be implemented both in individual-autonomous and in team forms, and can be oriented not only to the internal, but also to the external environment, including consumers or users. In addition, agency varies in strength and scale of effects. Thus, it can have a more or less strong strategic transformative influence on the organizational environment. Self-organized work teams are considered as an example of agency fields — a new type of structure in the corporate context built around individual agency and enhancing its effects. Special attention is paid to the forms of manifestation and effects of individual agency in the context of platform employment and corporate crowdsourcing, the importance of which increases in the context of reducing the rigidity of boundaries not only within the company, but also between the internal and external environment of the organization.

Keywords: agency, corporate sector, economic development, entrepreneurship, platform employment, non-standard employment

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-78-10182.

должающегося кризиса и растущей неопределенности в социально-экономическом развитии [Cavazzoni, Fiorini, Veronese, 2021; Сорокин, Фрумин, 2022].

В литературе по менеджменту отмечается возрастающая важность способности творчески подходить к решению трудовых вопросов, создавать и внедрять новые формы деятельности, открывать нетривиальные подходы к решению привычных задач [Brodnik, Brown, 2017]. Вместе с тем авторы фиксируют недостаточную глубину теоретического осмысления соответствующих вопросов, например, со стороны экономики [Acs, 2016], социологии [Sorokin, 2020], психологии [Mironenko, Sorokin, 2022] и междисциплинарных исследований [de Haan, Rotmans, 2018]. В частности, малоизученным остается вопрос о различении, с одной стороны, индивидуальной трансформирующей агентности, а с другой — групповой. Суть вопроса состоит в том, в каких случаях действие группы или сообщества целесообразно рассматривать как проявление функционирования структуры, а в каких — как результат индивидуальной инициативы.

Ключевое ограничение современных дискуссий в социальной теории заключается в том, что социальные структуры (в том числе коллективы, сообщества) рассматриваются как продукты прежде всего структурных стимулов (например, такая трактовка характерна для теории Н. Флигстина и Д. Макадама [Флигстин, Макадам, 2022] и критикуется в междисциплинарной литературе [de Haan, Rotmans, 2018]). Вслед за классиками социальной мысли 1970—1980-х годов Э. Гидденсом, П. Бурдьё, Дж. Мейером и др. вместо четкого различения «структуры» и «действия» Н. Флигстин и Д. Макадам объявили эти два феномена онтологически неразделимыми. Иными словами, действие формирует и прежде всего воспроизводит структуру, однако само же направляется ею (см. критику [Archer, 2024]). В условиях относительно стабильно развивающихся (причем в «желательную» с нормативной точки зрения сторону) и предсказуемых структур данный подход можно было считать удовлетворительным. Однако в ситуации, когда социальные изменения становятся все более непредсказуемыми и носят преимущественно негативный характер, возникает теоретическая и практическая необходимость определить возможные новые источники корректировки вектора структурных изменений. Именно здесь и возникает объективный (то есть проистекающий из реального исчерпания «естественной» позитивной структурной динамики, которая обеспечивала прогресс на глобальном и для большинства стран национальном уровне с середины XX века) «запрос» на человеческую трансформирующую агентность.

В литературе по социальной теории было предложено называть неоструктуризацией указанное состояние общественных систем, когда для эффективной адаптации институтов к меняющимся условиям становится необходимой человеческая агентность, которая самими институтами принципиально не детерминирована, но при этом востребована [Сорокин, 2023]. В частности, в социологии, менеджменте и исследованиях технологий была показана особая острота проблемы агентности как с теоретической, так и с практической точки зрения для трансформаций в области экономики, включая корпоративный сектор [de Haan, Rotmans, 2018; Bosman, 2022; Сорокин, Мальцева, 2024; Brown et al., 2025]. Частичным ответом на возникающий вопрос о возможных механизмах реализации структурной

трансформации на основе человеческой агентности выступила концепция «полей агентности» как нового типа структур, формирующихся вокруг и на основе индивидуального действия [Сорокин, Афанасьева, 2024].

На этом фоне предпринимательская деятельность остается наиболее очевидным примером агентности в экономической среде [Сорокин, 2023]. Трактовка предпринимательского поведения как агентного отвечает не только современным разработкам в области образования, социологии, психологии, экономики и менеджмента [Сорокин и др., 2022], но и идеям Нобелевского лауреата по экономике, сооснователя теории человеческого капитала Теодора Шульца [Schultz, 1975]. В 1970-е годы он выдвинул и обосновал концепцию «предпринимательского элемента» человеческого капитала, согласно которой «предпринимательский элемент» выражен в способности индивида управлять своим временем, усилиями, знаниями и навыками (*allocative abilities*), включая нахождение оптимальных способов для их эффективного использования в меняющихся структурных условиях в различных сферах, таких как образование, домашнее хозяйство, трудовая деятельность, предпринимательство [Schultz, 1975; Emirbayer, Mische, 1998; Кузьминов, Сорокин, Фрумин, 2019]. Несмотря на доминирование в научных дискуссиях последних 40 лет традиционной теории человеческого капитала, концепция Т. Шульца о «предпринимательском элементе» человеческого капитала фактически «выпала» из экономического мейнстрима в последние десятилетия, что может отчасти объясняться общей недостаточной проработанностью в экономике вопроса о месте индивидуального действия в изменениях рынков [Acs, 2016].

В условиях неоструктуризации, новой фазы социетальной эволюции, индивидуальное действие становится не просто механизмом развития корпоративных структур в заданной ими логике, но «каркасом», обеспечивающим их выживание как динамических образований в слабо предсказуемой среде. На фоне кризисных тенденций в экономике определение перспективных форм поддержки агентности в корпоративном секторе и их классификация становятся важными теоретическими и практическими задачами, для решения которых мы обращаемся к обзору российской и международной научной и практической литературы, охватывающей более 350 источников, опубликованных не ранее 2015 г. Мы надеемся, что представленные результаты станут основой для будущих эмпирических исследований.

Методология

На первом этапе, с учетом уже существующих наработок авторов [Кузьминов и др., 2019; Сорокин, Фрумин, 2022; Сорокин, Мальцева, 2024] и известных им ключевых публикаций, включая информацию о цитировании, были проанализированы авторитетные международные академические (научно-исследовательские статьи, научные доклады), экспертные (доклады, отчеты) и практические (корпоративные доклады) источники в области экономики, социологии, психологии, менеджмента, маркетинга (всего более 30 источников). На их основе составлены ключевые слова, отражающие наиболее распространенные аспекты проблематики агентности в корпоративном секторе.

Результатом анализа на первом этапе стало выделение экспертным путем следующих ключевых слов, а также их классификация по группам.

1) Верхнеуровневые понятия: *agency, entrepreneurship, initiative, innovation, technological progress, human capital* (англ.); агентность, инициативность, инновации, технологический прогресс, предпринимательство, субъектность, человеческий капитал (рус.).

2) Понятия, отражающие характерный для настоящего исследования интерес к преломлению проблематики агентности к предметной сфере корпоративного бизнеса: *business, corporate sector* (англ.); бизнес, корпоративный сектор (рус.).

3) Понятия, отражающие как внутреннюю, так и внешнюю среду реализации агентности, учет каждой из которых имеет важное значение в соответствии с современными разработками в социальной теории (см. [Флигстин, Макадам, 2022]): *corporate environment, social environment, work environment* (англ.); корпоративная среда, социальная среда, рабочая среда (рус.).

4) Понятия, связанные с конкретными практиками и элементами организации корпоративной жизни, предположительно наиболее перспективные с точки зрения вопросов агентности: *crowdsourcing, employee development, learning organization, platform economy, professional teams, project teams, skill development* (англ.); краудсорсинг, обучающаяся организация, платформенная экономика, профессиональное совершенствование, профессиональные сообщества, развитие навыков, развитие сотрудников, цифровые платформы (рус.).

Поисковые запросы делались по заголовкам статей в ключевых научных библиометрических базах данных (платформах *Scopus, Web of Science, Google Scholar, РИНЦ*), на сайтах международных организаций и аналитических центров (например, Всемирного Банка, Всемирного экономического форума, Международной организации труда, ЮНЕСКО, ОЭСР), ведущих консалтинговых агентств и корпораций (*Deloitte, McKinsey & Company, PricewaterhouseCoopers (PwC), СберУниверситет, «Русконсалт»* и др.). Также осуществлялся поиск эмпирических кейсов отдельных инновационных компаний (отраженных, например, в виде корпоративных отчетов) в системах *Google* и «Яндекс». Для исследования отбирались доклады и отчеты, содержащие информацию о практиках управления персоналом, корпоративной культуре, организационной среде корпорации, краудсорсинге, платформенной занятости.

С целью произвести концептуализацию современного научного дискурса был установлен временной фильтр — не ранее 2015 г. Поиск осуществлялся с 1 февраля по 1 сентября 2024 г. в несколько итераций (с расширением состава ключевых слов по мере обнаружения соответствующих специфических кластеров дискуссий). По итогам автоматического поиска было обнаружено 350 источников, из которых 160 были подвержены углубленному анализу, а остальные исключены из рассмотрения, так как не были посвящены агентности в корпоративном секторе в достаточной степени, что следовало из их первичного просмотра. Релевантность источников проверялась в ручном режиме. В итоговую выборку вошли публикации на английском (124 ед.) и русском (36 ед.) языках, в том числе 110 академических источников, 30 экспертных докладов и отчетов, 20 корпоративных докладов и публикаций на официальных сайтах компаний.

Результаты исследования

Типология проявлений агентности в корпоративной среде

Учитывая фронтирный и малоизученный характер рассматриваемой темы, мы сознательно не закладывали жестких априорных оснований для классификации проявлений агентности. При этом, с учетом теоретически обоснованного выше акцента на месте действия в структурном контексте, одним из наиболее заметных (и отчасти неожиданных) наблюдений по итогам нашего анализа стало то, что обсуждение агентности выходит за пределы рассмотрения взаимодействия между организацией и индивидуальным (штатным) сотрудником. Проблематика изменений организационной структуры на основе человеческого действия включает гораздо более широкий круг феноменов и процессов, в том числе взаимоотношения между организацией и группами внутри нее, а также между организацией и внешними акторами. Обобщая, на основе проведенного анализа можно выделить четыре класса феноменов, отражающих проявления агентности в корпоративной среде.

1. Агентность на уровне фирмы в целом (среда формальных норм и правил корпорации) (80 кейсов). Отражает ситуацию непосредственной «встречи» изменяющего среду автономного индивидуального действия и организационной структуры (то есть трансформирующая агентность в ее наиболее очевидном и обсуждаемом в международном научном мейнстриме понимании).

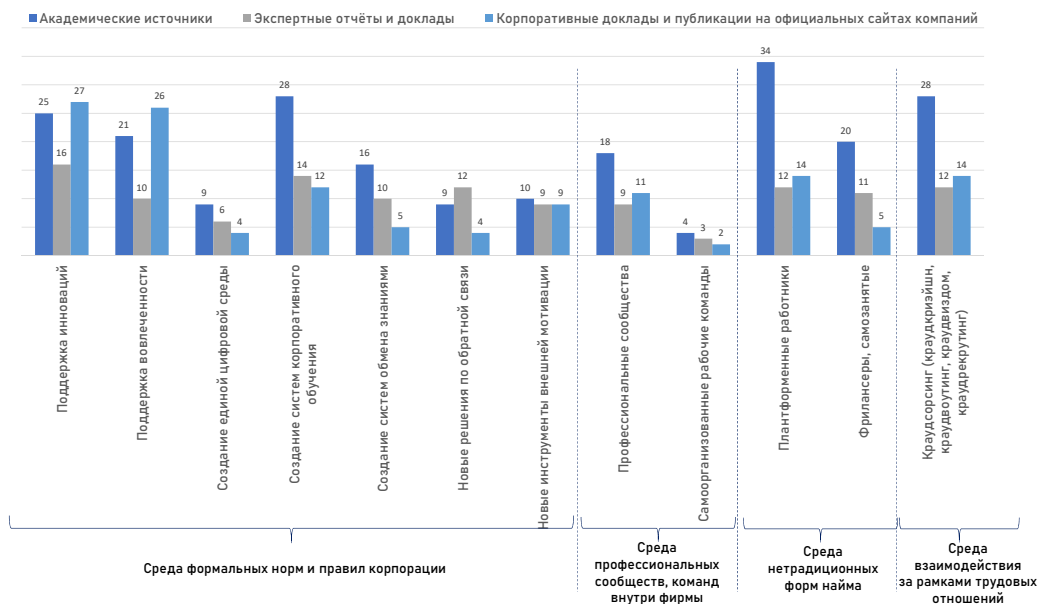
2. Агентность на уровне профессиональных групп, сообществ внутри фирмы (60 кейсов). Описывает ситуации, когда трансформационный эффект реализуется не за счет автономного действия индивида, а за счет поведения нескольких индивидов или группы лиц, объединенных в одно «поле агентности», созданное на базе индивидуальной инициативы (см. подробнее о понятии «поле агентности» [Сорокин, Афанасьева, 2024], а также близкие дискуссии о «сетях» и «движениях» как структурных продуктах низовой агентности [de Haan, Rotmans, 2018]).

3. Агентность, реализуемая на индивидуальном уровне в среде нетрадиционных форм найма — прежде всего, деятельность так называемых нетрадиционных занятых, платформенных работников и фрилансеров (45 кейсов).

4. Агентность, реализуемая за рамками трудовых отношений, но вместе с тем направленная на решение задач организации (краудсорсинг, задействование потребителей, пользователей или партнеров) (50 кейсов).

Классификацию источников, посвященных конкретным проявлениям агентности в корпоративной среде в международном академическом (*Scopus*, *Web of Science*, *Google Scholar*, *РИНЦ*), экспертном и корпоративном дискурсах, можно представить в виде схемы (см. рис. 1). Многие источники рассматривают несколько механизмов развития агентности на разных уровнях (общекорпоративном, командном, индивидуальном), поэтому они несколько раз учтены в диаграмме.

Далее рассмотрим основные формы проявления и поддержки агентности на каждом из обозначенных сегментов.

Рис. 1. Классификация источников, посвященных способам поддержки агентности в корпоративной среде¹

1. Агентность на уровне фирмы

в рамках ее основной организационной структуры

Анализ показывает, что ключевой запрос корпораций состоит в том, чтобы сотрудники (как минимум их значительная часть) чаще выходили за пределы узкого функционала рутинных (в том числе когнитивно нагруженных) операций в рамках отдельных «ячеек» своих рабочих мест. Ведущие компании демонстрируют холистический взгляд на человека и его потенциал: индивид рассматривается как целостный актор, который вносит вклад в работу не за счет ограниченного набора отдельных навыков и умений, а посредством взаимосвязанных характеристик, которые он постоянно развивает [Сорокин, Мальцева, 2024]. Бизнес ожидает инициативы от сотрудников в части как развития своего собственного человеческого капитала, так и оптимизации и совершенствования бизнес-процессов в компаниях. Показательным примером ответа на этот вызов являются специальные меры, направленные на развитие самоорганизованности сотрудников [Ruotsalainen et al., 2022], что, в свою очередь, предполагает формирование новых умений и навыков (например, умения работать с неопределенностью, навыков управления командой, решительности, настойчивости, адаптации к новым условиям, предпринимательского мышления, умения брать на себя ответственность, быстро восстанавливаться и управлять психоэмоциональной нагрузкой), а также стремления к инновациям в рамках решения бизнес-задач [ibid.]. Рассмотрим далее конкретные кейсы международных компаний.

¹ Составлено авторами. Список источников, учтенных на рисунке 1, см.: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1PeufOg8Vg-xON3d2Mj7RtLs49hNBysdZkU4ex6UnGI/edit#gid=0> (дата обращения: 16.08.2025).

В отчете 2023 г. *McKinsey & Company* делает особый акцент на том, что устойчивое развитие компании зависит не только от того, насколько навыки сотрудников соответствуют квалификационным требованиям в текущий момент времени, но и от того, готовы ли сотрудники приобретать новые навыки на рабочем месте, от способности эффективно совершенствовать технологии и бизнес-процессы, используя открывающиеся окна возможностей. Причем все это — за рамками основных трудовых обязанностей². Авторы доклада указывают, что на 40—60 % доход определяется именно опытом работы. Причем у наиболее успешных в карьере отношении сотрудников каждые два—четыре года набор навыков обновляется на 25 %³. В исследовании также отмечается рост значимости социальных и эмоциональных навыков в трудовой деятельности, реализация которых, по оценкам экспертов, к 2030 г. составит 22 % рабочего времени (против 18 % сегодня).

Помимо того, что инициатива и проактивность в существенной степени — результаты внутренней мотивации [Mittal, Dhar, 2015], значимым фактором является внешняя (корпоративная) мотивация (вознаграждения, специальные условия труда, творческий отпуск и др.).

Декларирование ориентации на агентность сотрудников как на признак «прогрессивной» компании становится мейнстримом в корпоративном дискурсе, включая не только лидеров международного консалтинга, но и ведущие компании (в России ярким примером служат дискуссии о человекоцентричности в корпоративном секторе). Многие корпорации мира (и лидеры российской экономики, например «Сбер»⁴) целенаправленно формируют ощущение, что каждый сотрудник, независимо от стажа работы, образования или должности, может внести свой вклад в успех компании.

Идеологический фактор, связанный с позитивным восприятием индивидуальной агентности в широкой общественности, уже становления предметом научного осмысления [Bromley, Meyer, 2021]. Однако наш анализ показывает, что агентность — это не просто культурный нарратив или идеологический образ, но практический механизм трансформации современных корпораций, а также индивидуального успеха самого сотрудника. В частности, значительное количество исследований в области менеджмента показывают связь между проактивностью сотрудников и их психологическим благополучием, эмоциональным состоянием, успешной социализацией [Wu, Deng, Li, 2018]. При этом ограничение мейнстрима в исследованиях агентности на уровне организации в целом заключается в недостаточном внимании к кейсам, связанным с «сильной» агентностью⁵, то есть значительным преобразованием индивидом окружающей среды или орга-

² Hall S., Schmutz D. The Skills Revolution and the Future of Learning and Earning. World Government Summit 2023. In collaboration with McKinsey & Company. 2023. URL: <https://www.mckinsey.com/-/media/mckinsey/industries/education/our%20insights/the%20skills%20revolution%20and%20the%20future%20of%20learning%20and%20earning/the-skills-revolution-and-the-future-of-learning-and-earning-report-f.pdf> (дата обращения: 17.08.2025).

³ Там же.

⁴ Кодекс корпоративной этики и делового поведения // Сбер. 2022. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/redirected/com/ethics_interactive/ (дата обращения: 21.02.2025).

⁵ «Сила» агентности связана с масштабом и устойчивостью оказанного трансформирующего воздействия [Emirbayer, Mische, 1998; Сорокин, Редько, 2024]. На фоне культурной легитимности агентности как таковой для обеспечения объективных трансформаций (а не их видимости) важно уделять особое внимание тем проявлениям агентности, которые несут наиболее значимый, структурно-трансформирующий характер.

низационной структуры (например, деятельностью, связанной с трансформацией существующих процессов и приносящей наибольший доход, и т. п.) [Emirbayer, Mische, 1998]. Как видно из проанализированных источников, проявление сотрудниками инициативы в выстраивании бизнес-процессов, их саморазвитие явно или имплицитно позиционируются как не просто «экономически выгодное», но «этически правильное». При этом культурная легитимность не исключает технической целесообразности индивидуальной агентности в организационных контекстах [Сорокин, Мальцева, 2024: 10]. Именно поэтому в научном и экспертном дискурсе необходимо различать: с одной стороны, обсуждение конкретных организационных форм и решений, которые на практике раскрывают созидательный потенциал каждого сотрудника (особенно с точки зрения «сильной агентности»), и, с другой стороны, более широкие дискуссии о важности инициативности, предпринимчивости, проактивности как таковых.

В качестве примера инициативы по развитию сильных форм индивидуальной агентности можно привести программу «Движение рационализаторов» в рамках Национального проекта РФ «Производительность труда». Программа предполагает запуск рационализаторских проектов, в 2024 г. участие в них приняло около 50 тыс. человек. Указанный национальный проект, при всех сложностях объективной оценки полезности связанных с ним идей рационализаторства, показывает практическую востребованность индивидуальной агентности (в ее сильных проявлениях) в России.

Ниже мы приводим основные кластеры организационных мер, которые обсуждаются в литературе как инструменты развития агентности на уровне компании.

I. Цифровая среда как фактор развития агентности: 1) репрезентация актуальной и возможных карьерных траекторий в цифровой среде (включая моделирование индивидуального развития с помощью так называемых цифровых двойников); 2) открытая цифровая база знаний, методов и решений, 3) цифровые решения для обучения и развития, включая наставничество (в том числе с использованием инструментов искусственного интеллекта).

II. Формирование социально-культурных условий для поддержания агентности: 1) поддержание чувства сопричастности и сплоченности; 2) создание системы позитивной обратной связи.

III. Организационно-структурные факторы, механизмы поддержки агентности сотрудников: 1) новые решения в области внешней мотивации сотрудников, 2) организационные меры по стимулированию внедрения и распространения инноваций.

Схематично перечисленные выше основные кластеры организационных мер, которые рассматриваются в литературе как инструменты развития агентности внутри корпорации, изображены на рисунке 2.

Таким образом, в научной и экспертной литературе заметен значительный интерес к вопросу о том, какие условия на организационном уровне (охватывающем компанию целиком) могут способствовать агентности сотрудников. При этом основные векторы разработок касаются цифровой среды, решений в области «мягких» социально-культурных факторов, а также более «жестких» организационно-структурных мер. Важно подчеркнуть, что все эти три направления организационного развития не жестко разделены, но взаимопереплетаются. На фоне

снижения жесткости организационных структур, а также во многом благодаря использованию современных технологий корпорации превращаются в пространство не просто широких возможностей для проявления сотрудниками своей агентности, но в среду, в которой указанная агентность становится частью культурных ожиданий, «новой нормальностью».

Рис. 2. Формирование, поддержка и развитие агентности на организационном уровне

2. Агентность на уровне сообществ внутри фирмы («поля агентности»)

Важной производственной ячейкой современной компании являются проектные команды. Под «командой» в настоящей работе понимается такое относительно устойчивое взаимодействие людей в группе, которое позволяет реализовывать их профессиональный, интеллектуальный и творческий потенциал в соответствии с целями компании [Benitez-Amado, Walczuch, 2012]. Целенаправленные усилия корпораций по поддержке проектных команд можно рассматривать как попытку организаций институционализировать индивидуальную агентность [Brodnik, Brown, 2017: 36]. Ярким примером выступает практика поддержки так называемых профессиональных сообществ [Долженко, 2015] — это структуры, созданные вокруг индивидуальной агентности и движимые ею — буквально «поля агентности» (см. [Сорокин, Афанасьева, 2024]). Например, около половины (49 %) респондентов в исследовании, проведенном по инициативе «СберУниверситета» в 2023 г.⁶ и охватившем более 170 представителей профессиональных сообществ из российских компаний (включая «Ростелеком», «Билайн», МТС и др.), отмечают, что профессиональные сообщества ставят перед собой цель форми-

⁶ Внутренние профессиональные сообщества: развитие и управление. Отчет об исследовании // СберУниверситет. 2023. С. 12. URL: https://sberuniversity.ru/upload/iblock/760/pk489zqepontlk2g9ziyot115l4fdn3v/vnutrennie_professionalnye_sobshchestva.pdf (дата обращения: 21.02.2025).

рования инициатив по совершенствованию процессов (продуктов) организации. При этом также около половины опрошенных утверждают, что результаты работы их профсообщества существенно влияют на успешность компании с точки зрения бизнес-показателей.

Хорошо известно, что проектным командам в корпоративном секторе свойственна гибкая структура [Smink, Hekkert, Negro, 2015; Ruotsalainen et al., 2022]. Менее обсуждаемо то, что подобная организация труда, хотя и повышает возможности быстро реагировать на изменение условий, но при этом повышает риски в сфере сплоченности. В современных социальных науках дискуссия о гибкости и изменчивости на уровне общества в целом разворачивается зачастую в отрыве от более узких вопросов о том, как меняются условия социального взаимодействия в бизнесе. Между тем развитие команд как гибких образований с поддержкой их внутренней сплоченности и общей социальной связности на уровне организации в целом — это, с одной стороны, вызов, а с другой — важный ресурс для развития компании. Например, в упомянутом выше российском исследовании профессиональных сообществ 37 % представителей компаний размером до одной тысячи сотрудников и 25 % представителей более крупных компаний признали недостаток активных участников профсообщества, чуть меньшие доли отметили невыстроенность процессов привлечения и адаптации новых участников, а также нечеткие правила и принципы поведения в профсообществе⁷.

Исследование, проведенное в 2021 г. международной корпорацией *PricewaterhouseCoopers (PwC)*, также показало, что у компаний, в которых сформировалась уникальная и целостная культура, существенно больше возможностей для устойчивого роста и развития по отношению к среднему показателю по отрасли; прибыль подобных фирм в два раза больше, чем у конкурентов⁸.

Анализ показывает, что поддержание сплоченности не только на уровне организации в целом, но также на уровне подразделений и команд становится все более важной задачей организационных стратегий. Творческий тимбилдинг, образовательные мероприятия, корпоративные конкурсы, коллективные походы сотрудников на культурные мероприятия — лишь некоторые примеры развития социальной сплоченности и укрепления корпоративной культуры, а тем самым — и формирования эффективных и продуктивных для задач организации неформальных сообществ. Например, в литературе отмечается опыт компаний *Google*, *Hewlett-Packard*, *The Coca-Cola Company*, *Avon Products*, *Hilton* в сфере сплочения коллектива на уровне микрогрупп [Bowie, 2019].

Особым примером агентности на уровне сообществ внутри фирмы выступает феномен так называемых самоорганизованных рабочих команд. В них решающая роль отводится низовой инициативе, причем не только при определении методов и способов решения той или иной проблемы или задачи, но и при формировании кадрового состава исполнителей [Wax, DeChurch, Contractor, 2017]. Как отмеча-

⁷ Внутренние профессиональные сообщества: развитие и управление. Отчет об исследовании // СберУниверситет. 2023. С. 12. URL: https://sberuniversity.ru/upload/iblock/760/pk489zqeponik2g9ziyot115i4fdn3v/vnutrennie_professionalnye_sobshchestva.pdf (дата обращения: 21.02.2025).

⁸ Global Culture Survey 2021: The Link between Culture and Competitive Advantage // Pw C. 2021. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/upskilling/global-culture-survey-2021/global-culture-survey-2021-report.html> (дата обращения 21.02.2025).

ется в литературе, высокоэффективные организации используют самоорганизованные команды, предоставляя им свободу в принятии широкого круга решений [Monsen, Blok, 2013], и создают среду, которая поддерживает их способность внедрять инновации. Горизонтальная организация фирмы без административной иерархии рассматривается как альтернатива вертикальной, властной организации (доминирования). Поддержка самоорганизованных команд предполагает внедрение компанией в свою структуру трансформационного (предпринимательского) поведения, его институционализацию. Данный междисциплинарный подход активно исследуется в теории сложных сетей (*Network Science*) в области организации и управления [Aarikka-Stenroos, Ritala, 2017]. Примером компании, в которой реализована идея самоорганизованных команд, может стать *SoftwareMill*. Исследования показали, что самоорганизующиеся команды работают эффективнее, в частности, больше нацелены на сотрудничество с клиентами, более отзывчивы и чутки к их желаниям. Кроме того, подобные команды более адаптивны к внешним изменениям, а значит, быстрее реагируют на изменяющиеся запросы [Kringelum, Brix, 2020; Ruotsalainen et al., 2022].

В литературе отмечается важность для успешной трансформации социальной структуры вовлечения в процесс изменений представителей различного ролевого функционала (лидеров (*frontrunners*), соединителей (*connectors*), опрокидывателей / топplers (*toppler*), сторонников (*supporters*)) [de Haan, Rotmans, 2018]. Опыт исследований самоорганизованных рабочих команд также показывает важность общего опыта, интересов участников в сочетании с гендерным и возрастным разнообразием [Benitez-Amado, Walczuch, 2012].

Таким образом, современная реальность требует от сотрудников способности эффективно и инициативно создавать, поддерживать и, если нужно, трансформировать команды на низовом уровне для решения новых задач и реагирования на непредвиденные изменения. В данном разделе мы рассмотрели на командном уровне структурные проявления агентности, опирающиеся на индивидуальную инициативу. Одним из наиболее ярких и интересных феноменов нового формата поддержки агентности сотрудников на командном уровне являются самоорганизованные рабочие команды. Фактически речь идет о постепенном выдвижении принципа самоорганизации как потенциально ключевого основания структурирования рабочих процессов в компаниях — в противовес по-прежнему широко распространенным более традиционным моделям, опирающимся на принципы бюрократии.

Наиболее показательны с точки зрения обсуждаемого в литературе потенциала трансформирующей агентности круги креативного сотрудничества (*collaborating creative circles*) [Parker, Corte, 2017], однако до сегодняшнего дня данное понятие не применялось для анализа внутрикорпоративной среды, оставаясь инструментом в сфере науки, культуры и искусства [Сорокин, Афанасьева, 2024]. С одной стороны, данный тип структур выступает частным случаем «поля агентности», однако, в отличие от «полей агентности», рассмотренных ранее и связанных с относительно слабо регулируемой средой искусства, в данном случае мы имеем дело с феноменом, погруженным в динамичную корпоративную структуру и имеющим собственную целевую функцию (см. рис. 3).

Рис. 3. Классификация феноменов, отражающих проявления агентности в корпорациях

Как было отмечено выше, ограничением современных дискуссий в социальной теории является то, что социальные структуры (включая коллективы, сообщества) рассматриваются как продукты прежде всего структурных стимулов. Это верно в том числе применительно и к корпоративному контексту и экономической сфере. Однако, как показывает анализ, практика развития бизнеса постепенно приводит к идее о необходимости выделять особого типа структуры, которые изначально формируются (и именно в такой модели формирования поддерживаются организациями) как продукты индивидуальной агентности. Их называют самоорганизованными рабочими командами, сетями, движениями (см. [de Haan, Rotmans, 2018]), профессиональными сообществами (в российском контексте) [Долженко, 2015]. Отчасти парадоксальная особенность данного типа структур состоит в том, что они, с одной стороны, направлены на повышение организационной эффективности, но, с другой стороны, в своей деятельности не детерминированы организацией, а, напротив, движимы индивидуальной инициативой и агентностью своих лидеров. Данная находка имеет ценность для дискуссий в современной социологии организаций, которые по-прежнему склонны рассматривать человеческое трансформирующее действие скорее как культурный нарратив, но не как реальную движущую силу организационных изменений [Bromley, Meyer, 2021].

3. Индивидуальная агентность в рамках взаимодействия основной организационной структуры корпорации с внешними акторами

Одним из ключевых процессов, меняющих современный рынок труда, выступает рост так называемой нетрадиционной занятости, который остается недостаточно осмысленным социологически с точки зрения его влияния на природу организаций в контексте вопроса о соотношении между структурой и действием. В рамках нетрадиционной занятости принято различать, с одной стороны, плат-

форменную занятость (то есть занятость, регулируемую цифровыми агрегаторами, или гиг-экономику [Baník, Padalkar, 2021]), и, с другой стороны, занятость, реализуемую без посредничества такого рода структур, то есть через прямую контрактацию исполнителя с заказчиком (фрилансеры, самозанятые и др.).

Основное внимание в настоящей работе мы уделяем первому типу нетрадиционной занятости, потому что для второго типа важность индивидуальной агентности общепризнана, например в рамках индустрии консалтинга (см. [Anderson, McKenzie, 2022]). В области изучения платформенной занятости большинство исследований рисуют картину прекарности — структурной дискриминации занятых по отношению как к платформам, так и к заказчикам. В частности, отмечается, что в результате распространения платформ неравенство в доходах между низко- и высококвалифицированными занятыми увеличивается [Baník, Padalkar, 2021]. Данная проблема рассматривается в литературе преимущественно как отражение, с одной стороны, принципов работы самих платформ, заинтересованных в низкой стоимости неквалифицированного труда, имеющего массовый спрос (водители, курьеры и др.), с другой стороны, социальной стратификации общества в целом, в которой разрыв между богатыми и бедными также растет.

Такой подход, несмотря на правомерность, оставляет за скобками другой, не менее важный аспект платформенной экономики: она позволяет индивидуальным участникам конкурировать на открытых основаниях, демонстрируя собственную результативность непосредственно, формируя соответствующее портфолио выполненных проектов и связанный с ними социальный капитал (и, вероятно, создавая свои «поля агентности»). Уже имеются исследования, показывающие, как благодаря предприимчивости определенных категорий платформенных занятых, формирующих социальные связи с различными контрагентами в рамках платформенного труда, снижаются издержки производственного процесса, например, экономится время, а кроме того, может возрастать и субъективная удовлетворенность карьерой [Dunn, 2020].

Технологический прогресс меняет форматы работы, формируя спрос на цифровые навыки [Сорокин, Мальцева 2024: 8]. Государства заинтересованы в использовании платформенных технологий для вовлечения в рынок труда граждан, которые по тем или иным причинам не готовы к традиционному корпоративному найму, а бизнес — для увеличения прибыли за счет экономии, гибкости, эффектов охвата. Многие крупные компании, такие как *Google*, *Facebook*, *Amazon*, *LinkedIn*, в поисках новых рыночных возможностей используют платформенную занятость. В России также известны компании, опирающиеся на труд фрилансеров, которые самостоятельно выбирают время работы, количество задач и непосредственно сами задачи. Так, на российской платформе «Профессионалы 4.0» свои заказы, не требующие оформления их исполнителя в штат, размещают частные корпорации и государственные организации.

Исследования показывают, что для платформенной занятости важно наличие таких навыков, как самостоятельность, креативность, стрессоустойчивость, способность к адаптации, умение кооперироваться и наращивать социальный капитал [van den Groenendaal et al., 2022]. Лица, вовлеченные в платформенную занятость, сталкиваются с особыми требованиями к проявлению индивидуального агентного поведения [Prandini, 2015]. В частности, при взаимодействии с корпо-

рациями (в формате краткосрочных договоров, аутсорса⁹) платформенные занятые, как правило, напрямую не выражают свою агентность (постановка задачи принимается в готовом виде, а приемка работ осуществляется по заранее согласованным критериям). Агентность раскрывается преимущественно в процессе реализации задач, когда исполнитель, зачастую вынужденно, формирует новые сети отношений и практики, обеспечивающие достижение поставленной цели.

В литературе отмечается, что жесткие рамки и высокая требовательность со стороны компаний стимулируют нетрадиционно занятых прибегать к различным стратегиям, как «белым» (легальным, этичным), так и «черным» (нелегальным, неэтичным), и действовать предпринимательно, выстраивая вокруг себя структуры и сети отношений, оказывающие поддержку в выполнении задач [Sun, Chen, 2021]. Сама логика рынка платформенной занятости делает затруднительной успешную с точки зрения соотношений усилий и вознаграждения карьеру без дополнительного социального ресурса: собственная клиентская база, налаженная сеть отношений и неформальные договоренности с поставщиками, экспертами и другими контрагентами, взаимодействие с которыми необходимо для выполнения взятых на себя обязательств. Индивидуальная агентность в данном случае проявляется в контексте взаимодействия внешнего и внутреннего: не только актора и среды, но и организационной среды как малого мира (*small world*) и более широкого социального мира, откуда «приходят» платформенные и нетрадиционные занятые, принося опыт и практики, наработанные в большом разнообразии структурных сред, зачастую недостижимом для «традиционных» штатных занятых. Платформенные занятые могут иметь множественные аффилиации (с разными системами) и одновременно играть несколько ролей (используя разные виды стратегий для разных заказчиков), что позволяет считать их важным ресурсом для структурных трансформаций отдельной компании, а также интересным примером для изучения взаимодействия между структурой и индивидуальной агентностью в ходе конкретной системной инновации [Brodnik, Brown, 2017].

Таким образом, агентное поведение как фактор успеха корпораций востребовано не только работниками корпоративного сектора традиционного типа, но и лицами вне структуры компаний, например, взаимодействующих с корпорациями через платформы. Если в корпоративном секторе инициативы по развитию агентности у сотрудников зачастую исходят от руководства организации, которому необходимо, чтобы в компании внедрялись инновации и совершенствовались технологии и бизнес-процессы, то агентное поведение самозанятых зачастую направлено к более широкой социальной среде, включая широкий круг компаний, с которыми они работают и которые, не всегда умышленно, становятся частью создаваемых ими сообществ и сетей, позволяющих повысить производительность и привнести новые практики.

4. Индивидуальная агентность в рамках альтернативных форм привлечения кадрового ресурса без заключения трудового договора

Данный тип агентности реализуется в таких форматах, как краудкриэйшн (коллективное участие в создании продукта или идеи), краудвоутинг (процесс, когда

⁹ Аутсорсинг платформенных занятых — наем внештатных независимых сотрудников на определенный срок.

вопросы выносятся на публичное голосование), краудвиздом (использование экспертизы внешних аудиторий), краудрекрутинг (поиск сотрудников и волонтеров для проекта с помощью сарафанного радио и соцсетей) [Bronnikova et al., 2020]. Зонтичное понятие, под которым обобщаются различные формы мобилизации кадрового ресурса, — краудсорсинг (англ. crowdsourcing, от crowd — толпа и sourcing — привлечение ресурсов) [Hossain, Kauranen, 2015]. Данное понятие можно определить, как передачу определенного полезного для решения задач организации функционала широкому кругу лиц без заключения трудового договора. Краудсорсинг предполагает опору на людей, которые проявляют инициативу и готовы делиться своими знаниями и опытом. Данный механизм предоставляет всем желающим возможность проявить инициативу и помочь компаниям как в решении текущих проблем, так и в совершенствовании бизнес-процессов [Prpic et al., 2015].

Примером компании, которая системно использует краудсорсинг, является Google. Приложение *Google Crowdsource* дает возможность всем пользователям предложить варианты улучшения работы и исправления ошибок в продуктах компании. Яркий пример использования краудсорсинга — предоставление указанной компанией бесплатных GPS-устройств, чтобы создать полную базу географических объектов и достопримечательностей. Если информация, поступившая от разных людей, совпадала, объект наносился на карту¹⁰.

Кроме того, к краудсорсингу часто обращаются исследовательские подразделения корпораций [Kohler et al., 2017]. Например, NASA создает базы снимков поверхности Марса силами астрономов-любителей, а платформа *eBird* использует ресурсы натуралистов-любителей для наблюдения за перелетами пернатых.

Проведенный обзор показывает, что корпоративный краудсорсинг способствует поиску инновационных решений, увеличению продаж, привлечению новых пользователей, помогает компаниям развиваться и масштабироваться. В качестве примера можно привести компанию *Lego*, которая создала проект *Ideas Lego*, чтобы каждый желающий мог предложить свой вариант конструктора. Проект, набравший более 10 тыс. голосов, инженеры запускают в производство. Автору идеи отчисляется 1 % прибыли. Краудсорсинг помогает компании не только получать большое количество новых вариантов конструктора, но и привлекать покупателей, налаживать обратную связь, повышать удовлетворенность пользователей. По нашему мнению, современные формы использования компаниями краудсорсинга позволяют идентифицировать одну из важных граней перехода от клиентоцентричности к человекоцентричности. Клиентоцентричность компании связана с прогнозированием будущих и удовлетворением уже сформированных интересов и потребностей клиента, а человекоцентричность как ключевая составляющая человеческого потенциала проявляется не только в предсказании потребностей клиента, но и в вовлечении его в генерацию новых продуктов, бизнес-процессов и технологических решений для компании и более широкой ответственности (включая повышение удовлетворенности других потребителей за счет предложения нового продукта или создания общественных благ).

¹⁰ Sarin S., Pipatsrisawat K., Pham K., Batra A., Valente L. Crowdsourcing by Google: A Platform for Collecting Inclusive and Representative Machine Learning Data. 2019. URL: <https://storage.googleapis.com/gweb-research2023-media/pubtools/6131.pdf> (дата обращения: 17.08.2025).

Таким образом, в отличие от платформенной экономики, в краудсорсинге компании активизируют человеческую агентность практически бесплатно. Данный тип взаимодействия характеризуют добровольность, широкое вовлечение и высокая скорость процессов. Краудсорсинг часто используется компаниями как инструмент генерации креатива и инноваций, поддержки экспертных знаний и творчества. Сам факт растущего внимания ученых и практиков к краудсорсингу как способу мобилизации агентного потенциала внешней среды для задач развития компании — важный признак отмеченного выше процесса неоструктуризации, то есть нарастающей зависимости устойчивости и простого выживания структур от низового агентного поведения индивидов, связанных с ними. Внешняя среда, которую для частного сектора бизнеса составляют прежде всего клиенты, потребители, пользователи, партнеры, местные сообщества, является одним из ключевых элементов поддержки успеха, человекоцентричности и эффективной адаптации компании к быстро меняющемуся миру, включая изменения в потребительских вкусах и предпочтениях. С точки зрения научных дискуссий о тенденциях структурных изменений в современной неоструктурированной реальности данный раздел проведенного анализа демонстрирует необходимость учета трансформирующей агентности, проистекающей не только изнутри, но и извне структуры — как важного фактора эффективной адаптации к новым вызовам.

Дискуссия и заключение

Наша работа показывает целесообразность рассмотрения проблемы агентности с точки зрения широкого круга акторов, включая как штатных сотрудников (которые традиционно выступают основным предметом в исследованиях вопросов агентности в корпоративном секторе), так и внешнюю рабочую силу, а также клиентов и потребителей. На основе обзора и анализа научных и практических источников последних лет были определены ключевые «запросы» и формы соответствующих «ответов» (практик, решений), связанных с поддержкой и формированием агентности со стороны корпораций (как во внутренней корпоративной среде, так и во взаимодействии с внешними платформенными работниками, а также потребителями и более широким обществом). В результате предложена классификация ключевых форм агентности и практик ее мобилизации в трех сферах: 1) отношения с наемными работниками организации (с особым вниманием к агентности на уровне профессиональных сообществ), 2) отношения с внешней рабочей силой через платформы, 3) взаимодействие с потребителями и более широким обществом за рамками трудовых отношений (краудсорсинг) (см. рис. 3).

В отличие от других концепций социальных изменений, предлагаемая авторами теоретическая интерпретация закономерностей современной социальной и организационной динамики предполагает не только «спонтанность», «текучесть» или «неопределенность» как экзогенные факторы, но их сочетание с «трансформирующей агентностью» [de Haan, Rotmans, 2018; Сорокин, 2023] как отчасти эндогенной для организации (а следовательно, подлежащей регулированию различными инструментами, но при этом жестко не детерминированной) способности к трансформации организационных практик. В этих условиях, отчасти парадоксальным образом, для успеха организации все более важным становится не толь-

ко сохранение или целенаправленное развитие организационных условий в соответствии с выбранной стратегией, но и их трансформация с опорой на широкий круг источников индивидуальной агентности.

Указанная теоретическая модель не претендует на исчерпывающий характер с точки зрения ее наполненности конкретными типами взаимодействия организации с внутренней и внешней средой. Определенный круг иных форм мобилизации индивидуальной агентности для решения задач организации остался за рамками нашего внимания (например, аутстаффинг или работа с представителями гражданского общества) по причине, прежде всего, ограничений объема.

Мы опирались на вторичные данные и потому неизбежно вне нашего внимания остались многие проявления, эффекты и факторы поддержки трансформирующей агентности, реализуемой в современной реальности. Мы надеемся, что представленные результаты станут основой для будущих эмпирических исследований. Проведенный анализ рисует формирующийся образ корпорации как сложной открытой системы, черпающей энергию для развития не только из заданной внутренней структурной логики, но также из человеческой агентности широкого круга внутренних и внешних по отношению к организации акторов, действующих как самостоятельно, так и объединяясь в команды или сообщества.

Список литературы (References)

1. Долженко Р. А. Профессиональные сообщества: возможности формирования и использования в организации // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2015. № 1. С. 34—39.
Dolzhenko R. A. (2015) Professional Communities: Possibilities of Formation and Use in the Organization. *Problems of Economics and Management of the Oil and Gas Complex*. No. 1. P. 34—39. (In Russ.)
2. Кузьминов Я. И., Сорокин П. С., Фрумин И. Д. Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // Форсайт. 2019. Т. 13. № 2. С. 19—41. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15>.
Kuzminov Ya. I., Sorokin P. S., Froumin I. D. (2019) Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. *Foresight and STI Governance*. Vol. 13. No. 2. P. 19—41. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15>. (In Russ.)
3. Сорокин П. С., Афанасьева И. А. Поля агентности в сфере искусства: акторы, среды проявления и факторы формирования // Социологические исследования. 2024. № 10. С. 129—138. <https://doi.org/10.31857/S0132162524100119>.
Sorokin P. S., Afanaseva I. A. (2024) Agency Fields in the Sphere of Art: Actors, Environments of Manifestation, and Factors of Formation. *Sociological Studies*. Vol. 10. P. 129—138. <https://doi.org/10.31857/S0132162524100119>. (In Russ.)
4. Сорокин П. С., Корешникова Ю. Н., Афанасьева И. А., Исаева О. М., Савинова С. Ю., Шубнякова Н. Г., Платонова Ю. А., Феодосиади Н. В., Зобнина М. Р., Назаров М. Г., Омельченко Е. Л., Крупец Я. Н., Нартова Н. А., Бордунос А. К., Кар-

пинская Э. О., Широкова Г. В. Самостоятельность и проактивное поведение / науч. ред.: П. С. Сорокин. М.: Электронное издательство «Эгитас», 2022. Т. 2: Глобальный ландшафт исследований и перспективных разработок в области укрепления человека.

Sorokin P. S., Koreshnikova Yu. N., Afanaseva I. A., Isaeva O. M., Savinova S. Yu., Shubnyakova N. G., Platonova Yu. A., Feodosiadi N. V., Zobnina M. R., Nazarov M. G., Omelchenko E. L., Krupets Ya. N., Nartova N. A., Bordunos A. K., Karpinskaya E. O., Shirokova G. V. (2022) Independence and proactive behavior. Moscow: Egitas Electronic Publishing House. Vol. 2: Global Landscape of Research and Promising Developments in Human Empowerment. (In Russ.)

5. Сорокин П. С., Мальцева В. А. От дискретных навыков — к целостному созидательному человеческому потенциалу: новый подход в теории и практике // Форсайт. 2024. Т. 18. № 1. С. 6—17. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2024.1.6.17>.
Sorokin P., Maltseva V. (2024) From Discrete Skills to Holistic Creative Human Potential: An Emerging Approach in Theory and Practice. *Foresight and STI Governance*. Vol. 18. No. 1. P. 6—17. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2024.1.6.17>. (In Russ.)
6. Сорокин П. С., Редько Т. Д. Современные исследования агентности в сфере образования: систематизация ключевых понятий и разработок // Вопросы образования. 2024. № 1. С. 236—264. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-18131>.
Sorokin P. S., Redko T. D. (2024) Contemporary Research on Agency in Education: A Systematization of Key Concepts and Developments. *Educational Studies Moscow*. Vol. 1. P. 236—264. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-18131>. (In Russ.)
7. Сорокин П. С., Фруммин И. Д. Образование как источник действия, совершенствующего структуры: теоретические подходы и практические задачи // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 116—137. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-116-137>.
Sorokin P. S., Froumin I. D. (2022) Education as a Source for Transformative Agency: Theoretical and Practical Issues. *Educational Studies Moscow*. Vol. 1. P. 116—137. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-116-137>. (In Russ.)
8. Сорокин П. С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 103—114. <https://doi.org/10.31857/S013216250022927-2>.
Sorokin P. S. (2023) The Problem of “Agency” Through the Prism of a New Reality: Conditions and Perspectives. *Sociological Studies*. Vol. 3. P. 103—114. <https://doi.org/10.31857/S013216250022927-2>. (In Russ.)
9. Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей. М.: ВШЭ, 2022.
Fligstein N., Macadam D. (2022) Field Theory. Moscow: HSE. (In Russ.)
10. Aarikka-Stenroos L., Ritala P. (2017) Network Management in the Era of Ecosystems: Systematic Review and Management Framework. *Industrial Marketing Management*. Vol. 67. P. 23—36. <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2017.08.010>.

11. Anderson S. J., McKenzie D. (2022) Improving Business Practices and the Boundary of the Entrepreneur: A Randomized Experiment Comparing Training, Consulting, Insourcing, and Outsourcing. *Journal of Political Economy*. Vol. 130. No. 1. P. 157—209. <https://doi.org/10.1086/717044>.
12. Acs A. (2016) Which Statute to Implement? Strategic Timing by Regulatory Agencies. *Journal of Public Administration Research and Theory*. Vol. 26. No. 3. P. 493—506. <https://doi.org/10.1093/jopart/muv018>.
13. Archer M. S. (2024) Can Complexity Add Anything to Critical Realism and the Morphogenetic Approach? *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 54. No. 4. P. 422—433. <https://doi.org/10.1111/jtsb.12419>.
14. Banik N., Padalkar M. (2021) The Spread of Gig Economy: Trends and Effects. *Fore-sight and STI Governance*. Vol. 15. No. 1. P. 19—29. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.1.19.29>.
15. Benitez-Amado J., Walczuch R. (2012) Information Technology, the Organizational Capability of Proactive Corporate Environmental Strategy and Firm Performance: A Resource-Based Analysis. *European Journal of Information Systems*. Vol. 21. No. 6. P. 664—679. <https://doi.org/10.1057/ejis.2012.14>.
16. Bosman R. (2022) Into Transition Space: Destabilisation and Incumbent Agency in an Accelerating Energy Transition. PhD Thesis. Rotterdam: Erasmus University.
17. Bowie N. E. (2019) International Business as a Possible Civilizing Force in a Cosmopolitan World. *Journal of Business Ethics*. Vol. 155. No. 4. P. 941—950. <https://doi.org/10.1007/s10551-017-3670-8>.
18. Brodnik C., Brown R. (2017) The Co-Evolution of Institutional Logics and Boundary Spanning in Sustainability Transitions: The Case of Urban Stormwater Management in Melbourne, Australia. *Environment and Natural Resources Research*. Vol. 7. No. 3. P. 36—50. <https://doi.org/10.5539/enrr.v7n3p36>.
19. Bromley P., Meyer J. W. (2021) Hyper-Management: Neoliberal Expansions of Purpose and Leadership. *Organization Theory*. Vol. 2. No. 3. <https://doi.org/10.1177/26317877211020327>.
20. Bronnikova E., Kuljamina O., Vinogradova M. (2020) Application of Crowdsourcing Technology in Terms of Digitization of Supply Chain Strategy. *International Journal of Supply Chain Management*. Vol. 9. No. 3. P. 524—536.
21. Brown R., Mawson S., Rocha A., Rowe A. (2025) Looking Inside the 'Black Box' of Digital Firm Scaling: An Ethnographically Informed Conceptualisation. *Journal of Business Research*. Vol. 186. Art. 114987. <https://doi.org/10.1016/j.jbus-res.2024.114987>.
22. Cavazzoni, F., Fiorini A., Veronese G. (2021) How Do We Assess How Agentic We Are? A Literature Review of Existing Instruments to Evaluate and Measure Individuals' Agency. *Social Indicators Research*. Vol. 159. No. 3. P. 1125—1153. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02791-8>.

23. Dunn M. (2020) Making Gigs Work: Digital Platforms, Job Quality and Worker Motivations. *New Technology, Work and Employment*. Vol. 35. No. 2. P. 232—249. <https://doi.org/10.1111/ntwe.12167>.
24. Emirbayer M., Mische A. (1998) What is Agency? *American Journal of Sociology*. Vol. 103. No. 4. P. 962—1023. <https://doi.org/10.1086/231294>.
25. de Haan F. J., Rotmans J. (2018) A Proposed Theoretical Framework for Actors in Transformative Change. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 128. P. 275—286. <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2017.12.017>.
26. Hossain M., Kauranen I. (2015) Crowdsourcing: A Comprehensive Literature Review. *Strategic Outsourcing: An International Journal*. Vol. 8. No. 1. P. 2—22. <https://doi.org/10.1108/SO-12-2014-0029>.
27. Kohler T., Nickel M. (2017) Crowdsourcing Business Models that Last. *Journal of Business Strategy*. Vol. 38. No. 2. P. 25—32. <https://doi.org/10.1108/JBS-10-2016-0120>.
28. Kringelum L. B., Brix J. (2020) Critical Realism and Organizational Learning. *Learning Organization*. Vol. 28. No. 1. P. 32—45. <https://doi.org/10.1108/TLO-03-2020-0035>.
29. Mironenko I., Sorokin P.S. (2022) Activity Theory for the De-Structuralized Modernity. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. Vol. 56. P. 1055—1071. <https://doi.org/10.1007/s12124-020-09587-4>.
30. Mittal S., Dhar R. L. (2015) Transformational Leadership and Employee Creativity: Mediating Role of Creative Self-Efficacy and Moderating Role of Knowledge Sharing. *Management Decision*. Vol. 53. No. 5. P. 894—910. <https://doi.org/10.1108/MD-07-2014-0464>.
31. Monsen K. A., Blok J. (2013) Buurtzorg: Nurse-Led Community Care. *Creative Nurs.* Vol. 19. No. 3. P. 122—127. <https://doi.org/10.1891/1078-4535.19.3.122>.
32. Parker J. N., Corte U. (2017) Placing Collaborative Circles in Strategic Action Fields: Explaining Differences between Highly Creative Groups. *Sociological Theory*. Vol. 35. No. 4. P. 261—287. <https://doi.org/10.1177/0735275117740400>.
33. Prandini R. (2015) Relational Sociology: A Well-Defined Sociological Paradigm or a Challenging 'Relational Turn' in Sociology? *International Review of Sociology*. Vol. 25. No. 1. P. 1—14. <https://doi.org/10.1080/03906701.2014.997969>.
34. Prpic J., Kietzmann J. H., McCarthy I. P., Shukla P. P. (2015) How to Work a Crowd: Developing Crowd Capital through Crowdsourcing. *Business Horizons*. Vol. 58. No. 1. P. 77—85. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2014.09.005>.
35. Ruotsalainen S., Elovainio M., Jantunen S., Sinervo T. (2022) The Mediating Effect of Psychosocial Factors in the Relationship between Self-Organizing Teams and Employee Wellbeing: A Cross-Sectional Observational Study. *International*

- al Journal of Nursing Studies*. Vol. 138. Art. 104415. <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2022.104415>.
36. Schultz T. W. (1975) The Value of the Ability to Deal with Disequilibria. *Journal of Economic Literature*. Vol. 13. No. 3. P. 827—846.
37. Smink M. M., Hekkert M. P., Negro S. O. (2015) Keeping Sustainable Innovation on a Leash? Exploring Incumbents' Institutional Strategies. *Business Strategy and the Environment*. Vol. 24. No. 2. P. 86—101. <https://doi.org/10.1002/bse.1808>.
38. Sorokin P. S. (2020) The Promise of John W. Meyer's World Society Theory: "Otherhood" through the Prism of Pitirim A. Sorokin's Integralism. *The American Sociologist*. Vol. 51. No. 4. P. 506—525. <https://doi.org/10.1007/s12108-020-09468-8>.
39. Sun P., Chen J. Y. (2021) Platform Labour and Contingent Agency in China. *China Perspectives*. Vol. 1. P. 19—27. <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.11325>.
40. van den Groenendaal S. M. E., Akkermans J., Fleisher C., Dorien T. A. M., Rob F. P., Freese Ch. (2022) A Qualitative Exploration of Solo Selfemployed Workers' Career Sustainability. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 134. Art. 103692. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2022.103692>.
41. Wax A., DeChurch L. A., Contractor N. S. (2017) Self-Organizing into Winning Teams: Understanding the Mechanisms That Drive Successful Collaborations. *Small Group Research*. Vol. 48. No. 6. P. 665—718. <https://doi.org/10.1177/1046496417724209>.
42. Wu C. H., Deng H., Li Y. (2018) Enhancing a Sense of Competence at Work by Engaging in Proactive Behavior: The Role of Proactive Personality. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 19. No. 3. P. 801—816. <https://doi.org/10.1007/s10902-016-9827-9>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2763](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2763)

В. А. Шелгинская

ГОРОДСКИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ МЕГАПОЛИСА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОКОЛЕНИЯ Y И ПОКОЛЕНИЯ Z

Правильная ссылка на статью:

Шелгинская В.А. Городские социокультурные мероприятия глазами молодежи мегаполиса: сравнительный анализ поколения Y и поколения Z // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 225—246. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2763>.

For citation:

Shelginskaya V.A. (2025) Preferences of the Interests of Urban Events and Festivals: A Comparative Analysis of Generation Z and Generation Y. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 225—246. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2763>. (In Russ.)

Получено: 07.10.2024. Принято к публикации: 11.06.2025.

ГОРОДСКИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ МЕГАПОЛИСА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОКОЛЕНИЯ Y И ПОКОЛЕНИЯ Z

ШЕЛГИНСКАЯ Виктория Алексеевна — соискатель, кафедра управления персоналом и социологии, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: victoria.shelg@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5075-5984>

Аннотация. Массовые культурно-досуговые мероприятия выполняют важные ценностно-коммуникативные и социально-поведенческие функции по отношению к молодежи. Однако высокая конкуренция за внимание аудитории в событийно-насыщенном пространстве мегаполиса обостряет проблему сочетания привлекающей формы и вовлекающего содержания мероприятия при одновременном учете гетерогенных особенностей молодых посетителей.

Цель исследования — выявить общее и особенное в посетительских предпочтениях городской молодежи поколений Y (25—35 лет) и Z (18—25 лет). Задачи: определение привлекающих к посещению (потребительских предпочтений) и вовлекающих в участие (потенциальных средств вовлечения) атрибутов. Эмпирической базой исследования послужили результаты анкетного опроса ($N=440$, выборка учитывала половозрастные характеристики соответствующих групп) в областном мегаполисе (Екатеринбурге). Статистический анализ включал характеристику парных распределений и расчет коэффициентов сопряженности переменных.

Установлены общие представления молодежи о привлекательной форме мероприятия: для поколения Z это гармонично оформленная тематическая площадка со свободным

PREFERENCES OF THE INTERESTS OF URBAN EVENTS AND FESTIVALS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF GENERATION Z AND GENERATION Y

Victoria A. SHELGINSKAYA¹ — PhD Candidate, Department of Personnel Management and Sociology
E-MAIL: victoria.shelg@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5075-5984>

¹ Ural Institute of Management — branch of RANEPA, Ekaterinburg, Russia

Abstract. Mass cultural and leisure events execute important value-communicative and socio-behavioral functions for young people. However, high competition for the audience's attention in the event-saturated space of cities actualizes the problem of combining both attractive form and engaging content, while taking into account the heterogeneous characteristics of young visitors.

The purpose of the study is to determine the general and specific visiting preferences of urban youth of GenY (25—35 years old) and GenZ (18—25 years old). Key objectives are to determine the attractive attributes (consumer perceptions) and to indicate the engaging ones (as possible ways of improving engagement technologies). The empirical results are based on a questionnaire, $N=440$, similar to the corresponding groups by gender and age, obtained with a method that took place at the regional center (Yekaterinburg). Statistical analysis included the paired distributions and the calculation of contingency coefficients (causal relations) of variables.

The article establishes young people's general representations of attractive events: for GenZ, it is an authentic thematic field with free co-actions between attendees, for GenY, it is a field with a variety of action alternatives and highlighted scene aspects. Both groups have

форматом взаимодействия, для поколения Y — площадка деятельностных альтернатив с выраженной концертно-сценической составляющей. Для обеих групп характерны качественные различия восприятия ряда элементов мероприятия. Показано, что ключевое влияние на атрибутивные предпочтения, особенности социального взаимодействия и посетительского намерения оказывают факторы профессиональной принадлежности (для обеих групп) и типа посещаемых мероприятий (для поколения Y).

Сделан вывод, что атрибутивные предпочтения свидетельствуют о пассивно-созерцательном посетительском намерении и отражают комплекс привлекательных элементов, тогда как социальные и посетительские особенности говорят об ориентированности на других посетителей и представителей организаторов. Это указывает на целесообразность внедрения двух вариантов технологий вовлечения, отвечающих специфике возрастных подгрупп: обозначенных нами как «референтное вовлечение» (для поколения Z, или «зумеров») и «вовлечение посредством представленных социальных практик» (для поколения Y, или «миллениалов»).

Ключевые слова: восприятие потребителя, потребительские предпочтения, студенческая молодежь, досуговые предпочтения, социокультурная среда, культура молодежи, вовлечение молодежи

qualitative perceptual differences of event infrastructure elements. Indicated that professional (for both groups) and thematic (for GenY) factors have a key impact on attributive representations, social activity, and attendees' attitudes.

Concluded that attributive representations accent the passive-observational intentions of youth and contained attractive event complexes, while features of social activity and attendees' attitudes contained the significance of other participants, organizers, and their personalities. This highlights the potential of development of two types of involving technologies named here as: "referential engagement" (for GenZ or "zoomers") and "engagement through social practices presented in the area" (for GenY or "millennials").

Keywords: consumer perception, customer preferences, student youth, leisure preferences, socio-cultural environment, youth culture, youth involvement

Введение

Изучению поколенческих особенностей молодежи, в частности так называемых поколения Z (2000—2015 гг. рождения) и поколения Y (1984—1999 гг. рождения), посвящено множество работ. В фокусе исследовательского внимания оказываются ценностные, жизненные, карьерно-трудовые, образовательные, потребительские, общедосуговые стороны социального портрета молодежи [Бобровская, 2023; Шаповалова, 2023; Алексеенок, Богатырев 2022]. При этом не сложилось традиции изучения особенностей выбора, предпочтений и поведения молодых

людей на массовых культурно-досуговых мероприятиях, несмотря на то что молодежь нередко демонстрирует неудовлетворенность организацией активного досуга [Шаповалова, 2021: 915].

В немногочисленных работах, посвященных событийным предпочтениям поколения Z, рассматривалась связь тематики посещаемых молодежью мероприятий с календарными праздниками, а также степень значимости этих праздничных дат для респондентов [Резунков, 2021], некоторые атрибутивные характеристики и отношение к ним [Маркин, 2020; Оселедчик, Велиев 2017; Бобровская, 2023], организационно-логистические аспекты подготовки и проведения мероприятий [Левина, Дустова, 2020], привлекательность городских мероприятий как вид досуга в целом [Грунт, Беляева 2022]. Событийные предпочтения поколения Y гораздо менее раскрыты, хотя данная группа часто является ключевой целевой аудиторией мероприятий [Шапиро, 2020]: работы концентрируются преимущественно вокруг вопросов удовлетворенности качеством проведения [Оселедчик, Велиев, 2017; Маркин, 2020; Бобровская, 2023]. За пределами исследовательского внимания остается оценка как атрибутивных, так и технологических характеристик молодежных предпочтений, которые, тем не менее, представляют высокую значимость в свете ключевых социокультурных функций массовых мероприятий для молодежи. Кроме того, сопоставление и сравнение результатов исследований по разным поколениям представляется затруднительным ввиду различий в сборе данных — временных разрывов, территориальной специфики и др. Требуется единовременное изучение событийных предпочтений в указанных группах в максимально совпадающих пространственно-временных условиях.

Аналогичное справедливо и для зарубежных авторов, которые в отношении поколения Z фокусируются на влиянии отдельных атрибутов мероприятия на формирование посетительской ценности и факторах стимулирования к посещению [Iványi, Biró-Szigeti, 2020; Dunne, O'Mahony, O'Shea, 2023]. А в отношении поколения Y также раскрываются общие вопросы оценки привлекательности, посетительской лояльности, продвижения [Ho, Tiew., Adamu, 2022; Pitanatri, Priyanto, 2022]. Что касается опыта сравнительного анализа, то рассматриваются преимущественно аспекты, относящиеся к конкурентному и маркетинговому анализу, а не поколенческие особенности предпочтений, такие как влияние медиакоммуникационной политики и факторы посетительской привлекательности отдельных фестивалей [Sims, 2019; Mandagi, Aseng, 2021].

Роль массовых мероприятий в жизни горожан не может быть сведена только к рекреационной функции, хотя, безусловно, именно она зачастую преобладает. Любое массовое мероприятие по отношению к посетителям (и в особенности молодежи) вольно или невольно является носителем других функций, крайне важных для формирования личности молодых граждан, которые будут составлять наше будущее общество: аксиологической, ориентирующей, просветительской, вовлекающей, социализирующей [Мамедалиев, Мурашова, Кениспаев, 2024].

В случае ориентации сугубо на рекреационную функцию главная задача организатора (субъекта управления деятельностью, связанной с реализацией мероприятия) состоит в создании привлекающего к посещению развлекательного мероприятия, отвечающего особенностям потребительского спроса. В случае же

ориентации на культурно-формирующие функции необходимо не просто привлечь и развлечь посетителя, но и осуществить ценностно-смысловое воздействие: речь идет не о досугово-развлекательном мероприятии, а о социокультурном, сочетающем развлекательную форму с социально-коммуникативными задачами.

Таким образом, выявление и оценка особенностей посетительских предпочтений молодежи различных возрастных групп имеют значимость не только с точки зрения определения привлекательного атрибутивного комплекса мероприятия, но и с точки зрения поиска возможностей для целевого вовлечения посетителей в деятельность, связанную с реализацией вышеназванных функций.

Согласно исследованию ВЦИОМ, молодежь 18—34 лет больше других возрастных групп заинтересована в посещении мероприятий по месту жительства и фестивалей, хотя и в прочих возрастных группах присутствует такого рода заинтересованность, несмотря на постепенное снижение готовности к посещению с возрастом. Среди опрошенных старше 60 чуть меньше половины являются посетителями культурно-досуговых мероприятий, в группе от 45 до 60 лет — чуть больше половины, в группах 25—44 лет — около 70 %, в группе 18—24 лет — 80 %¹. Однако уровень посещаемости массовых мероприятий невысокий: на городские праздники ходит 21 % опрошенных, на тематические фестивали — только 6 %², причем основной контингент в данном случае составляет молодежь (среди молодежи 63—64 % посещений в группе до 35 лет приходится на тематические фестивали в целом, из них 34—40 % — на музыкальные фестивали, концерты).

Такие результаты позволяют предположить, что форма реализации мероприятий может не соответствовать посетительским предпочтениям гетерогенных социальных групп, таких как, в частности, молодежь. Будучи ориентированным на достаточно широкую аудиторию (например, на всю молодежь 18—35 лет), мероприятие рискует быть неинтересным или технологически несовершенным (в частности, с точки зрения технологий вовлечения) для одной из ее возрастных подгрупп. Будучи ориентированным на сравнительно более узкую группу (например, только молодежь 18—24 лет), организатор рискует потерять другую часть целевой аудитории, столь же ценную с точки зрения ценностно-смыслового или поведенческого стимулирования, как и первая.

Выход из сложившейся ситуации возможен либо путем поиска общих для обоих поколений молодежи черт посетительских предпочтений, либо путем диверсификации подходов к управлению посетительскими траекториями в рамках одного мероприятия (включая как привлекающие атрибуты, так и технологии вовлечения, и т. д.).

Вышесказанное обуславливает актуальность данного исследования, целью которого является сравнительная характеристика представлений молодежи мегаполиса о социокультурных мероприятиях с точки зрения ее привлечения к посещению и вовлечения в участие, проведенная для двух поколений: Y (25—35 лет) и Z (18—24 лет).

¹ Точки притяжения, или Событийный туризм-2024 // ВЦИОМ. 2024. 10 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tochki-pritjazhenija-ili-sobytiinyi-turizm-2024> (дата обращения: 18.08.2025).

² Там же.

Материалы и методы

Предметом нашего анализа являются представления молодежи мегаполиса о городских социокультурных мероприятиях, в частности те особенности этих представлений, которые обуславливают специфику ее привлечения и вовлечения.

Поставленная выше цель предполагает решение следующих задач в ходе исследования:

- выявить представления двух поколений молодежи мегаполиса о том, каким должно быть интересное, привлекающее к посещению городское массовое мероприятие;
- оценить вероятность влияния на указанные представления социально-демографических и социокультурных факторов;
- проанализировать, насколько учитываются представления молодежи мегаполиса при разработке технологий вовлечения в мероприятие.

Целевое исследование проводилось в Екатеринбурге. Объектом эмпирического исследования является молодежь мегаполиса возрастных групп 18—24 и 25—35 лет, имеющая опыт посещения городских социокультурных мероприятий. Выборка составила 440 респондентов, среди которых в равной степени представлены молодые люди 18—24 лет и 25—35 лет (50 % мужчин). Данная структура сходна со структурой указанных подгрупп по населенному пункту, в связи с чем считаем возможным использовать ее для дальнейшего анализа. Группа 18—24 лет в выборке представлена 64 % студентами, 36 % работающими (из них 15 % заняты в сфере торговли, 11 % — в делопроизводстве, 4 % — промышленности, 6 % — другое). Группа 25—35 лет в выборке представлена 98 % работающими людьми (из них 37 % заняты в сфере торговли, 19 % — производстве, 12 % — образовании, по 7 % — в здравоохранении и делопроизводстве, 14 % — прочее).

Такой подход позволил обеспечить условия для большей сравнимости двух групп молодежи: поколенческие (равная представленность сравниваемых групп в выборке), территориальные (единство местности отбора единиц наблюдения), временные (единство временного периода сбора данных, обеспечивающего единовременный срез представлений в обеих исследуемых группах). Подход, безусловно, не лишен ограничений. Мы полагаем возможным распространить сделанные выводы на молодежь мегаполиса студенческого возраста 18—24 лет (с сопоставимым количеством населения и сложностью инфраструктуры), учащуюся или занятую в профессиональных сферах преимущественно гуманитарного и экономического профилей, а также на зрелую работающую молодежь мегаполиса до 25—35 лет, трудоустроенную и завершившую свое образование. Другим ограничением является критерий заинтересованности и опыта посещения мероприятий, так как в выборку вошли молодые люди, имеющие опыт посещения и свободное время для этого. Кроме того, на представления молодежи могут влиять городская специфика малых и крупных городов, особенности семейного положения и материального благосостояния, равно как и посетительская искушенность, что требует дополнительных систематических исследований.

Немаловажно в рассматриваемом контексте, что представления молодежи о массовых социокультурных мероприятиях могут определяться типом мероприятий, которые они обычно посещают. Тип посещаемого мероприятия дает представ-

ление о некоторых социокультурных особенностях инициаторов и посетителей, об отраслевой принадлежности организатора, о связанных ней стереотипах восприятия, о принадлежности мероприятия к определенному сообществу или субкультуре. В связи с этим мы выделяем и отдельно анализируем ответы респондентов для трех типов мероприятий:

— городских — мероприятий, открытых для посещения без финансовых или иных ограничений для участия, проводимых в общественных городских пространствах, имеющих социально значимые цели, инициаторами которых выступают государственные или муниципальные учреждения, некоммерческие структуры или инициативные группы;

— клубных — мероприятий, открытых для посещения группами лиц, объединенных внерабочими интересами и досуговыми предпочтениями, закрытых для свободного участия иных лиц, инициаторами которых выступают соответствующие объединения;

— частных — мероприятий, обладающих выраженной коммерческой составляющей, иницируемых местным бизнесом как непосредственно в целях предоставления культурных услуг населению, так и проводимых в целях поддержки и продвижения основного бизнеса.

Согласно представленной в литературе классификации, молодых людей 18—24 лет можно отнести к поколению Z (или к так называемым зумерам), а молодых людей 25—35 лет — к поколению Y (или к так называемым миллениалам) [Никитина, 2021]. Отдавая себе отчет в дискуссионности поколенческого подхода Н. Хоуа и В. Штрауса [Howe, Strauss, 1991], мы считаем, что апеллирование к нему позволяет подчеркнуть аспект сопоставимости предпочтений групп молодежи, которые формировались под влиянием различных внешних условий, и дать своеобразный «событийный» портрет молодых людей, дополняющий исследования в области молодежи и молодежного досуга. При этом мы опираемся на изложение и адаптацию этой теории рядом отечественных исследователей применительно к особенностям и событиям российского историко-культурного развития, повлиявшим на формирование мировоззрений поколений и, соответственно, предопределившим возрастные границы этих поколений [Ковин, Лысенко, 2019; Пищик, 2019; Чистанов, 2017].

Сбор данных производился в формате личного анкетного опроса в открытых городских пространствах, отбор респондентов осуществлялся стихийно при условии удовлетворения типическим признакам возраста и пола. Анкета-опросник состояла из 31 вопроса, включая как закрытые, подразумевающие выбор фиксированных вариантов ответов, так и полностью открытые, предполагающие краткую беседу с опрашиваемым, что позволило уточнить некоторые особенности интерпретации упоминаемых атрибутов при сохранении структурированности основных данных. В ходе анализа, проведенного с использованием SPSS и аналитического пакета MS Analysis ToolPak, ответы интерпретировались с двойственных позиций: с точки зрения оценки привлекающих к посещению атрибутов (связанных с реализацией рекреационной функции мероприятия) и с точки зрения атрибутов, способствующих или потенциально способствующих реализации социокультурных функций (деятельностному вовлечению или ценностно-смысловой комму-

никации). Чтобы такая интерпретация была возможна, вопросы к респондентам формулировались так, чтобы иметь возможность сопоставить их представления о привлекательных аспектах мероприятия до его посещения (например, ответы на вопрос «Какое мероприятие Вы предпочтете?») с теми, которые интересуют респондентов непосредственно на площадке проведения мероприятия (например, ответы на вопрос «Что для Вас наиболее важно на мероприятии?»). Ответ на первый вопрос позволял оценить явно выраженные атрибуты, привлекающие к посещению. Ответ на второй — косвенно выраженные атрибуты, представляющие интерес непосредственно на мероприятии, то есть те, которые потенциально могут нести вовлекающую функцию.

Результаты

В первую очередь нас интересуют привлечение (установление привлекательных атрибутов) и вовлечение (установление возможных путей улучшения технологий вовлечения). В отношении первого мы изучаем характеристики явно выраженных представлений, ожиданий, предпочтений молодежи, на основании которых можно определить, какая форма мероприятия способна привлечь молодежь к его посещению. В отношении второго мы анализируем косвенно проявленные ожидания и предпочтения, которые менее выражены при принятии решения о посещении, но проявлены во время непосредственного проведения, на основании чего может быть сделан вывод о возможности разработки технологий вовлечения.

Далее мы попытаемся интерпретировать результаты с точки зрения привлечения к посещению (до мероприятия) и вовлечения в участие (на мероприятии).

Характеристика посетительских предпочтений в части привлекающих к посещению атрибутов

Проанализируем, какая форма мероприятия привлекает молодежь к посещению и каковы ее атрибуты³. Последовательно охарактеризуем следующие аспекты: непосредственно декларируемые респондентами цели посещения, явно выраженные атрибуты (подчеркиваемые на этапе рекламы мероприятия элементы или виды деятельности, наличие которых способствует принятию положительного решения о посещении) и косвенно выраженные атрибуты (элементы или виды деятельности, на которые посетитель склонен обращать внимание, пребывая на площадке проведения мероприятия).

Цели посещения молодыми людьми массовых мероприятий представлены в среднем следующим образом: 38 % — развлекательная, 22 % — познавательная, по 14 % — общение и получение нового опыта.

Явно выраженные атрибуты мероприятия можно рассматривать как привлекающие к посещению при принятии решения. Наличие определенной совокупности таких атрибутов можно рассматривать как своего рода мотивирующий к посещению стимул. В обеих возрастных группах преобладает атрибут «наличие сцениче-

³ При сравнении представлений респондентов двух поколений использовался Т-тест для независимых выборок. Анализ сопряженности переменных проводился с расчетом коэффициента зависимости переменных хи-квадрат, коэффициентов сопряженности переменных Пирсона и Крамера.

ской части и выступлений» (25 % всех упоминаний в каждой группе). Представления респондентов двух возрастных групп о значимости для них тех или иных атрибутов мероприятия в ряде случаев схожи в части количественной выраженности. Вместе с тем слабо выраженные различия подтверждаются качественным анализом свободных ответов, кратко излагаемыми далее в таблице 1. Кратко остановимся на этом.

В возрастной группе до 24 лет можно проследить несколько большую ориентацию на визуально-эстетическое содержание и неформальный характер, сравнительно большее внимание к этапу выбора мероприятия (27 % важно изучение информации о мероприятии, 16 % — поиск компании для совместного посещения). Респонденты в группе до 35 лет сравнительно более ориентированы на этап непосредственного проведения: наблюдение за программой (27 %), взаимодействие с ведущими (10 % против 1 % у поколения Z) и т. д.

Что касается косвенно выраженных атрибутов, то здесь примечательно наличие асимметрии в упоминаниях различных аспектов мероприятия до посещения и при посещении у обеих групп. Например, респонденты 25—35 лет, которые заявляют о своей низкой социальной активности, на самом мероприятии достаточно открыты к ней (18 %) и, более того, ожидают, что организаторы обеспечат им зоны для неформальной активности (см. рис. 1).

Рис. 1. Важность различных аспектов организаторской деятельности для респондентов (% ответов)

Группа 18—24 лет, которая при выборе мероприятия почти не придает значимости наличию организованных деятельностиных активностей, более расположена к ним при оценке своего поведенческого намерения на самом мероприятии. Акцентируемые же атрибуты визуальной привлекательности (см. рис. 2) показывают меньшую степень важности в оценке элементов самого мероприятия, подлежащих тщательной организации (см. рис. 1).

При выборе мероприятия молодежь мегаполиса руководствуется представлениями о необходимых атрибутах мероприятия. Наличие последних позволяет привлечь аудиторию к посещению. Различия между группами выражаются скорее в качественной интерпретации одних и тех же элементов, нежели в количе-

ственной выраженности атрибутов в представлениях респондентов (см. табл. 1), которые мы выделили на основе анализа ответов на открытые вопросы, а также опираясь на данные рисунков 1—3 и данные подраздела «Характеристика обусловленности социокультурными факторами» (см. далее).

Рис. 2. Наиболее важные, по мнению респондентов, элементы содержания мероприятия (% ответов)

Таблица 1. Сравнительная характеристика ключевых различий в посетительских предпочтениях представителей поколения Z и поколения Y

Элемент	Особенности проявления	
	Молодежь 18—24 лет (поколение Z)	Молодежь 25—35 лет (поколение Y)
Идея и оформление	«Аутентичность», гармоничность и комплексность атрибутов, из которых складывается привлекательная форма. Характерные упоминания: «тематическое оформление» (ж)*, «тематика и сопутствующее ей оформление» (м)	Привлекательность повода к проведению, концептуальная и тематическая привлекательность. Характерные упоминания: «интересная актуальная тема» (м), «тема мероприятия и окружение людей, чтобы все это сочеталось с моими интересами» (м), «смотря какая тема, должно быть интересно» (ж)
Участие	Ожидают вовлеченности участников в результате их собственной заинтересованности. Характерные упоминания: «вовлеченность гостей» (ж), «вовлеченность организаторов» (м), «заинтересованность посетителей» (м)	Ожидают вовлечения посетителей ведущими или организаторами. Характерные упоминания: «вовлечение публики в мероприятие» (ж), «организованная программа» (м), «логистика, примененная к толпе» (ж)
Примечательные люди	Спикеры, умеющие доверительно рассказать о чем-либо (5 % упоминаний), а также медийные личности (20 % упоминаний)	Люди, обладающие реальными достижениями (умениями) (15 % упоминаний), а также люди «просто из толпы» (14 % упоминаний)

Элемент	Особенности проявления	
	Молодежь 18—24 лет (поколение Z)	Молодежь 25—35 лет (поколение Y)
Ведущие	Значимость личных качеств (харизматичность, стиль и пр.). Характерные упоминания: «организаторы, их настрой, эмоции, энергия, которую они отдают залу» (ж), «интересный и веселый ведущий» (м), «энергичный ведущий» (ж), «классный ведущий» (ж)	Значимость умения координировать и направлять программу. Характерные упоминания: «профессионализм организаторов и участников» (м), «четкая организация» (ж), «логика, системность и организация» (ж),
Этап	Предварительный (поиск информации, составление первого впечатления перед принятием решения и поиск компании для совместного посещения): 43 % упоминаний против 31 % среди поколения Y	Непосредственный (наблюдение и участие в предлагаемой программе и активностях): 56 % упоминаний против 44 % среди поколения Z
Поведение	Социально нейтральны: 94 % открыты к взаимодействию, из них 26 % активных	Сравнительно более активны: 91 % открыты к взаимодействию, из них 31 % активных

* Здесь и далее используются краткие обозначения пола респондентов — авторов соответствующего высказывания: (м) — мужской, (ж) — женский.

Характеристика обусловленности социокультурными факторами

Молодежь представляет собой высокогетерогенную группу, что может быть еще сильнее выражено в мегаполисе. Проанализируем особенности обусловленности тех или иных представлений двумя социально-демографическими (пол, образование) и двумя социокультурными (тип мероприятия, профессия) факторами⁴. Охарактеризуем кратко те зависимости, которые, согласно таблице 2, являются значимыми.

Таблица 2. Вероятность наличия функциональной взаимосвязи между исследуемым параметром и фактором

Переменная	Фактор, вероятность влияния фактора на значения переменной							
	Пол		Образование		Тип мероприятия		Профессия	
	18—24	25—35	18—24	25—35	18—24	25—35	18—24	25—35
	Вывод							
Цель посещения	x	x	x	x	x	C = 0,3; V = 0,2	C = 0,6; V = 0,6	x
Предпочтения в выборе	x	x	x	x	x	C = 0,3; V = 0,2	x	x
Изучают информацию и отзывы перед мероприятием	x	x	x	x	x	C = 0,2; V = 0,2	C = 0,3; V = 0,3	x
Поведение на мероприятии	C = 0,6; V = 0,6	x	x	x	C = 0,3; V = 0,2	C = 0,3; V = 0,3	x	x

⁴ Анализ проводился с расчетом коэффициента зависимости переменных хи-квадрат, коэффициентов сопряженности переменных Пирсона (C) и Крамера (V). Далее в тексте излагаются случаи, удовлетворяющие условию χ^2 фактич. > χ^2 критич. при $p \leq 0,05$.

Переменная	Фактор, вероятность влияния фактора на значения переменной							
	Пол		Образование		Тип мероприятия		Профессия	
	18—24	25—35	18—24	25—35	18—24	25—35	18—24	25—35
	Вывод							
Важное на мероприятии	x	x	x	x	x	C=0,5; V=0,3	x	x
Влияние социального окружения на принятие решения о посещении	x	x	x	x	x	x	C=0,3; V=0,2	C=0,4; V=0,3
Готовность взаимодействовать с другими участниками	x	C=0,2; V=0,1	x	x	C=0,2; V=0,2	x	C=0,3; V=0,3	C=0,3; V=0,3
Готовность знакомиться	x	x	C=0,3; V=0,2	x	x	C=0,2; V=0,2	C=0,2; V=0,2	C=0,3; V=0,2
Интерес к наличию представителей референтных групп	x	x	x	x	x	x	C=0,3; V=0,3	C=0,3; V=0,2
Готовность обмениваться контактными данными (долгосрочное знакомство)	x	x	x	x	x	C=0,3; V=0,3	x	C=0,2; V=0,1
Представитель референтной группы	C=0,3; V=0,2	C=0,3; V=0,2	x	x	x	C=0,3; V=0,3	x	C=0,4; V=0,3
Характер рекламного контента	x	x	x	C=0,3; V=0,2	x	x	x	x

* «Вероятна» — проявлена значимая вероятность обусловленности переменной фактором по коэффициенту Пирсона (C) и коэффициенту Крамера (V) при $p \leq 0,05$ и χ^2 фактич. $> \chi^2$ критич; «x» — вероятность взаимосвязи низка или статистически незначима.

В целом анализ сопряженности переменных показывает, что в подгруппе до 24 лет чаще всего определяющим фактором предпочтений тех или иных атрибутов является профессиональная специализация. Респонденты предрасположены к пассивному времяпрепровождению на городских и частных мероприятиях (40 %) и к более активному — на клубных (доля пассивных снижается до 20 %). На городских мероприятиях респонденты поколения Z придают сравнительно большее значение тематике (21 %), оценке ведения программы (14 % против 9 % на клубных), визуальному оформлению (15 % против 1 %), наличию выступлений (12 % против 1 %) и организованной гастрономии (9 % против 1 %). На частных мероприятиях — ведению программы (14 %), на клубных — возможностям для неформального общения (21 % против 3 % на городских), наличию возможностей для деятельностной активности (13 % против 4 %), интерес к сервисным атрибутам (визуалу, гастрономии, выступлениям) не выражен. К ситуативному взаимодействию

на мероприятии преимущественно открыты респонденты, занятые в сфере торговли и услуг или посещающие клубные мероприятия. Переводить ситуативное взаимодействие в долгосрочное чаще готовы те, кто занят в интеллектуальной сфере или имеет среднее профессиональное образование. Большой интерес к отзывам и материалам после мероприятия проявлен среди посетителей коммерческих мероприятий, с общим образованием или занятых в сфере торговли.

В группе 25—35 лет определяющим фактором чаще служат профессиональная специализация и тематическая направленность мероприятия, обусловленная внерабочими интересами, принадлежностью к субкультуре и т. д. Среди респондентов — посетителей городских и коммерческих мероприятий более выражена привлекательность выступлений (до 30 %), чуть менее — оформления (17 %), мастер-классов (15 %) и ярмарок (14 %). На частных мероприятиях доминируют сценическая (до 30 %) и визуальная (22 %) компоненты. На клубных мероприятиях — оформление, деятельностные активности, выступления, общение и интерактивы сбалансированы (~20 %), что может свидетельствовать о комплексности ожиданий. На городских мероприятиях респонденты поколения Y активны во взаимодействии с ведущим (11 %), на клубных — в межличностном взаимодействии (44 %), на частных — преимущественно пассивны (61 %). Ситуативному взаимодействию более открыты те, кто занят в сфере интеллектуального труда, менее всего — в производственной сфере. При принятии решения о посещении на мнение ближнего окружения ориентируются преимущественно те, кто занят в сфере здравоохранения, IT или интеллектуального труда, менее всего — занятые на производстве.

Характеристика посетительских предпочтений в части вовлекающих в мероприятие атрибутов

Анализируя социокультурные мероприятия (в отличие от мероприятий досугово-развлекательных), мы подчеркиваем их роль в формировании ценностей, представлений, шаблонов поведения. Механизм реализации этих функций можно разделить на собственно коммуникативный (прямая или косвенная передача сообщения, смыслов, целевой идеи в знаково-символической форме), социально-коммуникативный, а также опытно-деятельностный [Шелгинская, 2024]. Последний предполагает, что посетителю будет продемонстрирована «программа деятельности... программа следования накопленному опыту» [Ахиезер, 2000: 34]. Значительную роль в этом играют деятельностные активности, формирующие связь прикладных навыков с ценностно-смысловым аспектом и обеспечивающие условия для развития и раскрытия личностного потенциала, — мастер-классы, тест-драйвы и пр. [Бизин, Кудашова, 2024; Богатырев, 2022; Harb et al., 2024]. При этом в принятии решения об участии в таких видах деятельности часто предполагается высокая инициативность посетителя. Вместе с тем ведущие мастер-классов и лекториев не всегда могут вовлекать и «зывать» посетителей, а перед волонтерами может не ставиться такой задачи. Наши респонденты чаще всего среди целей посещения таких мероприятий называют пассивное наблюдение (42 % ответов), что обуславливает трудности реализации вовлекающей функции. Поэтому актуально проанализировать возможность использования альтернативных способов вовлечения.

Как отмечалось, можно проследить несоответствие в предпочитаемых респондентами атрибутах мероприятия при принятии решения о посещении и непосредственном посещении. Первые характеризуют молодых посетителей как пассивных наблюдателей и ценителей визуально-гармоничной инфраструктуры, вторые отражают готовность к вовлеченному участию при малой инициативности. Такая асимметрия позволила нам выделить примечательные особенности: ориентацию на степень вовлеченности других посетителей, на личностные особенности ведущих, организаторов, медийных личностей и спикеров (для респондентов 18—24 лет), на организованность инфраструктуры и работу с посетителями, ориентацию на присутствие представителей референтных групп (для респондентов 25—35 лет).

Принимая во внимание слабо проявленную инициативность (в обеих группах) и предубеждение против вовлечения во взаимодействие с ведущим (в группе до 24 лет), актуальным представляется обратить внимание на социальные и референтные факторы стимулирования вовлечения, так как именно эти аспекты представляют собой дополнительную ценность для респондентов. Они мало выражены при выборе мероприятия, но проявляются как качество его «атмосферы», для группы 18—24 лет это вовлеченность участников и неформальное общение, а для группы 25—35 лет — ориентация на примечательную личность и потребность в вовлечении.

Таким образом, можно констатировать вовлекающий потенциал социально обусловленных технологий в ситуациях переключения внимания с зон пассивного участия на зоны прикладного опыта, передачи социального поведенческого шаблона, формирования доверительного отношения к происходящему. Для этого представляется целесообразным обращение к следующим формам вовлечения, обозначаемым нами как «референтное вовлечение» и «вовлечение посредством представленных социальных практик». Так, мнение непосредственного окружения принимают во внимание около 80 % респондентов (причем 62 % группы до 24 лет и 44 % группы до 35 лет относятся к этому серьезно). Мнение стороннего окружения (пользователей соответствующих веб-ресурсов, специалистов, ведущих и т. д.) интересует около 75 % респондентов (для 45 % это мнение интересно и принципиально важно).

Референтное вовлечение может быть реализовано с позиции примечательной личности в материальном или виртуальном пространстве мероприятия. Большинство респондентов (около 80 %) склонны интересоваться заранее, будут ли на мероприятии примечательные или интересные для них люди. Большинство исходит из праздного интереса, однако для 26 % их присутствие принципиально, от него зависит их посетительское намерение. Таким образом, ориентирование на примечательную личность может послужить не столько средством привлечения, сколько способом вовлечения. В большой степени это справедливо для респондентов поколения Z, респонденты же поколения Y сравнительно менее зависимы от этого и ориентированы скорее на общее социальное окружение, на представленные на площадке социальные практики (см. рис. 3).

Рис. 3. Типы личностей на мероприятиях, присутствие которых вызывает дополнительный интерес (специфическую значимость) у респондентов (% ответов)

Вовлечение в различные виды деятельности на мероприятии, опирающееся на восприятие и воспроизведение социальных практик других посетителей, предполагает внедрение технологий передачи целевых смыслов «в процессе социальных взаимодействий друг с другом и с социальной действительностью» [Зубок, 2022: 11]. Социальные практики в общем виде допустимо рассматривать как поведенческие акты индивидов и групп, характерные для повседневных ситуаций, которые «с одной стороны, детерминируются социальной средой, с другой — воздействуют на среду, изменяя ее структуру» [Шугальский, 2012: 278]. Практики взаимодействия наших респондентов можно охарактеризовать так: 64 % открыты к взаимодействию, но не склонны инициировать его (инициативны только около 30 %). При этом 62 % отмечают, что были бы рады завести на мероприятии несколько новых знакомств, то есть на самом деле они готовы как к ситуативному, так и к более долгосрочному взаимодействию при наличии располагающих к этому условий.

Обсуждение

В анализе мы рассматривали три ключевых аспекта. Мы охарактеризовали общие представления молодежи мегаполиса об атрибутах мероприятия, наличие которых привлекло бы к его посещению. Для респондентов 18—24 лет это визуальное оформление (24 %), концертно-сценическая часть (23 %), неформальное общение (14 %), деятельностные активности (11 %). Для респондентов 25—35 лет перечень выглядит несколько иначе: выступления и концерты (26 %), визуальное оформление (18 %), деятельностные активности (15 %), ярмарки (12 %). Это согласуется с рядом маркетинговых исследований молодежных аудиторий мероприятий. Специалисты в области событийного менеджмента отмечают ориентацию поколения Z на визуальную привлекательность, которую можно объяснить привычкой молодежи цифровой эпохи документировать события своей жизни в социальных сетях и блогах⁵. Аналогично, докладчики в рамках Digital Entertainment

⁵ «Окей, бумер» или как организовать ивент для поколения Z // VC.ru. 2019. 17 декабря. URL: <https://vc.ru/marketing/97666-okey-bumer-ili-kak-organizovat-ivent-dlya-pokoleniya-z> (дата обращения: 25.05.2025).

World, ежегодной конференции представителей медиаиндустрии, проходящей в Лос-Анджелесе, отмечали такие особенности поколения Z, как потребность в «аутентичности», вовлеченности, постоянном контакте с аудиторией, визуальной привлекательности, интерактиве в формате свободного выбора и диалога без навязчивости⁶. Схожие выводы относительно зрелищности мероприятия, его концертной программы делают российские социологи [Оселедчик, Велиев, 2017].

Акцентирование этих элементов при рекламе мероприятия позволит привлечь молодежную аудиторию. Однако выраженная посетительская пассивность в купе с таким перечнем атрибутов (также подразумевающих пассивное созерцание) не способствует активному вовлечению и затрудняет реализацию гуманистических функций мероприятия. Несмотря на то что результаты позволяют охарактеризовать молодых людей как достаточно заинтересованных в разнообразных видах деятельности на мероприятии (53 % ответов было дано относительно активных целей посещения: общаться, пробовать и узнавать новое, выступать), они малоинициативны в выборе активных альтернатив (42 % ответов дано относительно намерения пассивного наблюдения). С этим выводом согласны О. И. Ткаченко и Е. В. Терехова, отмечающие, что 45 % опрошенных ими респондентов 20—30 лет предпочитают роль зрителя, тогда как 42 % в целом готовы присоединиться к участию, если для этого будут располагающие условия [Ткаченко, Терехова 2020]; а также И. А. Ильченко, подчеркивающий, что около 43 % молодежи ходит на мероприятия ради развлечения и отдыха [Ильченко, 2016].

В поисках атрибутов мероприятия, способных выполнить не только привлекающую, но и вовлекающую функцию, мы проанализировали качественные особенности представлений респондентов и сопоставили их ответы о привлекающих к посещению атрибутах с ответами об атрибутах, значимых непосредственно на мероприятии. При этом представленный выше перечень несколько изменился. В группе 18—24-летних упоминания атрибутов распределились по следующим тематическим группам: люди и общение (26 %), оформление и декор (15 %), музыкальное сопровождение (11 %), общая организация (8 %), ведущий (7 %), разнообразие площадок (6 %), выступление и концерты (3 %). В группе 25—35-летних: примечательные личности (17 %), музыка и качество звука (14 %), логистика и организованность (13 %), оформление и декор (11 %), профессионализм ведущего (6 %), разнообразие площадок (3 %).

С одной стороны, предпочтения молодежи демонстрируют комплексность, что согласуется с выводами Р. Е. Маркина о том, что для 80 % молодежи ценность мероприятия заключается в его атмосфере, складывающейся «за счет многих факторов: звукового сопровождения, освещения, запахов и общего настроения, которое преобладает на мероприятии» [Маркин, 2020: 171]. С другой стороны, социально обусловленные атрибуты при более детальной интерпретации начинают проявляться над инфраструктурными, что позволяет считать их атрибутами, придающими дополнительную ценность посетительскому опыту.

Технологии вовлечения, основывающиеся на использовании таких атрибутов, пока не нашли что должного отражения в практике организаторов, хотя в иных

⁶ Как понравится поколению Z: руководство для организаторов мероприятий // EventRocks.ru. 2019. 4 марта. URL: <https://blog.eventrocks.ru/kak-ponravitsia-pokolieniiu-z/> (дата обращения: 25.05.2025).

качествах (потребительские предпочтения, обратная связь, оценка удовлетворенности) социальный фактор принимается организаторами во внимание [Федотова, 2024; Левина, Дустова, 2020]. Хотя сам факт значимости социального аспекта на мероприятиях для молодежи обсуждается исследователями. Например, отмечается, что молодежь предпочитает проводить досуг, в том числе событийный, с друзьями [Бобровская, 2023]; она ориентирована на взаимодействие с людьми, которые «должны быть такими же динамичными, молодыми, яркими и целеустремленными» [Проказина, 2023: 139]; молодые люди 18—24 лет подвержены страху быть непринятыми сверстниками, а 25—35-летние опасаются отсутствия поддержки со стороны других людей [Пищик, 2019]; молодежь 25—35 лет открыта к сотрудничеству и взаимодействию при готовности «диктовать свои правила, если видят, что это принесет большую пользу» [Чернышева, 2019: 141]. На наш взгляд, это поддерживает вывод об актуальности учета социально-референтного аспекта и значимости представленных на мероприятии социальных практик.

Заключение

Мы ставили цель дать характеристику представлений двух поколений молодежи мегаполиса о социокультурных мероприятиях с точки зрения привлечения их к посещению и вовлечения в участие. Три задачи исследования были направлены на то, чтобы охарактеризовать представления о привлекающих к посещению атрибутах, оценить вероятность влияния на эти представления социокультурных факторов, проанализировать эти представления с точки зрения атрибутов, которые могли бы способствовать вовлечению и целевой коммуникации.

В рамках решения первой задачи установлены общие представления молодежи о привлекающих к посещению атрибутах и целях посещения массовых мероприятий, охарактеризованы их особенности. Респондентов 18—24 лет (поколение Z) привлекают мероприятия, обладающие выразительным и тематическим оформлением, предполагающие свободный формат общения и взаимодействия с другими посетителями. Респондентов 25—35 лет (поколение Y) в большей степени привлекают мероприятия, предполагающие значительную концертную составляющую и разнообразие вариантов времяпровождения на выбор.

Вторая задача была направлена на то, чтобы охарактеризовать вероятность влияния социально-демографических и социокультурных факторов на потребительские предпочтения. Преимущественное влияние оказывают факторы профессиональной принадлежности (для обеих групп) и тематической направленности, сопряженной с субкультурными особенностями или интересами (для респондентов поколения Y). Влияние этих факторов наиболее выражено в отношении поведенческого намерения, открытости к социальному взаимодействию, атрибутивных предпочтений.

Для реализации третьей задачи проанализировано, как особенности потребительских представлений могут быть учтены при вовлечении молодежи. Поскольку явно выраженные представления отражают пассивно-созерцательное намерение (и тем самым способствуют привлечению на мероприятие, но не вовлечению в активное участие), мы обратились к косвенно выраженным особенностям — ориентации на неординарный или распространенный социальный при-

мер, чуткое реагирование на состояние участников и организаторов, значимость личностных особенностей ведущих. Предложили выстраивать тактики вовлечения, основываясь на демонстрации референтного примера и социальных практик активных посетителей.

Признавая высокую гетерогенность посетителей мероприятий в целом и молодежи в частности, отметим, что сделанные выводы открывают широкое поле дальнейшего научного поиска и дискуссии. В том числе связанные с такими аспектами, как специфика применения и адаптации к условиям малых и крупных городов, к субкультурным особенностям и пр. Примечательным направлением для дальнейших научных изысканий также представляется более подробное изучение ряда парадоксальных аспектов. Например, важности вовлеченности участников как характеристики интенсивности представленных социальных практик других участников при ориентации аудитории на популярный референтный пример (среди респондентов поколения Z). И обратный пример — важность вовлечения как организующей и координирующей функции ведущего при ориентации аудитории на присутствующие социальные практики (для респондентов поколения Y). Исследование этих аспектов позволило бы раскрыть диалектику соотношения обыденного и необычного в массовых мероприятиях, на чем во многом строится их привлекательность к посещению и производимый эффект.

Полученные результаты, на наш взгляд, позволяют дополнить существующее знание в области социологии досуга и молодежи в части событийных предпочтений, что может найти применение в концептуальных разработках социологов, культурологов, педагогов, специалистов социального управления в сфере культуры и молодежной политики в части разработки механизмов вовлечения посетителей и взаимодействия с ними в интересах общества и государства.

Список литературы (References)

1. Алексеенок А. А., Богатырев Р. А. Социологический анализ досуговых практик современной молодежи (на материалах Орловской области) // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 5. С. 98—114.
Alekseenok A. A., Bogatyrev R. A. (2021) Sociological Analysis of Leisure Practices of Youth (On the Materials of the Oryol Region). *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 17. No. 5. P. 98—114. (In Russ.)
2. Ахиезер А. С. Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 29—45.
Akhiezer A. S. (2000). Philosophical Foundations of Sociocultural Theory and Methodology. *Voprosy Filosofii*. No. 9. P. 29—45. (In Russ.)
3. Бизин С. В., Кудашова М. Е. Государственная молодежная политика и ее реализация в регионе // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 5. С. 1989—2008. <https://doi.org/10.18334/epp.14.5.120905>.
Bizin S. V., Kudashova M. E. (2024) State Youth Policy and Its Implementation in the Region. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. Vol. 14. No. 5. P. 1989—2008. <https://doi.org/10.18334/epp.14.5.120905>. (In Russ.)

4. Бобровская М. А. Организация досуговой деятельности молодежи региона // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов. М.: Печатный цех, 2023. С. 307—313.
Bobrovskaya M. A. (2023) Organization of Leisure Activities of Regional Youth. In: *Actual Problems of Science and Education in the Context of Modern Challenges*. Moscow: Printing Workshop. P. 307—313. (In Russ.)
5. Богатырев К. А. Правовое просвещение на культурно-массовых мероприятиях для детей и молодежи // Вестник науки. 2022. Т. 3. № 6. С. 28—34.
Bogatyrev K. A. (2022) Legal Education at Cultural Events for Children and Youth. *Vestnik Nauki*. Vol. 3. No. 6. P. 28—34. (In Russ.)
6. Грунт Е. В., Беляева Е. А. Досуг молодежи в средних городах и мегаполисе на Урале: компаративный анализ // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2022. Т. 22. № 2. С. 66—74.
Grunt E. V., Belyaeva E. A. (2022). Youth Leisure in Medium-Sized Cities and Megapolis in the Urals: Comparative Analysis. *Bulletin of the South State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. Vol. 22. No. 2. P. 66—74. (In Russ.)
7. Мамедалиев З. Г., Мурашова Н. С., Кениспаев Ж. К. Актуальная культура: поиск оснований и ивент-ракурс // Актуальная культура. 2024. № 2. С. 1—18.
Mammadaliev Z. G., Murashova N. S., Kenispaev Zh. K. (2024). Current Culture: Search for Grounds and Event Perspective. *Current Culture*. No. 2. P. 1—18. (In Russ.)
8. Зубок Ю. А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 10—30. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2>.
Zubok Yu. A. (2022) Changing Social Reality: A Reflection of Theoretical and Empirical Aspects of Sociological Research on Youth. *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 8. No. 3. P. 10—30. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2>. (In Russ.)
9. Ильченко И. А. Культурные предпочтения современной молодежи // Теория и практика современной науки. 2016. № 12. С. 489—494.
Ilchenko I. A. (2016). Cultural Preferences of Modern Youth. *Theory and Practice of Modern Science*. No. 12. P. 489—494. (In Russ.)
10. Ковин Е. А., Лысенко О. В. Теория поколений в контексте социологии управления // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 4. С. 151—162. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-13>.
Kovin E. A., Lysenko O. V. (2019) The Theory of Generations in the Context of Sociology of Management. *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 5. No. 4. P. 151—162. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-13>. (In Russ.)
11. Левина И. Р., Дустова З. С. Алгоритм организации и проведения культурно-массового мероприятия в университете // Polish Journal of Science. 2020. № 25. С. 5—7.
Levina I. R., Dustova Z. S. (2020) Algorithm for Organizing and Holding a Cultural Event at the University. *Polish Journal of Science*. No. 25. P. 5—7. (In Russ.)

12. Маркин Р. Е. Городские массовые мероприятия: предпочтения молодежи // Развитие территории в условиях современных вызовов / отв. ред. Р. Е. Маркин. Рязань: Издательство Ипполитова, 2020. С. 168—174.
Markin R. E. (2020) Urban Mass Events: Youth Preferences. In: Markin R. E. (ed.) *Development of the Territory in the Context of Modern Challenges*. Ryazan: Ippolitov Publishing P. 168—174. (In Russ.)
13. Никитина Д. О. Поколение Z: особенности и характеристики // Социология. 2021. № 3. С. 136—140.
Nikitina D. O. (2021) Generation Z: Features and Characteristics. *Sociology*. No. 3. P. 136—140. (In Russ.)
14. Оселедчик Е. Б., Велиев Э. Э. Массовый праздник и молодежь // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2017. № 2. URL: [https://s.esrae.ru/vestnikkguki/pdf/2017/2\(10\)/212.pdf](https://s.esrae.ru/vestnikkguki/pdf/2017/2(10)/212.pdf) (дата обращения: 24.07.2025).
Oseledchik E. B., Veliev E. E. (2017) Mass Festival and Youth. *Bulletin of the Krasnodar State Institute of Culture*. No. 2. URL: [https://s.esrae.ru/vestnikkguki/pdf/2017/2\(10\)/212.pdf](https://s.esrae.ru/vestnikkguki/pdf/2017/2(10)/212.pdf) (accessed 24.07.2025). (In Russ.)
15. Пищик В. И. Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 67—81. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100206>.
Pishchik V. I. (2019) Value Measurements of Generations through Actualized Fears. *Social Psychology and Society*. Vol. 10. No. 2. P. 67—81. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100206>. (In Russ.)
16. Проказина Н. В. Коммуникативные практики молодежи в реальном и виртуальном пространствах // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 3. С. 69—81. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.3>.
Prokazina N. V. (2023) Communicative Practices of Youth in real and Virtual Spaces. *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 3. P. 69—81. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.3>. (In Russ.)
17. Резунков А. Г. Отношение современной городской молодежи к праздникам // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. № 3. <https://sfk-mn.ru/PDF/30SCSK321.pdf> (дата обращения: 24.07.2025).
Rezunkov A. G. (2021) Attitude of Modern Urban Youth to Holidays. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. No. 3. <https://sfk-mn.ru/PDF/30SCSK321.pdf> (accessed 24.07.2025). (In Russ.)
18. Ткаченко О. И., Терехова Е. В. Метод анкетирования в исследовании роли интерактивных технологий в формировании фестивальных пространств // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации / отв. ред. А. А. Сукиасян Уфа: Омега Сайнс, 2020. С. 218—222.
Tkachenko O. I., Terekhova E. V. (2020) Questionnaire Method in Studying the Role of Interactive Technologies in the Formation of Festival Spaces. In: Sukiasyan A. A.

(ed.) *Fundamental and Applied Scientific Research: Current Issues, Achievements and Innovations*. Ufa: Omega Science. P. 218—222. (In Russ.)

19. Федотова Ж. В. Анализ психологического аспекта взаимосвязи между ожиданиями и реальным опытом участия в культурно-массовых мероприятиях // *Инновационная наука*. 2024. № 8—1. С. 88—99.
Fedotova Zh. V. (2024) Analysis of Psychological Aspect of Correlations Between Participants' Expectations and Real Participative Experience in Mass Cultural Events. *Innovative Science*. No. 8—1. P. 88—99. (In Russ.)
20. Чернышева Е. В. Анализ поведенческих и трудовых особенностей поколений X, Y, Z // *Трансформация социального мира в современную эпоху* / науч. ред. Т. И. Грабельных Иркутск: Оттиск, 2019. С. 140—143.
Chernysheva E. V. (2019) Analysis of Behavioral and Labor Characteristics of Generations X, Y, Z In: Grabelnykh T. I. (ed.) *Transformation of the Social World in the Modern Era*. Irkutsk: Ottisk. P. 140—143. (In Russ.)
21. Чистанов М. Н. О границах применимости теории поколений в современной философии истории // *Гуманитарный вектор*. 2017. Т. 12. № 3. С. 35—39.
Chistanov M. N. (2017) On the Limits to the Generational Theory Applicability in Modern Philosophy of History. *Humanitarian Vector*. Vol. 12. No. 3. P. 35—39. (In Russ.)
22. Шапиро С. В. Организация и проведение мероприятий для молодежной аудитории // *Проблемы развития личности в условиях глобализации: психолого-педагогические аспекты*. Ереван: Российско-Армянский университет, 2020. С. 849—855.
Shapiro S. V. (2020) Organization and Holding of Events for Youth Audience. In: *Problems of Personality Development in the Context of Globalization: Psychological and Pedagogical Aspects*. Yerevan: Russian-Armenian University. P. 849—855. (In Russ.)
23. Шаповалова И. С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // *Регионология*. 2021. Т. 29. № 4. С. 902—932. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932>.
Shapovalova I. S. (2021) Problems of Implementation of the State Youth Policy in the Reflection of Regional Youth. *Russian Journal of Regional Studies*. Vol. 29. No. 4. P. 902—932. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932>. (In Russ.)
24. Шаповалова И. С. Досуговые стратегии молодежи: факторы досугового выбора и культурная карта досуга // *Научные результаты социологии-2022* / отв. ред. И. С. Шаповалова. Белгород: Белгородской государственный национальный исследовательский университет, 2023. С. 196—204.
Shapovalova I. S. (2023) Leisure Strategies of Young People: Factors of Leisure Choice and Cultural Map of Leisure. In: Shapovalova I. S. (ed.) *Scientific Results of Sociology-2022*. Belgorod: Belgorod State National Research University. P. 196—204. (In Russ.)

25. Шелгинская В. А. Социально-коммуникативный механизм в управлении ивент-деятельностью: концептуализация и реализация // Вестник Кемеровского государственного университета. Политические, социологические, экономические науки. 2024. Т. 9. № 2. С. 273—283. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-273-283>.
Shelginskaya V. A. (2024) Social Communication in Event Management: Concept and Implementation. *Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, Sociological, Economic Sciences*. Vol. 9. No. 2. P. 273—283. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-273-283>. (In Russ.)
26. Шугальский С. С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276—280.
Shugalsky S. S. (2012) Social Practices: Interpretation of the Concept. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 2. P. 276—280. (In Russ.)
27. Dunne D. F., O'Mahony A. S., O'Shea L. T. (2023) Festival Feels: Exploring the Motivations of Generation Z Festival-Goers in Ireland. *Event Management*. Vol. 27. No. 5. P. 691—712. <https://doi.org/10.3727/152599523X16830662072071>.
28. Harb A., Khelifat A., Alzghoul Y. A., Fowler D., Sarhan N., Eyoum K. (2024) Cultural Exploration as an Antecedent of Students' Intention to Attend University Events: An Extension of the Theory of Reasoned Action. *Journal of Marketing for Higher Education*. Vol. 34. No. 1. P. 72—94. <https://doi.org/10.1080/08841241.2021.1958125>.
29. Ho J. M., Tiew F., Adamu A. A. (2022) The Determinants of Festival Participants' Event Loyalty: A Focus on Millennial Participants. *International Journal of Event and Festival Management*. Vol. 13. No. 4. P. 422—439. <https://doi.org/10.1108/IJEFM-01-2022-0006>.
30. Howe N., Strauss W. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow & Company.
31. Iványi T., Bíró-Szigeti S. (2020) Understanding Internal Connections of Music Festivals' Experience Dimensions. *Tourism and Hospitality Management*. Vol. 26. No. 2. P. 437—454. <https://doi.org/10.20867/thm.26.2.9>.
32. Mandagi D. W., Aseng A. C. (2021) Millennials and Gen Z's Perception of Social Media Marketing Effectiveness on the Festival's Branding: The Mediating Effect of Brand Gestalt. *Asia-Pacific Social Science Review*. Vol. 21. No. 3. P. 103—121. <https://doi.org/10.59588/2350-8329.1389>.
33. Pitanatri P. D. S., Priyanto S. E. (2022) Promoting Cultural Events in Indonesia Through Millennials: Lesson Learnt from Yogyakarta. In: Hassan A. (ed.) *Handbook of Technology Application in Tourism in Asia*. Singapore: Springer Nature Singapore. P. 699—724.
34. Sims J. (2019) *Factors Influencing Generation Y and Generation Z in Thailand to Participate in the Vegetarian Festival*. Bangkok: Thammasat University.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.3006](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.3006)**Д. Г. Подвойский****МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ
VERSUS СОЦИАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ:
ВОЗМОЖЕН ЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ?****Правильная ссылка на статью:**

Подвойский Д. Г. Методологический индивидуализм versus социальный реализм: возможен ли теоретический синтез? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 247—263. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.3006>.

For citation:

Podvoyskiy D. G. (2025) Methodological Individualism Versus Social Realism: Is Theoretical Synthesis Possible? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 247–263. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.3006>. (In Russ.)

Получено: 27.04.2025. Принято к публикации: 01.07.2025.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ
VERSUS СОЦИАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ: ВОЗМО-
ЖЕН ЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ?METHODOLOGICAL INDIVIDUALISM VERSUS
SOCIAL REALISM: IS THEORETICAL SYNTHESIS
POSSIBLE?

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

Denis G. PODVOYSKIY^{1,2,3} — *Cand. Sci. (Philos.)*, Associate Professor at the Department of Social Philosophy and Philosophy of History; Associate Professor at the Department of Sociology; Leading Research Fellow
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russia

³ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Аннотация. Одной из смыслообразующих осей, выстраивающих теоретический ландшафт современного научного общества, до настоящего времени остается диалектическая проблема «субъекта (действия, agency) — структуры». Ключевой тезис статьи заключается в утверждении, что волюнтаризм человеческого действия («свобода воли») с неизбежностью, то есть закономерно, вплетается в сеть структур разного уровня и порядка («интернальных» и «экстернальных», микро- и макро-, культурных и институциональных, аксиологических и нормативных), образующих ряд условий и предпосылок воспроизводства организованных форм социальных интеракций и отношений, а также выступающих источниками явной и/или латентной правилосообразности поведения людей в обществе. Теоретико-методологический подход, принимаемый автором, ориентируется на «синтетические» социологические концепции, стремящиеся к объединению «реалистской» и «номиналистской» перспектив анализа социальной жизни и к преодолению их внутренних логических противоречий.

Abstract. One of the meaning-forming axes that builds the theoretical landscape of modern social sciences is still the dialectical problem of «subject (action, agency) — structure». The main thesis of this article is the assertion that the voluntarism of human action («freedom of will») is inevitably, that is, naturally, woven into a network of structures of different levels and orders («internal» and «external», micro- and macro-, cultural and institutional, axiological and normative), forming a number of conditions and prerequisites for the reproduction of organized forms of social interactions and relationships, and also acting as sources of explicit and latent rule-based behavior of people in society. The author adopts a theoretical and methodological approach that is oriented toward «synthetic» sociological concepts and shows its potential for combining the «realist» and «nominalist» perspectives of analyzing social life and overcoming their internal logical contradictions.

Ключевые слова: реализм, номинализм, методологический индивидуализм, социальное действие, социальное взаимодействие, принцип AGIL, проблема «Ego — Alter», контингентность, социальная структура

Keywords: realism, nominalism, methodological individualism, social action, social interaction, AGIL-principle, «Ego — Alter» problem, contingency, social structure

Благодарность. Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00440 «Анализ социальной каузальности и инвариантов общественного развития как метод преодоления фрагментации социально-философского познания».

Acknowledgments. The research was supported with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00440 «Analysis of social causality and invariants of social development as a method of overcoming the fragmentation of socio-philosophical knowledge».

Человеческое действие / социальная структура: два берега одной реки

«Противопоставление „действия“ „системе“ или „структуре“ — одно из наиболее распространенных во всей традиции социального теоретизирования», — справедливо констатирует Уильям Аутвейт [Аутвейт, 1991: 160]. В то же время, — утверждает британский социолог, — мы постоянно сталкиваемся с тенденцией «отождествлять уровень „действия“ со свободой, а „структурный“ или „системный уровень — с ограничениями“» [там же]. И кем являются люди в таком случае — марионетками или активными игроками на социальном поле с широкими возможностями? Общественная жизнь не дает однозначного ответа, поскольку человек может представлять и тем, и другим в разной степени — в зависимости от исторического контекста, эпохи, обстоятельств, особенностей социальной структуры и, конечно, от самого взгляда, каким мы смотрим на проблему человеческой свободы.

Человек мыслящий (человек как субъект) и человек действующий (человек как актор), с одной стороны, и общество (система, структура), с другой, являются элементами аналитически смонтированной бинарной оппозиции. Хотя оперирует этой диадой не только социальная теория, но и обыденное сознание, по крайней мере в современных обществах, немало потрудившихся над *от-* или *вы-*делением Я от (или из) Мы/Они [Элиас, 2001]. На самом же деле в эмпирической реальности социальной жизни индивид и общество не столько противопоставлены, сколько предполагают друг друга, и поэтому могут быть определены только друг через друга. Общество складывается из людей, их мыслей, слов и поступков, образующих его исходный субстрат. Иначе говоря, молекулярная формула социального вещества конституируется человеческой деятельностью как собственной фундаментальной атомарной тканью. «Химия» социального выстраивается из «физики» человеческого. В свою очередь люди, рассматриваемые вне среды сосуществования с себе подобными, просто перестают быть самими собой. *Differentia specifica* «социальности», по-видимому, является неустранимым в дефиниции человека как существа особого рода.

Понятийная диада «человек — общество» имеет множество смысловых коннотаций, в том числе метафизических, религиозных, этических, политико-

идеологических, которые мы позволим себе вынести за скобки наших рассуждений. Попробуем сосредоточиться на вопросе более специальном, но при этом ключевом для социологической теории в целом: способна ли последняя без видимых перекосов синтезировать в одной объяснительной модели кажущиеся полярными позиции методологического индивидуализма и коллективизма, социологического номинализма и реализма, сингуляризма и холизма? Должны ли мы строго предпочитать какую-то одну: восходящую или нисходящую линию рассуждения — двигаться от действия к социальным структурам (институциональным, культурно-символическим и т. д.) или в обратном направлении?

Формулировка «в начале было...» здесь, по-видимому, неуместна. Какое звено считать первым — индивида или социальную структуру — не так важно; гораздо важнее надежность самой цепи, опосредующей, соединяющей крайние точки понятийного ряда. Цепь взаимной детерминации самозамкнута, и можно гулять мыслью по кругу, в обоих направлениях — от индивидов к институтам (экстернализация) и обратно (интернализация) [Бергер, Лукман, 1995]. Где стартовать — не столь принципиально, но все же проще (из соображений аналитической ясности) отталкиваться от людей и их действий.

Разумеется, никакого несоциализированного индивида (или рядоположенных несоциализированных индивидов), начинающего или начинающих писать летопись общественной жизни с нуля (*de novo* и *ex nihilo*), в природе мы никогда и нигде не отыщем. Социальный пазл складывается из взаимно ориентированных человеческих поступков как фрагментов, но эти фрагменты по отдельности, то есть вне пазла, представить себе нельзя, не уничтожив полностью их эмпирическое своеобразие. Предшествуют ли логически части целому, если они никогда вне этого целого не существовали? — Нет! Но все же начинать разговор лучше с индивидуальных действий, потому что именно они, взятые в совокупности, образуют простейший, атомарный уровень социальной жизни. Кроме того, имеются еще две причины, определяющие целесообразность старта рассуждений в указанной точке.

1) Только человек наделен такими интегральными качествами, как *субъектность* и *агентность*, обладает свободой воли, способен хотеть, мочь, думать, стремиться, ставить цели и достигать их, выбирать, отказываться от чего-то по идейным соображениям, испытывать душевные страдания, преодолевать, любить и ненавидеть, хитрить и лицемерить, жертвовать собой, гордиться, стыдиться, мучиться муками совести, выполнять или нарушать обещания, оперировать категориями долженствования и т. д.

2) Социологическому анализу в строгом смысле подлежат только конфигурации человеческих действий, потому что только они эмпирически *наблюдаемы*. Все остальное в общественных науках — лишь бесхитростная или же прихотливая игра понятий; «все слова, слова, слова». На действие в отличие от всего остального в социальной жизни можно указать пальцем, сказав: вот смотрите, он/она делает это.

Если вы захотите указать пальцем на институты, вы все равно попадете в людей и их поступки. Общность, группа, семья, класс, организация, университет, партия, родина, церковь, государство, армия, страна, цивилизация, народ, рынок, anomia, безработица, стратификация, бюрократия, нищета, разруха, кризис, процветание, капитализм и т. п. — всего-навсего научные термины (и/или элементы

публичного или обыденного языков), абстрактные собирательные понятия, которые никакой самостоятельной субъектностью/агентностью (см. п. 1) не обладают.

Совершенно прав П. Бурдьё, заметивший однажды: «Язык ставит социолога перед весьма драматической проблемой: он, по сути дела, оказывается неисчерпаемым кладезем натурализованных заранее сконструированных конструктов» [Бурдьё, 2002: 396]. Наши способы изъяснения порождают иллюзию, что за именами существительными, употребляемыми нами в речи, стоят какие-то особые сущности, скрываются какие-то субстанции. Методологический индивидуализм — подход номиналистский, выступающий против необоснованной эссенциализации имен — разного рода вывесок, табличек, нашивок, оберток, упаковок, порой камуфлирующих пустоту или, как минимум, стригущих и красящих шкурку русского зайца, умерщвленного в Тульской губернии, под соболя или шанхайского барса.

Это (п. 1, 2), так сказать, два основных козыря в колоде методологического индивидуализма. Поэтому-то в социальной теории начинать разговор с уровня человеческого действия кажется решением вполне оправданным. Так поступали и авторы, мыслившие отнюдь не по-сингуляристски, — тот же Т. Парсонс [Парсонс, 2000, 2002].

С другой стороны, важно не только то, с чего мы начинаем, но и то, к чему мы в результате приходим. Социологический анализ действия в итоге действием обычно не ограничивается. Или, что то же самое, одним лишь действием действие объяснить не получается. Лишь на первый взгляд парадоксально звучит утверждение: ничего¹ (точнее, никого), кроме людей, в обществе нет, но из самих людей (взятых по отдельности) людей не объяснить.

И вот здесь мало-помалу начинает вступать в игру социальный (или социологический) реализм, признающий за феноменами общественной жизни статус бытия *sui generis*. Индивидуальное действие, будучи помещенным в социальный контекст (а оно всегда в него так или иначе помещено) как бы перерастает самое себя и дает начало новой реальности. Поэтому все те слова, которые социальные науки и естественный язык используют для описания общественных явлений, — все эти «всего лишь имена» — оказываются необходимыми, если мы хотим рассуждать о совместной жизни людей как о специфической области исследования. Главное в нашем деле — не забывать, что при оперировании обществоведческими понятиями мы всегда работаем с определенным языком описания, используем арсеналы теоретических конструкций, за фасадом которых скрывается живая ткань социального опыта людей, складывающегося в конечном счете из конкретных человеческих поступков.

Действие в координатах AGIL: поиграем с Парсонсом

Итак, представим себе человека действующего, то есть актора, как био-психо-социальное существо. Он/она имеет пол и возраст, анатомию и физиологию, определенный фенотип, набор внешних черт и характеристик, а также способностей и предрасположенностей, навыков, умений и знаний, имеет множественные

¹ Сейчас, правда, довольно часто (и вполне справедливо) замечают, что в процессах социального конструирования реальности участвуют не только люди, но и вещи — элементы рукотворной и нерукотворной материальной среды (так называемые актанты).

потребности разного происхождения (не только биологические) и стремится их удовлетворять. Индивид «в моменте» бывает взволнован, возбужден или спокоен, у него бывает стресс, депрессия, апатия. У него есть определенный психотип: он агрессивный холерик, жизнерадостный сангвиник, заторможенный флегматик или плаксивый меланхолик, «шустрик» или «мямлик», интроверт или экстраверт, и т. п. (и с этим, как говорится, пожалуйста, к психологам).

Выражаясь на философский манер, человек обладает сознанием и волей, а его действия интенциональны. У социального действия, если верить М. Веберу, имеется некий субъективный смысл, и этот смысл включает в себя ориентации на других людей, присутствующих или отсутствующих, реальных или воображаемых (хотя осмысленность поступка не всегда четко выражена). Человек не только чего-то хочет и что-то чувствует, он о чем-то думает, что-то делает и говорит (ведь слова — это тоже в некотором роде дела), объясняет себе и другим, скрывает и утаивает, что-то осознает, а что-то — нет.

Человеческая деятельность отличается от поведения животных. Поведение людей не является полностью реактивным (порождаемым реакцией организма на раздражитель, стимул). К биологическим потребностям, инстинктам и влечениям у человека прибавляются интересы и потребности небиологического уровня. Целесообразность поведения животных в природе основывается на воспроизводстве приспособительных программ реагирования на условия среды, выработанных в процессе эволюционного развития вида. Целесообразность человеческого действия предполагает сознательную постановку и выбор целей, а также выбор средств их достижения. К стимулам как внешним побудителям поведения у людей присоединяются мотивы, или «намерения», как побудители внутренние. Психологи в близком контексте предпочитают говорить об установке (или аттитуде) как о социально сформированной готовности или предрасположенности индивида к действию в определенном направлении.

Функцию мотивационных предпочтений выполняют ценности [Момджян, 2020], ценностные ориентации и образцы, определяющие в сознании актора субъективную значимость тех или иных благ и объектов. Ценности при всей их «формальной априорности» (добро, красота, справедливость, польза, истина и т. д.) не вырабатываются индивидуально. Они являются продуктами культуры, хотя разные индивиды обладают избирательной и, по сути, индивидуализированной способностью интернализировать (в процессе социализации) те или иные наборы ценностных паттернов. Ценности напрямую связаны с нормами. Прочный альянс ценностей и норм заставил теоретиков, и в первую очередь Парсонса, говорить о нормативной ориентации действия.

Наконец, действие или цепочка действий в своем быстром или медленном течении всегда разворачивается в конкретной ситуации, которая влияет как на фактический исход — результат акта, так и на его субъективное определение актором. Ситуация включает в себя ряд наличных условий и обстоятельств, с которыми сталкивается актер и которые он должен принимать в расчет в процессе постановки, корректировки и достижения целей. Ситуация определяет внешний контекст планируемого действия (выше головы не прыгнешь!). А наши желания, увы, не всегда сочетаются с нашими возможностями.

Парсонсовская четырехфункциональная парадигма (так называемый принцип AGIL) хорошо показывает, как аналитически выделяемые подсистемы действия работают вместе. Попробуем проиллюстрировать эвристику этого подхода на конкретных (полушуточных) примерах.

Давайте вспомним сюжеты песни «Все могут короли» и мультфильма «Летучий корабль». Король из песни и царевна из сказки хотят устроить свою личную жизнь, найти себе вторую половину и создать семью. То есть цель в данном случае налицо. За постановку и достижение целей (Goal attainment) в системе действия отвечает личностная подсистема. Можно было бы выбрать и другую цель, но они выбрали такую. Причем оба при выборе партнера изначально ориентированы экспрессивно, а не инструментально — не как «очаровательный корнет» из «Соломенной шляпки», решивший жениться и взять в приданое миллион (пардон). Деньги их не интересуют, ими руководят субъективно переживаемые нежные чувства: «Но для Луи была милее всех она, решил Луи, что женится на ней»; «А я не хочу, не хочу по расчету, а я по любви, по любви хочу...»

За адаптацию (Adaptation) в системе действия отвечает поведенческо-организмическая подсистема: Луи Второй — половозрелый мужчина, царевна Забава — тоже девушка на выданье, физически уже вполне созрела для супружеской жизни.

Но в структуру действия всегда вмонтированы, как бы вшиты еще две подсистемы: социальная и культурная, выполняющие соответственно функции интеграции (Integration) и воспроизводства/поддержания образца (Latency / latent pattern maintenance). Любые действия, совершаемые индивидами, должны как-то согласовываться и соотноситься с образцами и нормами, которые вырабатывает и транслирует общество, спуская индивидам на уровень действия в качестве предписаний и модальностей: так надо / не надо, принято / не принято, прилично / неприлично... невест и женихов выбирают из этого круга, а из того не выбирают, если ты король или царская дочь («В царских семьях — уж такой порядок древний — по расчету надо замуж выходить»).

О генезисе упомянутых подсистем (I и L) мы еще не говорили (а они явно социального происхождения). Пока надо разобраться с тем, как они работают в элементарной структуре индивидуального действия. Нормы сообщают актору, как поступать можно, нельзя, требуется, следует, желательно и т. п., а ценности отвечают на вопрос «почему это так?».

В случае с Луи события развивались более эмпирически предсказуемо. К нему приехали соседи-короли и объяснили, как себя положено вести приличному самодержцу. Они могли напомнить ему о государственных долгах, междинастических связях, геополитическом положении, пригрозить разрывом отношений, войной, потребовать отречения от престола. При этом они могли давить, настаивать, шантажировать, уговаривать, убеждать, призывать к здравому смыслу, привлекать мудрецов, священнослужителей, моралистов, задачей которых было бы озвучивание доказательств пагубности и греховности морганатических браков.

Социальные нормы могут работать и сами по себе, когда следование норме обеспечивается внешним давлением, благодаря угрозе негативных санкций, но чаще они работают в тандеме с культурой. Когда к вам приходят люди, с мне-

нием которых вы вынуждены или привыкли считаться, и призывают вас к ответу, указывая на недопустимость образования семейного союза монарха и пастушк-птичницы, вас начинают посещать тревожные мысли: а может, ваша избранница и вправду вам не ровня? Может, она недостаточно изящна, изысканна, благородна и утонченна, не читала рыцарских романов и не говорит свободно по-латыни. В песне не сказано, испугался ли Луи, сдался ли под натиском аргументов, поддался на уговоры, осознал неуместность, поспешность или легкомысленность своего выбора, но факт остается фактом: взял в жены он совсем другую женщину (хоть и не такую симпатичную, но, как и полагается, — королевского происхождения).

В случае с Забавой культура продиктовала иное решение, и нормы не помогли. Она предпочла простого доброго, рукастого и смекалистого парня коварному царедворцу-коммерсанту Полкану (в точном соответствии с замыслом сказки). Судя по нарративу, похоже, что царевна социализировалась в колхозе, пионерлагере или общежитии доярок, а не в палатах своего отца, или, возможно, она читалась в дворцовой библиотеке «деревенщической» литературы, воспевающей жизнь простого народа: «Маленький домик, русская печка, пол деревянный, лавка и свечка, котик-мурлыка, муж работающий, вот оно счастье — нет его слаще».

Разумеется, истории незадачливого короля Луи и пренебрегающей сословными условностями царевны Забавы суть продукты художественной фантазии, у которой имеются свои законы. Но и в них проступают контуры модели социологического объяснения, которую при желании можно применить к любому человеческому действию.

Схемы и шаблоны как лекарства от головной боли

Как мы видели, в системе действия содержатся элементы и даже подсистемы, которые на уровне индивидуального поступка никогда бы не возникли, будь человек предоставлен только самому себе, и у него была бы счастливая (или не очень) возможность действовать в вакууме. Сами цели, которые актер ставит перед собой, неизбежно проходят (порой не без труда) через фильтрующее сито норм и ценностей, а выбор целей и средств всегда оказывается ограничен как наличными условиями действия (ситуацией), так и системой его явных и латентных социальных и культурных детерминант. Даже когда человек поступает, казалось бы, вопреки всему и вся, плывет против течения, что-то его побуждает поступать именно так, и его «упрямство» и желание двигаться вперед всем ветрам назло не ограничиваются только причинами психологического свойства. Решение идти другим путем, прорубаться сквозь джунгли неблагоприятных обстоятельств принимает именно социализированный индивид. Нонконформистский выбор делается во имя каких-то значимых для человека (не сугубо индивидуальных) ценностей. «Панк не менее правилосообразен, чем банковский клерк» [Волков, 1998: 158], а герой и поэт-романтик — не менее, чем лавочник-филистер и обыватель-мещанин.

Следующий шаг в объяснении социальной жизни нам помогут совершить философия и социология практического сознания (кантианского, прагматистского или феноменологического толков). Человеку фундаментально присуща склонность к упорядочиванию и структурированию элементов когнитивного опыта при помощи схем и шаблонов. В некотором роде это адаптационный механизм биологическо-

го вида. У животных он тоже имеется, просто у людей «машинка мироориентации» устроена сложнее. Жить значит познавать, — говорят эволюционные эпистемологи. Наши «головы и сердца», нервная система, аппарат восприятия и способы анализа информации, чувства, разум и рассудок собирают мир по кусочкам в некое целое, с которым можно ладить, иметь дело, то есть работать в повседневной жизни. Организм в любой конкретный момент времени осуществляет так называемую редукцию комплексности, упрощает свой поток опыта, алгоритмизируя реакции на множественные и разнородные вызовы собственной окружающей среды.

С философской точки зрения жизнь принципиально ненадежна, но люди пытаются с подобной ненадежностью как-то справиться, совладать. Поэтому обычно они в своей практической жизни первым делом выносят за скобки философию как нерелевантное знание, не задают себе и другим «дурацких» вопросов. Все мы все время ходим по краю бездны, но пытаемся этого не замечать. Нам нужно доверять себе, миру и людям хоть немного, чтобы жизнь продолжалась завтра, текла в привычном русле, чтобы знания можно было транслировать во времени. А вдруг солнце завтра не взойдет, у начальника отрастут ослиные уши (вот смеху-то было бы), соль превратится в сахар, карета — в тыкву, а яндекс-такси — в одуванчик?.. Но нет, мы «точно» знаем, что нет! — Такого случиться не может, разве что в нашей фантазии или во сне. А почему, собственно? Откуда это известно?..

Человек когнитивно осваивает внешний мир, как-то распознает и определяет объекты вокруг себя, в том числе людей. Он занимается сортировкой, каталогизацией предметов и живых существ (это — воробей, а это — синичка; это — солидный подарок на юбилей, а это — почти оскорбление; этот — надежный партнер, а тот — не очень), фреймированием ситуаций (это — свадьба, а это — похороны, это — просто пьянка, а это — пьянка по поводу). В своей жизни он пишет собственную кулинарную книгу, собирает и накапливает рецепты действий (как ухаживать за девушками, писать статьи, бежать стометровку, общаться с руководством, с пациентами, с мамой). Биография каждого человека специфична. В «типологизированном» опыте индивидов образуется множество лакун (пустых листков кулинарной книги): кто-то не знает, как мыть посуду, заказывать доставку еды, а кто-то не умеет выступать на Генеральной ассамблее ООН, ходить по ковровой дорожке Каннского фестиваля и т. п.

Огромную роль в жизни людей играют рутины; их опыт является хабиитуализированным (опривыченным). Рецепт, который нельзя записать на листочке, найти в нужный момент и применить снова, следует считать плохим рецептом. Говоря языком Э. Гидденса, для людей крайне важно испытывать чувство онтологической безопасности; они хотят более или менее твердо стоять на земле, быть уверенными в завтрашнем дне, хотят верить в предсказуемость событий. Эксперименты Г. Гарфинкеля хорошо показали: человек предпочитает крепко держаться за «условности»; людей раздражает, когда их выводят из зоны комфорта (онтологического, гносеологического, этического).

Процесс упорядочивания повседневного опыта включает в себя формирование, накопление и использование типизаций (как сказали бы феноменологи), или осуществление процедур категоризации (как сказали бы психологи-когнитивисты). По жизни мы занимаемся сравнением, уподоблением и различением объектов,

их подписыванием и маркировкой. Для этого у нас есть прекрасное средство — человеческий язык.

Значение языка (опять же заметим — феномена социального «до мозга костей») как инструмента организации когнитивного опыта трудно переоценить. Именно язык раскладывает в нашем мире все по полочкам и ящичкам с разнообразными ярлыками, бирками и закладками. Язык предоставляет в распоряжение человека свод правил и систему навигации в бурном потоке жизни (этот персонаж/индивид такого сорта именуется подлецом, и я точно знаю, как надо себя вести с подобными типами... — сталкивались, не в первый раз!). Правилосообразность языковых конструкций оборачивается правилосообразностью нашей картины мира, а та в свою очередь — правилосообразностью наших практических действий. Мы одеваем реальность в языковые формы, и это помогает нам ориентироваться и не ослепнуть в ее невыносимой жужжащей, суетливо мелькающей пестроте. В результате мы превращаем окружающий нас хаос в порядок, точнее — в более или менее пригодную для решения наших жизненных задач иллюзию порядка.

Логика интеракции и социальный порядок

Мир, обживаемый человеком с такими усилиями, не просто субъективен, он *интерсубъективен*, то есть в нашем опыте есть другие люди, и мы делим этот мир с ними. Здесь уже можно и нужно выходить на другой уровень обсуждения темы — за пределы единичного действия и единичного сознания. Из взаимно ориентированных действий минимум двух индивидов складываются взаимодействия (из актов складываются интеракции).

В протекании взаимодействия обнаруживается дополнительный² источник неопределенности, а именно двойная (тройная и т. д. — в зависимости от числа участников) контингентность. Как верно замечает Парсонс, «с точки зрения любого... актора основным источником контингентности является неуверенность в том, каким образом его партнеры по взаимодействию будут „реагировать“ на его действия» [Шюц, Парсонс, 2021: 174]. Воображаемый пример (доведенных до крайности) неопределенности и неверного истолкования мотивов партнеров по интеракции описывается в замечательной юмореске Семена Альтова про «дорожно-транспортное происшествие»: водитель грузовика и женщина-пешеход, несмотря на знание ПДД и разделяемые в равной мере общий багаж знаний и культурный опыт, никак не могут разойтись на улице, постоянно приписывая друг другу неблагоприятные намерения. И каждый следующий шаг партнера не облегчает, а лишь усугубляет ситуацию, усиливая нервозность участников взаимодействия и провоцируя негативные последствия.

И действительно, личность и находящийся в ее распоряжении поведенческий организм в принципе способны на многое. Личность может захотеть, а организм — исполнить. И чего в таком случае мне ждать от другого, если я сам в его отношении могу выкинуть любой фортель? Например, кто мне помешает неожиданно вырвать у дирижера палочку, если я сижу в первом ряду партера и нахожусь от этого интересного предмета на расстоянии вытянутой руки? Как говорит-

² Дополнительный в том смысле, что социальные объекты, как и объекты природные, привносят в жизнь людей немало неожиданностей, порой весьма неприятных.

ся, остерегайтесь незнакомцев! Впрочем, есть все основания побаиваться также близких (и условно проверенных) людей: кто знает, какая муха способна укусить их завтра, даже если сегодня ничто не предвещает беды?

Но на самом деле все не так уж непредсказуемо, потому что за регуляцию поведенческих актов в мире людей отвечают общество и культура, нормы и ценности. Если социальная и культурная подсистемы работают на уровне действия, по-видимому, они должны работать и на уровне интеракции. Если ценности усвоены (мною, как и им), а нормы известны (мне, как и ему), то есть шанс, что партнеры (Ego и Alter) найдут взаимопонимание. По поводу норм и ценностей должен существовать консенсус (точнее — эмпирически достаточная мера консенсуса, не обязательно стопроцентная).

А. Шюц считал, что сцепление двух и более человеческих волей в процессе интеракции обеспечивается так называемыми идеализациями «взаимности перспектив»:

1) «я считаю само собой разумеющимся — и полагаю, что другой делает то же самое, — что если нас поменять местами так, чтобы его „здесь“ стало моим, я буду на том же расстоянии от предметов и увижу их в той же системе типизаций, что и он; более того, в моей досягаемости будут те же предметы, что и в его (обратное также верно)»;

2) «пока нет свидетельств обратному, я считаю само собой разумеющимся — и полагаю, что и другой тоже, — что различия перспектив, проистекающие из уникальности наших биографических ситуаций, нерелевантны наличным целям каждого из нас и что „мы“ предполагаем, что каждый из нас отбирает и интерпретирует реально или потенциально общие нам объекты и их свойства одинаковым образом или, по меньшей мере, в „эмпирически идентичной“ манере, достаточной для всех практических целей» [Шюц, 2004: 15].

Объясняя свою позицию, создатель социальной феноменологии пишет: «Социальный мир, в котором я живу как человек, связанный с другими множеством отношений, является для меня объектом, который я должен интерпретировать как осмысленный. Он имеет смысл для меня, но точно так же я уверен, что он имеет смысл и для других. Кроме того, я полагаю, что мои акты, ориентированные на Других, будут пониматься ими так же, как я понимаю акты Других, ориентированные на меня. Более или менее наивно я предполагаю существование общей схемы координат как у моих актов, так и у актов Других... Будучи уверенным в том, что Другие хотят выразить что-то своим актом... я пытаюсь установить значение, которое имеет данный акт, особенно для моих соактеров в социальном мире, и, пока у меня нет доказательств обратного, я предполагаю, что это значение для них... соответствует значению их акта для меня» [Шюц, Парсонс, 2021: 99—100].

Т. Парсонс же в свою очередь полагал, что согласие акторов относительно норм и ценностей, гарантированное слаженным функционированием подсистем интеграции и поддержания образца, в конечном счете обеспечивает упорядоченный, организованный и прогнозируемый характер социального взаимодействия.

Ego знает или с высокой степенью вероятности догадывается, что именно в конкретной ситуации от него хочет Alter; встречно — и Alter имеет некоторые представления о намерениях Ego. Желательно также, чтобы они не ошибались

в этих своих знаниях и догадках. И, наконец, нужно, чтобы на уровне конкретных поведенческих реакций они демонстрировали обоюдный конформизм, или, что то же самое, удовлетворяли ролевым ожиданиям друг друга. Общество уже расставило их по определенным местам в социальной структуре, именуемым позициями или статусами; они проинформированы культурой и системой формально-неформальных социальных норм, как себя требуется вести в определенных ситуациях по отношению к определенным Другим; они не просто осведомлены о своих ролях, но и фактически играют данные роли. Поэтому-то, собственно, дирижерские палочки слушатели и музыканты у дирижеров в ходе исполнения концертов обычно не выхватывают.

Так аналитически решается так называемая Гоббсова проблема, или проблема социального порядка. Разумеется, это всего лишь теоретическая модель, потому что абсолютная определенность в системе ролевых ожиданий в сочетании с обоюдным конформизмом акторов есть не более чем предельный, идеально-типический случай благоприятной межличностной интеракции (абстрактный образец взаимодействия с положительным исходом)³.

Социальные интеракции — это своего рода волокно, пряжа, и из этого материала образуется ткань социальных отношений. Указанные отношения воспроизводятся во времени, закрепляются и кристаллизуются в форме социальных институтов. Собственно говоря, эти последние и представляют собой исторически сложившиеся комплексы, ансамбли или композиции социальных отношений. Порядок интеракции, о котором писал И. Гофман [Гофман, 2002], по сути, мало чем отличается от социального порядка, о котором рассуждали структурные функционалисты. Течение социальной жизни совершается в ситуационно-институциональном русле. Сверху донизу, от макро- до микроуровня социальная жизнь оказывается нормированной, фреймированной и правилосообразной.

Как действия и интеракции рутинизируются и хабиитуализируются, так институты и поддерживающие и обслуживающие их «символические универсумы» культуры обнаруживают склонность к самоподдержанию [Бергер, Лукман, 1995]. В распоряжении институтов находится богатый арсенал инструментов социального контроля. Санкции применяются, конформизм поощряется, девиации пресекаются. При поддержании социального порядка, то есть самого себя, общество выступает не только как репрессивная машина, но и как «священный номос», «гармонически организованная вселенная смыслов», в которую требуется просто уверовать [Бергер, 2019].

Сложноорганизованные общества имеют сложную институциональную структуру, дифференцированную по горизонтали и вертикали. Когда говорится, что в обществе существует стратификация (социальное расслоение), это означает также, что имеют место координация, субординация и иерархия как специфические характеристики социальных отношений. Материальные и символические ресурсы

³ Следует признать, что в эмпирической реальности социальной жизни люди понимают друг друга как раз довольно плохо, не схватывают чужие ожидания на лету и не отличаются особой покладистостью. Тем не менее минимального, то есть условно приемлемого, уровня согласованности действий акторов все же, по-видимому, достичь удается, в противном случае «колосс на глиняных ногах» под названием «общество» (такой хрупкий и такой прочный одновременно) давно бы разрушился. Транспорт ходит (более или менее) по расписанию, в магазинах продают товары, члены семьи (обычно) возвращаются домой после работы и т. п.

в обществе оказываются распределены неравномерно; среди социальных отношений как особая их разновидность выделяются отношения неравенства, власти, господства и доминирования (одних акторов над другими)⁴. Разумеется, на арене общества разворачивается борьба за разные виды ресурсов («капиталов»). Пользуясь бурдьёанской терминологией, можно сказать: общество представляет собой сложноорганизованное иерархизированное социальное пространство, состоящее из разных измерений — «полей» (достаточно автономных, но все же накладывающихся друг на друга). Каждой позиции в социальном пространстве будет соответствовать определенная субъективная диспозиция социального агента, или «габитус». Если вы, например, из богатой семьи, вы, скорее всего, будете думать и рассуждать, как человек из богатой семьи: будете оправдывать свое положение, или — как вариант, реже встречающийся, но все же довольно типичный, — будете жалеть бедных, и тогда вас можно будет назвать богачом с добрым сердцем.

Напомним, мы начали наш разговор с индивидуального действия и мало-помалу добрались до «больших» социологических понятий, таких как институт, структура, система, обычно употребляемых сторонниками социального реализма. И, кстати, творчество, креативность актора, потенциальная инновационность человеческих поступков, разнообразные проявления свободы воли вполне вписываются и в реалистскую перспективу анализа. Институциональные и культурные системы при всей их инертности меняются, а в современных обществах меняются буквально на глазах, что, правда, не отменяет их принудительности (как специфического свойства социальных фактов). Соотношение процессов социального производства и воспроизводства, морфогенеза и морфостаза подвижно, неодинаково в разных обществах на разных этапах их развития.

В конечном счете не так важно, описываем ли мы общественную жизнь в реалистских или номиналистских терминах, она все равно — в обоих этих случаях, как и в комбинированных, синтетических версиях социологического анализа, — предстает перед взором исследователя как реальность потенциально объяснимая и теоретически законосообразная. Можно задаться вопросом, где же все-таки в исследовательском пространстве социальной теории действие встречается со структурой. И ответ может показаться парадоксальным: везде! Потому что действие и структура на самом деле никогда и нигде не расстаются. Действие само по себе является структурой особого рода, но и социальные структуры представить себе в отрыве от человеческого действия невозможно. Структуры (несмотря на статический привкус этого слова) на самом деле «длятся», существуют во времени. Этот аспект в жизни структур хорошо схватывается гиденсовским термином «структурация» или зimmelевским понятием «обобществление» («социация», *Vergesellschaftung*).

Выражаясь в духе того же Гидденса, можно сказать, что в производстве социальной реальности имеет место двойное структурирование: социальные структуры демонстрируют и утверждают себя только в действиях и через действия, а действия выступают проводниками структур, или, что то же самое, действие и структура в общественной жизни являются одновременно условием и резуль-

⁴ Происхождение и логика воспроизводства властных отношений, конечно, требуют (и заслуживают) специального рассмотрения в специальном исследовании.

татом друг друга. Можно также изобразить общество как большое царство накладывающихся, смыкающихся и пересекающихся, но все же не тождественных структур — биоорганических, психологических, ментально-когнитивных, семантико-семиотически-коммуникативных, институциональных. Волюнтаризм человеческого действия («свобода воли») с неизбежностью, то есть закономерно, вплетается в сеть структур разного уровня и порядка («интернальных» и «экстернальных», микро- и макро-, субъективных и объективных, аксиологических и нормативных), образующих ряд условий и предпосылок воспроизводства организованных форм социальных интеракций и отношений, а также выступающих источниками явной и/или латентной правилосообразности поведения людей в обществе.

В стиле И. Гофмана можно выразиться так: социальная реальность фреймирована минимум дважды — во-первых, в сознании актора (то есть субъективно) и, во-вторых, на уровне самой ситуации, в которой действие совершается (то есть объективно). Актор опознает ситуацию как такую-то и такую-то (отвечая на вопрос, что здесь и сейчас действительно, то есть на самом деле, происходит⁵) и ведет себя определенным образом; а ситуация всегда вписана в какой-то институциональный контекст⁶. В работе этой системы взаимного притирания действия и структур, человека и общества, свободной воли и ее социальных ограничений довольно часто наблюдаются разного рода «косяки», если изъясняться жаргонно, и «коллизии», если говорить по-ученому. Да и, возможно, слава богу! И все потому, что человек — не идеально-рациональная машина и не слепая марионетка социальных сил (поскольку он является марионеткой зрячей, хотя и близорукой, и притом довольно «взбалмошной»). Структуры, претендующие на управление человеческим сознанием и действием, слишком сложны и при всей их частичной изоморфности и корреспондируемости не подогнаны друг к другу так, как детали дорогого и чрезмерно умного немецкого автомобиля. Механизм «субъект — структура» больше напоминает космический аппарат с начинкой «Запорожца», работающий на честном слове (Христа ради) и пилотируемый на ручном управлении. Неудивительно, что детали у такого драндулета иногда отваливаются, но потом снова бережно собираются его хозяином, желающим во что бы то ни стало продолжать свой биографический путь.

В арсенале классической философии имеется трудное для произнесения на русском языке слово «компатибилизм» [Васильев, 2016]. Оно используется для маркировки позиции, признающей принципиальную совместимость двух кажущихся противоположностей — свободы воли и детерминизма. Про все происходящее в мире людей, то есть про любое социальное событие, можно сказать, с одной стороны, что «все могло случиться иначе, если бы...», и, с другой — что «у всего на свете есть свои причины». Социологические трактовки бинарной оппозиции «субъект — структура», в сущности, являются специфическими вариациями на тему философского компатибилизма.

У социальной теории есть свой словарь для описания указанной проблемы и особая сфокусированность на том, что «свободные», «условно креативные» и «ограниченно рациональные» человеческие агентности действуют на арене жизни вме-

⁵ Где я сейчас нахожусь — в монастыре, библиотеке или в борделе, что я сейчас делаю — играю в преферанс с приятелями (или в шахматы с дьяволом), пью пиво или читаю Канта?

⁶ Так микро- легко переходит в макро- или в мезо-, а Гофман незаметно «переодевается» в Парсонса.

сте или сообща, за или против друг друга, но всегда в ассоциации, формы которой могут быть солидарными, конфликтными или смешанными. И у этой ассоциации — сцепления взаимоутверждающих или взаимоотрицающих волей, если выражаться в духе Ф. Тённиса, — есть своя структурная и процессуальная логика, вернее, множественные переплетающиеся логики, доступные каузальному анализу, без которых общественные науки попросту не могли бы существовать, поскольку не имели бы собственного предмета. Совместность как характеристика практической жизненной реализации человеческих волей оказывается источником и условием формирования сложных механизмов причинности, выявляемых и изучаемых социальными науками (здесь срабатывают эффекты непредвиденных последствий действий людей, их множественного, порой стихийного наложения друг на друга и т. п.). В результате свобода рождает детерминизм, а конфигурации действий эмерджентно генерируют структуры [Подвойский, 2024].

Методологический индивидуализм и социальный реализм выступают лишь условно альтернативными стратегиями интерпретации социальной каузальности, имеющей специфически круговую или, если угодно, диалектическую направленность — от действий к структурам разных типов (институциональным, социокультурным) и обратно: человек → общество (как человеческий продукт) → человек (как общественный продукт).

Интегральный и многоуровневый процесс социального конструирования реальности в этом смысле требует от теории общества постоянного поиска синтетических решений проблемы «субъект — структура», позволяющих нащупывать когнитивный фарватер между Сциллой необъяснимости таинственной и непредсказуемой свободы (или, как вариант, вульгарного психологизма) и Харибдой пугающего и лишаящего нас надежды гипердетерминистского фатализма, превращающего человека в куклу *homo sociologicus*, послушную шестеренку гигантского общественного механизма, и растворяющего личность без остатка в фантастическом алгоритмическом мире функций и структур.

Список литературы (References)

1. Аутвейт У. Действие, структура и философия реализма // Социо-Логос / сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991. С. 159—169.
Outhwaite W. (1991) Action, Structure and Realist Philosophy. In: Vinokurov V. V., Filippov A. F. (eds.) *Socio-Logos*. Moscow: Progress. P. 159—169. (In Russ.)
2. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
Berger P. (2019) *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
Berger P., Luckmann T. (1995) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)

4. Бурдьё П. Опыт рефлексивной социологии // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. Ч. 2. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 373—429.
Bourdieu P. (2002) The Practice of Reflexive Sociology. In: Bankovskaya S. P. (ed.) *Theoretical Sociology: An Anthology*. In 2 Vol. Vol. 2. Moscow: Knizhnyj dom «Universitet». P. 373—429. (In Russ.)
5. Васильев В. В. В защиту классического компатибилизма // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 64—76.
Vasilyev V. V. (2016) In Defense of Classical Compatibilism. *Voprosy Filosofii*. No. 2. P. 64—76. (In Russ.)
6. Волков В. В. «Следование правилу» как социологическая проблема // Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 157—170.
Volkov V. V. (1998) «Following the Rule» as a Sociological Problem. *Sociological Journal*. No. 3—4. P. 157—170. (In Russ.)
7. Гофман И. Порядок взаимодействия // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 60—104.
Goffman E. (2002) The Interaction Order. In: *Theoretical Sociology: An Anthology*. In: Bankovskaya S. P. (ed.) *Theoretical Sociology: An Anthology*. In 2 Vol. Vol. 2. Moscow: Knizhnyj dom «Universitet». P. 60—104. (In Russ.)
8. Момджян К. Х. О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 25—41. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-25-41>.
Momdzhyan K. Kh. (2020) On the Problem of Universal Values. *Voprosy Filosofii*. No. 3. P. 25—41. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-25-41>. (In Russ.)
9. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002.
Parsons T. (2002) *The Social System*. Moscow: Akademicheskij Proekt. (In Russ.)
10. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.
Parsons T. (2000) *The Structure of Social Action*. Moscow: Akademicheskij Proekt. (In Russ.)
11. Подвойский Д. Г. Почему социальная жизнь объяснима, но непредсказуема, или как свобода рождает детерминизм? // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 159—169. <https://doi.org/10.31857/S0132162524070141>.
Podvoyskiy D. G. (2024) Why is Social Life Explicable, but Unpredictable, or How Does Freedom Give Rise to Determinism? *Sociological Studies*. No. 7. P. 159—169. <https://doi.org/10.31857/S0132162524070141>. (In Russ.)
12. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. М.: РОССПЭН, 2004.
Schutz A. (2004) Everyday and Scientific Interpretation of Human Action. In: Schutz A. *Selected Works: A World Glowing with Meaning*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

13. Шюц А., Парсонс Т. Теория социального действия: переписка. М.: Элементарные формы, 2021.
Schutz A., Parsons T. (2021) *The Theory of Social Action: A Correspondence*. Moscow: Jelementarnye Formy. (In Russ.)
14. Элиас Н. Изменения баланса между Я и Мы // Общество индивидов / Элиас Н. М.: Праксис, 2001.
Elias N. (2001) *Changing the Balance between Me and Us*. In: Elias N. *The Society of Individuals*. Moscow: Praxis. (In Russ.)

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2905](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2905)**Н. С. Михайлова****КАК ИЗМЕРИТЬ ИНВЕСТИЦИИ В БЛАГОПОЛУЧИЕ БУДУЩЕГО:
МЕТОДЫ СБОРА ДАННЫХ О ДЕТСКИХ БЮДЖЕТАХ ВРЕМЕНИ****Правильная ссылка на статью:**

Михайлова Н. С. Как измерить инвестиции в благополучие будущего: методы сбора данных о детских бюджетах времени // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 264—287. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2905>.

For citation:

Mikhailova N. S. (2025) How to Measure Investments in the Well-Being of the Future: Methods for Collecting Data on Children's Time Use. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 264–287. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2905>. (In Russ.)

Получено: 20.01.2025. Принято к публикации: 02.06.2025.

КАК ИЗМЕРИТЬ ИНВЕСТИЦИИ В БЛАГОПОЛУЧИЕ БУДУЩЕГО: МЕТОДЫ СБОРА ДАННЫХ О ДЕТСКИХ БЮДЖЕТАХ ВРЕМЕНИ

МИХАЙЛОВА Наталья Сергеевна — эксперт, Центр исследований благополучия и бюджетов времени населения Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: nmikhaylova@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0009-6571-1966>

Аннотация. В статье представлен обзор методов сбора данных о детских бюджетах времени как показателе повседневности, качества жизни и благополучия детей. В российских социальных науках пока не существует стандартной методики оценки детских бюджетов времени. Цель этой статьи заключается в обзоре и систематизации методов сбора данных о детских бюджетах времени для конкретных исследовательских задач, обсуждении их достоинств и недостатков для выработки рекомендаций по сбору данных о бюджетах времени российских детей.

Среди количественных методов сбора данных обсуждаются стандартный дневник, облегченный дневник и прямые вопросы об использовании времени детьми. Делается вывод о необходимости учета «голоса ребенка» для повышения качества жизни детского населения. Также в статье обсуждается ряд качественных методов сбора данных о детских бюджетах времени: наблюдение, проективные методики, глубинные и групповые интервью, фокус-групповые дискуссии, применение GPS-технологий и акселерометра.

Автор приходит к выводу, что наиболее точные данные возможно получить с помощью наблюдения, однако этот метод трудно реализуем на больших выборках, а также отли-

HOW TO MEASURE INVESTMENTS IN THE WELL-BEING OF THE FUTURE: METHODS FOR COLLECTING DATA ON CHILDREN'S TIME USE

Natalia S. MIKHAILOVA¹ — Expert, Centre for Well-being and Time Use Research, Institute for Social Policy
E-MAIL: nmikhaylova@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0009-6571-1966>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article provides an overview of methods for collecting data on children's time budgets as an indicator of everyday routine, quality of life, and well-being of children. There is no standard methodology for estimating children's time budgets in Russian social sciences yet. The purpose of this article is to provide an overview and systematize methods for collecting data on children's time budgets for specific research problems, and to discuss their advantages and disadvantages to develop recommendations for collecting data on Russian children's time budgets.

Among the quantitative methods of data collection, a standard diary, a light diary, and direct (stylized) questions about children's time use are discussed. It is determined that to improve the quality of life for the child population, the "voice of the child" must be considered when evaluating their time budgets. The article also discusses a number of qualitative methods for collecting data on children's time budgets: observation, projective techniques, in-depth and group interviews, focus group discussions, as well as modern methods of GPS technology and the use of an accelerometer.

The author comes to the conclusion that the most accurate data can be obtained using the observation method; however, this method is difficult to implement on large samples and is

чается высокой ресурсозатратностью. Хотя выбор метода сбора данных в большей степени зависит от исследовательской задачи, для национальных обследований предпочтительнее использовать дневниковые методы.

В заключении статьи приводится ряд рекомендаций для изучения суточного фонда времени детей разных возрастов. Представленные результаты аналитического обзора представляют интерес для исследователей общественного мнения, а также способствуют развитию государственной статистики и достижению национальных целей Российской Федерации.

Ключевые слова: бюджеты времени, использование времени, дети, дневниковый метод, количественные методы сбора данных, качественные методы сбора данных

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

also characterized by high resource intensity. Although the choice of data collection method depends more on the research problem, it is preferable to use diary methods for national surveys.

In conclusion, there are a number of recommendations for studying the daily time use among children of different ages. Researchers studying public opinion will find value in the analytical overview's results, which also help achieve the Russian Federation's national goals and state statistics advancement.

Keywords: time budgets, time use, children, diary method, quantitative data collection methods, qualitative data collection methods

Acknowledgments. This article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Введение

Бюджеты времени представляют собой распределение различных видов деятельности в течение определенного периода [Бюджет времени городского населения, 1971]. Они отражают реальное поведение населения, поскольку достаточно точно описывают, сколько времени тратится на работу, отдых и другие занятия, в какие промежутки дня и ночи это происходит. Кроме того, оценки бюджетов времени используются как показатели благополучия в целом ряде комплексных оценок: в Индексе лучшей жизни ОЭСР¹, Канадском индексе благополучия², Индексе высоких стандартов жизни в Новой Зеландии³, в проекте «Детские миры: международное обследование детского благополучия»⁴ и др.

¹ Индекс лучшей жизни ОЭСР (OECD Better Life Index). URL: <https://www.oecd.org/en/data/tools/oecd-better-life-index.html?ref=finshots.in> (дата обращения: 12.08.2025).

² Канадский индекс благополучия (Canadian Index of Wellbeing). URL: <https://uwaterloo.ca/canadian-index-wellbeing/> (дата обращения: 12.08.2025).

³ Индекс высоких стандартов жизни (Higher Living Standards) URL: <https://www.treasury.govt.nz/information-and-services/nz-economy/higher-living-standards> (дата обращения: 12.08.2025).

⁴ Детские миры: международное обследование детского благополучия (Children's Worlds, the International Survey of Children's Well-Being — ISCWeB). URL: <https://iscweb.org/> (дата обращения: 12.08.2025).

В современном мире структура повседневной активности, в том числе детей, меняется. Развитие технологий, цифровизация, геймификация, рост доступности гаджетов, искусственный интеллект и другие факторы способствуют перераспределению времени на рутинные виды деятельности. Обозначенные тренды оказывают влияние и на различные сферы жизнедеятельности детей — их здоровье, образование, досуг, общение и т. п.

Благополучие населения России — важнейшее направление политики государства⁵, нацеленной на формирование гармоничной и продуктивной личности. Все чаще в повестке дня звучат идеи о балансе между работой и личной жизнью. При этом много внимания уделяется детям и молодежи как стратегически важным для будущего страны группам. Период с 2017 г. по 2028 г. объявлен президентом РФ Десятилетием детства⁶, а 2024 г. — Годом семьи. Для достижения поставленных целей необходимы адекватные методы оценки степени прогресса по пути продвижения к ним. С этой точки зрения детские бюджеты времени становятся важными показателями сбалансированности жизни ребенка и его благополучия в целом.

В социальных науках давно изучают субъективное и объективное время, затрачиваемое на отдельные виды деятельности. Сбор данных для объективной оценки требует значительных методических и временных усилий. Зарубежные исследователи с этой целью чаще всего используют дневниковый метод: респондентам предлагается в течение дня отмечать все виды активности, которыми они занимаются в то или иное время, а также их продолжительность [Sullivan et al., 2020]. Однако для изучения детской аудитории такой подход слишком сложен и к тому же имеет юридические и технические нюансы. Вероятно, это одна из причин, почему сегодня мало известно о детских бюджетах времени, что нередко отмечается исследователями [Borga, 2015; Gleave, 2009].

При описании структуры бюджетов времени детей не обойтись без количественных методов сбора данных, обеспечивающих репрезентативность и позволяющих генерализировать результаты на подрастающее поколение россиян. Возникает острая потребность в методической креативности, позволяющей обойти ограничения, свойственные работе с детской аудиторией. К сожалению, очевидное решение прибегать к помощи родителей ведет к искажениям информации, ведь они не всегда точно знают, что делает ребенок, когда он вне их поля зрения. В то же время дошкольники и младшие школьники не способны самостоятельно заполнять сложные дневники бюджетов времени или отвечать на вопросы.

В советское время бюджеты времени детей изучались для построения «базиса под воспитательную и организационную работу» [Бухгольц, 1927: 9], как одно из направлений качества жизни и труда пионеров. Позже такие данные позволяли проследить исторический переход от традиционного общества к индустриальному [Волкова, 2013], оценить нагрузку на советского школьника [Рожков, 2018].

⁵ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73986> (дата обращения: 04.08.2025).

⁶ Указ об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 04.08.2025).

В современной России бюджеты времени помогают оценить здоровье и физическую активность детей [Вирабова, Кучма, 2006; Миннибаев, Тимошенко, Гончарова, 2012]. В социально-гуманитарных науках детские бюджеты времени изучаются как показатель родительских инвестиций в человеческий капитал [Рябчикова, 2015] и включенности в основное и дополнительное образование [Косарецкий, Куприянов, Филиппова, 2016; Кондаурова, Кулибаба, 2008]. Кроме того, широко анализируются досуговые практики детей [Боженко, 1990; Гудина, 2010; Куприянов, 2015; Гришаева, 2001].

Российские ученые не раз указывали на недостаточность имеющихся данных о бюджетах времени [Авдеева, 2012]. Как ответ на этот запрос с 2014 г. раз в пять лет Росстат стал проводить регулярное выборочное обследование суточного фонда времени россиян (ВНИСФВ)⁷. Однако его выборка включает лишь население старше десяти лет, не позволяя полноценно ответить на вопрос о распределении времени среди младших возрастных групп. Можно отметить недавнее исследование, проведенное Институтом образования НИУ ВШЭ, посвященное восприятию детьми своего времени [Один день российского школьника..., 2024]. Таким образом, субъективные оценки собираются для решения специфичных и часто узких задач. А вот в отношении объективных данных о структуре бюджетов времени детей всех возрастов (а также регулярного мониторинга) наблюдается определенный пробел.

Встает вопрос, как заполнить эту лакуну и как преодолеть сложности и ограничения, возникающие из-за специфики объекта исследования. Чтобы ответить на него, необходимо выяснить, какие существуют методы сбора данных о бюджетах времени, какие из них применимы к детской аудитории и для каких задач те или иные методы релевантны. Цель данной статьи заключается в обзоре и систематизации методов сбора данных о детских бюджетах времени для конкретных исследовательских задач, обсуждении их достоинств и недостатков.

Бюджеты времени населения: что известно и как измеряют

В мировой практике бюджеты времени стали активно изучаться в XX веке, в числе пионеров были исследователи из России и США [Bevans, 1913; Чаянов, 1915; Струмилин, 1924]. Сегодня систематические обследования бюджетов времени проводятся регулярно. Один из наиболее значимых исследовательских центров в данной области — Центр исследований использования времени (Centre for Time Use Research) в Великобритании. Он ведет международную базу данных по использованию времени, его эксперты изучают структуру видов деятельности, субъективные оценки, контекст использования времени, а также немонетарное благополучие.

В нашей стране наиболее глубокую проработку тема бюджетов времени получила в советское время. В 1920-х годах С. Г. Струмилин одним из первых начал изучать распределение времени на примере рабочих и крестьян [Струмилин, 1924], затем эта сфера продолжила активно развиваться [Резервы рабочего времени..., 1961; Время города..., 1976; Бюджет времени как метод..., 1969;

⁷ Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html (дата обращения: 12.08.2025).

Каким быть плану..., 1989; Бюджет времени городского населения, 1971; Зборовский, 2023]. В современной российской науке эта тема пока не получила должного внимания, хотя были исследования, сравнивающие бюджеты времени советского населения в разные годы, а также советского населения с российским. Их (по большей части, но не только) осуществляли сотрудники Института социологии РАН [Бессокирная, 2008; Караханова, Бессокирная, 2008; Бабелло, 2015; Караханова, Большакова, 2016; Миронов, 2016]. Запуск лонгитюдного обследования суточного фонда времени Росстата поспособствовал изучению бюджетов времени россиян старше десяти лет. Благодаря этому пробел в знании немного сократился, но это касается преимущественно взрослого населения, а не детей. Например, внесен вклад в оценку монетарной и немонетарной бедности [Калабихина, Шамсутдинова, 2023], неоплачиваемого труда в российских домохозяйствах [Калабихина, Шайкенова, 2019], в том числе времени ухода за детьми [Антонов, Карпова, Ляликова, 2024] и другими родственниками [Карева, Стужук, 2025].

Для изучения бюджетов времени можно использовать разные методы и методики. Выбор должен быть обусловлен исследовательскими задачами и имеющимися ресурсами, а также спецификой объекта исследования, его социально-демографическими характеристиками и доступностью. Применяя качественный подход, исследователи самостоятельно принимают решение о структуре гайда и конкретных вопросах. Категоризация видов деятельности, данные о которых получены качественными методами, упрощается по сравнению с количественным дизайном, поскольку исследуются смысл этих действий и отношение опрашиваемого к ним. В количественном дизайне укрупнение видов деятельности упрощает анализ, делает его более понятным для читателя.

Операционализация бюджетов времени, а именно видов деятельности и их группировки, может различаться. Более того, существует несколько устоявшихся классификаторов, которые применяются в крупных национальных и международных обследованиях. Например, ООН разработала Международную классификацию видов деятельности для статистики использования времени. Другими популярными в социальных науках классификаторами видов деятельности можно назвать HETUS Евростата и Классификацию видов деятельности по использованию времени для Латинской Америки и Карибского бассейна (CAUTAL).

Основные отличия таких перечней заключаются в дифференциации видов деятельности, касающихся неоплачиваемого труда, досуга и свободного времени. Соответственно, различаются как количество категорий по видам активностей, так и виды деятельности внутри укрупненных групп в различных классификаторах (см. табл. 1). Такие классификаторы позволяют сделать анализ данных и результаты более понятными для публики. Например, анализ времени на чистку зубов, расчесывание волос, нанесение макияжа и т. д. логичнее анализировать вместе как «уход за собой», это сокращает размерность и делает категорию более заметной в структуре бюджета времени. При необходимости можно рассматривать самостоятельные и первичные категории внутри укрупненных, если стоит такая задача.

Таблица 1. **Описание классификаторов видов деятельности по количеству занятий и количеству укрупненных категорий видов деятельности**

	HETUS	ICATUS	CAUTAL
Разработчик	Евростат	ООН	Рабочая группа по гендерной статистике Статистической конференции стран Северной и Южной Америки (SCA)
Количество первичных категорий по занятиям, единиц	115	165	96
Количество укрупненных категорий по видам деятельности, единиц	10	9	9
Виды деятельности по укрупненным группам	Уход за собой; занятость; учеба; уход за членами домохозяйства; неоплачиваемый добровольный труд; соц. жизнь и развлечения; спорт и активный отдых; хобби и использование компьютера (computing); СМИ; передвижение и др. виды деятельности.	Занятость и связанная с этим деятельность; производство товаров для собственного конечного использования; бытовой труд для членов домохозяйства; уход за членами домохозяйства; неоплачиваемый и добровольческий труд; обучение; общение, участие в соц. жизни и религиозные практики; культура, досуг, СМИ и спорт; уход за собой.	Занятость и связанная с этим деятельность; производство товаров для собственного потребления; неоплачиваемая домашняя работа в домохозяйстве; уход за членами домохозяйства; неоплачиваемая работа на другие семьи или общину и волонтерство; обучение и учеба; общение и досуг; СМИ; уход за собой.

Источник: составлено автором на основе проведенного обзора.

Одной из отличительных черт методики при изучении бюджетов времени можно назвать контекстные переменные, которые описывают, с кем, где, с какой степенью удовлетворенности был выполнен тот или иной вид деятельности [Hirway, 2018].

При выборе метода сбора данных для количественного изучения бюджетов времени часто используется дневниковый метод, дополненный формализованным интервью (в MTUS⁸, HETUS⁹, ATUS¹⁰ и других крупных обследованиях), что создает определенную нагрузку на респондента. Кроме того, существует метод упрощенного дневника (*light diary*), который представляет собой таблицу с временны-

⁸ Multinational Time Use Study (MTUS). URL: <https://www.timeuse.org/mtus> (дата обращения: 12.08.2025).

⁹ Harmonised European Time Use Survey (HETUS). URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/time-use-surveys> (дата обращения: 12.08.2025).

¹⁰ American Time Use Survey (ATUS). URL: <https://www.bls.gov/tus/> (дата обращения: 12.08.2025).

ми промежутками и основными категориями видов деятельности. Респондентам предлагается заполнить те интервалы, в которые они занимались той или иной активностью. Этот метод реализуется, например, в национальном финском обследовании распределения времени, а также в ежеквартальном обследовании НИУ ВШЭ «Экономическое поведение домохозяйств». Причем заполнение упрощенного дневника может быть реализовано или самим респондентом (как в случае финского обследования распределения времени), или через интервьюера (как в упомянутом исследовании НИУ ВШЭ). Помимо дневников в некоторых обследованиях бюджетов времени применяются стандартные закрытые вопросы, чтобы измерить субъективные оценки распределения времени индивидов на различные виды деятельности (например, «Сколько часов в сутки Вы обычно спите? Учитывайте и дневной сон»¹¹).

Детские бюджеты времени

Изучая детские бюджеты времени, стандартные дневники и облегченные дневники необходимо адаптировать под эту группу. Большинство детей не работает, львиную долю их буднего дня занимает учеба, у них разнообразная внеучебная деятельность, которую необходимо принимать во внимание, чего нет во взрослом вопроснике. Помимо этого, важно использовать «детские» формулировки и учитывать когнитивные способности мальчиков и девочек.

При изучении детей и их бюджетов времени возникает также вопрос о возрастных границах детства, на этот счет в социальных науках не сформировался консенсус. В возрастной психологии рассматриваются физический и психологический возраста, причем они могут не совпадать [Кагермазова, 2008]. Социологические исследования включают детей разных возрастов в зависимости от поставленной задачи, например, существуют исследования, где по умолчанию детьми считаются люди до 18 лет [Runacres et al., 2021]. В Международном обследовании детского благополучия (ISCIWeB) выборка состоит из ребят 7—15 лет. Многие работы рассматривают детей школьного возраста, причем учеников как начальной школы, так и средних, и выпускных классов [Asanov et al., 2021; Torppa et al., 2020; Миннибаев, Тимошенко, Гончарова, 2012; Huebner, Mancini, 2003]. Также есть национальные проекты по изучению использования времени детьми до семи лет (например, национальные обследования бюджетов времени в Индии¹² и Австралии¹³).

Почему важно рассматривать бюджеты времени детей отдельно от взрослых? Помимо очевидных различий в виде отсутствия у детей оплачиваемого труда и наличия учебы и дополнительных занятий, есть ряд содержательных и методических нюансов изучения детского времени.

¹¹ Вопрос из анкеты лонгитюдного обследования домохозяйств «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ». URL: <https://www.hse.ru/rf/ms/> (дата обращения: 12.09.2024).

¹² Time Use Survey. Fact sheet // Правительство Индии. URL: https://www.mospi.gov.in/sites/default/files/publication_reports/TUS_Factsheet_25022025.pdf (дата обращения: 13.08.2025).

¹³ Children's time use in the Longitudinal Study of Australian Children: Data Quality and Analytical Issues in the 4-Year Cohort // Правительство Австралии. URL: <https://aifs.gov.au/growing-australia/data-use-documentation/childrens-time-use-longitudinal-study-australian-children> (дата обращения: 13.08.2025).

Во-первых, российские дети 10—18 лет тратят на учебу столько же времени, сколько взрослые — на работу (в среднем 7,9 часа в будний день¹⁴). Они чаще взрослых занимаются досуговыми практиками [Osgood, Lee, 1993]¹⁵. Время, затрачиваемое на физическую активность, у взрослых и детей различается, у последних эта активность более разнообразна. Детям важно выделять время на игры, в процессе которых они социализируются, познают мир, примеряют новые социальные роли, развиваются как личности [Ginsburg et al., 2007; Nijhof et al., 2018; Whitebread et al., 2021]. Таким образом, бюджеты времени детей и взрослых различаются и количественно (по времени на конкретные занятия), и качественно (одни категории заменяются другими, некоторые виды деятельности более или менее разнообразны в разных возрастах).

Во-вторых, при изучении детской аудитории необходимо учитывать когнитивные способности объекта исследования. Лингвисты отмечают, что у детей лингвистические способности не так развиты, как у взрослых, поскольку дети «не обладают абстрактной синтаксической компетенцией» [Tomasello, 2000: 247]. Эти особенности восприятия и обработки информации необходимо принимать во внимание при разработке инструментария и адекватно оценивать его сложность для участника исследования. Важно, что дети младших возрастов не справятся с заполнением сложного и долгого вопросника самостоятельно, поэтому необходимо либо вовлекать в сбор данных родителей, либо выбирать такой метод наблюдения, чтобы ребенок не участвовал напрямую в процессе сбора данных, либо упрощать методику до приемлемого минимума.

В-третьих, восприятие времени зависит от возраста индивида, что можно описать через способности измерять время, планировать свою деятельность, чувство длительности времени [Звонова, 2011]. Психологи отмечают, что восприятие времени у детей хуже, чем у взрослых [Droit-Volet, Meck, Penney, 2007; Mäntylä, Carelli, Forman, 2007], и это накладывает ограничения на сбор достоверных данных о детских бюджетах времени.

В-четвертых, если же дети участвуют в исследовании самостоятельно, то есть риск получения социально одобряемых ответов, поскольку дети (особенно младших возрастов) склонны отвечать нормативно [Calderwood et al., 2015]. Этот риск возрастает при субъективных оценках (удовлетворенность временем, восприятие времени, затрачиваемого на учебу и досуг, т.д.). Существует и мнение, что решить эту проблему может правильно подобранный метод сбора данных [Scott, 2008]. Например, проективные методики через рисунки могут многое сказать об отношении детей к исследуемым явлениям и удовлетворенности ими. Также важно учитывать окружение, в котором собираются данные, поскольку в знакомой обстановке со знакомыми людьми дети более открыты и дают более развернутые ответы, в незнакомой же склонны закрываться [ibid.]. Кроме того, исследователи и методологи отмечают, что в разных возрастах детям подходят разные методы в силу их интеллектуальных и когнитивных способностей [Robinson, 1986; Scott, 2008]: например, проективные методики для дошкольников, индивидуальные или групповые интервью для детей от семи лет, формализованный

¹⁴ Данные ВНИСФВ 2019, Росстат.

¹⁵ См. также: Исследование возрастных групп, наименее вовлеченных в культурную жизнь. Свободное время московских подростков / ред. Талавер А., Черныш А. Издание Государственного автономного учреждения города Москвы «Московский институт социально-культурных программ», 2016.

опрос для детей от 11 лет [Scott, 2008]. Таким образом, необходимо с осторожностью выбирать методы для оценки объективного времени детьми младших возрастов.

Методы сбора данных о детских бюджетах времени

В этом разделе методы сбора данных о детях описываются через реальные исследования и проекты, чтобы отразить многообразие и возможности конкретных методик изучения детских бюджетов времени. Исследования и проекты отбирались через научные статьи с соответствующей тематикой, а также через поиск национальных и международных проектов по оценке использования времени детей и детского благополучия. Важно, что обзор включает исследования, в которых данные собирались непосредственно у детей, а не их родителей. Специально выбирались работы, нацеленные на исследование детей разных возрастов, чтобы проследить имеющиеся проблемы. Методы сбора данных через родителей и самих детей схожи: и те и другие могут заполнять дневники, отвечать на формализованные вопросы, участвовать в интервью и фокус-группах. Однако в настоящей статье делается упор на «голосе ребенка», важность учета которого отмечается как минимум с начала века исследователями и национальными статистическими службами разных стран мира [Borgers, De Leeuw, Hox, 2000; Scott, 2008, Lenske, Helmke, 2015]. В рамках статьи такой фокус выбран как ключ к снижению ошибки измерения через субъективные оценки родителей, которые не всегда осведомлены о деталях повседневной жизни своих детей, особенно подростков, а также важности для детей тех или иных занятий и удовлетворенности ими. Таким образом, сначала описываются количественные методы сбора данных о детских бюджетах времени, затем обсуждаются качественные методы для решения исследовательских задач (см. табл. 2).

Таблица 2. **Количественные инструменты сбора данных о детских бюджетах времени**

	Дневник	Облегченный дневник	Прямые вопросы
Тип оцениваемого времени	Объективное.	Объективное.	Субъективное.
Ошибки измерения реально-го времени	Минимальные при условии добросовестного заполнения дневника.	Минимальные при условии добросовестного заполнения дневника.	Велики, поскольку оценки показывают восприятие времени.
Задачи для решения	— Построение структуры бюджета времени. — Изучение графика дня — Изучение бюджетов времени в социальном контексте. — Поиск связи между бюджетом времени и другими концептами.	— Построение структуры бюджета времени. — Изучение графика дня — Изучение бюджетов времени в социальном контексте. — Поиск связи между бюджетом времени и другими концептами.	— Оценка частоты занятий. — Оценка восприятия структуры бюджетов времени и распорядка дня. — Поиск связи между восприятием времени и другими концептами.
Возрастные группы участников	Школьники средних классов и старше могут заполнять самостоятельно, для детей младших возрастов необходима помощь родителей или заполнение дневника родителями.	Школьники средних классов и старше могут заполнять самостоятельно, для детей младших возрастов необходима помощь родителей или заполнение дневника родителями.	Зависит от сложности вопросов для восприятия. В целом возможно для всех групп детей, обладающих необходимыми когнитивными навыками для ответа на вопросы.

Источник: составлено автором на основе проведенного обзора.

Дневниковый метод считается «золотым стандартом» сбора данных о бюджетах времени, но отличается большой нагрузкой на респондента. Вероятно, по этой причине дети младших возрастов мало представлены в крупных или национальных обследованиях с дневниковым методом. Как правило, в такие проекты включают детей от десяти лет, хотя в Индии и Австралии есть данные и о детях до семи лет. Методология Австралийского обследования¹⁶ включает два дневника с 15-минутным интервалом (для буднего и выходного дня), данные собираются четыре раза в год с периодичностью раз в два года [International Labour Organization, United Nations Development Programme, 2018]. Еще одним крупным исследованием детских бюджетов времени можно назвать Индийский национальный опрос о бюджетах времени¹⁷, выборка включает детей от пяти лет. В этом исследовании предлагается заполнить один дневник. Преимуществом данных, собранных таким методом, можно назвать объективность оценок, минимальную ошибку измерения, поскольку день выстраивается последовательно и снижается вероятность включения субъективной продолжительности видов деятельности благодаря дроблению дня на небольшие временные интервалы. Полученные детальные знания о повседневных делах позволяют выделить структуру бюджетов времени как по всему детскому населению, так и по социально-демографическим группам. Также преимуществом этого метода можно назвать возможность выстраивания распорядка дня ребенка для выработки рекомендаций по здоровью и улучшению качества жизни детей в целом.

Как правило, помимо части о времени дневники включают и контекстную часть, которая позволяет проследить, где и с кем выполнялось то ли иное занятие в течение дня, а также насколько оно приносило респонденту удовольствие. Такие контекстные переменные расширяют возможности дневникового метода для анализа разнообразных сфер жизни общества, в том числе и для анализа благополучия ребенка через его повседневность.

Чтобы снизить нагрузку на респондента, но получить достаточно объективные оценки о бюджете времени, сбор данных может производиться с помощью облегченного дневника. В облегченном дневнике предполагается ретроспективное заполнение полей по заданным временным интервалам в течение дня и заранее заданным укрупненным видам деятельности. В итоге получается матрица, показывающая занятия в течение дня. Для детей это может быть хорошей альтернативой стандартному дневнику. Примером проекта, применяющего облегченный дневник для изучения детских бюджетов времени, является проект «Анализ структуры бюджетов времени в контексте оценки благополучия населения» научного центра мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» (НЦМУ ЦМИЧП) НИУ ВШЭ¹⁸, в котором дети 5—17 лет заполняют облегченные дневники по двум дням (последние будний и выходной). Реализуе-

¹⁶ Cm. Stand-alone survey: Growing Up in Australia: The Longitudinal Study of Australian Children. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/asia/-/ro-bangkok/documents/publication/wcms_630892.pdf (дата обращения: 13.08.2025).

¹⁷ National time-use Survey. URL: <https://data.unwomen.org/sites/default/files/documents/Publications/Measuring%20time%20use.pdf> (дата обращения: 13.08.2025).

¹⁸ Проект научного центра мирового уровня «Анализ структуры бюджетов времени в контексте оценки благополучия населения». URL: <https://ncmu.hse.ru/programme-1-1-6> (дата обращения: 13.08.2025).

мый инструментарий дает возможность учитывать параллельные виды деятельности. Облегченный дневник также включает контекстные переменные. Например, указываются локации, компаньоны, формат выполнения видов деятельности (онлайн или очный), удовлетворенность проведенным временем.

Полученные данные позволяют выстраивать структуру бюджетов времени, анализировать конкретные виды деятельности как по времени, так и по другим контекстным блокам, а также включать в инструментарий исследования другие содержательные блоки в «сэкономленное» благодаря снижению нагрузки на респондента место. Несмотря на ряд преимуществ облегченного дневника, в такой методике есть больший риск получения ошибок измерения, поскольку невозможно отследить честность ретроспективного заполнения облегченного дневника.

Альтернативу дневниковым методам сбора данных о бюджетах времени детей составляют обычные анкетные вопросы (stylized questions) в вопросниках типа «Сколько примерно времени в день/неделю Вы тратите на...?», где ответ предполагается в часах или минутах, или «Как часто Вы... в день/неделю?», где обычно дается порядковая шкала. Стоит отметить, что в контексте бюджетов времени продолжительность занятий дает намного больше информации, чем частота. Через частоту структура бюджета времени выстраивается условно, хотя такой подход тоже имеет место. Примером исследования детских бюджетов времени с прямыми вопросами является Международный опрос детского благополучия ISCIWeB.

Простые анкетные вопросы более понятны детям, поскольку они более привычны и требуют меньшей интеллектуальной нагрузки. При анализе данных, полученных этим методом, сразу бросается в глаза, что сумма часов на основные виды повседневной деятельности превосходит 24 часа в сутки. При сопоставлении показателей по аналогичным видам деятельности, полученных дневниковым методом и прямыми вопросами, появляется значительная разница, что говорит о субъективности вопросных данных. Таким образом, при использовании прямых вопросов правильнее говорить о восприятии времени, а не о непосредственно бюджетах времени. На ошибки измерения может влиять концептуализация понятий, поскольку при оценке бюджета времени как объективного ошибка измерения вырастает из-за высокой доли субъективности при прямых вопросах, а при оценке восприятия своего времени снижается, так как субъективизм в этом случае дает хорошее представление именно о восприятии своего времени.

Количественная оценка по дневниковым и опросным данным дает представление об объективном и субъективном времени детей, позволяет генерализировать данные, выстраивать структуру бюджета времени. Однако количественные методы не учитывают весь контекст повседневности (мотивы деятельности, привычность поведения, ценностные установки, обуславливающие ту или иную деятельность и т.д.), который содержат бюджеты времени, и, с другой стороны, определяется ими.

В социальных науках существует большой корпус работ с использованием качественного дизайна исследования детских бюджетов времени. Выбор дизайна исследования исходит из каждой конкретной задачи, поэтому здесь можно выделить несколько групп задач под каждый из используемых методов (см. табл. 3).

Таблица 3. *Качественные инструменты сбора данных о детских бюджетах времени*

	Наблюдение	Проективные методики	Глубинное интервью	Диады, триады	Фокус-группы
Тип оцениваемого времени	Объективное	Объективное / субъективное	Субъективное	Субъективное	Субъективное
Ошибки измерения реального времени	Минимальные	Зависят от профессионализма исследователя	Зависят от гайда и профессионализма интервьюера	Зависят от гайда и профессионализма интервьюера. По сравнению с глубинным интервью ошибки измерения могут быть снижены за счет общего опыта участников.	Зависят от гайда и профессионализма интервьюера
Задачи для решения	— Построение структуры бюджетов времени. — Учет контекста занятий. — Возможность количественной и качественной оценки полученных данных.	— Оценка восприятия времени и порядка дня, отношения к определенным видам повседневной деятельности. — Эмоциональные оценки различных видов повседневной деятельности и своего времени	— Глубокое понимание мотивов, предпочтений, стратегий, отношения, восприятия своего времени. — Учет контекста и предыдущего опыта.	— Совместный опыт повседневной жизни. — Глубокое понимание мотивов, предпочтений, стратегий, отношения, восприятия своего времени. — Учет контекста и предыдущего опыта	— Оценка предпочтений, мотивов, стратегий, отношения, восприятия своего времени. — Учет контекста и предыдущего опыта. — Определение предпочтительных и альтернативных имеющихся видов деятельности.
Возрастные группы участников	Любой возраст участников.	Возможно для всех групп детей, обладающих необходимыми когнитивными навыками для участия	Возможно для всех групп детей, обладающих необходимыми когнитивными навыками для участия	Возможно для всех групп детей, обладающих необходимыми когнитивными навыками для участия	Возможно для всех групп детей, обладающих необходимыми когнитивными навыками для участия

Источник: составлено автором на основе проведенного обзора.

Глубинные интервью с детьми об их времени проводятся для глубокого понимания мотивов, предпочтений, отношения детей к своей повседневности. В некоторых исследованиях делается акцент на эмоциональном отношении детей к тем или иным занятиям или контексту этих занятий [Miller, Kuhaneck, 2008; Vujčić, Brajša-Žganec, Franc, 2019; Parrish et al., 2012]. Глубинные интервью помогают ответить на специфические исследовательские вопросы, например, Я. Минков и Дж. Райли [Minkoff, Riley, 2011] через глубинные интервью выходят на понимание деть-

ми темпоральности (чувства времени, последовательности действий и событий во времени) в своем использовании времени.

Дружественные диады и триады с детьми как разновидности интервью [Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020] показывают себя как хороший инструмент для получения более детальных и честных ответов, поскольку дети в доброжелательной атмосфере чувствуют себя более защищенными, наводят друг друга на мысли из коллективного опыта. Такой метод позволяет получать более достоверные ответы на вопросы о времени, повседневности и благополучии детей (проект НЦМУ ЦМИЧП НИУ ВШЭ).

Как один из этапов эмпирического исследования широко применяются фокус-групповые дискуссии с детьми об их времени [Granich et al., 2010; Sebire et al., 2011; Fiates, Amboni, Teixeira, 2008] для оценки альтернативных решений (чем бы дети занимались, если бы не нужно было участвовать в определенных активностях), построения типичных стратегий в повседневной жизни [Sebire et al., 2011], выявления паттернов, сопряженных с конкретными видами деятельности [Fiates, Amboni, Teixeira, 2008], сопоставления использования времени детьми и их благополучия, ценностей и потребностей [Navarro et al., 2019; Brockman, Jago, Fox, 2011].

К наблюдению обращаются для получения объективных оценок использования времени [Parrish et al., 2012]. Этот метод требует особого внимания к этическим аспектам проведения исследования и достаточно сложно реализуем для больших выборок. Тем не менее наблюдение как метод сбора данных применяется для исследования детских бюджетов и ответов на вопросы о поведении, контексте, обстановке действий [Nickols, Ayieko, 1996; Pawlowski et al., 2016; Howe et al., 2018].

Кроме этого, применяются современные методы сбора информации через специальные гаджеты и технологии, которые помогают собирать более точные данные о детских бюджетах времени, снижая нагрузку на исследователя в период полевых работ: GPS-технологии и акселерометр [Pawlowski et al., 2016]. Эти технологии позволяют не только значительно повысить точность измерения, максимально сокращая ошибки измерения, но и результаты такого сбора данных применяются для валидации инструментария в качестве эталонных оценок [Harms et al., 2019].

Для детей младших возрастов более релевантно применять проективные методики: восприятие своего времени, потребности, нехватка времени, даже распорядок дня могут быть изучены через рисунки детей, которые также применяются в тематических исследованиях [Minkoff, Riley, 2011]¹⁹. Здесь может понадобиться экспертиза психологов, поскольку, например, в силу индивидуальных особенностей ребенка интерпретация полученных данных может варьироваться.

При исследовании отношения к своему использованию времени применяется метод саморефлексии, когда респонденты в свободной форме пишут о своем дне, о занятиях, выборе, с которым они сталкиваются в течение дня, о своих решениях и стратегиях, оценивают их [Chen et al., 2016]. Саморефлексия дает возможность взглянуть на использование времени глазами самих детей, понять их мотивы, стратегии, ценности. Х.-Ю. Чен с коллегами [Chen et al., 2016] при изучении молодых людей использует саморефлексию как один из этапов исследова-

¹⁹ См. также результаты проекта «Анализ структуры бюджетов времени в контексте оценки благополучия населения» НЦМУ ЦМИЧП НИУ ВШЭ за 2023 г. URL: <https://ncmu.hse.ru/programme-1-1-6> (дата обращения: 13.08.2025).

ния, позволяющий глубже проанализировать рассматриваемую проблему. Если применять такой метод к детям, то его преимуществом можно назвать детальность полученных данных, возможность смотреть не только на само использование времени, но и на скрытые смыслы и мотивы, которые его обуславливают, глазами самих детей. Тем не менее следует учитывать, что в таких текстах вероятно некоторая доля социально одобряемых ответов, особенно если саморефлексия является «домашним заданием» ученикам. Также такой метод не подходит для анализа детей младших возрастов, когнитивные навыки которых недостаточно развиты для столь сложных упражнений.

Заключение

Получение данных об использовании времени детьми от самих детей необходимо для изучения как детских бюджетов времени, так и бюджетов времени всего населения. Однако риск получения нормативных и социально одобряемых ответов от детей представляется достаточно высоким, поэтому для более детальной проработки этой темы необходимо получить знание с обеих сторон: детей и их родителей. Важно слышать «голос ребенка», понимать его потребности и сложности, связанные с его бюджетами времени, чтобы повышать качество детской жизни, благополучие и здоровье детей, определять точки роста и потенциал для инвестиций в человеческий капитал.

На разных этапах жизненного цикла дети по-разному воспринимают время, обладают разным набором способностей, необходимых для участия в исследовании на заданную тему. Поэтому при сборе данных о бюджете времени ребенка стоит учитывать его возраст. На основе проведенного обзора предлагается ряд рекомендаций для изучения суточного фонда времени детей разных возрастов. Однако стоит принимать во внимание, что выбор метода сбора данных во многом зависит от исследовательской задачи, которая может требовать инновационных методов для своего решения.

1. Детям дошкольного возраста не представляется возможным давать сложные техники в силу их способностей и опыта. Известно, что дошкольники активно занимаются творческими занятиями, процесс их обучения также пронизан творчеством. Проективные методики могут быть отличным инструментом, чтобы изучить эмоциональные оценки, удовлетворенность своим временем, отношение к нему, проанализировать наличие чувства спешки, восприятие своего расписания и пр. Понимание объективного времени дошкольников изучать сложнее, потому что они пока и сами не имеют четкого представления о нем. Эту проблему решает наблюдение, но этот метод требует больших организационных, юридических, финансовых и исследовательских ресурсов. В качестве альтернативы, если необходимо дать оценку объективного времени, можно прибегнуть к помощи родителей, которые, как правило, проводят с детьми почти все свое свободное время и хорошо осведомлены о содержании их дня, а также могут достаточно точно рассказать об их бюджетах времени через когнитивно сложные инструменты: дневники, интервью и др.

2. Ученикам начальных классов (детям 7—10 лет) также подойдут рекомендации для дошкольников. В этом возрасте у детей уже сформирован навык взаи-

модействия с людьми вне домохозяйства, личный опыт соблюдения социальных норм в школьном пространстве, что позволяет им участвовать в глубинных или дружественных групповых интервью, фокус-группах. Стоит обращать отдельное внимание на выбор и инструктаж интервьюеров и модераторов, поскольку в этом возрасте дети склонны давать одобряемые ответы. На этом этапе детей можно приглашать к заполнению облегченного дневника с помощью родителей. Этот метод еще сложен для самостоятельного заполнения, но у детей уже формируется понимание контрольных точек во времени (начало и окончание школьных занятий, кружков и секций, которые обычно фиксированы по расписанию), понимание буднего и выходного дня, поэтому с помощью родителей можно получить информацию об объективном времени ребенка. В этом возрасте дети уже меньше времени проводят с родителями по сравнению с дошкольниками, поэтому родители хоть и могут в большей степени ошибаться в восприятии времени своих детей, но все же способны помочь правильно заполнить облегченный дневник.

3. В средней школе подростки 11—15 лет уже в состоянии справляться с облегченным дневником и даже стандартным дневником самостоятельно, что показывает многолетний опыт разных стран. Ввиду индивидуальных особенностей ребенка могут возникать сложности с дисциплиной, поэтому облегченный дневник с меньшей нагрузкой на респондента по сравнению со стандартным дневником видится более привлекательным методом. Также в этом возрасте подростки могут свободно рассуждать о своем времени, абстрагироваться и размышлять о сверстниках и окружающих, поэтому глубинные интервью, фокус-группы и другие рассмотренные методы также хорошо использовать при работе с этой аудиторией.

4. Подростки 16—18 лет, которые либо учатся в старших классах, либо уже получают профессиональное образование, по своему восприятию времени и когнитивным навыкам могут быть приравнены к взрослым респондентам, поэтому при изучении этой группы могут применяться все рассмотренные методы сбора данных о бюджетах времени.

Стоит заметить, что для всех возрастных групп детей только наблюдение обеспечивает наиболее точные оценки объективного времени, хотя оно и сложно в реализации, требует много ресурсов. По этой причине дневниковые методы кажутся предпочтительнее, особенно для целей проведения регулярного мониторинга. При оценке субъективного времени существует ряд качественных и количественных методов сбора данных, однако выбор конкретного метода зависит от исследовательской задачи.

В международной практике наработан широкий корпус методик для изучения детского времени. В России это направление пока не охвачено в достаточной степени, нет универсального инструментария, в национальном обследовании суточного фонда времени населения дети представлены только с десяти лет. Есть необходимость проведения регулярного мониторинга бюджетов времени детей всех возрастных групп как в контексте благополучия населения, так и для специфических исследовательских задач из других социальных и медицинских дисциплин. Принимая во внимание сфокусированность национальных целей России на инвестициях в детей и молодежь, развитие гармоничной и патриотичной личности, которое должно начинаться уже в детстве, данные о детских бюджетах должны быть

чрезвычайно востребованы. Они необходимы для получения картины повседневных активностей и их сбалансированности, а также для выработки рекомендаций и корректировки проводимой социальной политики государства.

Список литературы (References)

1. Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95—104.
Avdeeva A. V. (2012) "Involved fatherhood" in Modern Russia: Strategies for Participating in Child Care. *Sociological Studies*. No. 11. P. 95—104. (In Russ.)
2. Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В. Времени в обрез: сколько времени россияне уделяют заботе о собственных детях? // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 3. С. 137—152.
Antonov A. I., Karpov V. M., Lyalikova S. V. (2024) Pressed for time: How Much Time Do Russians Spend Caring for Their Children? *Population*. Vol. 27. No. 3. P. 137—152. (In Russ.)
3. Бабелло А. В. Бюджет времени советского и российского студенчества: сопоставительный социологический анализ // Аспирант. Приложение к журналу Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 1. С. 3—8.
Babello A. V. (2015) Time Budget of Soviet and Russian Students: a Comparative Case Analysis. *Aspirant. Appendix to the journal Bulletin of Zabaikalsky State University*. No. 1. P. 3—8. (In Russ.)
4. Бессокирная Г. П. Социальное самочувствие рабочих // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 34—37.
Bessokirnaya G. P. (2008) Social Well-Being of Workers. *Sociological Studies*. No. 3. P. 34—37. (In Russ.)
5. Боженко Л. Ф. Досуг школьников // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 87.
Bozhenko L. F. (1990). Leisure Time for Schoolchildren. *Sociological Studies*. No. 1. P. 87. (In Russ.)
6. Бухгольц Н. А. Бюджет времени подростка // Бюджет времени школьника: сборник статей / под ред. М. С. Бернштейна, Н. А. Рыбникова. 1927.
Buchholz N. A. (1927) The Budget of a Teenager's Time. In: Bernstein M. S., Rybnikova N. A. (eds.) *The Budget of a Schoolboy's Time: A Collection of Articles*. (In Russ.)
7. Бюджет времени городского населения / под ред. Б. Т. Колпакова, В. Д. Патрушева. Ин-т экономики и организации пром. производства. Сиб. отделение АН СССР. ЦСУ при Совете Министров РСФСР. М.: Статистика, 1971.
Kolpakov B. T., Patrushev V. D. (1971) The Time Budget of the Urban Population. Moscow: Statistics. (In Russ.)
8. Бюджет времени как метод измерения уровня жизни населения / общ. ред. и сост. В. Д. Патрушева, Л. С. Коровина. М., 1969.

- Patrushev V. D., Korovin L. S. (1969) *Time Budget as a Method of Measuring the Standard of Living of the Population*. Moscow.
9. Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании / общ. ред. Е. В. Полухина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.
Vanke A. V., Polukhina E. V., Strelnikova A. V. (2020) *How to Collect Data in Qualitative Field Research*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
 10. Вирабова А. Р., Кучма В. Р. Физиолого-гигиеническая оценка личностно-ориентированного обучения детей // Гигиена и санитария. 2006. № 1. С. 76—77.
Virabova A. R., Kuchma V. R. (2006) Physiological and Hygienic Assessment of Personality-Oriented Education of Children. *Hygiene and Sanitation*. No. 1. P. 76—77. (In Russ.)
 11. Волкова Т. С. Бюджеты времени провинциальной учащейся молодежи (20—30 гг. XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 323—326.
Volkova T. S. (2013) Time Budgets of the Provincial Students in the 1920—1930s. *Historical Studies*. No. 11. P. 323—326. (In Russ.)
 12. Время города и условия его использования: сб. науч. тр. / науч. ред. В. А. Артемов. Новосибирск, 1976.
Artyomov V. A. (eds.) (1976) *The Time of the City and the Conditions of its Use: Collection of Scientific Papers*. Novosibirsk. (In Russ.)
 13. Гришаева Н. П. Социально-психологические аспекты влияния телевидения на дошкольников // Начальная школа плюс до и после. 2001. № 8. С. 75—76.
Grishaeva N. P. (2001) Socio-Psychological Aspects of the Influence of Television on Preschoolers. *Elementary School Plus Before and After*. No. 8. P. 75—76. (In Russ.)
 14. Гудина Т. В. Досуговое творчество детей-инвалидов // Вестник Костромского государственного университета. 2010. Т. 16. № 1. С. 241—245.
Gudina T. V. (2010) Leisure Activities of Disabled Children. *Bulletin of Kostroma State University*. Vol. 16. No. 1. P. 241—245. (In Russ.)
 15. Зборовский Г. Е. Избранное: 1972—2022. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2023.
Zborovsky G. E. (2023) *Selected Works: 1972—2022*. Yekaterinburg: University of the Humanities. (In Russ.)
 16. Звонова Е. В. Формирование представлений о времени у детей дошкольного возраста // Вестник Российского нового университета. 2011. № 1. С. 113—118. <https://vestnik-rosnou.ru/2011/113>.
Zvonova E. V. (2011) Formation of Ideas About Time of Preschool Children. *Vestnik of the Russian New University*. No. 1. P. 113—118. (In Russ.) <https://vestnik-rosnou.ru/2011/113>.
 17. Кагермазова Л. Ц. Возрастная психология (Психология развития). М.: Гардарики, 2008.

Kagermazova L. C. (2008) *Age Psychology (Psychology of Development)*. Moscow: Gardariki. (In Russ.)

18. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий / под общ. ред. и сост. Корицкого Э. Б., Струмилина С. Г. Ленинград: Лениздат, 1989. Koritsky E. B., Strumilin S. G. (1989) *What Should the Plan Be: Discussions of the 20s: Articles and Modern Commentary*. Leningrad: Lenizdat.
19. Караханова Т. М., Бессокирная Г. П. Повседневное использование времени и жизненные ценности рабочих в годы реформ // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 196—213.
Karakhanova T. M., Bessokirnaya G. P. (2008) *The Daily Use of Time and the Vital Values of Workers During the Reform Years*. *Rossiia Reformiruyushchayasya*. No. 7. P. 196—213. (In Russ.)
20. Караханова Т. М., Большакова О. А. Бюджет времени рабочих как отражение их реального поведения в повседневной жизни (1965—2014 гг.) // Вестник Института социологии. 2016. № 3. С. 70—96. <https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.413>.
Karakhanova T. M., Bolshakova O. A. (2016) *Laborers Time Budget as a Reflection of Their Actual Behavior in Everyday Life*. *Vestnik Instituta Sotziologii*. No. 3. P. 70—96. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.413>.
21. Кондаурова И. К., Кулибаба О. М. Профессионально-методическая подготовка учителя математики к обучению детей с особыми образовательными потребностями // Профессиональное образование. Столица. 2008. № 3. С. 32—33.
Kondaurova I. K., Kulibaba O. M. (2008) *Professional and Methodological Training of a Mathematics Teacher for Teaching Children with Special Educational Needs*. *Professional Education. Capital*. No. 3. P. 32—33. (In Russ.)
22. Косарецкий С. Г., Куприянов Б. В., Филиппова Д. С. Особенности участия детей в дополнительном образовании, обусловленные различиями в культурно-образовательном и имущественном статусе семей и месте проживания // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 168—188. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-168-190>.
Kosaretsky S. G., Kuprianov B. V., Filippova D. S. (2016) *Specific Features of Children Involvement in Supplementary Education Developing on Cultural, Educational and Financial Status of Families and Place of Living*. *Educational Studies*. No 1. P. 168—188. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-168-190>.
23. Куприянов Б. В. Детские досуговые занятия двух поколений россиян (по результатам социологических исследований) // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 156—160. <https://doi.org/10.31857/S013216250003921-0>.
Kuprianov B. V. (2015) *Children's Leisure Activities. Two Generations of Russians According to the Results of Sociological Survey*. *Sociological Studies*. No. 11. P. 156—160. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250003921-0>.
24. Калабихина И. Е., Шамсутдинова В. Ш. Дважды бедные: кто испытывает дефицит времени и денег // Журнал исследований социальной политики. 2023.

- T. 21. № 4. С. 629—646. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-4-629-646>.
Kalabikhina I., Shamsutdinova V. (2023) Twice Poor: Those Who Lack Both Time and Money. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 21. No. 4. P. 629—646. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-4-629-646>.
25. Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К. Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 261—285. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.15>.
Kalabikhina I. Ye., Shaikenova Z. K. (2019) Time Spent on Household Work: The Determinants of Gender Inequality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 261—285. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.15>. (In Russ.)
26. Карева Д. Е., Стужук Д. А. Исключает ли родственный уход трудовую деятельность доноров? // Демографическое обозрение. 2025. Т. 12. № 1. С. 104—125. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i1.26581>.
Kareva D. Ye., Stuzhuk D. A. (2025) Does Family Care Rule out Hired Caregivers? *Demographic Review*. Vol. 12. No. 1. P. 104—125. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i1.26581>. (In Russ.)
27. Миннибаев Т. Ш., Тимошенко К. Т., Гончарова Г. А. Бюджет времени, успеваемость и адаптация учащихся профильных классов «школа — вуз» // Гигиена и санитария. 2012. № 2. С. 67—69.
Minnibayev T. Sh., Timoshenko K. T., Goncharova G. A. (2012) Time Budget, Progress, and Adaptation in School — University Profile Class Pupils. *Hygiene and Sanitation*. No. 2. P. 67—69. (In Russ.)
28. Миронов Б. Н. Бюджет времени российского православного крестьянства во второй половине XIX — начале XX в. // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 116—127.
Mironov B. N. (2016) The Time Budget of Russian Orthodox Christian Peasants in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 5. P. 116—127. (In Russ.)
29. Один день российского школьника. Что он делает до школы, в школе и после уроков? / под науч. ред. Н. В. Княгининой. М.: НИУ ВШЭ, 2024. <https://publications.hse.ru/books/932918118>.
Knyaginina N. V. (ed.) (2024) One Day of a Russian Schoolboy. What Does He Do Before School, at School and After School? Moscow: HSE. (In Russ.) <https://publications.hse.ru/books/932918118>.
30. Резервы рабочего времени в промышленности Сибири / под ред. Пруденского Г. А. Изд-во СО АН СССР, 1961.
Prudensky G. A. (ed.) (1961) Reserves of Working Time in the Siberian Industry. Publishing House of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences.

31. Рожков А. Ю. Частное и общественное в бюджетах времени школьников в 1920-е гг. // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2018. С. 184—190.
Rozhkov A. Y. (2018) Private and Public in School Children's Time Budgets in the 1920s. In: *Private and Public in Daily Life of the Population of Russia: History and Modernity*. Proceedings of the international scientific conference. Saint Petersburg. P. 184—190. (In Russ.)
32. Рябчикова А. Бюджет времени российских школьников, или как инвестируют родители в человеческий капитал детей // Народное образование. 2015. № 7. С. 201—206.
Ryabchikova A. (2015) The Time Budget of Russian Schoolchildren, or How Parents Invest in Children's Human Capital. *Public Education*. No. 7. P. 201—206. (In Russ.)
33. Струмилин С. Г. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922—1923 гг. Ленинград: Вопросы труда. 1924.
Strumilin S. G. (1924) The Budget of the Time of the Russian Worker and Peasant in 1922—1923. Leningrad: Questions of Labor. (In Russ.)
34. Чаянов А. В. Бюджеты крестьян Старобельского уезда. Харьков: Печатня С. П. Яковлева. 1915.
Chayanov A. V. (1915) Budgets of Peasants of Starobilsk District. Kharkov: Printing House of S. P. Yakovlev. (In Russ.)
35. Asanov I., Flores F., McKenzie D., Mensmann M., Schulte M. (2021) Remote-Learning, Time-Use, and Mental Health of Ecuadorian High-School Students During the COVID-19 Quarantine. *World Development*. Vol. 138. Art. 105225. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105225>.
36. Bevans G. E. (1913) How Workingmen Spend Their Time. New York, NY: Columbia University Press.
37. Borga L. G. (2019) Children's Own Time Use and Its Effect on Skill Formation. *The Journal of Development Studies*. Vol. 55. No. 5. P. 876—893. <https://doi.org/10.1080/00220388.2018.1499893>.
38. Borgers N., De Leeuw E., Hox J. (2000) Children as Respondents in Survey Research: Cognitive Development and Response Quality 1. *Bulletin of Sociological Methodology / Bulletin de méthodologie sociologique*. Vol. 66. No. 1. P. 60—75. <https://doi.org/10.1177/075910630006600106>.
39. Brockman R., Jago R., Fox K. R. (2011) Children's Active Play: Self-Reported Motivators, Barriers and Facilitators. *BMC Public Health*. Vol. 11. No. 1. P. 461. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-11-461>.
40. Calderwood L., Smith K., Gilbert E., Rainsberry M., Knibbs S., Burston K. (2015) Securing Participation and Getting Accurate Answers from Teenage Children in Surveys: Lessons from the UK Millennium Cohort Study. *Social Research Prac-*

- tice. Vol. 1. No. 1. P. 27—32. <https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/25210/1/social-research-practice-journal-issue-01-winter-2015.pdf#page=30>.
41. Chen H. Y., Yarnal C., Hustad J. T., Sims, D. (2016) Take a Selfie of Life: A Qualitative Exploration of College Students' Self-Reflections on Free Time Use and Personal Values. *Journal of College and Character*. Vol. 17. No. 2. P. 101—115. <https://doi.org/10.1080/2194587x.2016.1159226>.
 42. Droit-Volet S., Meck W. H., Penney T. B. (2007) Sensory Modality and Time Perception in Children and Adults. *Behavioural Processes*. Vol. 74. No. 2. P. 244—250. <https://doi.org/10.1016/j.beproc.2006.09.012>.
 43. Fiates G. M. R., Amboni R. D., Teixeira E. (2008) Television Use and Food Choices of Children: Qualitative Approach. *Appetite*. Vol. 50. No. 1. P. 12—18. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2007.05.002>.
 44. Ginsburg K. R., Committee on Communications, Committee on Psychosocial Aspects of Child and Family Health. (2007) The Importance of Play in Promoting Healthy Child Development and Maintaining Strong Parent-Child Bonds. *Pediatrics*. Vol. 119. No. 1. P. 182—191. <https://doi.org/10.1542/peds.2006-2697>.
 45. Gleave J. (2009) Children's Time to Play: A Literature Review. National Children's Bureau for Play England.
 46. Granich J., Rosenberg M., Knuiman M., Timperio A. (2010) Understanding Children's Sedentary Behaviour: A Qualitative Study of the Family Home Environment. *Health Education Research*. Vol. 25. No. 2. P. 199—210. <https://doi.org/10.1093/her/cyn025>.
 47. Harms T., Gershuny J., Doherty A., Thomas E., Milton K., Foster C. (2019) A Validation Study of the Eurostat Harmonised European Time Use Study (HETUS) Diary Using Wearable Technology. *BMC Public Health*. Vol. 19. No. Suppl 2. P. 455. <https://doi.org/10.1186/s12889-019-6761-x>.
 48. International Labour Organization, United Nations Development Programme. (2018) Time Use Surveys and Statistics in Asia and Pacific: A Review of Challenges and Future Directions.
 49. Howe C. A., Clevenger K. A., Plow B., Porter S., Sinha G. (2018) Using Video Direct Observation to Assess Children's Physical Activity During Recess. *Pediatric Exercise Science*. Vol. 30. No. 4. P. 516—523. <https://doi.org/10.1123/pes.2017-0203>.
 50. Huebner A. J., Mancini J. A. (2003) Shaping Structured Out-Of-School Time Use Among Youth: The Effects of Self, Family, and Friend Systems. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 32. P. 453—463. <https://doi.org/10.1023/A:1025990419215>.
 51. Lenske G., Helmke A. (2015) Child Respondents — Do They Really Answer What Scientific Questionnaires Ask For? In: Schnotz W., Kauertz A., Ludwig H., Müller A., Pretsch J. (eds.) *Multidisciplinary Research on Teaching and Learning*. Palgrave Macmillan. London. https://doi.org/10.1057/9781137467744_8.

52. Mäntylä T., Carelli M. G., Forman H. (2007) Time Monitoring and Executive Functioning in Children and Adults. *Journal of Experimental Child Psychology*. Vol. 96. No. 1. P. 1—19. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2006.08.003>.
53. Miller E., Kuhaneck H. (2008) Children's Perceptions of Play Experiences and Play Preferences: A Qualitative Study. *The American Journal of Occupational Therapy*. Vol. 62. No. 4. P. 407—415. <https://doi.org/10.5014/ajot.62.4.407>.
54. Minkoff Y., Riley J. (2011) Perspectives of Time-Use: Exploring the Use of Drawings, Interviews and Rating-Scales with Children Aged 6—7 Years. *Journal of Occupational Science*. Vol. 18. No. 4. P. 306—321. <http://dx.doi.org/10.1080/14427591.2011.586323>.
55. Navarro R., Lee S. H., Jiménez A., Cañamares C. (2019) Cross-Cultural Children's Subjective Perceptions of Well-Being: Insights from Focus Group Discussions with Children Aged Under 9 Years in Spain, South Korea and Mexico. *Child Indicators Research*. Vol. 12. No. 1. P. 115—140. <https://doi.org/10.1007/s12187-017-9502-7>.
56. Nickols S. Y., Ayieko M. (1996) Spot Observation: Advantages and Disadvantages for household Time Use Research. *Journal of Family and Economic Issues*. Vol. 17. P. 281—295. <https://doi.org/10.1007/bf02265021>.
57. Nijhof S. L., Vinkers C. H., van Geelen S. M., Duijff S. N., Achterberg E. M., Van Der Net J., ... Lessche H. M. (2018) Healthy Play, Better Coping: The Importance of Play for the Development of Children in Health and Disease. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. Vol. 95. P. 421—429. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2018.09.024>.
58. Osgood D. W., Lee H. (1993) Leisure Activities, Age, and Adult Roles across the Lifespan. *Loisir et Société/Society and Leisure*. Vol. 16. No. 1. P. 181—207. <http://dx.doi.org/10.1080/07053436.1993.10715448>.
59. Parrish A. M., Yeatman H., Iverson D., Russell K. (2012) Using Interviews and Peer Pairs to Better Understand How School Environments Affect Young Children's Playground Physical Activity Levels: A Qualitative Study. *Health education research*. Vol. 27. No. 2. P. 269—280. <https://doi.org/10.1093/her/cyr049>.
60. Pawlowski C. S., Andersen H. B., Troelsen J., Schipperijn J. (2016) Children's Physical Activity Behavior During School Recess: A Pilot Study Using GPS, Accelerometer, Participant Observation, and Go-Along Interview. *PloS one*. Vol. 11. No. 2. Art. e0148786. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0148786>.
61. Robinson W. P. (1986) Children's Understanding of the Distinction Between Messages and Meanings: Emergence and Implications. In: *Children of Social Worlds*. P. 213—232.
62. Runacres A., Mackintosh K. A., Knight R. L., Sheeran L., Thatcher R., Shelley J., McNarry M. A. (2021) Impact of the COVID-19 Pandemic on Sedentary Time and Behaviour in Children and Adults: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Inter-*

- national Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. No. 21. Art. 11286. <https://doi.org/10.3390/ijerph182111286>.
63. Scott J. (2008) Children as Respondents: The Challenge for Quantitative Methods. In: *Research with Children*. Routledge. P. 103—124.
64. Sebire S. J., Jago R., Gorely T., Cillero I. H., Biddle S. J. (2011) “If There Wasn’t the Technology Then I Would Probably Be Out Everyday”: A Qualitative Study of Children’s Strategies to Reduce Their Screen Viewing. *Preventive medicine*. Vol. 53. No. 4—5. P. 303—308. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2011.08.019>.
65. Sullivan O., Gershuny J., Sevilla A., Walthery P., Vega-Rapun M. (2020) Time Use Diary Design for Our Times — An Overview, Presenting a Click-and-Drag Diary Instrument (CaDDI) for Online Application. *Journal of Time Use Research*. <https://doi.org/10.32797/jtur-2020-1>.
66. Tomasello M. (2000) Do Young Children Have Adult Syntactic Competence? *Cognition*. Vol. 74. No. 3. P. 209—253. [https://doi.org/10.1016/s0010-0277\(99\)00069-4](https://doi.org/10.1016/s0010-0277(99)00069-4).
67. Torppa M., Niemi P., Vasalampi K., Lerkkanen M. K., Tolvanen A., Poikkeus A. M. (2020) Leisure Reading (But Not Any Kind) and Reading Comprehension Support Each Other — A Longitudinal Study Across Grades 1 and 9. *Child Development*. Vol. 91. No. 3. P. 876—900. <https://doi.org/10.1111/cdev.13241>.
68. Vujčić M. T., Brajša-Žganec A., Franc R. (2019) Children and Young Peoples’ Views on Well-Being: A Qualitative Study. *Child Indicators Research*. Vol. 12. No. 3. P. 791—819. <https://doi.org/10.1007/s12187-018-9559-y>.
69. Whitebread D., Basilio M., Kuvalja M., Verma M. (2012) *The Importance of Play*. Brussels: Toy Industries of Europe.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2916](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2916)**Т. Д. Егорова**

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИГРАНТАХ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА:
РЕЗУЛЬТАТЫ КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТА**

Правильная ссылка на статью:

Егорова Т. Д. Представления о мигрантах сквозь призму теории когнитивного диссонанса: результаты квазиэксперимента // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 288—314. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2916>.

For citation:

Egorova T. D. (2025) Perceptions of Migrants Through the Lens of Cognitive Dissonance Theory: Results of a Quasi-Experiment. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 288—314. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2916>. (In Russ.)

Получено: 17.02.2025. Принято к публикации: 03.07.2025.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИГРАНТАХ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА: РЕЗУЛЬТАТЫ КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТА

ЕГОРОВА Татьяна Дмитриевна — стажер-исследователь, Центр региональных исследований и урбанистики, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; аспирант, кафедра анализа социальных институтов, Аспирантская школа по социологическим наукам, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

E-MAIL: egorovatatianad@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0192-7062>

PERCEPTIONS OF MIGRANTS THROUGH THE LENS OF COGNITIVE DISSONANCE THEORY: RESULTS OF A QUASI-EXPERIMENT

Tatiana D. EGOROVA^{1,2} — Research Assistant, Center for Regional Research and Urban Studies, Institute of Applied Economic Research; Post-graduate Student, Doctoral School of Sociology

E-MAIL: egorovatatianad@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0192-7062>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструкции разнообразия тактик, использующихся людьми для снижения эмоционального напряжения в ситуациях, где возможно возникновение когнитивного диссонанса, в ходе обсуждения вопросов, связанных с мигрантами и миграцией. Исследование базируется на данных глубинных тематических интервью ($N = 21$) на тему отношения к мигрантам, собранных в Москве, Челябинске и Казани. В ходе интервью проводился квазиэксперимент, для которого интервьюер создавал ситуацию когнитивного диссонанса, чтобы проследить за способами выхода из нее.

В результате анализа собранных данных выделено три основных способа преодоления когнитивного диссонанса, использовавшихся в ходе интервью. В случае первого — поиска дополнительной консонирующей информации — люди предполагают существование неупомянутых в разговоре условий, которые объясняли бы диссонирующий кейс без кардинального пересмотра

Abstract. The article attempts to reconstruct the diversity of tactics used by people to reduce emotional tension in situations where cognitive dissonance may arise during discussions of issues related to migrants and migration. The research is based on the qualitative data collected via a series of in-depth interviews ($N = 21$) in Moscow, Chelyabinsk, and Kazan. The interviews included a quasi-experimental section in which the interviewer attempted to induce cognitive dissonance in informants, who then attempted to reduce it in various ways.

The analysis of the data has shown that there are three main ways that the informants were drawn to. In the case of the first one — the search for additional consonant information — people tend to seek additional, never-mentioned conditions that would make the dissonant case possible without any radical changes to their expressed point of view. In the second case, trivialization of either their own opinion (through the emphasis on the lack of expertise) or the dissonant case (through the em-

их картины мира. Во втором случае снижается важность собственного мнения (указывается на отсутствие экспертизы в теме) или диссонирующего кейса в общей картине мира (указывается на его нестандартность). Прибегая к третьему способу, люди стремятся избежать обсуждения диссонирующей информации или отвлечься от нее, переводя тему. В целом способы преодоления спонтанно возникающего когнитивного диссонанса достаточно непоследовательны и ситуативны, что может быть обусловлено общей неконсистентностью и ситуативностью высказываемых в ходе интервью комплексов представлений.

Результаты исследования интерпретируются как элементы когнитивных и культурных схем, существующих у людей в отношении мигрантов, и свидетельствуют о малой отрефлексированности и интернализованности темы информантами, их слабой степени личной вовлеченности в вопросы, связанные с миграцией, мигрантами и их присутствием в обществе, дискурсивной природой мнений о мигрантах.

Ключевые слова: когнитивный поворот, когнитивная социология, коллективные представления, отношение к мигрантам, снижение когнитивного диссонанса, когнитивные схемы

Благодарность. Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС. Исследование выполнено без финансовой поддержки со стороны НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность Е. А. Варшаверу и Н. С. Ивановой за помощь в подготовке полевой работы и анализе материалов.

phasis on its exclusivity) happens. Lastly, some people tended to avoid or distract themselves from the dissonant information altogether by changing the topic. In general, however, the ways that people tend to reduce cognitive dissonance are rather inconsistent and situational, which may be explained by the inconsistency and situational nature of the views that are expressed in conversation.

The results are interpreted as elements of cognitive and cultural schemas that people might have in relation to migration, and are indicative of the topic not being deeply reflected upon or internalized by the informants. The results also indicate that, to the extent that the issues of migration, migrants and their presence in Russia are not personal, the opinions on the subject remain quite discursive in nature.

Keywords: cognitive turn, cognitive sociology, collective representations, attitudes to migrants, cognitive dissonance reduction, cognitive schema

Acknowledgments. The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme. No funding for the research is provided by the HSE University. The author is grateful to Evgeni A. Varshaver and Nataliya S. Ivanova for their help in preparation of the field research stage, as well as the analysis of the data.

Введение

В рамках когнитивного поворота в социальных науках стал возможным взгляд на социологические проблемы с нового ракурса, который предоставляют психологические науки. Активно разрабатываются разнообразные теоретические и методологические направления, находящиеся на стыке социологии и психологии, в особенности в контексте исследований аспектов социального действия. Все больше внимания уделяется коллективным представлениям в различных интерпретациях [Moscovici, 2000; Albarracin, Shavitt, 2018] как когнитивному фактору, находящемуся во взаимодействии с социальными явлениями.

Среди прочего в фокус исследований попадают представления, связанные с этничностью и миграцией [Brubaker, 2004; Van Dijk, 2018], в том числе отношение местного населения к мигрантам [Kleemans, Klugman, 2009; Демидова, 2021; Мукомель, 2021]. Однако каковы механизмы формирования и трансформации таких комплексов представлений? Несмотря на обилие работ, фокусирующихся именно на разнообразии коллективных представлений, последние редко исследуются «вне вакуума», то есть в контексте иных явлений (и во взаимодействии друг с другом), как постоянно изменяющаяся сущность. Немногие исследователи обращают внимание на случаи, в которых представления ставятся под сомнение или же «сталкиваются» с иными точками зрения — как в восприятии одного человека, так и в ходе коммуникации. Особенно важна здесь рамка когнитивных схем [DiMaggio, 1997, Swidler, 1986] — феномена, исследования которого на стыке социологии и когнитивистики зачастую смежны с исследованиями комплексов коллективных представлений. Как комплексы, так и схемы используются для описания наборов знаний о мире, которые так или иначе регулируют социальные (взаимо)действия. Различие состоит в том, что когнитивные схемы акцентируют внимание на сетях представлений, то есть взаимосвязях между ними, благодаря которым выстраиваются ассоциативные траектории и алгоритмы («стратегии» в теории культурных схем Э. Свидлер [Swidler, 1986]) действий в разнообразии повседневных ситуаций.

В данной работе представления рассматриваются как «точки пересечения» в когнитивных схемах, ассоциативно связанные друг с другом и задающие «стратегии» действия. В этой интерпретации «столкновения» представлений, или «слом» схем, способствуют изменению привычных «стратегий» и складыванию новых связей, а соответственно, и поведения людей. В связи с тем, что представления в теории схем — широкое и всеобъемлющее понятие (элементами схемы являются любые знания человека о том, как обычно «работает» мир вокруг него, и знания эти всегда более обширны, чем те, что оказываются задействованы в повседневных стратегиях), такие изменения происходят повсеместно и постоянно, поэтому их понимание — важный вопрос в социологии после когнитивного поворота, открывающий новые перспективы исследования механизмов социального взаимодействия.

В психологии и когнитивистике, однако, ситуация столкновений двух контрастирующих элементов знания активно разрабатывается с теоретической точки зрения и исследуется на эмпирическом материале в рамках теории когнитивного диссонанса. Работы, использующие теорию когнитивного диссонанса, достаточ-

но обширны: в психологической [Stephens, 2017; Foster, Misra, 2013], экономической [Akerlof, Dickens, 1982; Sweeney, Hausknecht, Soutar, 2000] и политологической [Acharya, Blackwell, Sen, 2018; McGregor, 2013] литературе к ней прибегают в контексте разнообразных проблем, в том числе находящихся вне поля психологии (например, покупательского выбора). Однако в социологических исследованиях диссонанс редко используется как инструмент интерпретации и столь же редко выступает объектом изучения. В работах по социологии этничности (и миграции в том числе) когнитивный диссонанс почти не фигурирует¹, а там, где это все же случается, в фокусе чаще всего оказываются:

1) мигранты, в то время как местному населению уделяется значительно меньше внимания [Borile, 2015; Xue, Sun, 2024];

2) условия и факторы появления диссонанса, а не его снижения [Careja, 2016; Zajacova, 2021];

3) иные феномены, а диссонанс фигурирует контекстуально, «на полях» [Link, Phelan, 2001; Nefes, Milošević Đorđević, Vdović, 2024].

Меж тем теория когнитивного диссонанса, интерпретируемая через призму когнитивной социологии, может быть полезна для понимания того, каким образом могут выстраиваться стереотипы и каким образом они могут ставиться под сомнение и разрушаться. Это важная проблема для исследования как механизмов интеграции мигрантов, так и динамики этнических категорий. В российской научной литературе социологический аспект теории диссонанса не является популярным направлением исследований. При подготовке исследования было обнаружено лишь несколько русскоязычных статей, использующих теорию когнитивного диссонанса в контексте социологической проблематики, однако во всех них когнитивный диссонанс составляет часть аналитического инструментария, а разработанная когнитивистами теоретическая рамка просто «встраивается» в социологический дизайн. Важно также, что в случаях, когда к теории когнитивного диссонанса прибегают в социологии, ее интерпретации во многом отстают от современных трендов в психологических исследованиях феномена: используется лишь классическая модель диссонанса и не берутся во внимание существующие в когнитивистике оспаривающие ее подходы, в том числе более новые интерпретации природы диссонанса и его роли в поведении индивидов (подробнее об этом см. раздел «Теоретическая база исследования»).

В том, что касается методологии, в социологических исследованиях диссонанса также есть значительные лакуны. Многие авторы применяют классические социологические дизайны, например массовые опросы и панели [Bølstad, Dinas, Riera, 2013; Губина, 2013]. Взятые в совокупности с иными свидетельствами разнообразия мнений (так, исследование Н. В. Губиной сравнивает данные опросов и отчеты властей; Й. Бёльстада и коллег — результаты панелей до и после выборов), они свидетельствуют о существовании диссонанса, но не дают возможности детализировать взгляд на проблему. В психологии же для исследований диссонанса чаще применяются экспериментальные методы, позволяющие с большей точностью и предсказуемостью провоцировать и впоследствии контролировать

¹ Среди немногочисленных примеров см. [Lieberman, 2006].

ситуацию диссонанса. В ходе разработки дизайна исследования, легшего в основу данной статьи, была предпринята попытка проведения квазиэксперимента, совмещающего социологические качественные методы (глубинное полуструктурированное интервью) с когнитивистским экспериментальным блоком, в котором интервьюер моделировал разнообразие потенциальных ситуаций диссонанса с целью исследования последующих алгоритмов, использующихся информантами для снижения эмоционального напряжения.

В работе предпринята попытка не только заполнить лакуны в социологических исследованиях, использующих теории социального действия и когнитивного диссонанса, а также концепцию когнитивных схем, но прежде всего — «подойти» к изучению коллективных представлений с относительно нового ракурса, открывая перспективы для дальнейшей научной работы на стыке социологии и когнитивистики.

Теоретическая база исследования

Теория когнитивного диссонанса (КД) является базой для широкого поля разнообразных — преимущественно психологических или экономических — исследований. Основоположник теории Л. Фестингер в книге «Теория когнитивного диссонанса» [Festinger, 1957] и последующих работах [Festinger, Carlsmith, 1959; Festinger, 1962] ввел в научный оборот понятие «когнитивный диссонанс» и сформулировал не только основные идеи, лежащие в основе теории, но и подходы к изучению феноменов, связанных с ним. Л. Фестингер определил когнитивный диссонанс как состояние, в котором воспринимаемые несоответствия между «когнициями» (единицами знания любой разновидности — мнениями, убеждениями или представлениями о себе, окружающем мире или должном порядке вещей) вызывают у человека эмоциональную напряженность или раздражение, а консонанс — как состояние, в котором когниции оказываются в определенной мере консистентными, в связи с чем напряжения не возникает. Чем важнее для человека диссонирующие когниции, тем сильнее возникающий диссонанс. Л. Фестингер постулирует, что, будучи помещенным в состояние диссонанса, человек стремится к его снижению и последующему достижению состояния консонанса (консистентности когниций). Он выделяет три причины появления КД: ситуация выбора; поведение, которое в иных условиях избегалось бы субъектом (этому состоянию «вынужденного послушания» посвящено исследование 1959 г. [Festinger, Carlsmith, 1959]); получение новой информации. Л. Фестингер уделяет значительное внимание тому, какие способы снижения КД используются людьми, выделяя три частотных способа выхода из состояния диссонанса: снижение важности диссонирующих когниций (*тривиализация*), поиск новых, консонирующих (то есть соответствующих общей картине мира человека) когниций, изменение мнения (достаточно поверхностного, высказываемого в ходе взаимодействий, или более существенного — в ходе дальнейшей рефлексии) — и снижение тем самым числа диссонирующих когниций.

Книга Л. Фестингера положила начало активному развитию теории диссонанса. В ходе последующих десятилетий первоначальная интерпретация Л. Фестингера, фокусирующаяся преимущественно на неконсистентных действиях людей как причине возникновения КД, была обозначена как «модель действия» (action-based

model). Вскоре после выхода ее в свет в рамках теории обозначились и другие модели. Так, модель самосоответствия (self-consistency model) [Aronson, 1968] основывается на идее, что возникновение диссонанса диктуется преимущественно представлениями о себе, в то время как модель самоутверждения (self-affirmation model) [Steele, 1988] — стремлением человека *подтвердить собственную правоту* в ситуации КД. В 1990-х годах была предложена модель «нового взгляда» (new look model) [Cooper, Fazio, 1984], постулирующая, что источником КД выступают представления человека о *нормах поведения и морали*. К началу 2000-х годов Дж. Стоун и Дж. Купер предложили модель, объединяющую в себе концептуальные основания вышеперечисленных моделей, — модель стандарта о себе (self-standard). Она рассматривает появление диссонанса с двух позиций: личного стандарта и нормативного стандарта, — несоответствие действий и/или взглядов человека одному из этих стандартов диктует дальнейшие действия [Stone, Cooper, 2001]. Именно модель стандарта о себе в существенной степени перекликается с современными концепциями когнитивной социологии, в частности теориями социального действия и когнитивных схем, в связи с чем КД в данном исследовании интерпретируется как ситуация несоответствия между представлениями людей о себе и мире, образующими их когнитивные схемы. В результате такие несоответствия охватывают более широкое, чем в классической теории Л. Фестингера, разнообразие кейсов и степеней КД. Ситуация диссонанса в таком случае — это ситуация «слома схемы», нарушения идей человека о том, как что-либо (люди, объекты, явления) «работает обычно», и выход из диссонанса в первую очередь знаменует «переналадку» схемы, то есть выстраиванием новых ассоциативных связей, или же «вынесением» нового знания в иную связку и построением для него отдельной стратегии.

Несмотря на разногласия о природе диссонанса и вариативности в том, как она исследуется и для чего используются различные ее трактовки, одно из важнейших заявленных Л. Фестингером направлений — снижение когнитивного диссонанса — и по сей день остается вне фокуса большинства работ по теме или же интерпретируется в рамках теории действия. Э. МакГратт [McGrath, 2017] в своем обзоре отмечает, что, хотя тематическое и методологическое разнообразие исследований КД расширяется, число работ, посвященных способам его снижения, значительно меньше, чем по другим направлениям. В то же время именно способы снижения диссонанса — ключевая часть теории для данной статьи, поэтому подробное описание сравнительно небольшого корпуса работ по теме представляется необходимым.

Прежде чем переходить к непосредственному описанию данной литературы, отметим, что в исследованиях, посвященных способам снижения диссонанса, используется несколько базовых идей. Во-первых, для выхода из ситуации КД человек не обязательно избирает лишь один способ: если для конкретного кейса оптимально обращение к нескольким способам, они могут комбинироваться в свободном режиме [Aronson, 1968]. Во-вторых, какой бы способ (или комбинация их) ни был избран человеком в ситуации диссонанса, выбор его совершается ввиду ряда факторов: например, воспринимаемых доступности (или «энергозатратности»), эффективности, и/или стабильности — наличия некоторых субъективных га-

рантий, что в ближайшем будущем он не приведет к новой ситуации диссонанса. Предполагается, что способы снижения диссонанса имеют субъективную иерархию, варьирующуюся от человека к человеку и от ситуации к ситуации [Walster, Berscheid, Barclay, 1967].

Из трех выделенных Л. Фестингером способов «базовым» для большинства работ, исследующих КД, считается его снижение через смену *собственного мнения или поведения*. Предполагается, что, будучи помещенным в ситуацию, вызывающую у него диссонанс (частотный пример — выбор между одинаково привлекательными предметами, из которых лишь один возможно оставить, а второй необходимо отдать), человек будет стремиться изменить свое мнение или дальнейшее поведение так, чтобы оно консонировало с другими когнициями (например, убедит себя, что отданная вещь менее привлекательна). В ходе развития теории неоднократно подвергалось критике излишнее использование смены мнений в качестве переменной (например, [Devine et al., 2019]). Наиболее часто указывается на неприменимость данного способа в случаях, когда человек настолько уверен в собственных представлениях, что их изменение в ситуации диссонанса не представляется оптимальным. Отмечается также, что исследования смены мнения имеют тенденцию учитывать при анализе лишь данный способ, что идет вразрез с идеей возможного комбинирования нескольких способов и ведет к искусственным ограничениям в ходе интерпретации результатов.

Другой способ, введенный в оборот Л. Фестингером, — *поиск и последующее добавление в картину мира новых когниций, консонирующих с мнением человека*, — «*выборочный контакт*». Выборочный контакт предполагает, что в ситуации диссонанса человек стремится найти новую информацию, подкрепляющую его мнение (*консолирующие когниции*) [Brock, Balloun, 1967; Cotton, 1985; Frey, 1986]. Такому поведению в рамках данного способа были позже рядоположены различные действия по внутренней рационализации поведения, то есть поиску человеком имплицитных причин для совершения того или иного действия, как, например, свидетельства собственной компетентности [Blanton et al., 2001] или же подтверждения того, что любой другой человек поступил таким же образом, оказавшись в схожей ситуации [McKimmie et al., 2003].

Тривиализация, третий способ снижения диссонанса, предложенный Л. Фестингером, долгое время оставалась наименее исследованной. Под тривиализацией понимаются разнообразные действия человека, направленные на снижение важности внешних диссонансирующих когниций. Наиболее известной и первой крупной эмпирической работой, фокусирующейся на тривиализации, стала статья Л. Саймона и коллег [Simon, Greenberg, Brehm, 1995]. В статье исследуется, какие факторы влияют на приоритет тривиализации при выборе способа снижения КД. В ходе серии экспериментов авторы выяснили, что участники прибегали к тривиализации тогда, когда их собственное мнение было эксплицировано до возникновения диссонанса или же сама рамка вопроса позволяла «безболезненно» трактовать когниции как неважные для их картины мира. Впоследствии к вопросу тривиализации неоднократно возвращались французские исследователи: Р. В. Джуль и М. А. Мартини [Martinie, Joule, 2000; Joule, Martinie, 2008], а также В. Фуантиа [Michel, Fointiat, 2003; Fointiat, Somat, Grosbras, 2011], — в фокусе

их работ также оказывается тривиализация когний, ее виды и их использование участниками экспериментов. Среди важных концептуальных элементов — тривиализация через «неверную атрибуцию» [Martinie, Joule, 2000; Fointiat et al., 2011], то есть рационализация участниками КД как спровоцированного внешними факторами (например, плохим настроением, принятием лекарств или веществ, влияющих на потенциальную реакцию). В совместной с С. Мишель работе 2003 г. В. Фуантиа разрабатывает идеи Л. Саймона и коллег, предполагая, что к тривиализации прибегают люди, чьи когнии (или действия), вступающие в диссонанс, менее консистентны изначально [Michel, Fointiat, 2003]. Результаты исследования показали, что люди с более консистентными мнениями чаще прибегают к изменению мнения. М. А. Мартини и В. Фуантиа также обращают внимание на связку самооценки и тривиализации, экспериментально иллюстрируя тенденцию людей с низкой самооценкой обесценивать в ситуации диссонанса свое мнение и степень ответственности [Martinie, Fointiat, 2006].

Важно, что вышеперечисленные способы, несмотря на их применимость к различным трактовкам КД в рамках разных теоретических течений, в работах классиков теории когнитивного диссонанса так или иначе подводятся к теории действия. В случаях новых моделей, однако, их проявления и интерпретации могут отличаться от «классического» их видения. Более того, в рамках данных течений приводятся также и иные — зачастую значительно более редко фигурирующие в литературе ввиду значительной сложности их идентификации и иллюстрации, — способы снижения диссонанса. Среди таковых отметим так называемые избегание и отвлечение (*distraction and forgetting*) [McGrath, 2017: 4], введенные в оборот в работах М. П. Занна и К. Азизы, Р. Э. Элкина и М. Р. Лайппе [Zanna, Aziza, 1976; Elkin, Leippe, 1986]. Такой способ рассматривается как альтернативный и выбираемый в случаях, когда использование иных не представляется возможным. В части работ утверждается, что данный способ необходимо рассматривать как отдельный аспект теории КД, а не рядопологать его другим способам [Olson, Stone, 2014]. Действительно, от описанных выше способов «избегание» отличает возможность его использования в виде превентивной меры до возникновения диссонанса. Тем не менее нельзя игнорировать факт, что, несмотря на малое количество работ, эксплицитно выделяющих «избегание», варианты его использования демонстрируются и в иных исследованиях, особенно смежных с теорией когнитивного диссонанса и посвященных тактикам убеждения и смене мнений [Shah, Friedman, Kruglanski, 2022; Buller, 1986].

В русскоязычной литературе теория КД — популярная рамка для лингвистических и когнитивно-лингвистических [Серебрякова, 2018; Белоус, 2008], а также психологических исследований [Авдеева, 2014; Маренко и др., 2015]. В социологических же работах, как ранее упоминалось, КД фигурирует редко. При этом разнообразие тематических направлений работ крайне широко: теория КД в той или иной мере используется в исследованиях социологии знания [Жернов, Жернова, 2011; Губина, 2013], риска [Исмаилов, 2010], морали [Безрукова, 2014]; установок и социальных процессов [Кациель, 2017; Стеценко, 2009; Штейнберг, 1997]. Как и в случае иностранных работ, такой широкий набор тем может маскировать ограниченность объема исследований, в которых КД выступает основным

инструментом или фокусом. Лишь несколько из перечисленных выше работ в полной мере углубляются в проблематику диссонанса [Жернов, Жернова, 2011; Кацнель, 2017; Штейнберг, 1997], и только одна [Жернов, Жернова, 2011] использует методологические подходы, характерные для когнитивистских исследований в рамках теории. Более того, в ходе поиска русскоязычной литературы по теме не было обнаружено исследований, в которых ситуация диссонанса рассматривалась бы не с точки зрения ее возникновения, а с точки зрения способов выхода из нее и снижения эмоционального напряжения, и в которых используется не рамка модели действия, а иные модели, в частности используемая в данной статье модель стандарта о себе.

Как видно из обзора, существующая литература в области психологии, посвященная теории КД, в значительной степени ограничена в том, что касается исследований способов снижения диссонанса. В контексте же социологической проблематики, несмотря на то что в последние годы наметился рост интереса к феномену диссонанса — как среди иностранных, так и среди российских исследователей, — на данном этапе невозможно говорить о полноценном включении теории когнитивного диссонанса в социологический инструментарий.

Методология²

Данные, лежащие в основе этой статьи, были собраны в 2024 г. в трех городах-миллионниках России — Москве (столица, центр притяжения мигрантов, сложная конструкция этничности и большое разнообразие повседневных контекстов), Челябинске (столица «ненационального» региона, малая привлекательность для мигрантов) и Казани (столица «национального» региона, значительная роль ислама как фактор, потенциально привлекающий мигрантов из основных стран исхода и/или влияющий на отношение к ним). В каждом городе было проведено по семь полуструктурированных тематических глубинных интервью, суммарно собрано 21 интервью средней продолжительностью 45,5 минуты. Выборка осуществлялась квотным методом, квотировались пол, возраст, город проживания и образование информантов. Квоты были определены исходя из принципа максимального разнообразия информантов, а также результатов предыдущих исследований автора и коллег, посвященных отношению к мигрантам в России (см. сноску 2). Поиск информантов осуществлялся на улицах городов в соответствии с квотами, количество интервью было определено на подготовительном этапе согласно обоснованной теории [Glaser, Strauss, 2017]. Для удобства работы с квотами был создан кейсбук, в который вносились также информация о сфере занятости информанта (см. Приложение 1).

Важно отметить, что исследование, представленное в данной статье, является частью крупного проекта (см. сноску 2), посвященного отношению местного населения к мигрантам и миграции. В связи с этим, несмотря на ограничения и смещения, многие методологические аспекты (например, квотная выборка, прове-

² Значительное влияние на методологию исследования оказали предыдущие проекты исследовательского коллектива, в состав которого входит автор. Выбор квот, формулировки вопросов, предлагавшиеся для реакции информантам кейсы (новостные сводки и «обобщенные мнения» о мигрантах), а также виньетка «соседства» основывались на данных, полученных в ходе более масштабных качественных и количественных проектов, посвященных отношению местного населения к мигрантам и восприятию миграции (см., например, [Варшавер, Иванова, Егорова, 2024; Иванова et al., 2025]).

дение интервью на улицах городов и сами выбранные для сбора данных локации (регионы и города)) определялись из соображений обеспечения консистентности с другими смежными исследованиями коллектива. Результаты данного исследования не позволяют делать выводы о том, каким образом происходит снижение когнитивного диссонанса в масштабах более крупных выборок, однако они закладывают базу для дальнейшего изучения темы. Это соотносится с задачей представленного в статье проекта, которая состояла в создании базы для дальнейшей работы с методологией, включающей в себя экспериментальные элементы, разработанные на основе опыта исследований в сфере когнитивистики, в том числе пилотирование экспериментов с КД и получение первичных данных о реакции людей на конфликтующую с их мнением информацию.

На первом этапе интервью (полный гайд см. в [Приложении 2а](#)) информантам предлагалось высказать свою общую точку зрения о мигрантах в форме открытого вопроса. Затем их просили проинтерпретировать ряд слов и словосочетаний, используемых в обществе для обозначения мигрантов («иностранцы», «среднеазиаты» и др.), что позволяло далее использовать «язык информанта», а также подробнее проговаривать дальнейшие элементы гайда, используя вариации интерпретаций в зависимости от смыслов, вкладываемых информантами в каждый термин. На основании высказанной точки зрения далее последовательно предлагалось отреагировать на предложения, отражающие распространенные в обществе представления о мигрантах (например, о работе: «мигранты занимают рабочие места „местных“» или, наоборот, «мигранты приносят вклад в российскую экономику», — считывающие негативное или положительное отношение к мигрантам в контексте экономики и рынка труда соответственно. Представления подразделялись на такие группы, как «Экономика», «Демография», «Законы», «Правила „общегития“», и другие (полное распределение представлений и стимулов в соответствии с группами см. в [Приложении 2б](#)), которые были экстраполированы на основании предыдущих исследований. В зависимости от высказываемых информантами мнений интервьюер предлагал свидетельства — чаще всего в виде отсылки к новостным заголовкам³, — противоречащих им точек зрения, предлагая отреагировать и прокомментировать их. В случае, если ситуация диссонанса не возникала в ходе обсуждения данных элементов дискурса, информанту предлагалось представить ситуацию, в которой мигранты станут его непосредственными соседями, — и моделировались ситуации с различными атрибутами мигрантов (например, если это семья или группа рабочих, уроженцы Средней Азии или стран Европы, религиозные или нерелигиозные люди) (алгоритм представления стимулов и условия введения блока виньеток — см. [Приложение 2в](#)). В рамках предыдущих исследований ситуации подобного рода (знакомство с мигрантами и/или указание на разнообразие категории) нередко «ломали» дискурсивную рамку информантов и респондентов, в связи с чем было принято решение включить данный блок в интервью. В результате в ходе каждого интервью между интервьюером и информантом выстраивалась активная дискуссия с выраженной оппозицией, так что реализовывался квазиэксперимент, предполагающий созда-

³ Например, в случаях, когда информанты высказывали убежденное мнение, что мигранты преимущественно являются преступниками, им приводили статистику преступности среди мигрантов и «местных».

ние для информанта ситуации когнитивного диссонанса («слома» когнитивной схемы) и необходимости выхода из нее.

Собранные данные были транскрибированы с использованием ИИ-инструментов для обработки аудио (Trint, MyMeet.ai), затем автотранскрипции были анонимизированы, выгружены и обработаны при помощи ПО для анализа качественных данных Atlas.ti. В ходе обработки выявлялись моменты, в которых информантам предлагалась диссонирующая информация, и их реакции на данную информацию. Впоследствии выделенные фрагменты были проанализированы, выделено разнообразие реакций информантов на различные ситуации диссонанса и предпринимавшихся ими дальнейших действий. Параллельно анализировались аудиоверсии интервью: с использованием временных отметок отдельно выделялись крупные паузы, моменты растерянности и иные неотраженные в текстовых транскрипциях моменты. По завершении данной обработки к анализу была привлечена сначала классическая рамка способов снижения диссонанса, предложенная Л. Фестингером (коды: «Смена мнения» — если на протяжении интервью в результате представления стимула информант высказывал точку зрения, отличную от эксплицированной ранее; «Снижение важности мнения» — реагируя на стимул, информант апеллировал к незначительности/неэкспертности своей позиции; «Дополнительная информация» — информант начинал искать дополнительную информацию, способную объяснить диссонирующий кейс и легитимировать его), в результате чего часть данных реакций была индуктивно объединена в соответствующие крупные категории. Однако в связи с тем, что предложенная Л. Фестингером триада не в полной мере описала разнообразие реакций на ситуацию КД, было принято решение повторно проанализировать массив с использованием «расширенной» категоризации, использующей также способы снижения КД, не входящие в классические три, предложенные Л. Фестингером. Было принято решение взять за основу анализа типологию, представленную в работе Э. МакГратт [McGrath, 2017], в частности были добавлены коды «Уход от темы», «Снижение важности кейса», «Избегание» (использовалось для кодирования отношения к новостным заголовкам в ответ на соответствующий вопрос в гайде). В ходе повторного анализа при возникновении спорных моментов и/или использования информантами нескольких способов автором проводились регулярные сессии обсуждений с коллегами для верификации решений. Когда информанты прибегали к двум способам, они кодировались двумя отдельными кодами. В результате повторного анализа было обнаружено, что некоторые из использованных кодов (например, «Снижение важности мнения» и «Снижение важности кейса») оказались схожими, в связи с чем они были интегрированы и была сформирована финальная триада способов снижения диссонанса, представленная в разделе «Результаты».

Результаты

Анализ собранных данных показал, что в моделируемой ситуации диссонанса в ходе обсуждения мигрантов информанты прибегали к трем основным способам его снижения: поиску информации, которая могла бы подтвердить их мнение (поиск консонирующих когний), обесцениванию собственного мнения или предлагаемой им диссонирующей информации (тривиализация), избеганию — отвлечению от ситуации диссонанса в целом. Отдельно стоит выделить состояние

ступора, появлявшееся у некоторых информантов в первые моменты после получения диссонирующей информации, — такую реакцию нельзя назвать способом снижения диссонанса, но его появление позволяло информантам «выкроить» время для поиска подходящего способа.

Главным способом выхода из ситуации КД для информантов стал поиск дополнительных консонирующих когний (распределение частоты использования способов см. в [Приложении 3](#)). Многие информанты с готовностью соглашались с возможностью существования предлагавшихся им диссонирующих кейсов, предполагая, однако, что такие кейсы обладали дополнительными, неупомянутыми интервьюером условиями, объясняющими их.

Информант: Вот для эмиграции обязательно ценз. <...> Если ты не знаешь русского языка, что тебе тут делать? До свидания. Причем нельзя никаких ни поблажек, ничего — либо сдаешь, либо уезжаешь отсюда и доучиваешь.

Интервьюер: Но у нас же есть экзамен «Русский как иностранный». <...>

Инф.: Он у нас как-то очень мягко предпринимается, судя по тому, сколько у нас неговорящих. (Жен., 42, Ч.)⁴

Инф.: Вообще в этой новости [о нападении на девушку мигрантом] меня больше всего раздражало то, что акцент сделан на слове «мигрант». То есть если бы это произошло не с мигрантом, это вообще бы не стало новостью. <...>

Инт.: То есть скорее не новость вызвала негатив, а то, как она была подана?

Инф.: Да, то есть автор ресурсов <...>. Не знаю, чем они руководствуются. Может быть, у них самих такая позиция, может быть, они хотят общественной огласки. (Муж., 20, М.)

Поиск предполагаемых «скрытых» консонирующих с точкой зрения информантов условий позволял им «вписывать» диссонирующий кейс в свою картину мира. Однако собственная точка зрения не для всех информантов оказывалась столь однозначной, что для ее подтверждения было достаточно подобрать подходящий набор дополнительных когний. В случае столкновения с диссонирующей когницией некоторые соглашались с предлагаемой информацией, а дополнительные условия становились способом достичь компромисса между двумя точками зрения и не обязательно были призваны подтверждать мнение информантов.

Инт.: Есть мнение, что в том, чтобы завозить много мигрантов в Россию, заинтересованы власть имущие <...> и что эта заинтересованность способствует тому, что мигрантов становится все больше.

⁴ Здесь и далее используются следующие сокращения: Жен. — женщина, Муж. — мужчина, М. — Москва, К. — Казань, Ч. — Челябинск.

⁵ В связи с требованиями журнала к объему статей вынужденной мерой стало значительное купирование большинства цитат. В ходе всего интервью между интервьюером и информантом выстраивалась оппозиция, в рамках которой высказывания, в их сокращенной форме не выглядящие яркими противопоставлениями, оказывались таковыми по факту, что считывается в аудиозаписях и полных транскриптах интервью. Вынужденная краткость приводимых цитат и значительная сложность методологии не позволяют в деталях воспроизвести все элементы, ставшие индикаторами ситуации диссонанса. В данном случае (как и в дальнейших цитатах) акцент ставится на то, чтобы проиллюстрировать, что подразумевается под каждым способом выхода из ситуации КД, поэтому было принято решение сократить значительную часть контекста и привести лишь те реплики, которые имеют непосредственное отношение к иллюстрируемому способу.

Инф.: Может быть. Я, честно, такие новости не слышала. <...> Потому что, все-таки, если им здесь нравится, они могут так же сказать своим друзьям, родным. И вот эта вся цепочка пойдет. Возможно. (ж., 20, Ч.)

Инт.: Кого было бы приятнее видеть?

Инф.: Ни тех, ни других.

Инт.: Вы вообще придерживаетесь точки зрения, что нужно ограничить [въезд мигрантов] целиком?

Инф.: Нет. <...> Не то чтобы ужесточить, но чтобы не было проходного двора. Ну, там, хотя бы визы рабочие.

Инт.: Сейчас же, по-моему, есть патенты, визы.

Инф.: Есть, но коррумпировано все. <...>

Инт.: Была новость про то, что в Екатеринбурге забрался на 20-й этаж во время пожара, спас ребенка. Читая такую новость, что в голову приходит?

Инф.: Я говорю же, среди них тоже есть хорошие люди. <...>

Инт.: Все-таки тогда почему их нужно выдворять?

Инф.: Мне кажется, что не нужно выдворять. Немножко нужно... Чтобы уж по головам не ходили. Немножко приструнить.

Инт.: То есть не то чтобы отсюда высылать мигрантов и депортировать их, а скорее просто...

Инф.: Призвать к порядку.

Инт.: А вообще насколько, на Ваш взгляд, сейчас что-то для этого делается? <...>

Инф.: Много. Сейчас после «Крокуса» начали ловить, депортировать. <...>

Инт.: Вы говорите, не нужно депортировать?

Инф.: Ну это ведь тех, которые нелегально прячутся [депортируют]. Они же прячутся, нелегалы же.

Инт.: Вот нелегалы... Вы говорите, что наоборот, что легальность больше развязывает руки людям. А депортировать начали нелегалов.

Инф.: Легальный <...> не то чтобы под наблюдением, но как бы... учтен. В плане закона тоже уязвим, как и мы все.

Инт.: То есть на виду человек становится из-за этого?

Инф.: [Кивает] Это в бытовом плане они наглеют. А в плане правопорядка — легальные... держатся за свое положение.

Инт.: Все-таки что тогда важнее, чтобы они в бытовом плане себя лучше вели или чтобы они были оформлены и были на виду?

Инф.: И то, и другое. (Муж., 49, К.)

Еще один распространенный среди информантов способ снижения диссонанса — тривиализация, или снижение важности когний. При этом когнии (и, соответственно, тривиализация) встречались в двух вариантах. В ряде случаев информанты снижали важность собственного мнения. Происходило это в случае столкновения с авторитетным источником диссонирующих когний и проявлялось особенно ярко при упоминании интервьюером мнений экспертов и статистических данных.

Инт.: Еще точка зрения по поводу численности мигрантов здесь. Есть люди, кому некомфортно <...>, в некоторой степени страшно, что в России демографический кризис, что идет спад населения и что в какой-то момент россияне заместят мигранты <...>. Что Вы на эту тему думаете?

Инф.: Такой страх всегда есть. Вообще такой вариант возможен, потому что мы действительно рождаем меньше. Это как в Европе, <...> в Германии <...> много очень турок. То есть они [немцы] не рожают вообще детей или рожают одного ребенка, а те [турки] рожают гораздо больше. <...> Поэтому я и говорила, что надо все-таки как-то этот момент регулировать и ограничивать. <...>

Инт.: Хорошо. Новостной заголовок, который я почему-то себе не отметила. <...> Экспертная точка зрения <...> что в ближайшем будущем это России не грозит.

Инф.: С точки зрения экспертов, да?

Инт.: Да.

Инф.: Которые на каких-то статистических данных это основывают?

Инт.: Да.

Инф.: Ну, тогда очень хорошо, я очень рада. (Жен, 49, М.)

Инт.: Я видела новости, <...> что, наоборот, снижается уровень преступности среди мигрантов.

Инф.: Не знаю.

Инт.: По крайней мере, у меня она даже есть [в распечатанном виде]. «Уровень преступности среди мигрантов, — но это Уральский федеральный округ, — снизился на 37 % по сравнению с тем же периодом прошлого года».

Инф.: Ну, это, дай Бог, хорошо тогда. Это тогда приветственно. Если это так на самом деле.

Инт.: А, нет, в Челябинской области 37 %, по федеральному округу 22 %. <...>

Инф.: Это хорошо тогда.

Инт.: То есть Вы открыты к тому, что такое изменение происходит? В плане Вы не считаете, что там врут они в новостях?

Инф.: Нет, я доверяю, да. Хочется верить. Ну, хочется верить хорошему, конечно, безусловно. (Жен., 54, М.)

В иных случаях информанты снижали КД через тривиализацию (обесценивание) обсуждаемого кейса, то есть указание на его исключительную природу, объясняющую противоречие представлениям информанта о том, как происходит ситуация «обычно». В ходу в таких случаях оказывались дискурсивные элементы, «вытаскиваемые» информантами из публичных дискурсов (например, формулировка: «Нет плохих наций, есть плохие люди»), а в некоторых случаях мнения об исключительности диссонирующих кейсов высказывались эксплицитно:

[Информант ранее в интервью высказывался негативно в отношении к мигрантам]

Инт.: Была новость про то, что в Екатеринбурге забрался на 20-й этаж во время пожара, спас ребенка. <...>

Инф.: Я говорю же, среди них тоже есть хорошие люди.

Инт.: <...> Они скорее для Вас исключение? <...>

Инф.: Нет, в любой нации, то есть, как у нас, бывают хорошие люди, бывают плохие люди. Вне зависимости от национальности. (Муж., 49, К.)

Инт.: ...Новостные заголовки в стиле «в Подмоскovie держит в страхе целую деревенную рабочую бригаду». Вообще, насколько они Вам?.. Вот это представление о том, что 50/50 [«хороших» и «плохих» мигрантов], насколько вот эта вот негативная сторона складывается из таких новостей? Откуда она появляется?

Инф.: Я тоже нередко встречаюсь с подобными новостями. <...> Но я не скажу, что это большинство. Это какие-то вопиющие случаи, которые выходят просто потому, что они очень яркие. И мы не можем взять, наверное, за абсолют. <...> Под одну гребенку места вообще всех людей сложно. (Муж., 19, Ч.)

В некоторых ситуациях, когда информантам предоставлялись диссонирующие их убеждения альтернативы, они не могли оперативно выбрать дальнейшую тактику и оказывались в ступоре. Это давало им передышку, чтобы найти искомый способ снижения КД.

Инф.: Да, я очень много этого уже начитался. <...> Преступность среди мигрантов повысилась. Я не знаю, именно с какого момента. Видимо, из-за того, что большое количество их.

Инт.: Я, наоборот, читала, что, например, по Уральскому федеральному округу упала преступность на 22 % среди мигрантов за последний год.

Инф.: [пауза 4 сек.] Хм, интересно...

Инт.: Сломала Вам рамку?

Инф.: Нет, ну... [пауза 3 сек.]. Интересно, конечно... Может быть, тут региональное, потому что в Москве в Питере в таких моментах они намного более завязаны... (Муж., 21, К.)

Не все случаи, однако, в которых ранее описанные способы не «подходили» информантам, заканчивались такого рода паузой. Небольшое число информантов активно прибегали к избеганию/отвлечению как основной схеме снижения КД. В таком случае в ходе ответа на вопросы интервьюера и реакции на соответствующие диссонирующие факты информанты достаточно быстро переходили к любым иным темам, рассуждение о которых им казалось более комфортным. Темы при этом могли быть как смежными с диссонирующим кейсом, так и достаточно отвлеченными:

[Пример типичной схемы ответа информанта на вопросы о мигрантах и отношении к ним. Реакция на новость «Свердловский областной суд отменил депортацию семьи в Казахстан» (см. Приложение 2а)]

Инф.: Ну, люди есть очень активные, они добиваются. Я, например, вот мне лекарство выписали сердечное по Москве, его дают бесплатно, дорогое, 3,5 тысячи на один месяц. Ничего себе. Я лечусь в ведомственной поликлинике, где я работаю, и я не хочу ее терять. А выдает это лекарство только поликлиника районная... (Жен., 85, М.)

Инт.: Некоторые люди считают, что мигранты, сюда приезжая, не соблюдают какие-то у нас общепринятые установленные правила поведения, что они как-то ведут себя по-своему, пытаются устанавливать свои правила игры.

Инф.: Каждый ведет себя так, как он умеет, да? <...> Я с детства там в оперативных отрядах и так далее. Называлось «добровольные народные дружины». Это было везде... (Муж., 60, К.)

По всей видимости, этот способ достаточно распространен для информантов вне интервью, особенно в отношении потребления новостей и связанного с данным процессом эмоционального напряжения. Гайд интервью включал блок вопросов о том, как часто информанты просматривают новостные источники, на какие новости обращают внимание, какие эмоции испытывают. В обсуждении многие информанты рассказывали, что в той или иной мере избегают новостей ввиду испытываемого стресса или эмоционального дискомфорта от новостных заголовков. Такие точки зрения высказывались в том числе в отношении негативных (и иногда противоречивых) эмоций, которые у информантов вызывали новости о мигрантах и недавнем на момент сбора интервью напряжении вокруг данной тематики, вызванном терактом в «Крокус Сити Холле», напряжением в республике Дагестан и прочих событиях, происходивших весной — летом 2024 г. Одни информанты выбирали избегание — по мере возможности — новостных источников или намеренного потребления новостного контента.

Инт.: ...Блок вопросов про новости. Насколько часто их читаете?

Инф.: Нет, я телевизор я не смотрю <...> не включала полгода. У меня и времени на это особо нет. Новости «ВКонтакте» читаю <...>. У меня есть друзья, которые мне подсовывают новости, те, которые, ну, как бы, надо знать. <...> В общем, таким образом, а сама я не <...> я очень аполитичный человек, не очень [люблю новости]. (Жен., 56, Ч.)

Другие информанты прибегали к отвлечению, в том числе быстрому, невовлеченному просмотру новостей.

Инт.: Возвращаясь к новостям про мигрантов. Когда все-таки они появляются в Вашей новостной ленте, насколько они... Какие эмоции они у Вас вызывают чаще всего?

Инф.: Интересный вопрос про эмоции. Потому что, наверное, это в связи с нашим веком открытого интернета: мы уже ленту чаще всего пролистываем, просто не акцентируя внимание на тех или иных новостях. Но, опять же, наверное, это больше входит <...> в будничный разряд, что новость — новость — новость, потом что-то «мигрант», новость — новость — новость. <...>

Инт.: То есть это скорее эмоции типа безразличия какого-то? <...>

Инф.: Оно есть и есть. Оно уже произошло, ты с этим ничего не сделаешь, прими как должное. <...> Как ты этой информацией можешь воспользоваться? <...> Мы — и я в том числе — просто не акцентируем на этом внимание. <...> Выделил — пролистал, выделил — пролистал. (Муж., 31, Ч.)

Такое снижение внимания к новостям, по мнению информантов, высказывавшихся об этом, позволяет им избегать значительной доли эмоционального напряжения. Невозможно оценить, связано ли эмоциональное напряжение при просмотре новостных сводок с ситуацией возникновения КД, и если да — то в какой мере, однако можно предположить, что диссонанс имеет место как минимум в случае нескольких информантов, для которых в конфликт с представляемой в новостной сводке картиной мира вступают их собственные представления о России и ее обществе.

В ситуации КД, моделируемой интервьюером в ходе обсуждения мнения о мигрантах, информанты чаще всего использовали три способа его снижения. В ходе поиска консонирующих когниций диссонирующая когниция «подгонялась» под соответствие мнению информанта или же он выстраивал «мост» (ассоциативную связку) между высказанным мнением и диссонирующим кейсом. В качестве другого способа использовалась тривиализация двух видов: снижалась весомость собственного мнения человека или же самого случая через акцент на его исключительную природу. Как в случае поиска консонирующих когниций, так и в случае тривиализации информанты соглашались с возможностью существования диссонирующих когниций, однако предпринимали попытку «примирить» их со своей точкой зрения. Третий способ — снижение КД через избегание или отвлечение, в котором информанты не предпринимали попытки такого «примирения», а уходили от темы, снижая эмоциональное напряжение и необходимость поиска и оценки эффективности аргументов.

Дискуссия

Итак, результаты анализа дают базовое представление о том, какие способы снижения когнитивного диссонанса могут использоваться людьми в разговорах на темы, связанные с мигрантами. В этом контексте необходимо отметить несколько моментов, связанных с интерпретацией результатов.

КД в контексте когнитивного поворота в социологии

В социологических исследованиях все больше внимания уделяется вопросам социального поведения, социального действия и роли сознания в нем. Существующие подходы к интерпретации данных феноменов, в особенности социального действия, во многом соотносятся с теорией КД, а именно моделью стандарта о себе (self-standard model). Данная модель постулирует, что в сознании человека существует набор представлений о (1) себе (личный стандарт) и (2) общепринятых нормах поведения (нормативный стандарт), на основе которых оцениваются действия и может возникать диссонанс. Модель предполагает, что КД может возникать не только в случае, если поведение человека диссонирует с его собственными когнициями и представлениями о себе, но и в случае, если оно так или иначе диссонирует с его представлениями о том, что является нормой поведения в обществе. Подобную рационализацию можно интерпретировать через концепцию когнитивных схем, активно разрабатываемую в рамках когнитивного поворота в социальных науках.

Существует множество интерпретаций когнитивных схем, в нашем случае важные авторы, исследующие когнитивные схемы и их влияние на социальное пове-

дение, — Пол ДиМаджио и Энн Свидлер, в работах которых когнитивные схемы интерпретируются как «репертуары» [Swidler, 1986] или «мешок со всякой всячиной» [DiMaggio, 1997], то есть достаточно неструктурированные наборы знаний и ассоциативных связей, ситуативно и по большей степени неосознанно «подбирающихся» людьми для интерпретации происходящего и выстраивания собственного поведения. Когнитивные схемы не статичны: в случаях, когда они перестают «работать», они могут перестраиваться, создаются новые связи между элементами, рефлексится и изменяется поведение. Подобный «слом» схем во многом перекликается с механизмами когнитивного диссонанса и выхода из него согласно модели стандартов о себе: если «точка слома» схем находится достаточно «близко» к представлениям человека о том, какое поведение соответствует личному или нормативному стандарту, возникает сильный КД, выход из которого достигается рефлексией и реинтерпретацией схем. В случаях, когда «точка слома» находится «дальше» от таких представлений, проявления диссонанса могут оказываться более слабыми и требующими меньших усилий для «перенастройки» схем, в том числе через добавление иных стратегий, описывающих диссонирующий кейс.

Можно предположить, что именно «отстраненность» вопросов, связанных с миграцией и мигрантами, от личных или моральных стандартов может приводить к тому, что диссонанс, если он возникал для информантов, не был острым и не требовал глубокой рефлексии, в результате чего базовым способом выхода из ситуации КД становился поиск «ближайших» смежных дополнительных связей, иным образом объясняющих ситуацию, а не более масштабный пересмотр всей схемы.

Повседневные взаимодействия, КД и ограничения метода

Представленное в статье исследование использует нестандартную методологию, находящуюся на стыке социологических и когнитивистских подходов. В связи с этим при сборе данных не использовались стандартные для исследований КД экспериментальные процедуры. Выбор дизайна обусловлен тем, что одним из ограничений как классической экспериментальной (использующейся исследователями КД), так и социологической (применяющейся в исследованиях когнитивных схем) методологии, является неочевидность имплицитных когнитивных стратегий и их трансформаций в рамках «слома» когнитивных схем. Использование интегрированной методологии, с одной стороны, позволяет считать именно такие неочевидные элементы, но также влечет за собой ряд ограничений. Ситуации «слома» когнитивных схем и их последующей «пересборки» значительно менее очевидны, чем классические ситуации КД, приводимые в когнитивистской литературе. Кроме того, критерии выявления таких кейсов оказываются ситуативными и плохо контролируемыми в конвенциональном смысле. Как в ходе интервью, так и на этапе кодирования первостепенной задачей было считывание и понимание существующей у информанта «схемы», что позволяло в дальнейшем подбирать (и идентифицировать при кодировании) «персонализированный» метод ее «слома». В результате невозможно говорить о существовании единой «формулы диссонанса», применявшейся в ходе сбора данных. Тем не менее использовавшийся дизайн позволил эффективно считывать как схемы, так и механику их использования и трансформации, что в нашем случае ставилось в приоритет.

Важно также отметить, что все описанные способы снижения КД — идеальные типы, в повседневных взаимодействиях, могут использоваться их комбинации. Для того чтобы снизить важность диссонирующего кейса, человек может искать консонирующие условия. В ходе интервью информанты зачастую обращались именно к такому «набору», однако могут использоваться и другие комбинации, например, в ходе поиска консонирующих когниций человек находит смежные темы, на которые сможет отвлечься. Такую «идеально-типичность» отмечают также и исследователи-когнитивисты [Aronson, 1968], работающие со способами снижения диссонанса. С другой стороны, это вновь концептуально перекликается с идеей «мешка со всякой всячиной» [DiMaggio, 1997]: точно так же, как из некоего пула «вытягиваются» комплексы представлений, ситуативно «вытягиваются» наборы реакций на КД, в данной интерпретации являющиеся элементами когнитивной схемы.

В этом контексте важен вопрос о том, насколько инструмент в целом позволяет считать реалистичными реакции людей в ситуации КД, когда присутствует эффект интервьюера. В первую очередь это относится к случаям, в которых использовалась тривиализация собственного мнения. В ходе получения согласия на интервью интервьюер аффилировал себя с крупным государственным образовательным учреждением, тем самым беря на себя роль эксперта. Значительное число информантов, даже если применялся иной способ снижения КД, в тот или иной момент интервью утверждали, что интервьюер может обладать большей экспертизой, чем они, и прибегали к тривиализации своего мнения. Более того, аффилиация интервьюера могла влиять на частоту использования информантами эвфемизмов и других смягчающих выражений, а также спровоцировать стремление уйти от ответа, если он воспринимался информантами как рискованный, что при анализе считывалось как избегание/отвлечение.

В связи с этими особенностями могли быть упущены и иные потенциальные ситуации КД, которые могли бы возникнуть в менее официальной обстановке. Соответственно, могли проявиться иные способы выхода из таких ситуаций. Например, один из наиболее широко исследованных, популярных и признанных способов в психологической литературе — *смена мнения* — не использовался нашими информантами. Тем не менее можно предположить, что такая смена потенциально может происходить под влиянием мнений близких людей. В ходе интервью в Челябинске информант прервалась на короткий телефонный звонок от близкой подруги, в котором упоминалась тема интервью и прозвучало мнение звонившей. После звонка преимущественно негативное мнение, транслировавшееся информантом в ходе интервью до звонка, изменилось на нейтрально-положительное. Комментируя такое изменение, подмеченное интервьюером, информант отметила, что положительное мнение подруги о мигрантах воспринимается ею как обладающее значительным авторитетом и имеет большое влияние на ее собственное. Такой кейс иллюстрирует, как при появлении внешнего триггера «вытаскивается» соответствующий ответ на него, и описанную ситуативность выбора. В связи с этим можно предположить, что способы преодоления диссонанса во многом зависят не от имеющихся представлений, а от контекста разговора, и в таком случае мы говорим скорее о дискурсивных стратегиях и тактиках (пере)убеждения, в том числе и самого себя.

Наметившаяся в социологических исследованиях подвижка к использованию методов и концепций когнитивистики и психологических наук — когнитивный поворот — открывает новые возможности для интерпретации социальных феноменов и их механизмов. Одним из важных направлений исследований становится феномен социального действия и его когнитивистская интерпретация. В этом контексте исследования природы когнитивного диссонанса могут выходить из поля когнитивистики на социологический уровень, в котором проблематизация и интерпретация данного феномена могут осуществляться через концепцию когнитивных схем и теорию социального действия. Когнитивный диссонанс, таким образом, предстает в виде момента «слома» схемы, а последующий из него выход (или его снижение) — процесс, позволяющий проследить за тем, каким образом данные схемы используются для реакций на противоречивую информацию, видоизменяются и регулируют социальное поведение. Такая интерпретация представляет новый, ранее мало применявшийся подход к социологической интерпретации поведения, который, тем не менее, обладает большим потенциалом для его дальнейшей разработки.

Список литературы (References)

1. Авдеева И. Б. Когнитивный диссонанс как причина неуспеха при обучении РКИ в вузах инженерного профиля // Полилингвильность и транскультурные практики. 2014. № 3. С. 81—87.
Avdeeva I. B. (2014) Cognitive Dissonance as a Reason of Failure in the Study of Russian as a Foreign Language at Engineering Schools. *Polylinguality and Transcultural Practices*. No. 3. P. 81—87. (In Russ.)
2. Безрукова О. А. Основания социологии ответственности в рамках этики и общей социологии морали // Экономика, социология и право. 2014. № 4. С. 124—127.
Bezrukova O. A. (2014) Foundations of the Sociology of Responsibility within the framework of Ethics and General Sociology of Morality. *Economics, Sociology and Rights*. No. 4. P. 124—127. (In Russ.)
3. Белоус Н. А. Когнитивный диссонанс как один из факторов возникновения конфликтного дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 1. С. 53—63.
Belous N. A. (2008) Cognitive Dissonance as a Factor of a Conflicting Discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*. No. 1. P. 53—63. (In Russ.)
4. Варшавер Е. А., Иванова Н. С., Егорова Т. Д. Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ. 2024. Т. 26. № 2. С. 306—324.
Varshaver E. A., Ivanova N. S., Egorova T. D. (2024) Imagining the Russian Nation: Who, According to the Residents of Russia, Constitute Russian Society, and Can an Outsider Become Its Member? *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 26. No. 2. P. 306—324. (In Russ.)

5. Губина Н. В. Когнитивный диссонанс населения города с властью с позиций социологии знания // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 12. С. 313—318.
Gubina N. V. (2013) Cognitive Dissonance between Urban Residents and Authorities from the Perspective of Sociology of Knowledge. *Kazan Technological University Bulletin*. Vol. 16. No. 12. P. 313—318. (In Russ.)
6. Демидова О. А. Отношение к иммигрантам в России: региональный аспект // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 3. С. 133—155. <https://www.doi.org/10.14530/se.2021.3.133-155>.
Demidova O. A. (2021) Attitude towards Immigrants in Russia: Regional Aspect. *Spatial Economics*. Vol. 17. No. 3. P. 133—155. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.14530/se.2021.3.133-155>.
7. Жернов Е. Е., Жернова Н. А. Методологическое обоснование процесса управления знаниями: учет когнитивного диссонанса // Известия УрГЭУ. 2011. № 1. С. 112—117.
Zhernov E. E., Zhernova N. A. (2011) Methodological Basis for the Knowledge Management Process: Considering Cognitive Dissonance. *Ural State Economic University Bulletin*. No. 1. P. 112—117. (In Russ.)
8. Иванова Н. С., Егорова Т. Д., Варшавер Е. А., Савин И. С. «Жить так же, как мы живем»: представления жителей России об интеграции мигрантов // Актуальные Проблемы Европы. 2024. № 3. С. 245—265. <https://doi.org/10.31249/ap/2024.03.14>.
Ivanova N. S., Egorova T. D., Varshaver E. A., Savin I. S. (2024) "To Live Just Like We Do": Russian Residents' Perceptions of Migrant Integration. *Current Problems of Europe*. No. 3. P. 245—265. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/ap/2024.03.14>.
9. Исмаилов А. А. Социология риска: принятие решений в условиях риска // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 277—285. <https://www.doi.org/10.24833/2071-8160-2010-4-13-277-285>.
Ismailov A. A. (2010) Risk Sociology: Decision Making Process in Risk Situations. *MGIMO Review of International Relations*. No. 4. P. 277—285. <https://www.doi.org/10.24833/2071-8160-2010-4-13-277-285>. (In Russ.)
10. Кациель С. А. Определение уровня когнитивного диссонанса в студенческой среде средствами социологического мониторинга // Омские Социально-гуманитарные Чтения-2017: Материалы X Международной научно-практической конференции / отв. ред. Л. А. Кудринская. Омск: Омский государственный технический университет, 2017. С. 52—56.
Katsiel S. A. (2017) Measuring Cognitive Dissonance in the Student Environment through Sociological Monitoring. In *Omsk Social-Humanitarian Readings-2017: Proceedings of the 10th International Scientific Conference*. P. 52—56. Omsk: Omsk State Technological University. (In Russ.)
11. Маренко В. А., Лучко О. Н., Ляпин В. А., Гуца С. Ю., Алексеенко Л. В. Когнитивное моделирование как инструмент изучения когнитивного диссонанса личности

- // В Знания — Онтологии — Теории (ЗОНТ-2015): Материалы Всероссийской конференции с международным участием / под ред. Д. Е. Пальчунова. Новосибирск: ООО «Технотрейд», 2015. Т. 2. С. 29—35.
- Marenko V. A., Luchko O. N., Lyapin V. A., Gushcha S. Yu., Alekseenko L. V. (2015) Cognitive Modeling as a Tool for Studying Personal Cognitive Dissonance. In *Knowledge — Ontologies — Theories (ZONT-2015): Proceedings of all-Russian Conference with International Attendance*. Vol. 2. P. 29—35. Novosibirsk: Technotrade LLC. (In Russ.)
12. Мукомель В. И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник российской нации. 2021. № 1—2. С. 53—68.
Mukomel' V. I. (2021) Migration Situation and Migrants in the Perception of Russians. *Bulletin of Russian Nation*. No. 1—2. P. 53—68.
 13. Серебрякова С. В. Когнитивный диссонанс как интерпретационная рамка межличностных отношений персонажей // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1. С. 137—143. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-1-137-143>.
Serebryakova S. V. (2018) Cognitive Dissonance Theory as Interpretation Framework for Interpersonal Relations of Characters. *Issues of Cognitive Linguistics*. No. 1. P. 137—143. (In Russ.) <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-1-137-143>.
 14. Стеценко А. И. Признаки когнитивного диссонанса в вузе // Южно-Российский журнал социальных наук. 2009. № 4. С. 76—87.
Stetsenko A. I. (2009) Signs of Cognitive Dissonance at a University. *South-Russian Journal of Social Sciences*. No. 4. P. 76—87. (In Russ.)
 15. Штейнберг И. Е. «Спираль молчания» или когнитивный диссонанс: Формирование электоральных установок сельских жителей // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 64—70.
Steinberg I. E. (1997) “The Spiral of Silence” or Cognitive Dissonance: Towards the Electoral Attitudes of Peasants. *Sociological Journal*. No. 4. P. 64—70. (In Russ.)
 16. Acharya A., Blackwell M., Sen M. (2018) Explaining Preferences from Behavior: A Cognitive Dissonance Approach. *The Journal of Politics*. Vol. 80. No. 2. P. 400—411. <https://www.doi.org/10.1086/694541>.
 17. Akerlof G. A., Dickens W. T. (1982) The Economic Consequences of Cognitive Dissonance. *The American Economic Review*. Vol. 72. No. 3. P. 307—319.
 18. Albarracin D., Shavitt S. (2018) Attitudes and Attitude Change. *Annual Review of Psychology*. Vol. 69. P. 299—327.
 19. Aronson E. (1968) Dissonance Theory: Progress and Problems. In *Theories of Cognitive Consistency: A Sourcebook*, ed. by R. P. Abelson, E. Aronson, W. J. McGuire, T. M. Newcomb, M. J. Rosenberg, P. H. Tannenbaum. P. 5—27. Skokie, IL: Rand McNally.
 20. Blanton H., Pelham B. W., DeHart T., Carvallo M. (2001) Overconfidence as Dissonance Reduction. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 37. No. 5. P. 373—385. <https://www.doi.org/10.1006/jesp.2000.1458>.

21. Bølstad J., Dinas E., Riera P. (2013) Tactical Voting and Party Preferences: A Test of Cognitive Dissonance Theory. *Political Behavior*. Vol. 35. P. 429—452. <https://www.doi.org/10.1007/s11109-012-9205-1>.
22. Borile S. (2015) Cultural Cognitive Dissonance in Migration and Ethnic Integration. *Civitas*. No. 9. P. 155—161.
23. Brock T. C., Balloun J. L. (1967) Behavioral Receptivity to Dissonant Information. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 6. No. 4. Pt. 1. P. 413—428. <https://www.doi.org/10.1037/h0021225>.
24. Brubaker R. (2004) *Ethnicity Without Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
25. Buller D. B. (1986) Distraction During Persuasive Communication: A Meta-Analytic Review. *Communication Monographs*. Vol. 53. No. 2. P. 91—114. <https://www.doi.org/10.1080/03637758609376130>.
26. Careja R. (2016) Party Discourse and Prejudiced Attitudes Toward Migrants in Western Europe at the Beginning of 2000s. *International Migration Review*. Vol. 50. No. 3. P. 599—627. <https://www.doi.org/10.1111/imre.12174>.
27. Cooper J., Fazio R. H. (1984). A New Look at Dissonance Theory. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 17. P. 229—266. [https://www.doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60121-5](https://www.doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60121-5).
28. Cotton J. L. (1985) Cognitive Dissonance in Selective Exposure. In: Zillmann D., Bryan J. (eds.) *Selective Exposure to Communication*. Routledge. P. 11—33. <https://www.doi.org/10.4324/9780203056721>.
29. Devine P. G., Tauer J. M., Barron K. E., Elliot A. J., Vance K. M., Harmon-Jones E. (2019) Moving Beyond Attitude Change in the Study of Dissonance-Related Processes. An Update of the Role of Discomfort. In *Cognitive Dissonance. Reexamining a Pivotal Theory in Psychology. Second Edition*. Washington, DC: American Psychological Association. P. 247—269. <https://www.doi.org/10.1037/0000135-012>.
30. DiMaggio P. (1997) Culture and Cognition. *Annual Review of Sociology*. Vol. 23. P. 263—287. <https://www.doi.org/10.1146/annurev.soc.23.1.263>.
31. Elkin R. A., Leippe M. R. (1986) Physiological Arousal, Dissonance, and Attitude Change: Evidence for a Dissonance-Arousal Link and a “Don’t Remind Me” Effect. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 51. No. 1. P. 55—65. <https://www.doi.org/10.1037/0022-3514.51.1.55>.
32. Festinger L. (1957) *A Theory of Cognitive Dissonance*. Stanford, CA: Stanford University Press.
33. Festinger L., Carlsmith J. M. (1959) Cognitive Consequences of Forced Compliance. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 58. No. 2. P. 203—210. <https://www.doi.org/10.1037/h0041593>.

34. Festinger L. (1962) Cognitive Dissonance. *Scientific American*. Vol. 207. No. 4. P. 93—106.
35. Fointiat V., Somat A., Grosbras J.-M. (2011) Saying but not Doing: Induced Hypocrisy, Trivialization and Misattribution. *Social Behavior and Personality*. Vol. 39. No. 4. P. 465—476. <https://www.doi.org/10.2224/sbp.2011.39.4.465>.
36. Foster J. D., Misra T. A. (2013) It Did Not Mean Anything (About Me): Cognitive Dissonance Theory and the Cognitive and Affective Consequences of Romantic Infidelity. *Journal of Social and Personal Relationships*. Vol. 30. No. 7. P. 835—857. <https://www.doi.org/10.1177/0265407512472324>.
37. Frey D. (1986) Recent Research on Selective Exposure to Information. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 19. P. 41—80. [https://www.doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60212-9](https://www.doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60212-9).
38. Glaser B. G., Strauss A. L. (2017) *Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. London: Routledge.
39. Joule R. V., Martinie M. A. (2008) Forced Compliance, Misattribution and Trivialisation. *Social Behavior and Personality*. Vol. 36. No. 9. P. 1205—1212. <https://www.doi.org/10.2224/sbp.2008.36.9.1205>.
40. Kleemans M., Klugman J. (2009) Understanding Attitudes towards Migrants: A Broader Perspective. *Human Development Research Paper (HDRP) Series*. No. 53.
41. Lieberman B. (2006) Nationalist Narratives, Violence Between Neighbours and Ethnic Cleansing in Bosnia-Herzegovina: A Case of Cognitive Dissonance? *Journal of Genocide Research*. Vol. 8. No. 3. P. 295—309. <https://www.doi.org/10.1080/14623520600950013>.
42. Link B. G., Phelan J. C. (2001) Conceptualizing Stigma. *Annual Review of Sociology*. Vol. 27. P. 363—385. <https://www.doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.363>.
43. Martinie M. A., Fointiat V. (2006) Self-Esteem, Trivialization, and Attitude Change. *Swiss Journal of Psychology*. Vol. 65. No. 4. P. 221—225. <https://www.doi.org/10.1024/1421-0185.65.4.221>.
44. Martinie M. A., Joule R. V. (2000) Trivialisation et Rationalisation en Acte dans le Paradigme de la Fausse Attribution: Deux Voies Alternatives de Réduction de la Dissonance. *Revue Internationale de Psychologie Sociale*. Vol. 13. P. 93—114.
45. Martinie M. A., Joule R. V. (2000) Trivialization and In-Act Rationalization in the Paradigm of False Attribution: Two Alternative Ways of Reducing Dissonance. *International Journal of Social Psychology*. Vol. 13. P. 93—114.
46. McGrath A. (2017) Dealing with Dissonance: A Review of Cognitive Dissonance Reduction. *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 11. No. 12. P. 1—17. <https://www.doi.org/10.1111/spc3.12362>

47. McGregor R. M. (2013) Cognitive Dissonance and Political Attitudes: The Case of Canada. *The Social Science Journal*. Vol. 50. No. 2. P. 168—176. <https://www.doi.org/10.1016/j.soscij.2013.01.004>.
48. McKimmie B. M., Terry D. J., Hogg M. A., Manstead A. S. R., Spears R., Doosje B. (2003) I'm a Hypocrite, but so Is Everyone Else: Group Support and the Reduction of Cognitive Dissonance. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. Vol. 7. No. 3. P. 214—224. <https://www.doi.org/10.1037/1089-2699.7.3.214>.
49. Michel S., Fointiat V. (2003) Trivialisation versus Rationalisation Cognitive: Quand L'adhésion à la Norme de Consistance Guide le Choix du Mode de Réduction de la Dissonance. *Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*. Vol. 56. P. 58—63.
50. Michel S., Fointiat V. (2003) Trivialization vs. Cognitive Rationalization: When Adherence to the Consistency Standard Guides Choice of Dissonance Reduction Mode. *International Social Psychology Bulletin*. Vol. 56. P. 58—63.
51. Moscovici S. (2000) *Social Representations: Explorations in Social Psychology*. New York, NY: Polity.
52. Nefes T. S., Milošević Đorđević J., Vdović M. (2024) With God We Distrust! The Impact of Values in Conspiracy Theory Beliefs About Migration in Serbia. *Sociological Research Online*. Vol. 29. No. 4. P. 931—946. <https://www.doi.org/10.1177/13607804231212310>.
53. Olson J. M., Stone J. (2014) The Influence of Behavior on Attitudes. In: Albarra-cin D., Johnson B. T., Zanna M. P. (eds.) *The Handbook of Attitudes*. New York, NY: Psychology Press. P. 223—272. <https://www.doi.org/10.4324/9781315178103>.
54. Shah J. Y., Friedman R., Kruglanski A. W. (2002) Forgetting All Else: On the Antecedents and Consequences of Goal Shielding. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 83. No. 6. P. 1261—1280. <https://www.doi.org/10.1037/0022-3514.83.6.1261>.
55. Simon L., Greenberg J., Brehm J. (1995) Trivialization: The Forgotten Mode of Dissonance Reduction. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 68. No. 2. P. 247—260. <https://www.doi.org/10.1037/0022-3514.68.2.247>.
56. Steele C. M. (1988) The Psychology of Self-Affirmation: Sustaining the Integrity of the Self. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 21. P. 261—302. [https://www.doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60229-4](https://www.doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60229-4).
57. Stephens J. M. (2017) How to Cheat and Not Feel Guilty: Cognitive Dissonance and its Amelioration in the Domain of Academic Dishonesty. *Theory Into Practice*. Vol. 56. No. 2. P. 111—120. <https://www.doi.org/10.1080/00405841.2017.1283571>.
58. Stone J., Cooper J. (2001) A Self-Standards Model of Cognitive Dissonance. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 37. No. 3. P. 228—243. <https://www.doi.org/10.1006/jesp.2000.1446>.

59. Sweeney J. C., Hausknecht D., Soutar G. N. (2000) Cognitive Dissonance after Purchase: A Multidimensional Scale. *Psychology & Marketing*. Vol. 17. No. 5. P. 369—385. [https://www.doi.org/10.1002/\(SICI\)1520-6793\(200005\)17:5<369::AID-MAR1>3.0.CO;2-G](https://www.doi.org/10.1002/(SICI)1520-6793(200005)17:5<369::AID-MAR1>3.0.CO;2-G).
60. Swidler A. (1986) Culture in Action: Symbols and Strategies. *American Sociological Review*. Vol. 51. No. 2. P. 273—286. <https://www.doi.org/10.2307/2095521>.
61. Van Dijk T. A. (2018) Discourse and Migration. In Zapata-Barrero R., Yalaz E. (eds.), *Qualitative Research in European Migration Studies, IMISCOE Research Series*. Cham: Springer. P. 227—245. https://www.doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_13.
62. Walster E., Berscheid E., Barclay A. M. (1967) A Determinant of Preference among Modes of Dissonance Reduction. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 7. No. 2. P. 211—216. <https://www.doi.org/10.1037/h0024992>
63. Xue L., Sun H. (2024) The Experience of Migrant Entrepreneurs in Destinations: A Cognitive Dissonance Perspective. *Annals of Tourism Research*. Vol. 109. P. 1—12. <https://www.doi.org/10.1016/j.annals.2024.103849>.
64. Zajacova K. (2021) Cognitive Dissonance? Or a 'Mis'representation of 2015—2016 Migration 'Crisis'. *Collegium Civitas*. <https://projectmad.civitas.edu.pl/results/cognitive-dissonance-or-a-misrepresentation-of-2015-2016-migration-crisis/>.
65. Zanna M. P., Aziza C. (1976) On the Interaction of Repression-Sensitization and Attention in Resolving Cognitive Dissonance. *Journal of Personality*. Vol. 44. No. 4. P. 577—593. <https://www.doi.org/10.1111/j.1467-6494.1976.tb00139.x>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2754](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2754)

В. В. Константинов, Р. В. Осин

МОДЕЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ: ИСТОРИЯ И ТИПОЛОГИЯ

Правильная ссылка на статью:

Константинов В. В., Осин Р. В. Модели социокультурной адаптации мигрантов: история и типология // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 315—342. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2754>.

For citation:

Konstantinov V. V., Osin R. V. (2025) Models of Sociocultural Adaptation of Migrants: History and Typology. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 315—342. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2754>. (In Russ.)

Получено: 10.03.2025. Принято к публикации: 02.07.2025.

МОДЕЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
МИГРАНТОВ: ИСТОРИЯ И ТИПОЛОГИЯ

КОНСТАНТИНОВ Всеволод Валентинович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая психология», Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
E-MAIL: konstantinov_vse@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>

ОСИН Роман Викторович — кандидат психологических наук, доцент, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
E-MAIL: osin@pnzgu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2240-5450>

MODELS OF SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF
MIGRANTS: HISTORY AND TYPOLOGY

Vsevolod V. KONSTANTINOV¹ — Dr. Sci. (Psych.), Professor, Head of the Department “General Psychology”
E-MAIL: konstantinov_vse@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>

Roman V. OSIN¹ — Cand. Sci. (Psych.), Associate Professor
E-MAIL: osin@pnzgu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2240-5450>

¹ Penza State University, Penza, Russia

Аннотация. Статья представляет собой комплексный обзор более чем столетнего опыта исследования моделей социокультурной адаптации мигрантов (1918—2023 гг.). Цель работы — всесторонний анализ и систематизация существующих теоретических подходов. Основное внимание авторы уделяют критическому рассмотрению теоретических подходов к адаптации, их взаимосвязям и эволюционному развитию, выявлению пробелов в изучении адаптационных процессов и необходимости шире использовать накопленное теоретическое наследие. В отличие от имеющихся обзоров, в статье впервые представлена комплексная междисциплинарная типологизация моделей адаптации с учетом их эволюционного развития. Установлено, что все многообразие адаптационных моделей можно свести к четырем базовым типам: ассимиляции, сепарации, интеграции и маргинализации. При этом авторы отмечают существование расширенных вариантов моделей, учитывающих би- и мультикультурные процессы. Практическая значимость работы заключается в создании основы для более эффективного использования моделей адаптации в со-

Abstract. The article presents a comprehensive review of more than a century of experience in studying models of socio-cultural adaptation of migrants (1918–2023). The purpose of this review is a consistent analysis and systematization of existing theoretical approaches. The authors pay special attention to a critical examination of theoretical approaches to adaptation, their interrelations, and evolutionary development, identification of gaps in the study of adaptation processes and for a broader use of the accumulated theoretical heritage. Unlike other existing reviews, the article presents for the first time a comprehensive interdisciplinary typology of adaptation models considering their evolutionary development. The authors show that the entire diversity of adaptation models can be reduced to four basic types: assimilation, separation, integration, and marginalization. At the same time, the authors note the existence of extended versions of models that account for bi- and multicultural processes. The practical significance of the work lies in creating a basis for more effective use of adaptation models in modern migration studies. The work also reveals the need for a wider dissemination of information on the ac-

временных миграционных исследованиях. Также работа выявляет необходимость более широкого распространения информации о накопленном теоретическом опыте среди научного сообщества.

Ключевые слова: адаптационные модели, адаптационный конструкт, аккультурация, межкультурное взаимодействие, адаптационный сценарий, социокультурная адаптация, интеграция мигрантов

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01367 «Интеграция мигрантов в принимающее сообщество: механизмы, факторы и условия», <https://rscf.ru/project/24-28-01367/>.

cumulated theoretical experience among the scientific community.

Keywords: adaptive models, adaptation construct, acculturation, intercultural interaction, adaptation scenario, sociocultural adaptation, integration of migrants

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Science Foundation under grant No. 24-28-01367 «Integration of migrants into the host community: mechanisms, factors and conditions», <https://rscf.ru/project/24-28-01367/>.

Введение

Вопрос адаптации мигрантов к новой культурной среде занимает важное место в исследованиях процессов миграции. Успешное приспособление мигрантов к условиям и требованиям принимающего общества позволяет обеспечить плодотворное и бесконфликтное сосуществование носителей различных культур [Константинов и др., 2022; Recker, Milfont, Ward, 2018]. Разбором существующих моделей адаптации и изучением влияния тех или иных факторов на характер межкультурного взаимодействия заняты многие социологи и психологи. Одной из острых научных проблем стало обобщение имеющихся теоретических моделей приспособления мигрантов к инокультурной среде. Цель нашей статьи — обзор социально-психологического наследия в этой области и типологизация моделей адаптации мигрантов, разработанных в период с начала XX века до начала XXI века.

К сегодняшнему дню почти не осталось стран, которые не сталкивались бы с проблемами прибытия, отъезда или транзита населения, с вопросами приспособления иммигрантов к новой социальной среде и их органического включения в общественную жизнь [Галяпина, Тучина, Аполлонов, 2023; Хожиев, Галяпина, 2023]. С углублением глобализации, расширением и ускорением международной миграции важность этих вопросов будет только возрастать.

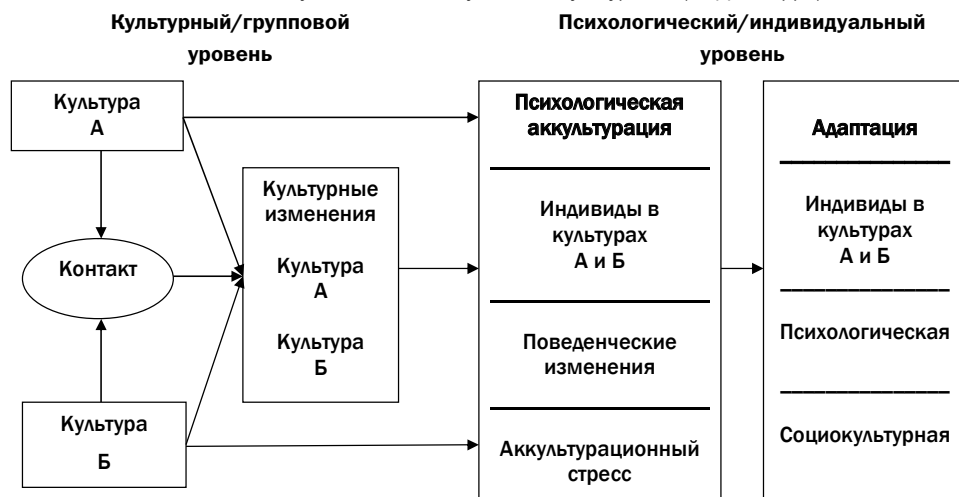
С момента прибытия мигрантов в другую страну начинается процесс их адаптации к новой социокультурной среде с ее культурными, политическими, правовыми, религиозными, психологическими и прочими особенностями. При этом неизбежно возникают сложности и трения с местным населением [Gilan et al., 2022; Григорьев, Галлямова, Комягинская, 2023; Abu-Rayya et al., 2023].

Исторически сложилось так, что внимание исследователей к проблемам социокультурной адаптации мигрантов связано с анализом аккультурации и меж-

культурной адаптации [Gullahorn, Gullahorn, 1963; Ward, Geeraert, 2016]. В трудах антропологов Р. Редфилда, Р. Линтона и М. Герсковица аккультурация определяется как комплексный социально-культурный феномен, возникающий в результате устойчивого межкультурного диалога. Исследователи подчеркивают, что данный процесс неизбежно влечет за собой трансформационные изменения в исходных культурных паттернах взаимодействующих социумов. Сущность этого явления заключается в том, что при постоянном контакте различных культурных групп происходит взаимный обмен ценностными ориентирами, традициями и поведенческими моделями. В результате такого взаимодействия каждая из участвующих сторон претерпевает модификации собственной культурной матрицы. Аккультурация представляет собой динамический процесс культурного взаимообмена, в ходе которого происходит не просто механическое наложение одной системы ценностей на другую, а формирование новых, гибридных культурных конфигураций [Redfield, Linton, Herskovits, 1936]. Значительный прорыв в понимании данного феномена произошел в конце 1960-х годов, когда Т. Д. Грейвз предложил революционное понятие психологической аккультурации. В его интерпретации это явление трактовалось как глубинные личностные и групповые трансформации, происходящие при контакте с иными культурными системами [Graves, 1967].

В современной науке существует несколько подходов к пониманию адаптации мигрантов. Базовое определение рассматривает адаптацию как «процесс приспособления мигрантов к условиям принимающего общества, в ходе которого мигранты стремятся освоиться в новой для них обстановке» [Кононов, Леденева, 2021: 105]. Однако данное определение носит общий характер и не раскрывает механизмов этого процесса. Более глубокий анализ адаптации представлен в концепции Дж. Берри, который рассматривает адаптацию как стратегию и результат процесса аккультурации (см. рис. 1) [Berry, 2022].

Рис. 1. Концептуальная схема изучения аккультурации (по Дж. Берри)

Исследователь разделяет адаптацию на два вида, а именно социокультурную и психологическую. В контексте социальной психологии психологическая адаптация представляет собой сложный процесс взаимодействия индивида с социокультурной средой, результатом которого становится гармонизация личностных установок с групповыми ценностями и целями. Данный адаптационный механизм включает в себя несколько ключевых аспектов: самоидентификацию личности, социальное позиционирование, ролевое поведение, ценностно-нормативное освоение и командную интеграцию.

Переходя к авторской интерпретации процесса адаптации, отметим, что в рамках представленного исследования социокультурная адаптация трактуется нами как комплексный процесс активного приспособления этнических общностей к условиям функционирования в новой социокультурной среде. Данный процесс характеризуется диалектическим взаимодействием двух противоположных тенденций: сохранением собственной культурной идентичности и необходимостью интеграции в принимающее сообщество. Фундаментальной основой адаптационного процесса выступает противоречие между интернализованными этнокультурными паттернами поведения мигрантов, устоявшимися потребностями и ценностными ориентациями перемещающихся групп, сложившейся системой общественных отношений в родной культуре, новыми социальными реалиями, трансформированным социальным статусом и культурными нормами принимающего общества. Структурообразующим элементом адаптационного процесса выступает интерактивная система «субъекты адаптации — адаптивная среда», которая определяет вектор и динамику трансформационных процессов. При этом ключевым ресурсом адаптации выступает этническая идентичность общины, обеспечивающая как сохранение культурной самобытности, так и возможность конструктивного взаимодействия с принимающим социумом [Константинов, 2018].

В целом социокультурная адаптация мигранта, с точки зрения Дж. Берри, касается двух проблем: во-первых, поддержки своей культуры, то есть того, в какой мере сохраняется собственная культурная идентичность мигранта в новой инокультурной среде; во-вторых, участия в межкультурных контактах, степени вовлеченности мигранта в культуру принимающего сообщества. В рамках данного подхода особое внимание уделяется двум параметрам: 1) восприятию собственной культурной принадлежности и ее значимости для формирования этнокультурной идентичности; 2) отношению к принимающему сообществу и готовности к установлению конструктивных межкультурных связей. На основе бинарного анализа этих параметров (с ответами «да/нет») Дж. Берри получил четыре адаптационные модели аккультурации, которые принято называть моделями адаптации, а именно модели ассимиляции, интеграции, сепарации и маргинализации [Berry, 2005].

Модель ассимиляции представляет собой активную стратегию адаптации, при которой мигрант ориентирован на идентификацию с новой культурой, усвоение культурных ценностей и постепенное замещение ими ценностей собственной культуры.

Модель сепарации (сегрегации) демонстрирует пассивный подход к адаптации. Мигрант отклоняет культуру принимающей среды и сохраняет свои культурные ценности.

Рис. 2. Стратегии аккультурации в этнокультурных группах и большом обществе (по Дж. Берри)

Модель маргинализации отражает неудачный опыт адаптации. Мигрант не отождествляет себя ни с одной культурой. Это может быть результатом невозможности поддержания собственной культурной идентичности и отсутствия желания устанавливать положительные отношения с принимающей средой.

Модель интеграции считается оптимальным вариантом адаптации. Она позволяет мигранту сохранять свою культурную идентичность, активно адаптироваться к новой среде, устанавливать позитивные отношения с принимающим обществом и достигать баланса между сохранением традиций и принятием новых культурных паттернов.

Таким образом, модели адаптации отражают различные стратегии приспособления мигрантов к новой социокультурной среде, показывая спектр возможных вариантов адаптации от полной интеграции до полной изоляции. Каждая модель демонстрирует определенный уровень успешности адаптационного процесса и характер взаимодействия мигранта с принимающим обществом.

Сегодня, кроме типологии адаптационных моделей Дж. Берри, в научной литературе насчитывается более сотни вариаций моделей адаптации, предлагаемых учеными, представляющими разные дисциплины (социологию, психологию, антропологию). В частности, Ф. В. Рудмин структурировал их посредством идеи Дж. Берри о четырех моделях адаптации в зависимости от относительного веса собственной культуры (СК) и принимающей культуры (ПК). Показатель СК демонстрирует степень сохранения мигрантом своей культурной идентичности, а показатель ПК — степень вовлеченности мигранта в новую культурную среду. Четыре классические адаптационные модели показывают конкретный адаптационный результат и обозначаются следующим образом:

1) – СК+ПК: принимающая культура имеет больший вес, чем собственная культура мигранта (ассимиляция);

2) +СК–ПК: собственная культура мигранта имеет больший вес, чем принимающая культура(сепарация);

3) +СК+ПК: обе культуры имеют равноценный вес для мигранта(интеграция);

4) –СК–ПК: ни одна из культур не является приемлемой для мигранта(маргинализация) [Rudmin, 2009: 6].

Аннотированная библиография теоретических исследований в области социологии, психологии, антропологии, лингвистики и других социальных дисциплин на тему возможных адаптационных моделей мигрантов в принимающей инокультурной среде с начала XX века до начала XXI века, дополненная авторами данной статьи, приведена в приложении. В своих работах «Критика истории аккультурации: психология ассимиляции, сепарации, интеграции и маргинализации» и «Каталог конструкторов аккультурации: Описание 128 моделей» Ф. В. Рудмин обращается к критическому анализу каждой из вышеупомянутых концепций. Мы рассмотрим лишь несколько самых известных из них и наиболее соответствующих нашему исследованию [Rudmin, 2003; Rudmin, 2009].

История развития концепций адаптации

Одними из первых, кто обобщил основные индивидуальные адаптационные реакции мигрантов в инокультурной среде, были социологи В. Томас и Ф. Знанецкий, изучившие в начале XX века этот вопрос в работе «Польский крестьянин в Европе и Америке», впервые опубликованной в 1918 г. Они разработали инновационный подход к пониманию культурной адаптации, рассматривая культуру как систему взаимосвязанных апперцептивных процессов. В их концепции особое внимание уделяется таким элементам, как устойчивые привычки, сформированные ассоциации, мировоззренческие позиции и ценностные установки, которые формируют специфические когнитивные схемы в любой стабильной социальной системе. Проведенный анализ опыта польских мигрантов в США позволил ученым выделить три модели адаптационных реакций мигрантов в зависимости от уровня страха перед переменами или, наоборот, интереса к ним.

1) Богемная реакция (–СК+ПК): иммигрант имеет низкий уровень страха и высокий уровень интереса к переменам, что стимулирует его к поиску нового и приспособлению к любому социальному контексту за счет дезорганизации индивидуума. Отказавшись от культурных схем меньшинства и всегда принимая новые привычки и взгляды, личность богемного типа может хорошо ассимилироваться в принимающей культуре.

2) Мещанская реакция (+СК–ПК): иммигранты имеют высокий уровень страха и низкий уровень интереса к изменениям, соблюдают культурные и социальные традиции и отвергают перемены, из-за чего с трудом приспосабливаются к новой среде.

3) Творческая реакция (+СК+ПК), когда страх и интерес у иммигрантов уравновешивают друг друга. В этом случае они стремятся к переменам, одновременно сохраняя собственную культуру, приспосабливая ее к новой социальной среде [Thomas, Znaniecki, 1958].

В 1928 г. Р. Парк, исследуя расовые проблемы межкультурного взаимодействия в американских городах, представил теорию ассимиляции, согласно которой любой

индивид, который по собственному желанию или против него оказывается на границе двух культур, проходит процесс приспособления к поликультурным условиям. Согласно его концепции, существует четыре адаптационных состояния мигранта:

- 1) переходное состояние (+СК–ПК) к принимающему культурному сообществу с сохранением кодов собственной культуры;
- 2) ассимиляция (–СК+ПК) в новый общественный порядок — принятие чужой культуры и постепенное отчуждение от своей собственной;
- 3) сепарация (–СК–ПК) — освобождение от границ, рамок и установок собственной культуры и одновременно предубежденность против принимающей культуры, внутренний конфликт с ней;
- 4) культурный гибрид (+СК+ПК) — общее участие в культурной жизни двух народов, неготовность оставить свои прошлые обычаи при одновременной открытости культуре принимающего сообщества [Park, 1928].

В 1936 г. американские антропологи Р. Редфилд, М. Херсковиц и Р. Линтон разработали теоретические положения процесса аккультурации и адаптации на основе изучения влияния англосаксонской культуры на аборигенов-индейцев и принудительных иммигрантов африканского происхождения. Инновационный вклад исследователей заключался в разработке концепции донорского и реципиентного сообществ, которая впоследствии стала фундаментальной для изучения межкультурных взаимодействий. Они первыми систематизировали возможные реакции реципиентного сообщества на культурное влияние, выделив три их основных типа: принятие, адаптация и реакция (отторжение). Современные исследования межкультурного взаимодействия развивают идеи классиков, углубляя понимание механизмов адаптации. В наше время особое внимание уделяется анализу различных форм реагирования принимающего сообщества на взаимодействие с донорским, при этом характер такого взаимодействия определяется природой межкультурного диалога. В зависимости от характера межкультурного взаимодействия возможны сценарии адаптации, сепарации или ассимиляции. Результатом этого взаимодействия становятся культурные трансформации, которые проявляются в двух основных формах: навязывание элементов чужой культуры и добровольное принятие культурных паттернов принимающим сообществом [Redfield, Linton, Herskovits, 1936].

Согласно характеру культурных изменений, Р. Редфилдом, М. Херсковицем и Р. Линтоном были выделены три адаптационные модели аккультурации.

- 1) Принятие (–СК+ПК) элементов реципиентного сообщества, когда аккультурация происходит через освоение большей части элементов новой культуры и утрату большей части собственного культурного наследия с молчаливого согласия членов принимающей группы. В итоге они усваивают не только модели поведения, но и ценности той культуры, с которой вступили в контакт.
- 2) Реакция (+СК–ПК) на донорское сообщество (или сепарация), когда принимающее местное население оказывает контрадаптационное сопротивление угнетению его собственной культуры и принудительному навязыванию элементов чужеродной культуры.
- 3) Адаптация (+СК+ПК) к принимающему сообществу, при которой сочетаются элементы как донорской, так и принимающей культуры в процессе их гармонич-

ного сотрудничества или примирения конфликтных точек зрения и ситуаций и последующего создания работоспособного культурного целого.

М. Кларк, Ш. Кауфман и Р. Пирс в 1976 г. на основе эмпирических исследований мексиканских и японских иммигрантов в США предложили шесть адаптационных моделей аккультурации. Ими были разработаны три шкалы адаптационной ориентации:

1) традиционная ориентация, то есть уровень знаний и поведения в рамках собственной культуры;

2) американская ориентация, то есть уровень знаний и поведения в рамках принимающей культуры;

3) шкала адаптационного равновесия, где высокий балл указывает на относительно более высокий уровень знаний о принимающей культуре, чем о собственной, а низкий балл — на более высокий уровень знаний собственной культуры, чем принимающей.

Кластерный анализ трех этих шкал привел к созданию шести проверенных опытом путем типов (моделей) адаптационного поведения. Ни один из них не представлял ассимиляцию (–СК+ПК), обычно присутствующую в «идеальном конструкте» моделей адаптации. Зато кластерный анализ позволил выделить четыре варианта бикультурализма [Clark, Kaufman, Pierce, 1976]:

1) (–СК–ПК) — несовместимость знаний и поведения с гораздо более высоким уровнем знаний собственной культуры, чем принимающей, но гораздо более высоким уровнем поведения в рамках принимающей, чем собственной.

2) (+СК+ПК) — гораздо более высокий уровень знаний о собственной традиционной культуре, чем о принимающей, но умеренно высокий и сбалансированный уровень участия в обеих культурах.

3) (+СК–ПК) — более высокий уровень знаний о принимающей культуре, чем о собственной, но очень высокий уровень поведения в рамках собственной культуры и очень низкий уровень поведения в рамках культуры принимающей среды.

4) (+СК+ПК) — сбалансированный уровень знаний о двух культурах и несколько более высокий уровень участия в рамках принимающей, чем собственной культуры.

5) (+СК+ПК) — сбалансированный уровень знаний о двух культурах, однако несколько более низкий уровень участия в принимающей культуре.

6) (+СК+ПК) — более высокий уровень знаний о принимающей культуре, чем о собственной, но очень высокий и равный уровень участия в рамках обеих культур.

В 2003 г. А. Рудигер и С. Спенсер предложили пять адаптационных моделей, названных ими концепциями социальной интеграции мигрантов. Если применить к ним конструкт четырех моделей Ф. В. Рудмина, выясняется, что четыре из пяти этих моделей сосредоточены на вариациях бикультурного сосуществования собственной и принимающей культур (+СК+ПК):

1) Ассимиляция (–СК+ПК) — односторонний процесс усвоения иммигрантом уже имеющегося социального порядка, однородных культуры и набора ценностей, предполагающий перемены только в поведении самого иммигранта.

2) Включение и участие (+СК+ПК) — двусторонний процесс взаимодействия принимающего общества и мигрантов через их участие в различных сферах его жизни. Часто иммигрант оказывается в положении, когда он включен в опреде-

ленные сферы жизни общества (например, в рынок труда) при одновременном обособлении от других (например, от политического процесса).

3) Слияние (+СК+ПК) — это не растворение мигрантских сообществ в однородном обществе, а их «социальное слияние» в плюралистическом обществе, достигаемое через их взаимодействие с одновременным признанием различий между ними и их взаимозависимости.

4) Равенство (+СК+ПК) — своего рода дополненная концепция «слияния», поскольку здесь различные мигрантские сообщества и принимающее общество взаимодействуют на основании взаимного признания равенства, равноправного доступа к социальным ресурсам, институтам, механизмам разрешения конфликтов и ответственности за разворачивающиеся в нем процессы. В этом случае конфликты, основанные на различиях ценностей, разрешаются с помощью демократического механизма переговоров и взаимных уступок, открытого для всех сообществ.

5) Мультикультурализм (+СК+ПК) — концепция интеграции, которая предполагает признание культурных различий сообществ и регулирование их по принципу равноправия. В этом случае не поддерживается ни стирание культурных границ, ни их укрепление. Упор делается на усиление проницаемости этих границ и облегчение участия всех групп во всех сферах общественной, экономической, культурной, политической жизни, что делает возможным безболезненное преодоление проблем, связанных с различиями и явлениями сегрегации [Rudiger, Spenser, 2003].

Итак, в XX веке ряд исследователей межкультурных взаимоотношений использовали и совершенствовали методики изучения приспособления мигрантов, преимущественно придерживаясь концепции четырех основных адаптационных моделей, но учитывая при этом необходимость расширения адаптационных альтернатив.

Современные подходы к адаптации

В 2003 г. Ф. В. Рудмин провел критический анализ традиционной концепции четырех моделей адаптации и пришел к выводу, что большинство конструкторов адаптационных моделей (см. Приложение), как правило, не были ни продолжениями, ни усовершенствованием предыдущих концепций, а преподносились как самостоятельные разработки [Rudmin, 2003]. Он указывал, что ученые, предлагающие типологию четырех классических моделей адаптации, используют в среднем не более 5 % теоретического наследия своих предшественников. Почти половина существующих концепций адаптационных моделей представляются как оригинальные, поскольку они не включают ссылок ни на одну из предыдущих концепций [ibid.].

Подвергая сомнению релевантность четырех классических адаптационных моделей, Ф. В. Рудмин смог выделить 16 моделей адаптации. Исследователь делает вывод, что существование двух культур, двух идентичностей или двух языков характеризуется наличием схожих культурных, технических, бытовых и психологических элементов, а также элементов, которых нет ни в одной из двух культур. Две культуры могут обладать рядом общих черт; выбор индивида не ограничен лишь двумя культурами, но может включать элементы третьих культур; различия в выборе элементов других культур предполагают многовариантность их сочетания [Rudmin, 2003].

В 2005 г. Т. Горовиц, опираясь на разработки Ф. В. Рудмина, провел опытное исследование иммигрантов из постсоветских стран и пришел к выводу, что ни одна из классических четырех моделей адаптации не господствует в среде иммигрантов, приехавших в Израиль из стран бывшего СССР [Horowitz, 2005]. Наблюдаемая на практике культурная адаптация включает одновременно элементы разных моделей.

Т. Горовиц ввел понятие адаптационного сценария как аналога адаптационной модели, подчеркивая, что он может не только сочетать элементы различных адаптационных моделей, но и изменяться со временем в зависимости от внутренних и внешних факторов. Под внутренними факторами ученый понимает объективный и субъективный личностный капитал, в частности экономические, психологические и образовательные ресурсы. К внешним он относит изменение миграционной политики Израиля, динамику открытости его социальных структур и институтов, экономические и социальные связи мигрантов со странами их происхождения, особенности отношения к мигрантам в принимающих сообществах, которые с точки зрения науки могут оказать гораздо большее влияние, чем личностные внутренние факторы [Horowitz, 2005].

Т. Горовиц предлагает следующие адаптационные сценарии:

1) ассимиляция (–СК+ПК) — с самого начала иммигранты преследуют цель отделиться от норм и ценностей страны своего происхождения и сформировать, развить и принять нормы и ценности израильского общества, развивая новую идентичность;

2) сепарация (+СК–ПК) — иммигранты имели богатую культурную жизнь в бывшей стране пребывания, поэтому нацелены не только перенести свое культурное наследие в Израиль, но и приобщить к нему принимающее сообщество;

3) интеграция или интернационализация (+СК+ПК) — иммигранты предпочитают сохранять двойное гражданство и принадлежать одновременно к двум и более культурам (в частности, российской, израильской и американской);

4) гибридная адаптация — на разных этапах в разном возрасте адаптационные сценарии могут меняться в зависимости от намерений иммигранта: от ассимиляции (–СК+ПК) до сепарации (+СК–ПК) или интеграции (+СК+ПК). Кроме того, гибридный сценарий адаптации мигрантов предполагает значительное влияние культуры иммигрантов на местную культуру и на уровень их слияния.

При сравнении механизмов формирования государственности России и европейских стран можно однозначно отнести нашу страну к европейскому типу. В основе российской государственности лежат коренные народы, которые исторически сложились и проживают на территории страны. Однако в подходе к организации процесса интеграции мигрантов Россия больше напоминает Соединенные Штаты Америки. В обеих странах ответственность за адаптацию иностранцев к новой социальной среде во многом возлагается на самих мигрантов или общественные организации, не связанные с государством. Тем не менее такой подход имеет свои особенности. В США он исторически обусловлен: американское общество традиционно функционирует как «плавильный котел», объединяющий представителей разных культур со всего мира. Этническое разнообразие в этой стране не только естественно, но и служит дополнительным стимулом для привлечения новых мигрантов.

В российских реалиях, где уже существует исторически сложившееся многонациональное общество, подобный подход может быть потенциально конфликтным. Это связано с тем, что механическое копирование американской модели интеграции может привести к усилению существующих противоречий между различными этническими группами, а не к их гармоничному сосуществованию [Илимбетова, 2021].

В начале 1990-х годов, после распада Советского Союза, в российской научной среде начался принципиально новый этап в изучении миграционных процессов. Методология исследования адаптации и интеграции иностранных мигрантов стала формироваться как самостоятельное научное направление, требующее комплексного подхода и междисциплинарного взаимодействия. Сегодня данная сфера представляет собой обширное поле научных изысканий, объединяющее специалистов различных профилей. Междисциплинарный подход реализуется через сотрудничество ученых из множества областей (история, социальная география, экономика, демография, политология, социология, педагогика и психология). Такое многообразие научных подходов обеспечивает всестороннее исследование миграционных процессов, позволяя рассматривать их в различных контекстах и измерениях. Одной из первых основополагающих работ в этой области стало фундаментальное исследование Л. Л. Рыбаковского «Стадии миграционного процесса», в котором автор сформулировал ключевые теоретико-методологические положения изучения миграций в виде концепции трех стадий миграционного процесса: исходная стадия (потенциальная миграция), основная стадия (переселение), заключительная стадия (приживаемость в месте вселения) [Рыбаковский, 2025]. С. В. Рязанцев развил исследования в рамках концепции трехэтапной миграции, уделив особое внимание анализу понятий «интеграция» и «приживаемость». В процессе изучения миграционных процессов ученый применяет комплексный подход, включающий как классические социологические методы сбора данных (анкетирование, проведение интервью, анализ личных историй мигрантов), так и современные методы математического моделирования [Рязанцев, 2011].

В начале XXI века миграционная наука в России претерпела заметные трансформации, существенно расширив свои исследовательские горизонты. Научная парадигма сместилась от изучения традиционных этнических групп к анализу разнообразных категорий мигрантов, включая студенческую миграцию и урбанистические аспекты миграционных процессов в крупных агломерациях [Константинов, Осин, 2022; Мукомель и др., 2022; Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016]. Важным шагом в развитии миграционной теории стало появление термина «активная миграционная политика». Этот подход направлен на совершенствование процессов адаптации и интеграции мигрантов в новое общество [Мукомель и др., 2022]. Социологи И. М. Кузнецов [Кузнецов, 2008] и К. С. Мокин [Мокин, 2024] в своих работах выделяют три основных сценария адаптационного поведения мигрантов: интеграционный (–СК+ПК), анклавный (+СК–ПК) и адаптивный (+СК+ПК). Современные исследования акцентируют внимание на двустороннем характере интеграционного процесса, уделяя особое внимание готовности принимающего общества к интеграции. В этом контексте особую актуальность приобретают исследования феноменов мигрантофобии, ксенофобии и толерантности [Волох, 2018; Дробизева и др., 2003].

В современной российской науке изучение адаптации мигрантов развивается в нескольких взаимосвязанных направлениях:

- 1) мультикультурализм как западная модель интеграции [Григорьев, Батхина, Дубров, 2018];
- 2) интеркультурализм, фокусирующийся на взаимодействии культур и формировании гражданской ответственности [Паин, 2023];
- 3) культурный плюрализм, рассматривающий культурное разнообразие как процесс взаимодействия и трансформации [Малахов, 2002];
- 4) социально-психологический подход к изучению этнической толерантности [Лебедева, 2005].

Все эти направления не противоречат базовым моделям адаптации, а дополняют их, создавая более полную картину адаптационного процесса и обогащая теоретическую базу изучения адаптации мигрантов новыми исследовательскими перспективами.

Также появились работы, в которых делаются попытки моделирования процессов адаптации и интеграции мигрантов и разработки типологий адаптивно-интеграционного поведения мигрантов. Например, Т. Ф. Маслова выделяет четыре этапа вхождения мигрантов в региональные сообщества: предварительный, адаптационный, модификационный и результирующий [Маслова, 2009]. Ставропольские исследователи определили четыре типа адаптивного поведения мигрантов: «пассивный», «сдержанно-активный», «повышенной активности», «интерактивный независимый» [Щитова и др., 2003]. Также были обоснованы три основные модели адаптации: инертная (–СК+ПК), активная (+СК–ПК) и девиантная (–СК–ПК), каждая из которых имеет свои модификации [Щитова, Чихичин, 2016]. Особого внимания заслуживает диалоговая модель интеграции Т. Н. Юдиной, которая включает следующие стратегии:

- 1) включение (+СК+ПК) — формирование общей культуры через взаимное признание;
- 2) плюрализм (+СК+ПК) — создание мультикультурного пространства с сохранением разнообразия;
- 3) ассимиляция (–СК+ПК) — одностороннее принятие норм принимающего общества;
- 4) сегрегация (–СК+ПК) — принудительное разделение групп по этническому признаку;
- 5) принудительная ассимиляция (–СК+ПК) — насильственное отрицание культурных особенностей мигрантов [Юдина, 2006].

Важно отметить концептуальное единство процессов адаптации и интеграции мигрантов. Эти явления представляют собой взаимосвязанные аспекты единого процесса социокультурной трансформации. Данная позиция находит подтверждение в фундаментальных исследованиях Дж. Берри, рассматривающего адаптацию и интеграцию как взаимообусловленные компоненты единого механизма вхождения мигранта в новое социокультурное пространство [Berry, 1980]. По его мнению, адаптация представляет собой механизм, при котором человек, переезжая в другую страну, не только сохраняет свою культурную идентичность, но и успешно приспосабливается к новым культурным условиям. Интеграция — одна из возможных страте-

гий этого процесса. Она отличается от других вариантов (ассимиляции, сегрегации и маргинализации) тем, что позволяет мигранту сохранять черты своей культуры. Особенность интеграционного процесса заключается в том, что «родная» культура не исчезает, а продолжает развиваться в диалоге с другими культурными традициями, оставаясь при этом частью общего социального пространства [Эндрюшко, 2017].

В современной миграционной психологии выделяют несколько базовых стратегий адаптационного поведения, каждая из которых характеризуется особым типом взаимодействия с принимающим обществом. Рассмотрим их подробнее.

1) Стратегия «геттоизации» (пассивная автаркия) (+СК–ПК) проявляется в формировании замкнутого социокультурного пространства. Мигранты создают собственную микросреду, минимизируя контакты с представителями принимающего социума, что позволяет снизить культурный шок и сохранить привычную этнокультурную идентичность.

2) Стратегия «культурной колонизации» (агрессивная автаркия) (+СК–ПК) характеризуется активным навязыванием собственной культурной модели. Представители диаспоры демонстрируют ярко выраженный этноцентризм, стремятся трансформировать социальное пространство согласно своим культурным паттернам и ценностным установкам.

3) Ассимиляция (–СК+ПК) предполагает полную идентификацию с новой культурной средой. Мигранты осознанно отказываются от элементов собственной культуры в пользу ценностей и норм принимающего общества, что приводит к формированию новой социокультурной идентичности.

4) Интеграция (аккультурация) (+СК+ПК) представляет собой оптимальный вариант адаптационного процесса. Она базируется на принципах равноправного диалога культур, где мигранты сохраняют свою этнокультурную самобытность при одновременном освоении элементов новой социокультурной среды [Южанин, 2007].

По нашему мнению, модель адаптации и стратегия адаптации тесно связаны между собой, но имеют разные уровни применения. Модель адаптации представляет собой концептуальную схему, описывающую общий механизм приспособления индивида или группы к новым условиям. Это своего рода теоретическая конструкция, которая включает в себя основные элементы и принципы адаптационного процесса. Стратегия адаптации является практическим инструментом реализации модели. Она представляет собой конкретный план действий, набор методов и подходов, направленных на достижение успешной адаптации.

Особого внимания заслуживает системно-динамическая концепция социально-психологической адаптации, разработанная В. В. Константиновым [Константинов, 2018]. В рамках авторской теоретической концепции на основании критерия субъектности (активной/пассивной включенности в жизнь принимающего общества) в процессе адаптации выделены четыре поведенческие стратегии мигранта в принимающем обществе.

1) *S-активная адаптация* характерна для мигрантов, планирующих долгосрочное пребывание (+СК+ПК). Происходит трансформация внешних характеристик при сохранении базовой социокультурной идентичности.

2) *S-пассивная адаптация* (+СК+ПК) отличается минимальным изменением поведенческих паттернов и коммуникативных моделей.

3) *S-активный негативизм* к местному населению и культуре (+СК–ПК) выражается в категорическом отрицании чужой культуры при сохранении собственной идентичности.

4) *S-пассивная дезадаптация* характеризуется утратой как собственной, так и новой идентичности, что часто связано с дискриминационными практиками принимающего сообщества (–СК–ПК).

По нашему мнению, из разобранных моделей особого внимания заслуживают «сценарии» (Т. Горовиц), «стратегии поведения» (В. В. Константинов) и адаптационные «типы» (М. Кларк, Ш. Кауфман и Р. Пирс) как расширенные конструкты адаптационных моделей мигрантов в инокультурной среде, обращающиеся к углубленному анализу как внешних, так и внутренних факторов, влияющих на этот процесс и признающих наличие разных уровней, состояний, реакций на сосуществование в условиях би- или мультикультурализма.

Суммируя, можно сказать, что адаптационные стратегии, модели и сценарии образуют единую систему, где стратегии определяют общий вектор поведения, модели задают теоретическую основу процесса, а сценарии демонстрируют практическое воплощение адаптационного процесса в конкретных социокультурных условиях.

Заключение

Эмпирические исследования адаптационных моделей начались в 1918 г. с изучения В. Томасом и Ф. Знанецким польских мигрантов в США и не теряют своей актуальности до сих пор. С тех пор так или иначе большинство исследователей отличает «идеальный конструкт» адаптационных моделей, состоящий из четырех моделей адаптации иммигрантов к принимающему обществу:

1) ассимиляция (–СК+ПК) — полное принятие условий общества страны миграции, его норм, ценностей и культуры, и отказ от собственных;

2) сепарация (+СК–ПК) — полный отказ принять требования, нормы, ценности и культуру нового общества, полное сохранение собственных ценностных предпочтений и культурно-бытовых практик;

3) интеграция (би- и мультикультурализм) (+СК +ПК) — частичное принятие нового общества, выражающееся в согласии интериоризировать его обязательные нормы, законы, ценности, но при этом сохранить свою собственную культуру;

4) маргинализация (–СК–ПК) — отказ от собственных норм, ценностей и культуры, и неприятие новых, общепринятых в новом обществе.

Исключением являются ученые, предлагающие расширенное количество и интерпретацию адаптационных моделей. В частности, М. Кларк, Ш. Кауфман, Р. Пирс, Ф. В. Рудмин, Т. Горовиц, В. В. Константинов обращают особое внимание как на внутренние, так и на внешние факторы, влияющие на процесс адаптации, предлагая выйти за пределы идеального конструкта четырех классических моделей адаптации и уделить больше внимания бикультурным вариациям. К сожалению, значительная часть рассмотренных исследований, позиционируемых как оригинальные разработки в данной области, представляет собой модификацию существующих концепций при отсутствии соответствующих ссылок на предшествующие научные труды.

В целом в данном обзоре обозначены несколько актуальных и новых аспектов изучения темы.

1. Проведен комплексный анализ более ста адаптационных моделей, разработанных с начала XX века, при этом методологической основой систематизации выступила категориальная матрица Ф. В. Рудмина, позволяющая структурировать многообразие подходов через призму отношения к собственной и принимающей культуре.

2. Выявлено, что современные исследователи в области адаптации мигрантов недостаточно учитывают теоретическое наследие предшественников, что подтверждается фактом использования не более 5 % существующих концепций при разработке новых моделей.

3. Обоснована необходимость создания единой теоретической базы адаптационных моделей на основе системного анализа существующего опыта, что отличает данное исследование от работ зарубежных авторов, фокусирующихся преимущественно на отдельных аспектах адаптации.

4. Предложен новый подход к пониманию взаимосвязи между различными адаптационными стратегиями, моделями и сценариями, заключающийся в том, что стратегии выступают как базовый уровень выбора поведения, модели определяют теоретическую основу адаптации, а сценарии показывают их практическое воплощение в конкретных условиях. Эта взаимосвязь отражена в системном анализе адаптационного процесса, где все компоненты находятся в динамическом взаимодействии.

Таким образом, экспертиза литературы позволяет создать целостную теоретическую базу, объединяющую разрозненные концепции адаптации мигрантов и предлагающую новый взгляд на их развитие и взаимодополняемость.

Академическое сообщество, вероятно, продолжит разрабатывать новые концепции адаптационных моделей, откликаясь на новые сочетания двух или более культур, возникающих в изменчивых социально-политических и экономических условиях. При этом тщательный анализ теоретического наследия в данной области должен помочь сделать новые теоретические построения более точными, убедительными и работоспособными. Дальнейшие исследования должны быть направлены на создание более совершенных теоретических концепций, учитывающих как накопленный опыт, так и современные тенденции развития миграционных процессов.

Список литературы (References)

1. Волох В. А. Факторы мигрантофобии в контексте национальной политики // Либерально-демократические ценности. 2018. № 3—4. <https://liberal-journal.ru/PDF/02PLLD318.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).
Volokh V. A. (2018) Factors of Migrant Phobia in the Context of National Policy. *Journal of Liberal Democratic Values*. No. 3—4. URL: <https://liberal-journal.ru/PDF/02PLLD318.pdf> (accessed: 10.05.2025). (In Russ.)
2. Галяпина В. Н., Тучина О. Р., Аполлонов И. А. Взаимная аккультурация русских и армян в Краснодарском крае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 2. С. 197—210. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210>

- Galyapina V. N., Tuchina O. R., Apollonov I. A. (2023) Mutual Acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar Territory. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. Vol. 20. No. 2. P. 197—210. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210>. (In Russ.)
3. Григорьев, Д. С., Баткина, А. А., Дубров, Д. И. Ассимиляционизм, мультикультурализм, этнический дальтонизм и поликультурализм в российском контексте. Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 53—65. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140206>.
Grigoriev D. S., Batkhina A. A., Dubrov D. I. (2018) Assimilationism, Multiculturalism, Ethnic Color Blindness and Polyculturalism in the Russian Context. *Cultural-Historical Psychology*. Vol. 14. No. 2. P. 53—65. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140206>. (In Russ.)
 4. Григорьев Д. С., Галлямова А. А., Комягинская Е. Ш. Как стать россиянином? Содержание национальной идентичности, определяющее социальные маркеры принятия иммигрантов в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 4. С. 675—696. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-4-675-696>.
Grigoryev D. S., Gallyamova A. A., Komyaginskaya E. S. (2023) Becoming a Member of the Russian Nation: The Content of National Identity Underlying the Social Markers of Acceptance for Immigrants in Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. Vol. 20. No. 4. P. 675—696. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-4-675-696>. (In Russ.)
 5. Дробижева Л. М., Даен Д. В., Кузнецов И. М., Куропятник А. И., Михайлова О. М., Пешкова В. М., Рыжова С. В., Степанова Е. А., Хомяков М. Б. Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003.
Drobizheva L. M., Daen D. V., Kuznetsov I. M., Kuropyatnik A. I., Mikhailova O. M., Peshkova V. M., Ryzhova S. V., Stepanova E. A., Khomyakov M. B. (2003) Sociology of Interethnic Tolerance. Moscow: Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
 6. Илимбетова А. А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 144—155. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_144_155.
Ilimbetova A. A. (2021) Adaptation and Integration of Migrants: Conditions, Goals, Approaches. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. No. 2. P. 144—155. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_144_155. (In Russ.)
 7. Кононов Л. А., Леденева В. Ю. Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 4. С. 103—112. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112>.
Kononov L., Ledeneva V. (2021) Adaptation and Integration of International Migrants: Theoretical and Methodological Problems. *World Economy and International*

- Relations*. Vol. 65. No. 4. P. 103—112. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112>. (In Russ.)
8. Константинов В. В., Осин Р. В., Бабаева М. В., Климова Е. А., Бедрина Е. Б., Кирдяшова Е. В. В чужой стране: социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России / под науч. ред. В. В. Константинова. М.: Перо, 2022. Konstantinov V. V., Osin R. V., Babaeva M. V., Klimova E. A., Bedrina E. B., Kirdyashova E. V. (2022) In a Foreign Country: Socio-Psychological Adaptation of Labor Migrants in Russia. Moscow: Pero. (In Russ.)
 9. Константинов В. В. Социально-психологическая адаптация мигрантов в принимающем поликультурном обществе: дисс. ... д-ра. псих. наук. Саратов, 2018. Konstantinov V. V. (2018) Socio-Psychological Adaptation of Migrants in a Host Multicultural Society: Dissertation. ... Dr. Psych. Sci. Saratov. (In Russ.)
 10. Константинов В. В., Осин Р. В. Иностранные студенты российских вузов в условиях пандемии COVID-19: социальная тревога и психоэмоциональное состояние // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 265—280. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2269>. Konstantinov V. V., Osin R. V. (2022) International Students of Russian Universities in the Context of the COVID-19 Pandemic: Social Anxiety and Psychoemotional State. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 265—280. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2269>. (In Russ.)
 11. Кузнецов И. М. Мигранты в мегаполисе и провинции: вариативность реализации интеграционного потенциала // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН. 2008. С. 273—288. Kuznetsov I. M. (2008) Migrants in the Metropolis and the Province: Variability in the Implementation of Integration Potential. In: Gorshkov M. K. (ed.) *Russia under Reform. Yearbook*. Issue 7. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. P. 273—288. (In Russ.)
 12. Лебедева Н. М. Модернизация общества и этническая толерантность // Толерантность в межкультурном диалоге / под ред. Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии РАН. 2005. С. 197—216. Lebedeva N. M. (2005) Modernization of Society and Ethnic Tolerance. In: Lebedeva N. M., Tatarko A. N. (eds.) *Tolerance in Intercultural Dialogue*. Moscow: Publishing House of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. P. 197—216.
 13. Малахов В. С. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии; Институт философии РАН, 2002. С. 48—60. Malakhov V. S. (2002) Why does Russia Need Multiculturalism? In: Malakhov V. S., Tishkov V. A. (eds.) *Multiculturalism and the Transformation of Post-Soviet Societies*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology; Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. P. 48—60. (In Russ.)

14. Маслова Т. Ф. Социокультурная интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество на рубеже XX—XXI веков (на примере Ставропольского края): дисс. ... док. социол. наук. Ставрополь, 2009.
Maslova T. F. (2009) Sociocultural Integration of Forced Migrants into the Local Community at the Turn of the 20th—21st Centuries (on the Example of Stavropol Krai). PhD Dissertation in Sociology. Stavropol.
15. Мокин К. С. Эволюция исследований миграции: от СССР к современной России // Социологические исследования. 2024. № 8. С. 49—60.
Mokin K. S. (2024) Evolution of Migration Studies: from the USSR to Modern Russia. *Sociological Studies*. No. 8. P. 49—60.
16. Мукомель В. И., Григорьева К. С., Монусова Г. А., Смидович Г. С., Толмачева А. Ю., Чудиновских О. С., Эндрюшко А. А. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022>.
Mukomel V. I., Grigorieva K. S., Monusova G. A., Smidovich G. S., Tolmacheva A. Yu., Chudinovskikh O. S., Andrewshko A. A. (2022) Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicator. Moscow: FNISCRAS. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022>. (In Russ.)
17. Паин Э. А. Этничность, нация и политика: критические очерки по этнополитологии. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
Pain E. A. (2023) Ethnicity, Nation and Politics: Critical Essays on Ethnopolitical Science. Moscow: New Literary Observer.
18. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. М.: Юрайт, 2025.
Rybakovskiy L. L. (2025) Population Migration. Moscow: Yurait. (In Russ.)
19. Рязанцев С. В. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию: экономико-социологическое исследование / С. В. Рязанцев, Н. Хорие; Ин-т социально-политических исследований РАН, Центр социальной демографии и экономической социологии. М.: Научный мир, 2011.
Ryazantsev S. V., Horie Norio (eds.) (2011) Modeling Labor Migration Flows from Central Asian Countries to Russia: An Economic and Sociological Study. Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences, Center for Social Demography and Economic Sociology. Moscow: Nauchnyi Mir. (In Russ.)
20. Хожиев Ж. Ж., Галяпина В. Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации и адаптация трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана в России // Психологические исследования. 2023. Т. 16. № 90. С. 4. <https://doi.org/10.54359/ps.v16i90.1436>.
Khojiev J. J., Galyapina V. N. (2023) Perceived Security, Acculturation Strategies and Adaptation of Labor Migrants from Uzbekistan and Tajikistan in Russia. *Psychological Research*. Vol. 16. No. 90. P. 4. <https://doi.org/10.54359/ps.v16i90.1436>. (In Russ.)

21. Щитова Н. А., Белозеров В. С., Турун П. П., Эшроков В. М. Этнические особенности миграционного поведения и адаптации населения в Ставропольском крае // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2003. № 4. С. 52—57.
Shchitova N. A., Belozеров V. S., Turun P. P., Eshrokov V. M. (2003) Ethnic Features of Migration Behavior and Adaptation of the Population in the Stavropol Territory. *Bulletin of Moscow University. Ser. 5. Geography*. No. 4. P. 52—57. (In Russ.)
22. Щитова Н. А., Чихичин В. В. Теоретико-методологические аспекты географического исследования процессов адаптации и интеграции иностранных мигрантов // Наука. Инновации. Технологии. Ставрополь, 2016. № 4. С. 232—234.
Shchitova N. A., Chikhichin V. V. (2016) Theoretical and Methodological Aspects of Geographical Research of the Processes of Adaptation and Integration of Foreign Migrants. *Science. Innovations. Technologies*. Stavropol. No. 4. P. 232—234.
23. Эндрюшко А. А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 4. С. 45—70. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.480>.
Endryushko A. A. (2017) Theoretical Approaches Towards Examining the Adaptation of Migrants to the Host Society: Foreign Practices. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 8. No. 4. P. 45—70. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.480>. (In Russ.)
24. Юдина Т. Н. Социология миграции. М.: Академический проект. 2006.
Yudina T. N. (2006) *Sociology of Migration*. Moscow: Academic Project. (In Russ.)
25. Южанин М. А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 70—77.
Yuzhanin M. A. (2007) On Socio-Cultural Adaptation in an Alien Environment: Conceptual Approaches to Analysis. *Sociological Studies*. No. 5. P. 70—77. (In Russ.)
26. Abu-Rayya H. M., Berry J. W., Lepshokova Z., Alnunu M. and Grigoryev D. (2023) Basic Values as a Motivational Framework Relating Individual Values with Acculturation Strategies among Arab Immigrants and Refugees across Different Settlement Contexts. *Frontiers in Psychology*. Vol. 14. Art. 1094193. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1094193>.
27. Berry J. W. (1980). Acculturation as Varieties of Adaptation. Boulder: Westview. P. 9—25.
28. Berry J. W. (2005). Acculturation: Living Successfully in Two Cultures International. *Journal of Intercultural Relations*. Vol. 29. No. 6. P. 697—712. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.013>.
29. Berry J. W. (2022). Family and Youth Development: Some Concepts and Findings Linked to The Ecocultural and Acculturation Models. *Societies*. Vol. 12. No. 6. Art. 181. <https://doi.org/10.3390/soc12060181>.
30. Clark M., Kaufman S., Pierce R. C. (1976) Explorations of Acculturation: Toward a Model of Ethnic Identity. *Human Organization*. No. 35. P. 231—238.

31. Gilan D., Werner A. M., Hahad O. Lieb K., Frankenberg E. and Bongard S. (2022) Acculturation and Anger Expression Among Iranian Migrants in Germany. *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Art. 715152. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.715152>.
32. Graves T. D. (1967) Psychological Acculturation in a Tri-Ethnic Community. *South-western Journal of Anthropology*. No. 23. P. 337—350.
33. Gullahorn J. E., Gullahorn J. T. (1963) An Extension of the U-Curve Hypothesis. *Journal of Social Issues*. V. 19. No. 3. P. 33—47.
34. Horowitz T. (2005) The Integration of Immigrants from the Former Soviet Union. *Israel Affairs*. Vol. 11. No. 1. P. 117—136.
35. Lebedeva N., Tatarko A., Berry J. W. (2016) Intercultural Relations among Migrants from Caucasus and Russians in Moscow. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 52. P. 27—38. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2016.03.001>.
36. Park R. E. (1928) Human Migrations and the Marginal Man. *American Journal of Sociology*. No. 33. P. 881—893.
37. Redfield R., Linton R., Herskovits M. (1936) Memorandum on the Study of Acculturation. *American Anthropologist*. No. 38. P. 149—152.
38. Recker C., Milfont T. L. Ward C. (2018). A Dual-Process Motivational Model of Acculturation Behaviors and Adaptation Outcomes. *Universitas Psychologica*. Vol. 16, P. 1—15. <https://doi.org/10.11144/Javeriana.upsy16-5.dmma>.
39. Rudiger A., Spenser S. (2003) Social Integration of Migrants and Ethnic Minorities: Policies to Combat Discrimination. *The Economic and Social Aspects of Migration: Conference Jointly organized by The European Commission and the OECD*. URL: https://www.researchgate.net/publication/260781134_Social_Integration_of_Migrants_and_Ethnic_Minorities_Policies_to_Combat_Discrimination (accessed: 10.05.2025).
40. Rudmin F. W. (2003) Critical History of the Acculturation. Psychology of Assimilation, Separation, Integration, and Marginalization. *Review of General Psychology*. Vol. 7. No. 1. P. 3—37.
41. Rudmin F. W. (2009) Catalogue of Acculturation Constructs: Descriptions of 126 Taxonomies, 1918—2003. *Online Readings in Psychology and Culture*. <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1074>.
42. Thomas W. I., Znaniecki F. (1958) «Introduction», in Part IV: Life Record of an Immigrant of the Polish Peasant in Europe and America. *New York: Dover Publications*. URL: https://brocku.ca/MeadProject/Thomas/Thomas_1918/Thomas_1918d.html (accessed: 10.05.2025).
43. Ward C., Geeraert N. (2016) Advancing Acculturation Theory and Research: The Acculturation Process in its Ecological Context. *Current Opinion in Psychology*. No. 8. P. 98—104. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.09.021>.

Приложение

Обобщенная таблица моделей адаптации с 1918 по 2018 год
(Рудмин Ф. В., Константинов В. В., Осин Р. В.)

Год, автор	–СК +ПК	+СК –ПК	+СК +ПК	–СК –ПК
1	2	3	4	5
Адаптационная модель				
1918, Томас, Знанецкий	Богемная реакция	Мещанская реакция	Творческая реакция	—
1920, Росс	Аккомодационная	Толерантно	Компромиссная	—
1920, Берксон	Американизационная	Федерация национальностей	Плавильный котел культур	—
1923, Бартлет	Замещение	Частичное замещение	Смешивание	—
1924, Миллер	Плавильный котел	Сегрегация	Опосредованность	—
1932, Турнвальд	Реинтеграция	Симбиоз	Гибридность	Переходный период
1928, Парк	Имитация, интеграция	Сепарация	Культурная гибридность	Переходное состояние
1934, Гоффман	Неприятие иностранного языка	Только иностранный язык	Пропорциональный билингвизм	—
1934, Браун	—	Изоляция	Субординация	Ассимиляционный синтез
1936, Редфилд, Линтон, Херсковиц	Принятие	Реакция	Адаптация	—
1939, Чилд	Повстанческая реакция	Интергрупповая реакция	Двойная реакция	Апатическая реакция
1940, Сроул				
1940, Слоткин	Повстанческая, маргинально	—	Смешанная, авантюрная, независимая, аккультурированная	Неорганизованная, эмансипированная
1943, Девро, Лозб	—	Защитная изоляция	Принятие новых ценностей	Диссоциативная негативная аккультурация
1945, Сентер	Принимать	Удерживать	—	Развивать
1945, Ветр	Ассимиляция	Воинственность, обособление	Плюрализм	—
1947, Компози	Успешно	Минимальная	Дилетантская	—
1948, Левин	Отрицательный шовинизм	Шовинизм	Двойная толерантность	Маргинальность
1949, Ихайзер	Имитирование	Отклонение	Псевдорешение	Возражение
1949, Гордон	Маргинальность	Сохранение	Утверждение	—
1949, Богардус	Навязчивость	—	Слепая, демократическая	—
1951, Воже	Маргиналы	Местные	Видоизмененные	—

Год, автор	–СК +ПК	+СК –ПК	+СК +ПК	–СК –ПК
1	2	3	4	5
1951, Берри	Ассимиляция, Аннигиляция; изгнание	Сегрегация	Плюрализм, стратификация	Объединение
1952, Шпиндлер, Голдсмит	Окультуренные	Местные	Переходные	Култ Пейота
1952, Зайонц	Подчинение	Агрессия	Фрустрация	—
1952, Итон	Ассимиляция	Контролируемая аккультурация	—	Маргинальность
1952, Айзенштадт	Неуверенный переход	Традиционность	Уверенный переход	Выживание
1952, Айзенштадт	Самоизменяющаяся сплоченная этническая группа	Изолированные стабильные и активные семьи	Сплоченная этническая группа	Изолированная апатичная семья
1952, Ли	Окультуренное лицо	Сегрегированное лицо	Маргинальное лицо	—
1952, Биллс	Принятие	Реакция	Синкретизм	Переформулирование
1953, Вилли	Колония	Беженцы	Смешивание	—
1953, Тафт	Монизм	Плюрализм	Интеракционизм	—
1953, Симпсон, Йингер	Ассимиляционист	Сетесионист, воинственный	Плюралист	Амбивалентный
1954, Барнетт, Брум, Сигель, Вогт, Уотсон	Прогрессивное приспособление	Реактивная адаптация	Стабилизированный плюрализм	Культурная дезинтеграция
1955, Спиро	Ассимиляция	Солидарность	Облагораживание	Декультурация
1955, Антоновский	Активная общая направленность	Активная/пассивная ориентация на иудаизм	Дуальная ориентация	Амбивалентная, пассивная общая направленность
1956, Зубрижски	Ассимиляция	—	Аккомодация	Конфликт
1956, Коэн	Ассимиляция	Выживание	—	Равнодушие
1957, Ричардсон	Идентификация	Изоляция	Аккомодация	—
1957, Доренвенд, Смит	Переориентация	Повторное подтверждение, нативизм	Частичная переориентация	Отчуждение, восстановление
1957, Горобин	Ассимилированные	Оглядываются в прошлое	Английский	Без корней
1957, Тафт	Ассимиляция	—	Аккомодация	Маргинальность
1958, Глэйзер	Ассимилированные	Сегрегированный	Маргинальные	Десегрегированные
1958, Беннет, Пассин, МакНайт	Идеалист	Констриктор	—	Регулятор
1958, Томас	Индейцы среднего класса	Консервативные индейцы	Генерализованные индейцы	Сельские белые индейцы
1959, Борри	Ассимиляция	Изоляция	Интеграция	—

Год, автор	–СК +ПК	+СК –ПК	+СК +ПК	–СК –ПК
1	2	3	4	5
1960, Ротман	Недооцениваю- щая	Переоцениваю- щая	Умеренная	Маргинальная
1960, Озубел	Ассимилятивная	Рецессивная	Адаптационная	Дезинтеграция
1961, Херман	Подчинение	Отступление и отлучение	Приспособление и интеграция	Колебания и разочарование
1961, Воллас	Ассимиляция	Нативизм, национализм	Активизация	Недвижимость
1962, Байлин, Кельман	Идентификация	Сопротивление	Согласование	Интернализация
1962, Рой	Амальгамация, объединение, слияние	Социальная сегрегация	Социальная интеграция	—
1963, Джонсон	Субъективная ассимиляция	—	Наружная ассимиляция	—
1963, Нэш, Шоу	—	Традиционная	Переходная	Автономная
1963, Глэйзер, Мойнихан	Ассимиляция правильного котла	Культурный плюрализм	Группы этнических интересов	—
1963, Вандер, Занден	Ассимиляция	Агрессия, чувствительность, рост эго	Аккомодация	Ненависть к себе, отчуждение от реальности
1964, Линтон	Социокультурное слияние	Нативистические движения	Управляемые культурные изменения	—
1964, Гордон	Ассимиляция	Структурный плюрализм	Культурный плюрализм	Маргинальность
1965, Форг	Достигнутая ассимиляция	Достигнутая сепарация	Колониальный бикультурализм	Полукультурная- маргинальность
1966, Кессинг	Ассимиляция	Сопротивление аккультурации	Традиционное общество, симбиотическое	Культурное слияние
1967, Лондон	Ассимиляция	Плюрализм	Интеграция	—
1967, Нэш	—	Неадаптирован- ность	Сближение	Богемность
1967, Ламберт	Отклонение	Идентификация	Неэтноцентрич- ность	Амбивалентность
1968, Маден, Мейер	Облагораживание	Наветизм	Стабилизирован- ная аккультурация	Маргинальность
1969, Комо	Ведущая аккультурация	Возможная аккультурация	Минимальная аккультурация	Вероятная аккультурация
1969, Рабушка	Межэтнический брак	Этноцентризм	Интеграция	—
1969, Барт	Ассимиляция	Эволюция	—	Меньшинство низкого ранга
1970, Сарук, Гулустан	Ориентирован- ность на большин- ство	Ориентирован- ность на мень- шинство	Ориентирован- ность на бикульту- рализм	Апатичная ориен- тированность
1970, Риз	Ассимиляция	Аккомодация	Интеграция	—

Год, автор	–СК +ПК	+СК –ПК	+СК +ПК	–СК –ПК
1	2	3	4	5
1970, Борн	Инновация	Ретреатизм, возражение	Примирение	Абстрагирование
1970, Соммерлэд, Берри	Ассимиляция	—	Интеграция	Маргинальность
1970, Берри	Ассимиляция	Возражение	Интеграция	Маргинальность
1971, Сю, Сю	—	Традиционализм	Азиат-американец	Маргинал
1972, Гаардер	Высокий статус единоречия	Низкий статус единоречия	Координированный билингвизм	Двойной полулингвизм
1972, Берри, Эванс, Ролинсон	Ассимиляция	Возражение, сегрегация	Интеграция, колониализм	Декультурация
1973, Зак	Отрицательно-положительная реакция	Положительно-отрицательная реакция	Положительно-положительная реакция	Отрицательно-отрицательная реакция
1974, Хант, Уокер	Культурная ассимиляция	Культурный плюрализм	Структурная ассимиляция	Интеграция
1974, Петтигрю	—	Гетто «Черной власти»	Интеграция, десегрегация	Типичное городское гетто
1974, Берри	Плавильный котел	Отрицание, избирательная сегрегация	Интеграция, родительская интеграция	Маргинальность, декультурация
1975, Вудс	Модифицированные	Традиционные	Латинизированный	Ладино
1976, Берри	Ассимиляция	Отрицание	Интеграция	Декультурация
1976, Шуманн	Ассимиляция	Консервация, сохранение	Аккультурация	—
1976, Кларк, Кауфман, Пьерс	Высокая самоидентификация с контактирующей культурой	Стремящиеся вернуться к истокам собственной культуры	Бикультурные	Изолированные
1976, Дридгер	Большинство ассимилированных	Этнически идентифицированы	—	Культурно маргинальные
1976, Вагнер	—	Традиционные	Транзитные, американский средний класс	—
1977, Берри, Каллин, Тейлор	Ассимиляция	Возражение	Интеграция, теория мультикультурализма	Декультурация
1977, Спидлер	Подражание	Сохранение границ	Бикультурализм, синтез, управляемые идентичности	—
1978, Кларк, Кауфман, Пирс	—	Тип 5	Типы 2, 3, 4, 6	Тип 1

Год, автор	–СК +ПК	+СК –ПК	+СК +ПК	–СК –ПК
1	2	3	4	5
1979, Камиллери	—	Сознательная поддержка традиционных ценностей и культуры	Стремление к синтезу культур, в частности тех аспектов принимающей культуры, которые воспринимают социальное и экономическое развитие	Отрицание новых ценностей и утрата своей традиционной культуры
1979, Коэн-Эмерик	Модерн	Традиционные	—	Неопределенные
1980, Канг	Ассимиляция	Традиционализм	Билькультурность	Маргинальность
1980, Фишмен	Моногlossия и монолингвизм	Диглоссия и монолингвизм	Диглоссия и билингвизм	Моногlossия и билингвизм
1980, Шапочник, Куртинец, Фернандес	Причастны к единой культуры	Причастны к единой культуры	Причастны к двум культурам	Не причастны ни к одной культуре
1980, Берри	Ассимиляция, плавильный котел	Возражение, сегрегация	Интеграция, мультикультурализм, плюрализм	Декультурация, маргинальность, этноцид
1980, Падилла	Англицизм	Некультурность	Умеренность	—
1980, Абрамсон	Трансформация	Традиционализм	Изгнание	Недоступность
1981, Тафт	Маргинальность через ассимиляцию	Маргинальность через множественную сегрегацию	Маргинальность через посредничество или множественная интеграция	Изоляция
1981, Троспер	Перенос	Автономность	Контакт	Отчуждение
1981, Бантон	Конформизм	Колониальность	Переходная реакция	Изоляция
1982, Бошнер	Ассимиляция	Сегрегация	Интеграция	—
1982, Шмитер	Ассимиляция, истребление	Сегрегация	Плюрализм	Маргинальность
1983, Берри	Ассимиляция	Возражение, сопротивление	Интеграция	Декультурация, маргинальность
1984, Берри, Ким, Янг, Буджаки	Ассимиляция	Сегрегация	Интеграция	Маргинальность
1986, Шуманн	Ассимиляция	Консервация	Адаптация	—
1986, Триадис, Кашима, Шимада, Вилареал	Аккомодация	Этническая привязанность	—	—
1987, Нелд	Ассимиляция	Сопротивление	Интеграция	—
1988, Могоддам	Нормативная ассимиляция	Ненормативное сохранение культурного наследия	Нормативное сохранение культурного наследия	Ненормативная ассимиляция

Год, автор	–СК +ПК	+СК –ПК	+СК +ПК	–СК –ПК
1	2	3	4	5
1988, Содомский, Карри	Очень американская, преимущественно американская	Провинциальная, Азиатско-Индийская	Бикультуральная	—
1991, Домашний	Ассимилятивная	Диссоциативная	Акультурационная	Маргинальная
1992, Мертон	Конформность, инновация	Ритуализм, ретритизм (эскейпизм)	—	Бунт
1993, ЛеФрамбуаз, Колеман, Гертон	Ассимиляция	—	Чередование, слияние, мультикультурализм, аккультурация	—
1993, Саег, Ларси	Ассимиляция	Этноцентризм	Интеграция	Маргинализация
1994, Донченко	Идентификация	Индивидуализация, маргинализация	Инвестиция	Девиация
1995, Кольман	Акультурация, монокультурализм	Сепарация	Интеграция, чередование	Слияние
1995, ДеВос	Функциональная, переходная адаптация	Семейно-культурная адаптация	Трудовая адаптация, аккомодация	Идеология, отчуждение
1997, Бурис, Моис, Перо, Сенекаль	Ассимиляция	Сохранение этничности, сепаратизм	Плюрализм, интеграция	Гражданская позиция, анония, индивидуализм, эксклюзив
1999, Ямада, Зингелис	Западная	Традиционная	Бикультурно	Культурно-отчужденная
2000, Фаист	Ассимиляция	—	Этнический плюрализм, пересечение границ	—
2001, Рудмин, Амаджадех	Ассимиляция	Сепарация	Интеграция	Мультикультурализм
2001, Берри	Ассимиляция	Сепарация, сегрегация	Интеграция, мультикультурализм	Эксклюзив
2001, Монтрей, Бурис	Ассимиляционисты	Сегрегационисты	Интеграционалисты	Индивидуалисты, эксклюзивисты
2001, Уденховен, Ван Дер Зее, Ван Коотен	Экспатрианты-сторонники местной компании	Экспатрианты — сторонники материнской компании	Двойное гражданство	Свободные агенты
2001, Брубакер	Право быть другим	Политика в пользу иностранцев	Дифференциализм	Право на безразличие
2002, Унгер, Галлахер, Шакиб	Ориентация на принимающую страну	Ориентация на другие страны	Ориентация на обе страны	Отсутствие ориентации на одну из стран

Год, автор	–СК +ПК	+СК –ПК	+СК +ПК	–СК –ПК
1	2	3	4	5
2003, Рудигер, Спенсер	Ассимиляция	—	Включение, мультикультурализм, слияние, равенство	—
2005, Горовиц	Гибридное состояние, ассимиляция	Гибридное состояние, сепарация	Гибридное состояние, интеграция, интернационализация	Гибридное состояние
2006, Юдина	Ассимиляция, принудительная ассимиляция, сегрегация	—	Включение, плюрализм	—
2007, Мокин	Интеграционный	Анклавный	Адаптивный	—
2007, Южанин	Ассимиляция	Культурная колонизация, геттоизация	Интеграция (аккультурация)	—
2016, Щитова, Чихичин	Инертная	Активная	—	Девиянтная
2018, Константинов	—	S-активный негативизм к местному населению и культуре	S-активная адаптация, S-пассивная адаптация	S-пассивная дезадаптация

